

ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ БЛОКА НА КНИГАХ И ФОТОГРАФИЯХ

С. М. Алявскому, Л. Н. Андрееву, Е. В. Аничкову, В. Е. Аренс, А. А. Ахматовой, Н. С. Ашукину, М. В. Бабенчикову, К. Д. Бальмонту, Е. П. Безобразовой, М. А. Бекетовой, И. А. Белоусову, А. Белому, М. И. Бенкендорф, Т. И. Березному, М. А. Бихтеру, А. Л. Блоку, Л. Д. Блок, И. Н. Бороздину, А. М. Бродскому, В. Я. Брюсову, С. А. Венгеру, З. А. Венгеровой, В. П. Веригиной, Ю. Н. Верховскому, Н. Н. Волоховой, М. А. Волошину, Н. П. Ге, О. В. Гзовской, А. В. Гиппиусу, Вас. В. Гиппиусу, З. Н. Гиппиус, М. Ф. Гнесину, Э. Ф. Голлербаху, А. Г. Горнфельду, А. А. Городецкой, С. М. Городецкому, А. М. Горькому, З. И. Гржебину, А. И. Гришину, Н. С. Гумилеву, Л. Я. Гуревич, Б. П. Гушину, И. фон Гюнтеру, З. С. Давыдову, Л. А. Дельмас, Н. В. Дризену, О. И. Дымову, А. И. Егорову, С. А. Есенину, В. В. Есипову, Б. К. Зайцеву, Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, В. А. Зоргенфрею, А. П. Иванову, Вяч. И. Иванову, Е. П. Иванову, Л. Р. Иванову, Р. В. Иванову-Разумнику, М. П. Ивановой, Л. С. Ильяшенко, С. П. Каблукову, Л. И. Катонину, В. И. Качалову, Н. П. Киселеву, Н. А. Ключеву, Е. Ф. Книпович, О. Л. Книппер-Чеховой, В. Н. Княжнину, А. М. Кожебаткину, С. И. Колпаковой, Н. И. Комаровской, В. Ф. Коммиссаржевской, Ф. Ф. Коммиссаржевскому, А. А. Кондратьеву, С. Ю. Копельману, А. А. Кублицкой-Пиоттух, С. А. Кублицкой-Пиоттух, Ф. Ф. Кублицкому-Пиоттух, М. А. Кузмину, Д. В. Кузьмину-Караваеву, Н. Н. Куприянову, А. А. Курсинскому, Б. М. Кустодиеву, К. С. Лабутину, С. К. Лабутину, А. Н. Лаврентьеву, А. Г. Ларош, Н. О. Лернеру, А. Е. Лозинской, В. В. Максимова, В. В. Маяковскому, Э. К. Метнеру, В. Д. Миллиоти, Н. Ф. Монахову, П. О. Морозову, Н. К. Муравьеву, Н. А. Нолле, С. Ф. Ольденбургу, Н. А. Павлович, С. В. Панченко, П. П. Перцову, П. М. Пильскому, П. П. Потемкину, В. А. Пясту, Н. Э. Радлову, А. М. Ремизову, В. А. Рождественскому, И. Н. Розанову, Е. О. Романовскому, А. В. Руманову, И. А. Рязановскому, А. А. Сабурову, Н. Д. Санжарь, Ж. А. Свириденко, Л. Д. Семенову, В. Н. Соловьеву, С. М. Соловьеву, П. С. Соловьевой, Ф. К. Сологубу, К. А. Сомову, К. С. Станиславскому, В. Я. Степанову, П. С. Сухотину, К. А. Сюннербергу, А. Я. Таирову, М. И. Терещенко, А. И. Тишякову, Е. А. Тишиной, А. Н. Толстому, Л. А. Трейдену, В. А. Фейдер, Ф. Ф. Фидлеру, Д. В. Философову, Ал. Н. Чеботаревской, Ан. Н. Чеботаревской, К. И. Чуковскому, Г. И. Чулкову, Ю. А. Шапорину, С. Я. Штрайху, П. Е. Щеголеву

Материалы собраны Н. П. Ильиным и А. Е. Парнисом

Вступительная статья и публикация В. Я. Мордерер и А. Е. Парниса

Комментарии Ю. М. Гельперина, В. Я. Мордерер, А. Е. Парниса.

Р. Д. Тименчика

Дарственная надпись на книге, или инскрипт, — жанр древний, он родился вместе с рукописной книгой¹. Далеко не всегда инскрипт непосредственно связан с текстом того произведения, на котором он зафиксирован. Однако в некоторых случаях он вступает в прямую взаимосвязь с произведением, возникает так или иначе взаимодействие двух авторских текстов — рукописного и печатного, надписи и книги. Иногда между ними существует лишь косвенная или скрытая, завуалированная связь, но прежде всего надпись отражает конкретные отношения дарителя и адресата.

Тиражированная книга обращена к широкому читателю — каждый ее экземпляр с надписью как бы «вторично авторизуется» и почти всегда получает точный и с точки

зрения автора глубоко осмысленный адрес. Оттенок «вторичной авторизации» находит свое выражение именно в *рукописности* инскрипта и поэтому книга с дарственной надписью приобретает уникальность, и в нашем сознании она как бы отождествляется с авторской рукописью и играет по отношению ко всему тиражу роль «подлинника»².

Поэтическое послание-надпись может мыслиться поэтом не только как адресованное к какому-либо конкретному лицу, но и как обращенное ко всем читателям. Тогда, перестав быть *рукописным*, оставив форзац или титульный лист, оно переходит в состав книги, в ее печатный текст.

Одно из ранних стихотворений Блока о поэтическом мастерстве в первоначальной редакции так и было озаглавлено — «Надпись на книге стихов» (опубликовано в альманахе «Белые ночи» в 1907 г.):

Здесь легким образам и думам	И каждый звук был вам намеком,
Я отдаю стихи мои,	И несказанным — каждый стих,
И томным их встречают шумом	И вы любите на широком
Реки согласные струи.	Просторе легких рифм моих.

.....

(II,114)

Послание — надпись на книге, входя в ее состав, остается «надписью» условно, в жанровом смысле и подчеркивает уникальный характер рукописной, в собственном смысле «надписи»³ (видимо, поэтому блоковское стихотворение вошло в сборник «Земля в снегу» еще под первоначальным заглавием, а затем получило новое — «Тишина цветет»).

Авторская дарственная надпись на книге занимает промежуточное место между литературным произведением и «бытовым документом», она связывает, соединяет собственно литературу с литературным бытом. Текст произведения, сопровождаемого надписью, в отдельных случаях может быть прочитан заново — с точки зрения отношений между автором и адресатом, с учетом авторской надписи.

Инскрипт может содержать информацию об этих отношениях в конкретной ситуации, об оценке автором собственной книги, об отношении его к искусству, к людям и ко времени, иногда инскрипт может выступать в роли письма⁴ и даже дневниковой записи или автобиографической заметки, поэтому он прежде всего должен рассматриваться как биографический и историко-литературный источник⁵. Надпись нередко позволяет не только реконструировать обстоятельства вошедших в научный оборот событий, но и обнаружить факты нигде более не нашедшие отражения.

В данной публикации предпринята первая попытка дать свод обнаруженных к настоящему времени инскриптов Блока на книгах и фотографиях в фондах государственных архивохранилищ, музеев, библиотек, а также — в частных собраниях и в печатных источниках (статьи и исследования по символизму, воспоминания, дневники, письма и т. д.).

Дарственные надписи Блока начали публиковаться сразу после смерти поэта, главным образом в мемуарах. Уже в 1922 г. были напечатаны надписи Блока на книгах, подаренных поэтессе Н. А. Павлович, — в журнале «Рупор» (№ 3) и альманахе «Феникс» (кн. 1). Первый опыт осмысления блоковских дарственных надписей как материала для изучения биографии поэта принадлежит видному критику, публицисту и исследователю творчества Блока Р. В. Иванову-Разумнику. В книге «Вершины» (1923) он посвятил этому вопросу специальную статью «Надписи на книгах», в которой на материале инскриптов Блока, адресованных лично ему, проследил историю своих отношений с поэтом на протяжении многих лет и определил инскрипты Блока как значительный историко-литературный источник. В этой статье критик писал: «(...) все важно, все ценно, все нужно. Мелочь, казалось бы: те надписи, которые делал А. А. на своих книгах, даря их друзьям и знакомым; но мне хотелось бы показать, как важно собирать и эти надписи, вспоминая попутно об их происхождении, объясняя в них то, что известно только тебе одному: все это ценный материал для характеристики А. А. Блока»⁶.

Наша публикация включает 396 дарственных надписей Блока⁷. Даже из первоначального обзора, не позволяющего дать детальный анализ инскриптов, становится очевидным, что это материал важного литературно-биографического значения: в научный оборот вводятся ранее неизвестные факты, расширяется наше представление о связях и многообразии отношений Блока с современниками, возникает наглядная картина авторской оцен-

ки собственных книг на протяжении всей жизни поэта, пополняется хроника его творческой биографии.

Блоковские надписи показывают широту контактов поэта и открывают диапазон, в котором осуществляются его обращения к адресатам: нежные признания в дружбе, искренние знаки внимания и почитания, строгие, сдержанные и корректные надписи-приветы, поэтические посвящения и любовные послания в стихах, шуточные обращения и лапидарные надписи родным и близким друзьям, а иногда и откровенные отписки, свидетельствующие о натянутой вежливости, «холоде» или сухости. Но все эти инскрипты объединяет общая черта: на протяжении двадцати лет (1901—1921)⁸ они неизменны в одном — в своей предельной искренности.

Среди инскриптов Блока следует прежде всего выделить стихотворные послания, родившиеся именно как надписи на книгах, нередко они были «спровоцированы» поэтическими обращениями к Блоку его литературных соратников и молодых поэтов. В свою очередь сами блоковские послания-надписи не раз побуждали его адресатов-поэтов к ответному отклику в стихах также в виде инскрипта на книге. К этой группе относятся дарственные надписи Блока Вяч. И. Иванову, В. Я. Брюсову, Э. Н. Гишпиус, А. А. Ахматовой, Ю. Н. Верховскому, Н. А. Павлович и другим.

Стихотворная переписка Блока и Вяч. Иванова, возникшая как обмен посланиями-надписями на книгах, интересна в качестве примера блоковской прямоты. Посылая Вяч. Иванову третью книгу «Собрания стихотворений», Блок в поэтическом обращении к старшему сподвижнику-символисту отмечает прежнее сродство душ («<...> И наши души спели // в те дни один и тот же стих») и откровенно заявляет о выходе из «атмосферы Вяч. Иванова». Несмотря на это, Вяч. Иванов в ответных стихах, посвященных «лирику-чародею» и проставленных на обеих книгах сборника «Cor ardens», по-прежнему настаивает на духовной нерасторжимой связи (впоследствии он включил эти послания в сборник, целиком посвященный «Александру Блоку, Поэту» — «Нежная тайна» (1912))⁹.

19 марта 1912 г. Блок пометил в дневнике: «Книга новых стихов от Брюсова (отозвалась прежней сладостью и болью)» (VII, 134)¹⁰. На следующий день Блок посылает в ответ третью книгу «Собрания стихотворений» со стихотворным посланием-надписью «Валерию Брюсову» (в первопечатном тексте — с подзаголовком «При получении „Зеркала теней“»):

И вновь, и вновь твой дух таинственный
В глухой ночи, в ночи пустой
Велит к твоей мечте единственной
Прильнуть и пить напиток твой.

Вновь причастись души неистойвой,
И яд, и боль, и сладость пей,
И тихо книгу перелистывай,
Впиваясь в зеркало теней...

(III, 139)

Послания Л. А. Дельмас («Едва в глубоких снах мне снова...») и М. И. Бенкендорф («Вы предназначены не мне...») создавались специально как надписи на книге «Седое утро» (известны черновые редакции этих стихотворений с авторской пометой «надпись на книге»¹¹), но они не предназначались для печати или оглашения¹².

Некоторые стихотворные тексты Блока известны и вошли в научный оборот только благодаря сохранившимся на книгах надписям. Например, стихотворение, посвященное памяти Вл. Соловьева «Успокоительны, и чудны...» (1902), не сохранилось среди рукописей Блока и известно только по надписи на обороте обложки книги Вл. Соловьева «Три разговора», подаренной им матери ко дню рождения¹³.

Другая стихотворная надпись Блока «Яблони сада вырваны...» — на подаренной поэтессе Н. А. Павлович книге «За гранью прошлых дней» (1920), явившаяся ответом на ее четверостишие «У сада — есть яблони...», также не сохранилась среди рукописей поэта¹⁴.

Для Блока дарственная надпись на книге — долг, исполняемый с сердечностью и аккуратностью. Иванов-Разумник вспоминал: «Александр Александрович не делал ничего не значащих, шаблонных, штампованных надписей: „на добрую память“, „глубокоуважаемому“, „с приветом“, — а если и делал, то очень редко, или мало знакомым людям, или когда дарил сразу целую серию своих книг. Мне приходилось видеть надписи А. А. даже людям мало ему знакомым — и почти всегда надписи эти были значительны по содержанию, характерны для его настроения того времени»¹⁵.

Ряд инскриптов Блока, например, А. М. Горькому, И. фон Гюнтеру, Вяч. И. Ивану и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, В. Н. Княжину, М. И. Терещенко, Ф. Сологубу и некоторым другим лицам движимы подчеркнутой единственностью обращения именно к этому и никакому другому адресату. Наряду с надписями, обобщенно отражающими отношение Блока к данному человеку, есть и такие инскрипты, которые отсылают к конкретному, только двоим — автору и адресату — известному случаю, разговору, факту, — надписи, отмеченные интимностью интонации и повода. Таковы инскрипты Р. В. Иванову-Разумнику, Е. Ф. Книпович, Н. И. Комаровской, П. О. Морозову, С. В. Панченко, В. Н. Соловьеву, Ал. Н. Чеботаревской и другим. «В память о нашем разговоре», «о нашем общем лете», «моя концертная программа», «без примечаний», «об общем деле» — все эти формулировки проясняются только мемуарными свидетельствами адресатов или дневниковыми записями Блока.

Важную роль в дарственных надписях Блока играют цитаты и автоцитаты, которые не только характеризуют ориентацию поэта на определенную культурную традицию¹⁶, но так или иначе отражают авторское «состояние духа» и в некоторых случаях — даже его духовную эволюцию. Цитата в инскриптах Блока, ее соотношение с «нехудожественным» текстом самой надписи и содержанием книги, на которой она зафиксирована, — особая тема, требующая специального исследования.

В надписи Брюсову на первой книге «Собрания стихотворений» Блок цитирует самого Брюсова (из предисловия к сборнику «Urbi et orbi»), тем самым иллюстрируя соотношение, которое он неоднократно подчеркивал — учитель и ученик. В книгу «Стихи о России», подаренную в 1915 г. матери, три года спустя — в августе 1918 г. он вписывает две строфы из стихотворения Н. А. Крюева, посвященного революционной теме, как бы устанавливая связь между ней и темой своей, блоковской России. Надписывая книгу «Театр» Н. А. Нолле (Коган), он цитирует песню Гаэтана из своей драмы «Роза и Крест», а в подаренной ей же 9 мая 1921 г. в последний приезд в Москву сборник А. Ахматовой «Подорожники» вписывает стихотворение из этого сборника — «Когда в тоске самоубийства...», которое в последние годы, по свидетельству К. И. Чуковского, он не раз читал вслух¹⁷.

Надписывая в 1917 г. литератору и театральному деятелю М. В. Бабенчикову книгу «Театр», Блок приводит в инскрипте строку из стихотворения Вл. Соловьева «В тумане утреннем...», сыгравшего существенную роль в миропонимании поэта, — «В холодный белый день дорогой одинокой». С этим стихотворением Вл. Соловьева, впервые упоминаемым Блоком еще в 1904 г. в письме к отцу (VIII, 26), а затем в дневнике 1902 г. (VII, 23), связаны творческие и философские размышления поэта на протяжении почти всей его жизни. «Теперь вся разница только в том, что надо мной «холодный белый день», а тогда я был «в тумане утреннем». — пишет он в августе 1907 г. А. Белому (VIII, 195)¹⁸. И, наконец, 3 сентября 1917 г. эта же цитата, вписанная в инскрипт Бабенчикову, как бы завершает один из «бесконечных споров» Блока с ним, спор настолько значительный для поэта, что он 30 августа, за несколько дней до вручения книги, отмечает в дневнике прописными буквами «О б д у м а т ь» (VII, 307). По воспоминаниям Бабенчиковой, передавая ему книгу с дарственной надписью, Блок разъяснил: «Эта надпись лучший ответ на все наши с вами споры, и не только мой личный ответ, но и Влад. Соловьева. (...) Холодный белый день — не мое состояние, не ваше, даже не России, а всего мира, эпохи, в которую мы вступили, не любовь, а нечто большее, чем любовь, потому что любовь (единственная любовь к миру) сама входит в понятие «холодного белого дня»¹⁹.

Абсолютно неизменна та особая обязательность, с которой Блок дарил в первую очередь все свои книги самым близким людям, с предельной лаконичностью надписывая их: «маме», «Любе», «тете» (М. А. Бекетовой) — и, кроме даты, ничего более. Выявленные инскрипты Блока показывают, что только один из друзей поэта был удостоен такой же краткой надписи, свидетельствующей о душевной близости, которая не требует словесных подтверждений: «Жене» (имеется в виду Е. П. Иванов) — написал трезуб на сборнике «Ночные часы» в 1911 г.²⁰ Такого типа блоковские краткие надписи — всегда свидетельства любви и духовного родства.

Характерно, что Блок почти не повторяется, насколько можно судить по собранному материалу, многократно надписывая книги одному и тому же человеку, — это подтверждают инскрипты Е. П. Иванову, Ю. Н. Верховскому, Л. А. Дельмас, Г. И. Чулкову, Н. А. Нолле, Р. В. Иванову-Разумнику, С. М. Алянскому и другим.

Подчеркнутая внимательность Блока и четкая дифференцированность во взаимоотношениях с адресатами проявилась и в дарении экземпляров одной и той же книги отдельно мужу и жене — Ф. Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской, Г. И. Чулкову и Н. Г. Чулковой, Б. М. Кустодиеву и Ю. Е. Кустодиевой. Но, напротив, известны и два случая, когда Блок написал книгу сразу двоим адресатам — Вяч. Иванову и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал («Нечаянная радость») и Е. П. и А. Ф. Ивановым («Театр», 1916)²¹.

К сожалению, до нас дошли только три инскрипта, адресованные А. М. Ремизову, но та степень заинтересованности и дружеского расположения, с которой относился к нему Блок, находит еще одно подтверждение в истории ряда дарственных надписей, так или иначе вызванных Ремизовым. По его совету и просьбе Блок посылает в Париж К. Д. Бальмонту книгу «(...) от неизменного почитателя». Пространная надпись костромскому археологу и архивисту И. А. Рязановскому также была инспирирована Ремизовым²². Своего рода ходатаем выступает Ремизов перед Блоком, напоминая ему в письме, что он должен был послать в Тифлис свою детскую книгу стихов их общему другу — Ю. Н. Верховскому²³. Надпись литератору и биологу, издателю журнала «Вопросы жизни» Д. Е. Жуковскому была полностью продиктована Ремизовым в письме к Блоку. В тот же день Блок на ремизовском письме с этой просьбой делает помету: «Я послал собр(ание) стих(отворений)» и «Ночные часы» 13 ноября 1913».²⁴

В своих инскриптах Блок, как правило, полностью проставлял имя, отчество и фамилию адресата, но некоторые его надписи строги, скупы и просты: «Анне Ахматовой. Александр Блок.», «Юрию Верховскому. Александр Блок.» и так далее. Блоковская лапидарность многозначительна — такие надписи можно прочитать как «поэту — поэту» или шире — «художнику — художнику». Три инскрипта Блока Ахматовой (по конструкции они схожи между собой) предельно лаконичны, но эта сдержанность, «сухость» — мнимые, что подтверждается еще одной, стихотворной надписью Блока Ахматовой, где он как бы «проговаривается». На третьей книге «Собрания стихотворений» Блок обратился к Ахматовой с посвящением «Красота страшна, Вам скажут...», на которое она ответила посланием «Я пришла к поэту в гости...» — так возникла стихотворная переписка, «спровоцированная» дарственными надписями Блока. С согласия Ахматовой эти стихотворные посвящения Блок опубликовал в журнале «Любовь к трем апельсинам» (1914, № 1).

Примечательна история двух надписей Блока Мейерхольду, которая нашла отражение в их переписке, причем именно краткая надпись поэта была воспринята Мейерхольдом как самая лестная. В 1907 г. Блок послал Мейерхольду сборник «Снежная маска» с надписью: «Многоуважаемому и милому Всеволоду Эмильевичу Мейерхольду. Александр Блок. 24.IV.07. СПб». 30 апреля Мейерхольд откликнулся: «Дорогой Александр Александрович! Вы помните, у Чехова в „Чайке“ Маша просит Тригорина прислать книжку его с автографом и предупреждает: „только не пишите „многоуважаемой“, а просто так: „Марье, родства не помнящей...“ и т. д. Когда я открыл Вами присланную „Снежную маску“ и прочитал „многоуважаемому“, мне вспомнилась Маша из „Чайки“, и я пожалел, что уже поздно предупредить, чтобы Вы не писали мне „многоуважаемому“, а просто так: „Всеволоду...“»²⁵ Блок сразу же, 1 мая, ответил письмом: «(...) Исправляю свою банальность надписью на карточке, которую Вы у меня просили зимой. Если дадите мне свою — буду очень тронут и благодарен. А «многоуважаемому...» и т. д. писал, высунув язык от усталости — очень много книжек рассылал и надписей делал»²⁶. Получив блоковскую фотографию с краткой надписью «Всеволоду Мейерхольду. Александр Блок», в ответном письме режиссер благодарит поэта: «Большое спасибо, дорогой Александр Александрович, за Ваш портрет! Свой пришло Вам непременно. Вы не подумайте, что я обиделся за «многоуважаемого». Я, видите ли, испугался. Показалось, что Вы разлюбили меня»²⁷.

В кратких инскриптах, написывая только имя, отчество, фамилию, дату — и ничего более, Блок все же достигает разнообразного варьирования интонаций, выразительно передающих его отношение к адресату. Дружески и вместе с тем несколько торжественно звучат такие его надписи: «Владимиру Княжнину — Александр Блок», «Корнею Чуковскому. Александр Блок», «Борису Зайцеву. Александр Блок». Но надпись «Петру Петровичу Потемкину. Александр Блок» сдержанна, в ней Блок как бы настаивает на некоторой дистанции, даже официальности, и словно следует «манере» самого Потемкина, обыгрывая три «П» его имени²⁸.

В надписях адресатам, с которыми Блок был связан длительными, но неровными отношениями, он также подчеркнуто сдержан и немногословен: «Дмитрию Сергеевичу Мережковскому — автор.», «Дмитрию Владимировичу Философову — автор.»

Но своему почитателю-студенту, соседу по дому, к которому поэт относился приветливо и дружелюбно, он лаконично и просто надписывает книги: «К. Лабутину. Ал. Блок.»

Только в нескольких случаях Блок делает исключение и не указывает в инскриптах фамилий адресатов, тем самым как бы подчеркивая их «избранность». «Зинаиде Николаевне (...), «Поликсене Сергеевне (...» и «Александре Николаевне (...», — надписал Блок книги З. Н. Гишиус, П. С. Соловьевой (*Allegro*) и Ал. Н. Чеботаревской. Именно этих женщин поэт особо выделил, отметив их имена 28 июня 1916 г., перед уходом в действующую армию, словами «близь души» (ЗК, 309) ²⁹.

Некоторым своим надписям Блок сам дает оценку, например, в письме к матери от 4 июня 1916 г. он пишет: «Я Толмачеву ответить на его бабье письмо (и там — сплетни) не в состоянии, а только посылаю «Театр» с *сухой* надписью» ³⁰.

Как указывалось, нередко дарственные надписи, связанные с каким-нибудь литературным событием, нашедшим уже отражение в мемуарах или других источниках, позволяют не только подтвердить его документальными фактами, но главное — расширить (а иногда и по-новому осмыслить) «историю» события за счет неизвестных документальных данных или даже восстановить «подлинную» его картину. Приведем краткие истории нескольких дарственных надписей Блока, сделанных одновременно, и сопоставим их.

1 марта 1919 г. С. М. Алянский, друг Блока и основатель издательства «Алконост», отмечал у себя на квартире своеобразный юбилей — девять месяцев со дня основания своего издательства. События этого вечера Блок кратко отметил в записной книжке: «Блины у Алянского. Хороший вечер (Иванов-Разумник, Сюннерберг, Морозов, Куприянов, Лавров, Мейерхольд, Соловьев, Н. Радлов)» (ЗК, 451). Алянский, подробно рассказавший об этом юбилейном вечере в воспоминаниях «Встречи с Александром Блоком», назвал в числе гостей, кроме лиц, указанных поэтом, также А. Белого, Ремизова, художника Ю. П. Анненкова и актрису О. А. Глебову-Судейкину ³¹.

В юбилейном альбоме Алянского, приуроченном к этому торжеству, Блок приветствовал издателя и его детище словами: «Дорогой Самуил Миронович. Сегодня весь день я думал об „Алконосте“. Вы сами не знали, какое имя дали издательству. Будет „Алконост“, и будет он в истории, потому что все, что начато в 1918 году, в истории будет. И очень важно то, что начат он в июне (а не раньше), потому что каждый месяц, если не каждый день этого года — равен году или десятку лет. Да будет Алконост! Александр Блок. 1 марта 1919» ³².

Между юбилейными гостями и речами Блок надписывал присутствовавшим гостям вышедшее в конце 1918 г. (тиражом в 300 экземпляров) издание поэмы «Двенадцать», иллюстрированное художником Ю. П. Анненковым, а также другие свои книги.

Экземпляр, подаренный Иванову-Разумнику, не сохранился, но надпись, сделанная Блоком, известна по его воспоминаниям: «На роскошном переплетенном именном экземпляре in folio „Двенадцати“ (изд. „Алконоста“) надписал мне А(лександр) А(лександрович) в марте 1919 года кратко и выразительно: „Дорогому Разумнику Васильевичу с крепким поцелуем. Александр Блок. 1 марта 1919 (Времена иные)» ³³.

Блок высоко ценил труды пушкиниста и историка театра П. О. Морозова, это подтверждают и подаренные ему в тот вечер две книги. На нумерованном экземпляре «Двенадцати» (№ 69) Блок написал: «Петру Осиповичу Морозову от его читателя и почитателя — с глубоким уважением. Александр Блок. 1 марта 1919». Кроме этой книги, поэт тогда же подарил ему еще одно издание «Алконоста» — книгу «Катилина» — с надписью: «Глубокоуважаемому Петру Осиповичу Морозову с извинением за „сурмление бровей красной краской“. Автор. Вечер „Алконоста“. 1 марта 1919 года». Поставленная в кавычки фраза — цитата из этого же очерка о Катилине, а «извинение» Блока связано с неточностью в тексте («сурьма» — *черная* краска), на которую обратил его внимание Морозов ³⁴.

Особый интерес представляет именной экземпляр «Двенадцати» (№ 68), принадлежавший художнику и искусствоведу Н. Э. Радлову, на котором зафиксировано три автографа участников юбилейного торжества. Блок написал на авантитуле книги в верхнем

углу: «Николаю Эрнестовичу Радлову, автору заглавных букв — с искренним приветом. Александр Блок. 1 марта 1919». Ниже, под издательской маркой, имеются еще две дарственные надписи — художника и издателя книги: «Николаю Эрнестовичу Радлову на память о нашей дружбе и в благодарность за огромную помощь — обложку. Юрий Анненков. 19¹/III 19 г. Петербург» и «Дорогому Николаю Эрнестовичу Радлову на память с надеждой дальнейшего сотрудничества с „Алконостом“. С. Алянский. 1/III.1919 г.»

К сожалению, другие книги, несомненно подаренные Блоком в этот юбилейный вечер, обнаружить пока не удалось.

Приведенные надписи по-новому освещают «вечер „Алконоста“», описанный в мемуарах Алянского, где о самих надписях не сказано ни слова, и дополняют неизвестными сведениями «историю» отношений Блока и Морозова. А надпись Блока Радлову и подтверждающие ее свидетельства Анненкова и Алянского документально, и это особенно важно, подтверждают, что Радлов — автор шрифтовой обложки к «Двенадцати». Между тем этот вопрос в блоковедческой литературе до настоящего времени оставался спорным (ЗК, 588) ³⁵.

Интересна история инскрипта Блока Маяковскому. Аутентичный текст надписи неизвестен, так как книга с автографом Блока не сохранилась. До настоящего времени в исследовательской литературе приводился предположительный текст надписи, известный по воспоминаниям Б. Бажанова: «Владимиру Маяковскому, о котором я много думаю. Александр Блок». Мемуарист вспоминал в 1930 г., что Маяковский на одном из вечеров «Чистки современной поэзии» (19 января или 17 февраля 1922 г.) в Политехническом музее рассказал историю блоковского автографа ³⁶.

О визите Маяковского к Блоку и о подаренной ему книге сохранились свидетельства еще четырех современников — Д. Д. Бурлюка, В. Б. Шкловского, К. И. Чуковского и В. П. Катаева. Эти свидетельства имеют серьезные разночтения, и чтобы реконструировать «истинную» картину встречи поэтов, а также установить наиболее достоверный текст надписи Блока, определить время встречи и название книги, которую он подарил, необходимо их сопоставить ³⁷.

Бурлюк в воспоминаниях о Маяковском, опубликованных в июне 1920 г. (подчеркнем — еще при жизни обоих поэтов), засвидетельствовал: «С Ал. Блоком я встретился один раз у (покойного теперь) Кульбина. Я знал, что он в восторге от Маяковского, что он преподнес ему Полное собрание своих произведений <...>» ³⁸.

Шкловский в своей книге о Маяковском (1940) и в поздних мемуарах «Жили-были» также рассказал со слов самого поэта историю блоковского автографа: «Женщина, которую любил Маяковский, попросила, чтобы он принес книгу Блока с автографом. Не знаю, где сейчас этот автограф. Блок охотно надписал автограф на книге «Седое утро» ³⁹.

Беллетризованный вариант рассказа Маяковского о его визите к Блоку за автографом включил и Катаев в свою художественную автобиографико-воспоминания «Трава забвенья», где инскрипт Блока неожиданным образом переадресовал... Л. Ю. Брик ⁴⁰.

Между тем в дневнике Чуковского сохранилась достоверная запись от 8 декабря 1920 г., сделанная в тот же день, когда поэт был в гостях у критика ⁴¹.

Маяковский в своих рассказах почти всегда «снижал» суть происходящего, внося в них гротескные или иронические черты, это отметил и Чуковский словами «забавно рассказывал», тем более, что в данном эпизоде Маяковский как бы выступал в роли «просителя автографа», и для него, поэта-ниспровергателя классической поэзии и символистов, эта ситуация могла казаться несколько двусмысленной.

Вариант инскрипта Блока, приведенный Чуковским «Вл. Маяковскому, о котором в последнее время я так много думаю», существенно отличается от известного ранее первоначального текста надписи и, несомненно, более достоверен, так как записан непосредственно со слов Маяковского — в тот же день ⁴². Реконструируя полный текст надписи, мы восстанавливаем подпись «Александр Блок», так как инскрипт создавался по модели «поэту — поэт». Кроме того, Блок, как правило, всегда ставил под автографами свою подпись или слова «от автора» ⁴³, а также неизменно, за редкими исключениями, проставлял дату и обозначал место.

Важно также определить, какую книгу и когда Блок подарил Маяковскому. Из сопоставления документальных данных и косвенных свидетельств удалось установить гипотетическую дату встречи (и, соответственно, дату на дарственной надписи) — 30 октября

1916 г.⁴⁴ Если считать, как свидетельствует Бурлюк, что Блок подарил Маяковскому полное собрание своих произведений, то речь может идти только о четырехтомном издании, выпущенном «Мусагетом» в 1916 году⁴⁵.

Итак, реконструированный полный текст несохранившейся надписи Блока на одной из книг (вероятно, первой) четырехтомного его собрания сочинений имеет следующий вид: «Владимиру Маяковскому, о котором в последнее время я так много думаю. Александр Блок. 30 октября 1916. СПб».

Напомним, что к этому времени Маяковский был уже автором двух опубликованных программных поэм — «Облако в штанах» (издана в сентябре 1915 г.) и «Флейта-позвоночник» (издана в феврале 1916 г.), а также трагедии «Владимир Маяковский», на одном из представлений которой (2 или 4 декабря 1913 г.) Блок присутствовал и, по свидетельству очевидца, очень заинтересовался автором, отметив его «демократичность»⁴⁶. Блок еще до встречи с Маяковским, очевидно, был знаком с этими поэмами, по крайней мере доподлинно известно, что фрагменты из этих поэм он уже знал. Отрывки из поэмы «Облако в штанах» были опубликованы в первом альманахе «Стрелец» (февраль 1915), где Блок напечатал стихотворение «Из „Жизни моего приятеля“», в котором упоминал Маяковского, а первая часть поэмы «Флейта-позвоночник» была напечатана в фактически посвященном Маяковскому сборнике «Взят» (декабрь 1915), который находился в личной библиотеке Блока⁴⁷.

Вероятно, некоторым отражением разговоров Блока о раннем Маяковском и о поэме «Облако в штанах» являются слова начинающей поэтессы Н. А. Минич из письма к нему от 11 декабря 1915 г.: «Как ни груб и ни нелеп порой Маяковский, но я его очень люблю. Вот он, по-моему, очень талантлив. Его стихи, несмотря на все выверты, прочтешь от доски до доски (правда, конец слабее), и они как-то стискивают сердце — их не просто глазами читаешь, а говоришь душою. Он по-настоящему „выжег души, где нежность растли“». Вы слышала, как он читает? Я слышала, и когда читаю его стихи, слышу его голос — это страшно помогает при нелепой печати. На этом письме имеется помета Блока «Отв(етил) 14. XII», но, к сожалению, его ответное письмо не сохранилось⁴⁸.

Об очевидном интересе Блока к поэзии молодого Маяковского именно в этот период (1915—1916) свидетельствует и недавно опубликованное его письмо от 7 февраля 1916 г. к В. Э. Мейерхольду, в то время редактору-издателю журнала «Любовь к трем апельсинам». Блок, курировавший в 1914—1916 гг. отдел поэзии этого журнала, писал: «Если бы вместо всех стихов, которые я сейчас имею Вам предложить, дал отрывок или отрывки Маяковского, было бы интереснее»⁴⁹. Заметим, что Блок говорит в этом письме именно об «отрывке или отрывках», имея в виду большие произведения Маяковского, а не отдельные его стихотворения (не исключено, что речь шла о неопубликованных отрывках из поэмы «Флейта-позвоночник») или отрывки из поэмы «Война и мир».

Приведенные факты, свидетельствующие о значительном интересе Блока к Маяковскому в 1916 г., окончательно подтверждают, что слова из дарственной надписи «в последнее время так много думаю» явно написаны уже после его знакомства с «неслыханной вещью»⁵⁰ «Облако в штанах» и поэмой «Флейта-позвоночник».

В личной библиотеке Блока (ИРЛИ), как известно, сохранились издания этих двух поэм Маяковского с его дарственными надписями: «А. Блоку В. Маяковский расписка — всегдашней любви к его слову» (на «Облаке в штанах») и «Александру Александровичу Блоку В. Маяковский» (на «Флейте-позвоночнике»)⁵¹. Обе надписи сделаны черной тушью, содержание инскриптов, их соотношение между собой (один текст как бы дополняет другой), сходный характер почерка и равномерность нажима позволяют предположить, что обе книги были надписаны и подарены одновременно. Кроме того, тексты надписей Маяковского и содержание надписи Блока явно корреспондируют между собой и представляют, условно говоря, «диалог». Поэтому не исключено, что указанные книги Маяковский подарил Блоку во время визита к нему, тем более, что сам визит, несомненно, предполагал предварающие (или ответные) книжные дарения и со стороны Маяковского⁵².

Из приведенных выше развернутых историй двух литературных фактов («вечер „Алкогоста“» и визит Маяковского к Блоку) становится очевидным, что инскрипты Блока, наравне с его письмами, могут служить немаловажным источником для реконструкции биографии поэта.

Интересно проследить по инскриптам отношение Блока к своим книгам. В упомянутой итоговой записи от 28 июня 1916 г. он отметил: «Лучшими останутся „Стихи о Прекрасной Даме“». Время не должно тронуть их, как бы я ни был слаб как художник» (ЗК, 309)⁵³. Отношение Блока к своему первому сборнику как к «лучшей части (<...> души» не менялось (или почти не менялось) на протяжении всей его творческой жизни, и надписи на «Стихах о Прекрасной Даме», сделанные в разные годы, подтверждают это: «... в знак памяти и о прошедшем, настоящей любви и близости, и будущей несказанной встречи» (С. М. Соловьеву, 1904); «(<...> от такого же одинокого и простого, как он. Будем всегда принимать друг друга с простотой и грустью (<...>» (И. фон Гюнтеру, 1906); «(<...> с любовью, с просьбой узнать и эту, лучшую часть моей души» (Г. И. Чулкову, 1911); «(<...> залог нерасторжимой связи» (А. Белому, 1911); «(<...> еще одна старая и печальная книга» (Н. А. Нолле, 1919). Иванов-Разумник вспоминал, что эту книгу Блок в «последние годы жизни, если и дарил, то чаще всего без всякой надписи»⁵⁴. Об этом свидетельствует и надпись Н. А. Павлович, восстановленная ею по памяти: «Надежде Павлович и эту книгу, на которой все последние годы я избегал делать надписи»⁵⁵.

Характерной чертой блоковских надписей является отсутствие высказываний о себе и своих произведениях, тяготеющих к самоуничтожению и автоиронии, в то время как самооценки такого рода, вообще говоря, традиционно присущи жанру инскрипта.

Трагическое ощущение эпохи и своей причастности к ней, грусть, изредка окрашенная полуулыбкой, — вот что лежит в основе тех автохарактеристик и оценок собственных книг, которые зафиксированы в дарственных надписях Блока. В его инскриптах нет ни подшучивания над собой, ни просьб о снисхождении: «книга — очень несовершенная, тяжелая и сомнительная для меня. Что в ней правда и что ложь, покажет только будущее. Я знаю только, что она не случайна, и то, что в ней не случайно, люблю» («Земля в снегу»); «книжка, изданная в безвременье, неизвестно кем и неизвестно зачем» («Стихи о России»); «книга моей „второй молодости“» («Песня Судьбы»); «книжка, случайно обрвавшаяся на январе 1918, а конца ей — не видно» («Россия и интеллигенция»); «самая печальная и, может быть, последняя „моя“ книга» («Седое утро»). Меньше всего ироничность ощущается и в двух шуточных надписях Блока, где поэт печально называет себя «сочинителем» (Н. О. Лернеру) и «автором, давно забывшим стихи и состоящим на государственной службе» (П. С. Сухотину). Тон инскриптов Блока, как правило, чрезвычайно серьезный, соответствующий общему тону его высказываний о литературном деле и призвании поэта. И даже единственная «несерьезная» надпись поэта, веселая и даже несколько ироничная, связанная с книгой, «съеденной собакой», завершается словами, звучащими уже всерьез: «О, сколь изменчивы и превратны судьбы творений нами тиснению предаваемых!» («Снежная маска» — В. П. Веригиной).

Впервые собранные вместе и публикуемые здесь прозаические и стихотворные послания-надписи Блока, обращенные к Л. А. Дельмас, — своеобразная летопись отношений поэта и героини его знаменитого цикла «Кармен». Надписи значительно дополняют историю их отношений и дают выразительную картину перехода «биографического» в «творческое».

Необходимо отметить, что среди этих инскриптов впервые вводится в научный оборот подлинный текст надписи на утерянной книге «Соловьиный сад»: «Л. А. Д. Той, которая поет в соловьином саду. А. Б. 8 августа 1918 г. Петербург». Эта надпись, важная для «биографического подтекста» поэмы (Д. Е. Максимов)⁵⁶ и известная ранее лишь в пересказе, вызвала некоторые сомнения, здесь она публикуется по достоверной копии, сделанной самой Л. А. Дельмас в 1931 г. (в то время книга еще находилась у адресата)⁵⁷. Дата на инскрипте подтверждается записью Блока от 8 августа 1918 г.: «Была Л. А. Дельмас» (ЗК, 419).

Существенной стороной блоковских инскриптов является их внешний вид. Графической форме дарственной надписи Блок несомненно придавал принципиальное значение, хотя его автографы никогда не переходили в собственно рисунок, как это бывало, скажем, у Ремизова, нередко превращавшего свои стилизованные надписи в идеографику. У Блока не было «случайных», небрежно-размашистых, кое-как выполненных надписей (ср., например, с инскриптами А. Белого, Маяковского, Есенина). Изначально он создает собственную манеру всегда четко структурированной, тщательно продуманной и соразмерно расположенной надписи, графически организуя все пространство листа; с годами абрис

надписи как бы «закрепляется», приобретает некую внешнюю стабильность. Потому в данной публикации графический рисунок надписей наново сверен с оригиналами (в случаях, когда удалось выявить книгу) и тщательно сохранен как их неотъемлемое свойство.

Все надписи Блока, как правило, состоят из четырех (или пяти) постоянных компонентов, последовательность которых неизменно и строго, за редкими исключениями, соблюдалась поэтом: 1) обращения, почти всегда с указанием фамилии, кроме лаконичных надписей родным и самым близким; 2) основной части или собственно «содержания» (встречаются надписи и без этой части, так как она заключена в самом факте дарения); 3) подписи (большей частью даны полностью имя и фамилия, в некоторых случаях подпись варьируется: «автор» или инициалы «А. Б.»); 4) даты и места (месяц и год, но нередко и число), 5) приписки, вводящей взгляд со стороны на отношения «внутри» инскрипта.

В оформлении надписей для Блока не было мелочей, все имело свой определенный смысл и значение. К. Н. Суворова, много лет изучавшая рукописи поэта, отметила их характерные особенности, которые в той же мере присущи и его инскриптам: «Блоку не безразлично, на чем писать. Обычно он писал черными чернилами на хорошей бумаге, располагая текст с непринужденной соразмерностью, определенным внутренним художественным чувством. Блок обладал прекрасным четким почерком, выработавшимся у него к 18 годам. Со временем в начертании слов появилось больше широты, уверенной энергии. Почерк стал чеканным. <...> Его рукописи, даже черновые, всегда красивы <...>»⁵⁸.

Многие современники Блока восхищались почерком поэта. «Прекрасным и точным» назвал его Г. И. Чулков⁵⁹. «И этот почерк — такой уверенный, отчетливый и такой красивый. Я и сейчас не знаю почерка красивее, чем у Александра Блока», — писал в 1922 г. первый редактор поэта П. П. Перцов⁶⁰. Большинство дарственных надписей поэта сделаны, как и его рукописи, черными чернилами, в редких случаях — карандашом, а некоторые, особенно для него важные — красными чернилами (например, инскрипты, адресованные Л. А. Дельмас на книгах «Песня Судьбы» и «Россия и интеллигенция»).

Блок придерживался и несомненной закономерности в выборе местоположения инскрипта — из года в год дарственная надпись проставлялась на изначально выбранном месте, постоянном и для каждого сборника неизменном — на титульном листе, авантитуле, шмуцтитуле, первом свободном листе и так далее. Для него важно было все — вплоть до мельчайших деталей, например, с какой буквы (прописной или строчной) следует писать то или иное слово. Надписывая книгу, Блок выполнял своеобразный ритуал, в котором каждому действию дано точное место, а каждой фразе — определенное звучание, начертание и значение. Вот одна из характерных рекомендаций поэта, хотя она и относится к оформлению книги, но в не меньшей степени такая скрупулезность проявлялась и в оформлении рукописной надписи на книге. Подготавливая к печати сборник «Отроческие стихи» (1921), Блок писал в сопроводительной заметке: «В многоточии важны *четыре* точки, а не обычные три. Важно соблюдать Т большое и малое»⁶¹; и уточнял: «Эпиграфы — справа сверху (текст — петит, подпись курсив). Даты — слева внизу, петит»⁶².

Не исключено, что в графическом оформлении дарственной надписи, нередко ритмизованной, проявилось стремление Блока придать инскрипту как бы внешний вид стихотворения. В одной из ранних записных книжек Блока (апрель 1903 г.) сохранился пример, который опосредованно подтверждает наше предположение. Блок по памяти записывает из «Метафизики» Аристотеля один ряд «противоположностей» сущего, лежавших в основе философии пифагорейцев. Примечательно, что сначала Блок записывает этот ряд произвольно — в виде столбца и в свободной последовательности, а затем, обнаружив в нем ритмичность, выстраивает его в виде стихотворной строфы:

Конечное Нечет Единое Свет
Мужское Прямое Покой Квадрат
Правое Доброе.

и иронически пометает: «Стишки-с» (ЗК, 46).

Вероятно, дарственная надпись, графически выраженная, рассматривалась Блоком как один из компонентов книги и включалась, таким образом, в общеэстетические его представления о графическом образе своих сборников.

С присущей ему тщательностью Блок вникал в тонкости типографского и издательского процесса, о чем свидетельствовали С. М. Соловьев, С. М. Алянский, Р. В. Иванов-Разумник, да и сам поэт в разное время писал об этом. Так, например, в связи с изданием второго сборника «Нечаянная радость» он обращается к Брюсову 18 апреля 1906 г.: «Могу ли я просить Вас, чтобы он печатался обычным шрифтом «Скорпиона», как в первых «Северных цветах» (1901—1903); я думаю, что шрифт «Urbi et Orbi» и «СТЕФАНOS» слишком классичен для моих стихов; кроме того, мне хочется, чтобы каждый стих начинался с большой буквы. Формат, обложка и даже бумага давно представлялись мне, как в «Письмах Пушкина и к Пушкину»; это оттого, что во мне есть консервативная книжность: я всегда чувствовал особенную нежность к обложкам с простыми буквами или в старинной книжной рамке, а сложные линии и все, превышающее вынужденность, скоро надоедало. До сих пор я люблю целиком издание «Пана»: и формат, и бумагу, и 4 простые зеленые буквы на сером; еще я думал о красных буквах на сером или серо-синем. Но все, касающееся обложки, формата и бумаги, второстепенно, а, главное, прошу Вас о шрифте и больших буквах»⁶³. Эти эстетические принципы Блока в определенной степени распространялись и на его дарственные надписи.

Как уже отмечалось выше, серьезно и пунктуально Блок относился и к самому факту дарения. Даты в надписях на книгах свидетельствуют о том, что поэт дарил их сразу при получении из издательства — в первые дни, если не в тот же день⁶⁴. По дневниковым записям и письмам известно, что он заказывал около 100 (и выше) авторских экземпляров своих сборников. В одном из писем к матери (9 апреля 1912 г.) Блок сообщал: «Сегодня я получил книги, делал надписи, принесу тебе несколько штук, чтобы некоторые лица, известные тебе, получили через тебя»⁶⁵. И через день обратился к ней с той же просьбой: «Напиши мне, не можешь ли ты не только раздать несколько книг, но еще и послать с Пим, близко живущим от тебя (напр<имер>, Городецкому, Мейерх<ольду>?)»⁶⁶.

Публикуемые здесь надписи (выявлена, вероятно, третья часть из общего числа подаренных поэтом книг) позволяют очертить, условно говоря, круг его первых читателей, тот круг литературных друзей и знакомых, которым Блок дарил свои книги постоянно и в первую очередь, чьим мнением он несомненно дорожил и с чьей оценкой своих произведений особенно считался. Характерно, что этот основной круг определился уже в начале литературной деятельности поэта (с его дебюта в 1903 г. в «Новом пути»)⁶⁷ и почти не менялся до 1917 г. (а если и менялся, то очень незначительно). Прежде всего это его соратники-символисты, родные и близкие друзья, имена которых он сам назвал в цитированной записи от 28 июня 1916 г.: «Мои действительные друзья: Женя (Иванов), А. В. Гишпиус, Пяст (Пестовский), Зоргенфрей. Приятели мои хорошие: Княжнин (Ивойлов), Верховский, Ге. Близь души: А. Белый (Бугаев), З. Н. Гишпиус, П. С. Соловьева, Александра Николаевна <Чеботаревская>» (ЗК, 309), а также целый ряд литературных и театральных знакомых, которым он считал своим долгом подарить книги. Лишь с 1917 г., когда Блок поступил на службу в Чрезвычайную следственную комиссию Временного правительства, а впоследствии работал в ТЕО Наркомпроса, в издательстве «Всемирная литература» и в Большом драматическом театре, круг его знакомых (так или иначе отраженный в дарственных надписях) значительно расширяется и изменяется.

Раз и навсегда заведенный порядок дарений книг матери и жене служит своеобразным хронографом и позволяет уточнить даты выхода некоторых сборников Блока. Например, выход первой книги «Собрания стихотворений», изданной «Мусагетом» в 1911 г., в хронике жизни и творчества Блока помечен «около 10 мая» (VII, 532), но Блок написал матери и жене эту книгу уже второго мая, а М. А. Бекетовой — третьего. По хронике сборник «Ночные часы» вышел «около 30 октября» 1911 г. (там же), а на сборнике, подаренном жене, стоит дата — 29 октября. Выход второй книги «Собрания стихотворений» помечен в хронике «около 19 декабря» 1911 г. (там же), а надписи свидетельствуют, что поэт подарил эту книгу матери и жене уже 18 декабря (ср. его дневниковую запись, в которой отмечено, что в этот день он получил четыре авторских экземпляра (VII, 103). Существенным уточнением времени выхода сборника «За гранью прошлых дней» является дата на этой книге, подаренной Л. Д. Блок, — 24 августа 1920 г., между тем как в хронике дана обобщенная дата — «лето» 1920 г. (VII, 540).

Если выстроить схему, показывающую, кому и когда Блок на протяжении 18 лет по мере выхода книг дарил свои сборники и оттиски, то получается четкая и выразитель-

ная картина: компактные списки лиц, получивших книги с дарственными надписями поэта выстраиваются по датам (близким ко времени выхода сборников) приблизительно в 30 равномерных столбцов — по числу вышедших до 1921 г. главных блоковских книг (см. с. 143—147). И только небольшому числу «случайных» знакомых, не входящих в этот постоянный круг, при особых обстоятельствах поэт дарит книги в разное время. То, что Блок дарил книги одновременно, почти не возвращаясь к ним впоследствии, подтверждается, в частности, полным отсутствием дарственных надписей, помеченных 1910 г. — в этом году ни один его сборник не вышел⁶⁸.

Отношение Блока к дарственным надписям на книгах, адресованных ему, также отмечено особой внимательностью и пристрастной заинтересованностью. Получив книгу с инскриптом, Блок в своих письмах-откликах, выделяя и оценивая дарственную надпись, благодарит в первую очередь именно за нее.

Сообщая И. Ф. Анненскому о получении его лирической трагедии «Лаодамия», Блок писал 9 октября 1906 г.: «За трагедию и за надпись, столь почетную для меня, благодарю Вас от всей души» (VIII, 163)⁶⁹. Принося благодарность П. П. Перцову за подарок (книгу «Венеция»), Блок подчеркивает: «Большое спасибо Вам за книгу и за надпись, такую лестную и такую дорогую для меня» (VIII, 149)⁷⁰. Ф. Сологубу, приславшему книгу своих переводов из Верлена, Блок отвечает: «За надпись на книге Верлена и за книгу спасибо Вам от всей моей печальной души» (VIII, 219)⁷¹. «Целую Вас нежно за «Снежную Деву», за книгу и за надпись, написанную дрожащим почерком. Давно уже ждет Вас здесь маленькая «Земля в снегу» <...>» (VIII, 259), — пишет он 7 ноября 1908 г. Г. И. Чулкову⁷². Получив пьесу Леонида Андреева «Царь-Голод», Блок в письме к матери от 5 марта 1908 г. полностью цитирует дарственную надпись и называет ее «очень драгоценной»⁷³.

Если в своих надписях Блок всегда искренен, «искренен до чрезвычайности» (по его собственной формуле, относящейся к Брюсову), то и в «чужих» инскриптах его, разумеется, также интересует «правдивость» и чистосердечие надписей-посвящений. В дневниковой записи от 23 декабря 1911 г. в связи с книгами, полученными от З. Н. Гиппиус, он отмечает: «Книги — одна с хорошей, другая с трогательной (если правда) надписью. Верю, что — все правда» (VII, 105)⁷⁴.

Большой раздел личной библиотеки Блока, хранящейся в Пушкинском Доме, составляют книги его современников с дарственными надписями. Сейчас подготовлен к печати каталог этой библиотеки, где будут опубликованы инскрипты, адресованные Блоку, и описаны многочисленные блоковские маргиналии на книгах⁷⁵.

В личном архиве поэта (ЦГАЛИ) сохранилось большое количество инскриптов в виде отдельных листов, вырванных из книг. В 1919—1920 гг. Блок вынужден был продать часть своей библиотеки (в связи с изменением жилищных условий и из-за материальных трудностей того времени)⁷⁶. Однако листы с дарственными надписями из проданных книг были им тщательно сохранены. На них рукой Блока проставлены выходные данные книг, с которыми он вынужден был расстаться. Таким образом, дарственные надписи «оторыве» от книг, хотя и продолжали, благодаря уточняющим блоковским пометам, сохранять характер именно надписи на книге, в то же время приобретали как бы функции писем, и поэтому не случайно они сохранялись Блоком наряду с письмами его корреспондентов.

Передавая архив в Литературный музей, Л. Д. Блок сообщила 13 мая 1939 г. в письме к В. Д. Бонч-Бруевичу: «Более ста титульных листов книг, присланных Блоку как раз теми же корреспондентами писем, с надписями. Книги Ал. Ал. или уничтожил, или продал в 1919—20 гг., оставляя себе лишь эти листки — это естественное продолжение писем, хотя и классифицированы они были Блоком в других папках, отдельно»⁷⁷.

Эти факты еще раз подтверждают, что Блок придавал инскрипту как таковому (на отдельном листе или в контексте с книгой) значение литературно-биографического источника.

В своих дарственных надписях, как и во всем, что он делал, Блок оставался верен себе и прежде всего — откровенной правде в отношениях между друзьями и знакомыми⁷⁸. Как тонко заметил М. А. Кузмин (по другому поводу), все, что делал Блок, он всегда «делал вдумчиво, честно и поэтично»⁷⁹.

Иванов-Разумник свою статью об инскриптах поэта, в которой он пытался «показать, сколько ценного для характеристики А. А. Блока заключено в случайных, мимолетных строках его посвячительных надписей», назвал «воспоминаниями о надписях» и закончил

ее словами: «Мимолетную фразу, случайную строчку, короткую надпись — все это должны мы сохранить, передать, объяснить (<...>»⁸⁰.

Эти задачи ставили перед собой и авторы настоящей публикации, которые надеются, что работа по собиранию материала, столь важного для реконструкции биографии Блока, будет продолжена.

* * *

В настоящей публикации мы использовали дарственные надписи, разысканные Н. П. Ильиным (1909—1977), посвятившим много лет собиранию автографов, книг, фотографий и различных материалов, связанных с жизнью и творчеством Блока⁸¹. Свою уникальную коллекцию Н. П. Ильин передал в Государственный музей истории Ленинграда, и она легла в основу созданного в ноябре 1980 г. музея-квартиры Блока на улице Декабристов, дом 57 (б. Офицерская)⁸².

Н. П. Ильиным было выявлено около 200 дарственных надписей Блока, нам удалось довести их число до 397 инскриптов (сведения о 70 надписях сообщены И. С. Зильберштейном), из которых 191 публикуется впервые. Собранные инскрипты на книгах и фотографиях, местонахождение которых удалось установить, заново были сверены нами с подлинниками, в остальных случаях тексты надписей публикуются по достоверным печатным или другим источникам. Ряд надписей, тексты которых вызывают сомнения, даны в угловых скобках. Тексты надписей просмотрены de visu. Инскрипты публикуются в алфавитном порядке фамилий адресатов, орфография унифицирована по современным нормам, при библиографическом описании книг, автором которых является Блок, его фамилия не указана некоторые уточнения, введенные нами в описание, специально не оговариваются.

В работе над комментариями к надписям авторы ставили перед собой задачу восстановить историю дарения книги, а также проанализировать отношения Блока с адресатом дарственной надписи.

Книги и фотографии с дарственными надписями Блока, учтенные при сборе материалов, хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР; Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (отдел редких книг и отдел рукописей); Государственном литературном музее (книжные фонды); Институте русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом — Рукописный отдел, библиотека и музей); Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (отдел рукописей и редких книг; книжные фонды); Институте мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР (Рукописный отдел); Музее А. М. Горького; Государственном центральном театральном музее им. А. А. Бахрушина; Музее МХАТ; Центральной научной библиотеке Всесоюзного театрального общества; Государственном музее А. С. Пушкина (библиотека И. Н. Розанова); Государственном музее истории Ленинграда; Ленинградском государственном театральном музее; Институте литературы им. Т. Г. Шевченко (Киев; отдел рукописей); Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского (Казань; отдел рукописей и редких книг); Фундаментальной библиотеке Пермского педагогического института (фонд редкой книги). Всем учреждениям, предоставившим возможность познакомиться с автографами Блока на книгах и фотографиях, выражаем глубокую признательность.

Считаем приятным долгом выразить благодарность адресатам поэта (или членам их семей) и коллекционерам, любезно предоставившим для этого издания книги и фотографии с дарственными надписями Блока. Москва и Московская обл.: Н. С. Алянской, А. А. Андреевой, С. И. Богомолову, А. А. Виноградовой, В. В. Витт, Л. А. Глезеру, Ю. Н. Горохову, Э. И. Григолюку, Е. А. Гунсту, Е. М. Дьяконовой, И. Б. Жванецкому, Е. М. Жуковой, И. С. Зильберштейну, И. Г. Клабуновскому, Е. Ф. Книпович, В. Г. Кнорре, Я. Н. Купреянову, Е. В. Лидиной, А. Ф. Маркову, С. И. Машинскому, В. П. Нечаеву, Л. Н. Радловой, С. В. Сабуровой, Н. С. Соловьевой, Е. Л. и Л. А. Соломоновым, Л. М. Турчинскому, Н. К. Феединой, Е. Ц. Чуковской, Е. С. Шальману, В. В. Шверубовичу, И. И. Эренбург; Ленинград и Ленинградская обл.: Д. М. Ганьковскому, В. В. Кильгаст, В. П. Князевой, А. М. Луценко, Д. Е. Максиму, А. Г. Островскому, В. А. Рождественскому, Г. Е. Святловскому, Г. С. Семенову, И. А. Фащевской, Ф. Б. Чирскову; Воронеж: П. А. Бороздиной;

Краснодар: С. М. Тарасенкову; Красноярск: Б. Н. Вараве; Мукачево: Л. С. Ильяшенко; Херсон: М. А. Емельянову; Франция: Вал. Л. Андрееву; ФРГ: Анне-Мари фон Гюнтер, Р.-Д. Клуге.

Особую благодарность выражаем тем, кто принял участие в сборе материалов и оказал существенную помощь консультациями и советами: С. В. Белову, С. Д. Блюх, Л. С. Богословской, М. В. Бокариус, Ю. Е. Галавиной, С. С. Гречинкину, В. П. Енишерлову, Н. Г. Захаренко, И. С. Зильберштейну, Н. М. Иванниковой, Д. Б. Кац, А. М. Конечному, Н. В. Котрелеву, К. А. Кумпан, А. В. Лаврову, Н. В. Лоцинской, К. П. Лукирской, В. В. Мерлину, О. В. Миллер, Ю. А. Молоку, А. А. Морозову, М. С. Петровскому, Л. М. Розенблом, В. Н. Сажину, К. Н. Суворовой, Э. Г. Хорольской, В. И. Якубовичу.

Комментарии к этой публикации подготовили Ю. М. Г е л ь п е р и н (Е. А. Аничков, М. А. Бекетова, М. А. Бихтер, И. Н. Бороздин, А. М. Бродский, С. А. Венгеров, Э. А. Венгерова, Ю. Н. Верховский, Н. П. Ге, О. В. Гзавская, А. В. Гишпиус, В. В. Гишпиус, Э. Н. Гишпиус, М. Ф. Гнесин, Э. Ф. Голлербах, А. М. Горький, Э. И. Гржебин, В. В. Есипов, Б. К. Зайцев, А. П. Иванов, Е. П. Иванов, Р. В. Иванов-Разумник, М. П. Иванова, В. Н. Княжнин, Ф. Ф. Комиссаржевский, С. Ю. Копельман, Н. Н. Купреянов, А. А. Куринский, А. Г. Ларош, Н. О. Лервер, В. Д. Милиоти, П. О. Морозов, С. Ф. Ольденбург, В. А. Пяст, Н. Э. Радлов, В. А. Рождественский, Л. Д. Семенов, П. С. Соловьева, Ф. Сологуб, В. Я. Степанов, П. С. Сухотин, А. Я. Таиров, М. И. Терещенко, А. И. Тивяков, Д. В. Философов, Ал. Н. Чеботаревская, Ан. Н. Чеботаревская, С. Я. Штрайх, П. Е. Шеголев); А. Е. П а р н и с (С. М. Алянский, Л. Н. Андреев, В. Е. Арекс, Н. С. Апукин, К. Д. Бальмонт, А. А. Белоусов, А. Белый, М. И. Бенкендорф, Т. И. Бережной, Н. Н. Волохова, А. А. Городецкая, Б. П. Гущин, И. фон Гюнтер, Э. С. Давыдов, Л. А. Дельмас, Л. С. Ильяшенко, С. П. Каблуков, Н. П. Киселев, А. М. Кожебаткин, С. И. Колпакова, А. А. Кублицкая-Пиоттх, С. А. Кублицкая-Пиоттх, Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттх, К. С. Лабутин, С. К. Лабутин, А. Н. Лаврентьев, А. Е. Лозинская, В. В. Маяковский, В. Э. Мейерхольд, А. Ф. Мейснер, И. Д. Менделеев, Н. Ф. Монахов, Н. А. Нолле, С. В. Панченко, И. А. Рязановский, Н. Д. Санжарь, Ж. А. Свириденко, А. Н. Толстой, Л. А. Трейден); Р. Д. Т и м е н ч и к (А. А. Ахматова, М. В. Бабеничкин, С. М. Городецкий, А. И. Гришин, Н. С. Гумилев, Л. Я. Гуревич, О. И. Дымов, В. И. Качалов, А. А. Кондратьев, Д. В. Кузьмин-Караваев, Э. К. Метнер, П. М. Пильский, П. П. Потемкин, Е. О. Романовский, А. В. Руманов, В. Н. Соловьев, Г. И. Чулков, Ю. А. Шапорин); В. Я. М о р д е р е р (Н. В. Дризен, В. А. Зоргенфрей, Вяч. И. Иванов, Л. И. Катонин, Н. И. Комаровская, М. А. Кузмин, Н. А. Павлович, А. А. Сабуров, Е. А. Тищинская, К. И. Чуковский, Н. Н. Д—ская)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Некоторые общие вопросы изучения инсриптов затронуты в статье Р. В. Иванова-Разумника «Надписи на книгах» (см. его кн. «Вершины. Александр Блок. Андрей Белый». П., 1923, с. 231—246); во вступлении Н. А. Роскиной к публикации инсриптов Чехова «Дарственные надписи на книгах и фотографиях» (ЛН, М., 1960, т. 68, с. 265—269); в обзоре А. П. Ломана и В. Ф. Земскова «Дарственные надписи С. А. Есенина» («Русская литература», 1970, № 7, с. 160—163); в статье Л. А. Озерова «Надпись на книге» (сб. «Встречи с книгой», М., 1979, с. 228—243); см. также информационную заметку Т. А. Бек о заседании «круглого стола», посвященном теме «Писательский автограф на книге» («Вопросы литературы», 1979, № 7, с. 302—306).

В нашей работе мы не учитываем надписи Блока (дарственные и посвященные), которыми поэт сопровождал рукописи своих произведений, когда дарил их различным адресатам. Такие посвяще-

ния — особая жанровая разновидность надписей и требуют специального исследования. Нас прежде всего интересовала связь авторской надписи с книгой как таковой, в виде исключения мы учитывали также надписи на фотографиях, репродукциях или отдельных листах (их оказалось немного), сделанные Блоком тем же адресатам, которым он дарил свои книги.

² В связи с этим см. статью М. Туровской «В эпоху технической воспроизводимости...» — «Искусство кино», 1980, № 4, с. 156. В ней автор расценивает книгу или фотографию, сопровождаемую автографом, как один из примеров стремления культуры XX века «к индивидуальному, <...> единичному в век почти тотальной воспроизводимости», а маркированные и нумерованные экземпляры книг определяет как намеренную «антитиражность» «тиражных вещей» (там же, с. 156—157). Ср. также в настоящей публикации оценку инсрипта как «последнего осколка культуры», сделанную Э. Ф. Голлерба-

хом в письме к Блоку от 25 ноября 1920 г. (с. 51).

³ Здесь необходимо отметить связь дарственных посвящений — надписей на книгах с интересовавшей Блока традицией жанра кратких стихотворных и прозаических надписей на памятниках, зданиях, фресках, статуях и т. п. Интересно, что уже в 1894 г. Блок-гимназист внес в свою отроческую записную книжку «Надпись на могильной плите Леониды» (на греческом языке) из «Истории» Геродота — см. «Детская литература», 1980, № 11, с. 31, 34.

Как известно, Блок ввел в контекст своего цикла «Итальянские стихи» латинские и эрусские инскрипты; цикл открывается стихотворением «Равенна» с эпиграфом-надписью под часами в церкви «Santa Maria Novella» (Флоренция), а в самом тексте стихотворения дана характеристика надписей:

Лишь медь торжественной латыни
Поет на плитах, как труба.

(III, 99)

Мотивы древних надписей, а также подлинный текст надписи (на латинском языке) см. в стихотворениях: «Вот девушка едва развившись...» (III, 110) и «Благовещение» (III, 118—119). Итальянский цикл закачивается переводом сочиненной Полицианом «Эпитафии Фра Филиппо Липпи», которая вырезана на могиле художника в Сполетском соборе. О надписях Блок пишет в очерке «Немые свидетели» из цикла «Молнии искусства» (V, 393—394) и в записных книжках (ЗК, 134, 135, 138, 140—144). В письме в матери от 13 мая 1909 г. поэт отмечает «удивительные латинские надписи» (VIII, 284), а через месяц в письме к ней же сообщает: «Очень близко мне все древнее — (...) узоры на гробницах, короткие надписи» (VIII, 289). См. также помету Блока на письме к нему от 15 февраля 1915 г. студента Г. К. Варкентина, просившего сообщить латинский текст надписи на могильной плите Фра Филиппо Липпи: «Надпись послал. 24.11» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 183, л. 1). Вероятно, после этого письма Блок последующие публикации своего перевода эпитафии сопровождал текстом подлинника (ср. первопечатный текст в «Русской мысли», 1914, № 5, с. 5 и тексты в третьей книге «Стихотворений» (1916, с. 98—99). Ср. также с другим видом надписей, включенных Блоком в стихотворение «В северном море» (1907—II, 303—304).

⁴ См., например, выразительную дарственную надпись В. Э. Мейерхольда на книге «О театре» (1913), раскрывающую некоторые его творческие установки и опубликованную в качестве письма (сб. «В. Э. Мейерхольд. Переписка». М., 1976, с. 22, 403 — надпись адресована его ученику, режиссеру Г. Д. Затворницкому):

Еще один любопытный пример — все свои книги А. М. Ремизов дарил жене С. П. Довгелло-Ремизовой, и в дарствен-

ных надписях, адресованных ей и носящих автобиографический характер, он подробно рассказывал историю каждой книги. Как отметил С. С. Гречишкин, свод этих надписей-писем, опубликованный в кн. Н. Кодрянской «Алексей Ремизов» (Париж [1959], с. 151—189), «весьма ценный материал для исследователя творчества Ремизова» (С. С. Гречишкин. Архив А. М. Ремизова. — «Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год». Л., 1977, с. 31).

⁵ Например, В. Б. Шкловский, реконструируя биографию забытого писателя XVIII в. Матвея Комарова, писал: «Материалами для биографии Комарова могут быть предисловия к его книгам, отдельные указания в самих книгах, посвящения на книгах, объявления и, как мы увидим, надписи на книгах» (В. Шкловский и М. Матвей Комаров житель города Москвы. Л., 1929, с. 17). Интересно, что 20 октября 1920 г. В. Б. Шкловский прочитал в Доме искусств (Петроград) лекцию под названием «„Надпись или узор“» (К вопросу о теории творчества) — см. сводную афишу Дома искусств (ИРЛИ, ф. 654).

⁶ Р. В. Иванов-Разумник. Указ. соч., с. 234. Приведем один из характерных примеров — не сохранилось ни одного письма Блока к композитору и теоретику духовной музыки С. В. Панченко, оказавшему несомненное влияние на молодого поэта (в ЦГАЛИ, в фонде Блока хранится 44 ответных письма композитора). Публикуемые ниже четыре инскрипта Блока отчасти восполняют этот пробел и являются едва ли не единственными документами, кроме отрывочных упоминаний в дневниках и записных книжках, свидетельствующими об отношении Блока к Панченко (подробнее о нем см. ниже в комментарии к дарственным надписям Блока С. В. Панченко в публикации «Из „Дневника“ М. А. Бекетовой» — в наст. кн.).

⁷ В литературе о Блоке до настоящего времени было принято считать, что всего существовало 300 (или несколько более) дарственных надписей поэта (см.: В. Е. Ишеров. Все о Блоке. — «Альманах библиофила», вып. VIII. М., 1980, с. 65), однако подсчет общего количества надписей, выявленных и несохранившихся, но о которых имеются точные сведения (см. приложение), определяется числом, значительно превышающим тысячу.

В публикацию не включены надписи, тексты которых в печатных источниках приведены не полностью. Например, И. Северянин вспоминал, что Блок послал ему сборник «Ночные часы» (в 1911 или 1912 гг.) с надписью: «Поэту с открытой душой» (Игорь Северянин. На смерть Александра Блока — «Эхо», Ковно, 1921, № 202, Ср. VI, 495). Блок, видимо, охотно откликнулся на просьбу Северянина, изложенную в надписи на его сборнике «Ручьи в лилиях»: «Александру Александровичу Блоку: Поэт! Я слышал Вас на похоронах Врубеля. Незабвенна

фраза Ваша о гении, понимающем слова ветра. Пришлите мне Ваши книги; я *должен* познать их. Игорь Северянин, 1911. XII.3. СПб». Кроме этой книги, в библиотеке Блока сохранились еще два сборника Северянина с надписями — «Эпиграмм. Эго-футуризм» (1912) и «Очам твоей души» (1912).

Г. Иванов вспоминал в одном из своих очерков о поэте (впрочем, сообщенная этого мемуариста часто оказываются мистификацией), что у него были блоковские книги с дарственными надписями: «На память о разговоре о любви...», «На память о разговоре о смерти...» («Сегодня», Рига, 1929, № 277, 6 октября). Ср. в его недатированном письме к Блоку упоминание о том, что у него есть книга Блока с дарственной надписью: «На память о разговоре 5 марта» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 34, л. 4). Г. Иванов подарил Блоку свой сборник «Горница» (1914) с надписью: «Александру Александровичу Блоку с любовью и привязательностью» (сохранился только шмуцтитул с наскриптом — там же, с. 7); в 1919 г. Блок написал отзыв на предполагавшееся новое издание сб. «Горница» (VI, 335—337). Нам удалось обнаружить забытые воспоминания Н. М. Волковысского, где он, в частности, передает слова Блока о Г. Иванове из разговора с одним официальным лицом: «„Талантливый. Мы с ним разных направлений: я — символист, он — акмеист. Это — мне чужое. Но должен признать, что он — человек даровитый“». — Так добросовестно — любезно, исчерпывающе точно дал ответ» («Дни», Берлин, 1923, № 220, с. 11). К этому разговору относится запись Блока в дневнике от 25 мая 1921 г. (VII, 420).

⁸ В настоящей публикации первая надпись Блока, которую удалось выявить, датирована февралем 1901 г. (за два года до литературного дебюта поэта в 1903 г.) — на книге Д. С. Мережковского «Вечные спутники», подаренной матери. Блок делал надписи главным образом на своих сборниках, но иногда — на книгах других авторов, которые дарил родным и близким друзьям: например, матери (обычно ко дню рождения — книги В. С. Соловьева, Ф. Сологуба, З. Н. Гиппиус), жене (альбом репродукций Берн-Джонса), Л. А. Дельмас (Э. По и др.), Н. А. Нолле-Коган (книги Лермонтова и Ахматовой).
⁹ Текст послания Блока «Вячеславу Иванову» см. ниже в публикации, а ответные послания Вяч. Иванова в его сб. «Нежная тайна» (с. 11—13). В письме к матери от 6 мая 1912 г. поэт сообщал: «Вячеслав прислал мне «Cor Argens» с ответом в стихах — очень торговатым» («Письма к родным», II, с. 197); ср. также запись в дневнике от 4 мая 1912 г. (VII, 143).

¹⁰ На книге «Зеркало теней» (М., 1912) Брюсов написал: «Александру Александровичу Блоку в знак давней дружбы и любви Валерий Брюсов, 1912» (ИРЛИ, библиотека Блока).

¹¹ ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 107, 108.

¹² См. об этом в комментарии к надписи Блока М. И. Бенькендорф.

¹³ Подробнее об этом см. в комментарии к надписям А. А. Кублицкой-Пиоттух.

¹⁴ Об истории создания этого стихотворения см. в воспоминаниях Н. А. Павлович о Блоке — альманах «Феникс». М., 1922, кн. 1, с. 154, а также «Блоковский сб.», 1, с. 464. См. ниже, в публикации, еще две стихотворные надписи некоей Н. Н. Д-ской, не сохранившиеся среди рукописей поэта.

¹⁵ Р. В. Иванов-Разумник. Указ. соч., с. 233.

¹⁶ О значении цитат в художественных текстах Блока см. в ст. З. Г. Минц «Функция реминисценции в поэтике А. Блока». — «Труды по знаковым системам», VI, Тарту, 1973, с. 337—417.

¹⁷ К. И. Чуковский в воспоминаниях «Последние годы Блока» писал: «Он заучил наизусть недавно изданное стихотворение Анны Ахматовой и с большим сочувствием читал его мне и Алянскому в вагоне по дороге в Москву: «Мне голос был. Он звал утешно...» («Записки мечтателей», П., 1922, № 6, с. 167).

¹⁸ См. ниже комментарии к надписи М. В. Бабенчикову, а также восходящие к этому произведению Вл. Соловьева стихотворения Блока «В день холодный, в день осенний...» (I, 86), «Жду я холодного дня...» (I, 140), «Холодный день» (II, 191—192), «Осенний день...» (III, 257). Ср. запись от 21 июня 1909 г.: «И это русский белый день (...» (ЗК, 152). См. также письмо Блока М. А. Волошину — наст. том., кн. 4.

¹⁹ М. В. Бабенчиков. Ал. Блок и Россия. М.—П., 1923, с. 84—85.

²⁰ Ср. с оценкой кратких надписей, сделанной Ивановым-Разумником: «Для меня эти последние короткие надписи — дорожке всех длинных, имеющих „общее значение“» (Р. В. Иванов-Разумник. Указ. соч., с. 245). Кроме Е. П. Иванова, с уменьшительным именем и без фамилии Блок обращается только к А. Белому (см. ниже в публикации). Ср. в письме А. А. Кублицкой-Пиоттух к А. Белому, относящемуся к середине марта 1905 г.: «Панченко спросил у Саши, кто Вы — поэт, писатель, музыкант или кто? — Саша сказал, что Вы — Боря» (см. ниже в публикации «Блок в неизданной переписке и дневниках современников»).

²¹ Сведения о надписях Блока Н. Г. Чулковой, Ю. Е. Кустодевой см. в приложении к настоящей публикации. Книга «Театр» (1916), адресованная Е. П. и А. Ф. Ивановым, находится в собрании М. С. Лесмана (Ленинград), текст надписи нам неизвестен.

²² См. в наст. томе, кн. 2 «Переписку Блока с А. М. Ремизовым» (приложение I) и комментарии к надписи И. А. Рязановскому.

²³ Там же, книга не выявлена.

²⁴ Там же, книги не выявлены

²⁵ См.: В. Э. Мейерхольд. Переписка. М., 1976, с. 89.

²⁶ «Новый мир», 1979, № 4, с. 161.

²⁷ В. Э. Мейерхольд. Указ. изд., с. 90.

²⁸ Ср. характеристику П. П. Потемкина «прилипчивый» в дневниковой записи от 4 ноября 1911 г. (VII, 81); подробнее об их недолгих отношениях см. ниже в комментарии к надписи П. П. Потемкину.

²⁹ К этой группе адресатов, духовно близких поэту и потому «бесфамильных», относится и М. П. Иванова (см. ниже дарственную надпись ей на сб. «Ночные часы»). Хотя М. П. Иванова и не названа в указанной записи Блока от 29 июня 1916 г., но о глубоко ее почитании поэтом и духовном родстве свидетельствуют посвященное ей стихотворение «На железной дороге» и два сохранившихся письма Блока к ней. Подробнее о ней см. в наст. книге публикацию «Блок в неизданной переписке и дневниках современников».

³⁰ См. «Письма к родным», II, с. 289—290, книга с этой надписью не выявлена.

³¹ Об этом вечере см. в книге С. Алянского «Встречи с Александром Блоком». М., 1972, с. 92—98.

³² Там же, с. 92—93.

³³ Р. В. Иванов-Ражумник. Указ. соч., с. 244.

³⁴ См. заметку Н. Тусиной «Можно ли сурмить брови?» («Лит. Россия», 1974, № 47, 22 ноября, с. 24), а также ниже, в комментарии к надписям П. О. Морозову.

³⁵ В комментариях В. Н. Орлова к записи Блока («<...> последняя корректура «Двенадцати» и обложка Радлова Н. Э.»—ЗК, 432) ошибочно утверждается, вопреки цитированному указанию самого поэта, что книга была издана с обложкой Анненкова, а не Радлова (ЗК, 588). В статье М. Иоффе о Н. Э. Радлове (сб. «Искусство книги», вып. 4. М., 1969, с. 110) сообщено, что Радлов — автор обложки к «Двенадцати», но документальные подтверждения этого не приводятся.

³⁶ «Возрождение», Париж, 1930, 29 апреля — перепечатано в кн. В. Катаняна «Маяковский. Литературная хроника». М., 1956, с. 425.

³⁷ См., например, явно недостоверную историю блоковского автографа, основанную на некритическом использовании разноречивых свидетельств современников в ст. Н. Наумова «Автограф». — «Сельская молодежь», 1976, № 5, с. 62—63. Ср. также другую статью о Маяковском, где бесосновательно утверждается, что автографы на книгах, которыми обменялся Блок и Маяковский, «рассказывают о дружбе» (!?) поэтов (альманах «Поэзия», 1972, № 8, с. 61).

³⁸ Д. Бурлюк. Владимир Маяковский. — «Творчество», Владивосток, 1920, № 1, июнь, с. 13.

³⁹ В. Шкловский. Жили-были. М., 1966, с. 156; ср. в его книге «О Маяковском». М., 1940, с. 109.

⁴⁰ В. Катаев. Трава забвенья. М., 1967, с. 164—167. В этой книге автор при-

вел «раскованную» (по его собственному определению) версию рассказа Маяковского, разросшуюся до нескольких страниц за счет малоубедительных подробностей, причем встрече двух поэтов превратил в «историческое» (!) событие (с. 164), имеющее «всемирно-литературное значение» (с. 165). Даже художественная форма повествования не оправдывает столь произвольной трактовки реального события.

⁴¹ См. в наст. томе, кн. 2, публикацию переписки Блока с К. И. Чуковским и отрывков из дневника К. И. Чуковского.

⁴² Этим же днем (8 декабря 1920 г.) помечены в «Чукоккале» известные стихотворение и рисунок Маяковского «Окно сатиры Чуक्रоста» (см. «Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского». М., 1979, с. 18—20).

⁴³ Исключениями являются инскрипты родным, которые Блок почти никогда не подписывал, и те случаи, когда он использовал печатанную на обложке (или титульном листе) свою фамилию в качестве подписи — см. ниже надписи А. А. Ахматовой, Л. Р. Иванову, Ф. Сологубу.

⁴⁴ Подробный анализ документов и мемуарных свидетельств, посвященный выяснению даты встречи поэтов, см. в комментарии к надписи Маяковскому.

⁴⁵ Предыдущее трехтомное «мусagetовское» издание (1911—1912) к этому времени у Блока не сохранилось — ни одна из книг указанного издания не была подарена в 1915—1916 гг. В декабре 1914 г. Блок, посылая жене по ее просьбе три тома указанного издания во Львов, сообщал в письме, что этих книг у него «уж мало осталось» (ЛН, т. 89, с. 342).

⁴⁶ Вас. В. Гиппиус. Встречи с Блоком. — «Ленинград», 1941, № 3, с. 20.

⁴⁷ О книгах Маяковского, находившихся в библиотеке Блока, см. в комментарии к надписи Маяковскому.

⁴⁸ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 334, л. 20 об. Известен рассказ самого Маяковского, как однажды у Блока, в присутствии большого числа гостей он читал «Облако в штанах» (Е. Хин. Как живой с живыми. — «Звезда», 1959, № 1, с. 149).

⁴⁹ См. статью И. С. Зильберштейна «Александр Блок: неизданное наследие». — «Лит. газета», 1973, № 11, 14 марта; полный текст письма напечатан в журнале «Новый мир», 1979, № 4, с. 165—166. Через четыре месяца после этого письма (13 июня 1916 г.) Маяковский разговаривал с Блоком по телефону и сообщил, что «много страшного написал про войну» (ЗК, 306). Вероятно, Маяковский говорил о поэме «Война и мир», над которой он тогда работал. Блок после разговора в записи отметил в Маяковском «подлинное (то же, как мне до сих пор казалось)» (там же).

⁵⁰ См. в статье В. Хлебникова «Ляля на тигре» (1916): «Маяковский в неслыханной вещи «Облако в штанах» заставил плакать Горького» (В. Хлебников. Собрание произведений, т. 5. Л., 1933, с. 214).

⁵¹ Ср. с надписями Маяковского Горькому на этих же поэмах, вероятно, также подаренных одновременно: «Алексееву Максиминовичу с любовью» (на «Облаке в штанах») и «Алексееву Максиминовичу с нежной любовью — Вл. Маяковский» (на «Флейте-позвоночник») — цит. по кн.: В. К а т а в я н. Маяковский. Литературная хрестоматия, с. 84.

⁵² Следует заметить, что в статье В. Н. Орлова «Из библиотеки А. А. Блока» («В. Маяковский». 1940, сб. 1, с. 331) ошибочно указано, что Маяковский подарил Блоку с надписью, кроме названных двух поэм, также и второй сборник «Садок судей» (1913), между тем как надпись на нем сделана рукой издателя сборника М. В. Матюшина. Эта же ошибка перекочевала в комментарий В. Н. Орлова к статье Маяковского «Умер Александр Блок» («Александр Блок в воспоминаниях современников», т. II, М., 1980, с. 448 — см. там же и разночтения в тексте надписи Маяковского Блоку на «Облаке в штанах»).

⁵³ Ср. свидетельство В. А. Пяста: «Как-то в один из последних годов Александр Блок сказал своей матери: «Знаешь что? — я написал один первый том. Остальное все — пустяки» (В. П я с т. О «первом томе» Блока. — Сб. «Об Александре Блоке». П., 1921, с. 243).

⁵⁴ Р. В. И в а н о в-Р а з у м н и к. Указ соч., с. 238.

⁵⁵ См. «Блоковский сб.», 2, с. 485, а также в настоящей публикации в комментарии к надписям Блока Н. А. Павлович.

⁵⁶ Д. М а к с и м о в. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975, с. 33.

⁵⁷ Подробнее об этом см. в настоящей публикации в комментариях к надписям Блока Л. А. Дельмаса.

⁵⁸ К. Н. С у в о р о в а. Рукой Александра Блока. — «Встречи с прошлым», вып. 3, М., 1978, с. 82. О почерке Блока см. также в статье Е. Мандельштам (Е. Л. Цитрон) «Почерк и характер» — «Руль», Берлин, 1925, № 1475, 8 октября.

⁵⁹ Г. Ч у л к о в. Александр Блок и его время. — «Письма Александра Блока», с. 118.

⁶⁰ П. П е р ц о в. Ранний Блок. М., 1922, с. 10. Любопытно, что Блок в момент раздражения против А. Белого, отмечая в дневниковой записи его «негативные» черты, указал и «кривой почерк» (VII, 217).

⁶¹ См. обзор Вл. Орлова «Литературное наследство Александра Блока». — ЛН, т. 27-28, с. 572.

⁶² Там же, с. 573.

⁶³ См. в кн. 1, наст. тома «Переписку Блока с В. Я. Брюсовым» и указ. статью К. Н. Суворовой (с. 89).

⁶⁴ Следует отметить, что сама дата дарения также существенна для Блока. Так, по собранному материалу прослеживается характерная тенденция: например, он избегал датировать надписи пятым числом. Это, по-видимому, связано с его мистическими представлениями о числах. См. «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 17—

18; «Письма к родным», II, с. 64, 89, 142, 420; ЗК, 320.

⁶⁵ «Письма к родным», II, с. 194—195.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Известно, что Блок дарил оттиски, журналы, альманахи и сборники со своими первыми выступлениями в печати («Новый путь», 1903, № 3; «Литературно-художественный сборник. Стихотворения студентов императорского Санкт-Петербургского университета». СПб., 1903; «Северные цветы», 1903, № 3). 4 апреля 1903 г. поэт писал отцу: «Ждал, чтобы послать Вам оттисков, которые мне обещали, но пока еще не дали» («Письма к родным», I, с. 83), а 4 мая 1904 г. он сообщил матери: «Я получил из «Нов(ого) пути» оттиски своих прошлогодних стихов в количестве 10-ти» (по-видимому, оттиски из № 3 — там же, с. 121). К сожалению, эти оттиски, а также журналы и альманахи с первыми (дебютными) инскриптами поэта обнаружить пока не удалось, не сохранились они и в личной библиотеке поэта (ИРЛИ).

⁶⁸ В 1910 г. Блок подарил единственную книгу, но это была вторая книга «Собрания стихов» Э. Н. Гишпиус (М., «Muscaget», 1910), — поэт послал ее матери к именинам («Письма к родным», II, с. 76—77). В личной библиотеке Блока, в которую вошли и книги, принадлежавшие А. А. Кублицкой-Пиотух, сохранилась эта книга, но часть форзаца, на котором могла находиться надпись, отрезана.

⁶⁹ На экземпляре этой трагедии (оттиск из сб. «Северная речь» (1906), надпись И. Ф. Анненского: «Александр Александровичу Блоку его поклонник — 6.X.1906. Ц(арское) С(ело)» (ИРЛИ, библиотека Блока). Ср. в письме Блока к В. И. Кривичу от 2 апреля 1910 г., в котором он просит прислать украденный у него сборник И. Ф. Анненского «Тихие песни» и добавляет «К счастью, надписи не было» (VIII, 306).

⁷⁰ На книге «Венеция» (1905) надпись П. П. Перцова: «Милому поэту, поздних времен» — Александру Александровичу Блоку — от искренно любящего автора. СПб. 30 января 1906 г.» (ИРЛИ).

⁷¹ На книге избранных переводов из П. Верлена (1908) надпись переводчика: «Александру Александровичу Блоку. Милый и прекрасный поэт, я дарю Вам эту книгу с такою же любовью, с какою переводил собранные здесь стихи. Федор Сол о г у б» (там же).

⁷² Вероятно, речь идет о книге Г. Чулкова «Весною на север. Лирика» (1908) с надписью автора: «Александру Блоку Георгий Ч у л к о в. 1907» (там же).

⁷³ «Письма к родным», I, с. 198. На драме Л. Андреева «Царь Голод» (1908) надпись: «Дорогому Александру Александровичу Блоку — с крепкой верой в его прекрасный талант и светлое будущее. Леонид А н д р е е в» (там же). Этот же инскрипт в письме к Л. Д. Блок от 7 марта 1908 г. поэт назвал «хорошей надписью» — ЛН, т. 89, с. 223. Блок также отмечал надписи и на «чужих» книгах, см., например, за-

пись в дневнике от 20 апреля 1913 г.: «Взял у мамы «Опавшие листья» Розанова, экземпляр М. П. Ивановой с надписью» (VII, 238).

⁷⁴ Сохранилась лишь одна из двух книг Э. Н. Гиппиус — «Чёртова кукла» (1911) — с надписью: «Другу моему Александру Александровичу Блоку с любовью искренней автор. 23 дек. 11. СПб» (ИРЛИ, библиотека Блока).

⁷⁵ Трудно переоценить значение издания такого справочника, он станет незаменимым для изучения творческой биографии Блока. А если говорить о введении в научный оборот только дарственных надписей, адресованных поэту, то этот каталог представит уникальный свод надписей-посвящений различных деятелей культуры пачала XX в., как выдающихся, так и малоизвестных ее представителей. См. предварительные сообщения о работе над этим каталогом в статьях О. В. Миллер «Проблемы и задачи описания мемориальных библиотек (на примере изучения библиотеки А. А. Блока)» (сб. «Информационно-библиографическая работа и ее совершенствование». Л., 1979, с. 50—58) и «Пересмотрите библиотеку...» («Советская Россия», 1980, № 271, 23 ноября).

⁷⁶ О распродаже Блоком своей библиотеки см. в его письме к В. Н. Княжину от 20 апреля 1920 г.: «Книг для Вас у Алянского не возьму — места нет вовсе, своих хочу продать много» («Письма Александра Блока», с. 209); в дневниковой записи от 25 мая 1921 г.: «Много сил ушло на продажу и переправку книг в лавку Дома искусства» (VII, 421); в воспоминаниях Н. А. Павлович («Блоковский сб.», 1, с. 475); в кн.: П. Н. Мартынов. Полвека в мире книг. Л., 1969, с. 71; Л. Борисов. Родители, наставники, поэты. М., 1969, с. 78; Г. Суверфин. Три заметки о Блоке. — «Quinquagenario». Сб. статей

молодых филологов к 50-летию Ю. М. Лотмана». Тарту, 1972, с. 204—206; С. Алянский. Встречи с Александром Блоком. М., 1972, с. 127. См. об этом также в наст. томе в публикации «Письма Блока к Н. А. Нолле-Коган» (кн. 2 — письмо от 8 апреля 1920 г.) и в публикации «Блок в неизданной переписке и дневниках современников (письмо А. А. Кублицкой-Пиотгук к М. А. Бекетовой от 14 февраля 1920 г. — в наст. кн.).

⁷⁷ ЦГАЛИ, ф. 612, оп. 1, ед. хр. 637, л. 10 об.

⁷⁸ Ср. в его письме-приветствии Н. Ф. Монахову от 22/9 января 1921 г.: «Слов неправды говорить мне не приходилось» (VI, 540), а также в воспоминаниях К. И. Чуковского в его книге «Современники» (М., 1967, с. 276—280).

⁷⁹ М. Кузмин. Театр актера. — «Театр», 1924, № 7, с. 1.

⁸⁰ Р. В. Иванов-Разумник. Указ. соч., с. 245—246.

⁸¹ См. статьи и публикации Н. П. Ильина о Блоке — «Нева», 1966, № 11, с. 216—217; «Наука и жизнь», 1968, № 9, с. 52—64; «Лит. газета», 1970, № 26, 24 июня; «День поэзии», М., 1972, с. 279—280 (в соавторстве с С. Лесневским); Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1975, т. 34, № 5, с. 450—455 (в соавторстве с С. Небольсиним). О коллекции Н. П. Ильина см. — «Лит. газета», 1973, № 38, 19 сентября; «Студенческий меридиан», 1973, № 7, с. 41—42; М. Ногтева. Хозяин соловьиного сада. — «Книжное обозрение», 1975, 25 июня, с. 14; В. Еншерлов. И веет строкой Блока. — «В мире книг», 1976, № 1, с. 82—84 и его же «Все о Блоке». — «Альманах библиофила», вып. VIII, М., 1980, с. 59—78.

⁸² А. М. Коначный. Последний адрес Блока — «Лит. обозрение», 1980, № 11, с. 97—99.

С. М. АЛЯНСКОМУ

Самуил Мироновичу Алянскому
с искренним желанием
успеха издательству
«Альконост».

Александр Блок

VII 1918

На кн.: «Соловьиный сад». П., «Альконост», 1918. На авантитуле. — Собрание Н. С. Алянской (Москва).

Самуил Миронович Алянский (1891—1974) — основатель и руководитель издательства «Альконост» (1918—1926) и издатель журнала «Записки мечтателей», заведующий издательским бюро Театрального отдела и сотрудник ИЗО Наркомпроса (1918—1919), близкий друг Блока в последние годы его жизни, впоследствии художественный редактор ряда издательств в Ленинграде и Москве.

В «Альконосте» вышли все послереволю-

ционные книги поэта. О взаимоотношениях Блока и Алянского см. его воспоминания «Встречи с Александром Блоком» (М., 1972) и воспоминания о Мейерхольде, («Блоковский сб.», 3, с. 165—168); монографический очерк С. В. Белова, посвященный Алянскому, — «Мастер книги» (Л., 1979); сообщение того же автора в настоящем томе «Блок и первые послереволюционные издательства», а также статью И. А. Чернова «А. Блок и книгоиздательство «Альконост» («Блоковский сб.», 1, с. 530—538).

О символическом значении названия издательства не раз писал сам Блок, см., например, его запись в «юбилейном» альбоме Алянского от 1 марта 1919 г.: «Дорогой! Самуил Миронович. Сегодня весь день думал об «Альконосте». Вы сами не знали, какое имя дали издательству. Будет «Альконост», и будет он в истории <...>» (С. М. Алянский. Встречи с Александром Блоком, с. 92—93); и в его заметке об «Альконосте» (1921): «Поэтому она (груша символистов. — А. П.) обра-

цена лицом не к прошедшему, тем менее — к настоящему. Она с тревогой всматривается в будущее. Этим определяется лицо издательства и объясняется имя сумрачной и вещей русской птицы, которое она носит» («Блоковский сб.», 1, с. 532). См. также в воспоминаниях Алянского разговор его с Вяч. Ивановым о вещи птице «Алконост» и связанных с ней легендах («Встречи с Александром Блоком», с. 55); о символике этого имени см. в примечаниях к указанной статье Чернова («Блоковский сб.», 1, с. 530).

По всей видимости, Алянскому импонировали звуковые повторы в названии издательства и его фамилии — на некоторых экземплярах иллюстрированного второго издания «Двенадцати» проставлена подпись от руки «А», несомненно принадлежащая издателю и содержащая аллитерирующие начальные звуки — буквы его фамилии и названия издательства (Алянский — *А*лконост) (см. комментарий к надписям Н. С. Гумилеву, Л. А. Дельмас, Н. А. Павлович, Н. Э. Радлову; к сожалению, личный экземпляр Алянского с надписью Блока, видимо, не сохранился).

Поэма «Соловьиный сад» — первая книга, выпущенная этим издательством. Ошибка в названии — «Алконост» — была исправлена по предложению Вяч. И. Иванова (С. М. Алянский. Указ. соч., с. 55).

Сохранился также один из первых экземпляров поэмы с надписью издателя: «Дорогому Леонтию Ивановичу Жевержееву, которому судьбы «Алконоста» близки, только что вылучившийся «Алконост» шлет привет и благодарность за участие в появлении на свет. VI. 1918. С. Алянский» (см. Ю. Гекельман. Неизвестный автограф А. Блока — «Радуга», Киев, 1972, № 10, с. 164).

Автограф публикуемой надписи впервые воспроизведен в журнале «В мире книг», 1976, № 5, с. 83; подробнее об этом см.: С. В. Белов. Мастер книги, с. 17—18. 19 июля 1918 г. Блок отметил в записной книжке: «Алянский принес 50 экземпляров «Соловьиного сада» < . . . > (ЗК, 417). Ср. с надписью, сделанной Алянским на одной из первых книг «Алконоста»: «Александру Александровичу Блоку искреннему благожелателю «Алконоста» на добрую память. С. Алянский. 25/IX 1918 г.» (Собрание Л. К. Долгополова, Ленинград).

Дорогому Самуилу Мироновичу
Алянскому
с приветом.

Ал. Блок

<...> 1919 года. Петербург

На одной из книг четырехтомного собрания произведений Блока, изданного «Музагетом» в 1916 г. — Собрание В. Г. Кнорре (Москва).

Название книги не поддается уточнению, так как сохранился только первый свобод-

ный лист (с оторванным уголком), на котором сделаны надписи Блока, помеченная 1919 г., и передаточная надпись С. М. Алянского, адресованная Е. А. Кнорре и Г. Ф. Кнорре в связи с переездом семьи Кнорре из Москвы в Петроград. Автограф надписи Блока воспроизведен в «Лит. России», 1976, № 42, 15 октября, с. 16. Утраченная часть надписи обозначается угловыми скобками.

Дорогому Самуилу Мироновичу
Алянскому
с искренним приветом
от автора.

Май 1919

На кн.: «Театр», П., «Земля», 1918. На авантитуле. — Собрание Н. С. Алянской (Москва).

Дорогому Самуилу Мироновичу
Алянскому
на память об авторе.

1919

На кн.: «Стихотворения». Книга первая. П., «Земля», 1918. На авантитуле. — Собрание Н. С. Алянской (Москва).

Самуилу Мироновичу
Алянскому —
милому издателю.

Александр Блок

25 VII 1919

На кн.: «Песня Судьбы». М., «Алконост», 1919. На первом свободном листе. — Собрание Н. С. Алянской (Москва).

Дорогому Самуилу Мироновичу
Алянскому
на память.

А. Б.

VII 1919

На кн.: «Россия и интеллигенция». П., «Алконост», 1919. На авантитуле. — Собрание Н. С. Алянской (Москва).

Дорогому Самуилу Мироновичу
Алянскому —
на память

о раскрытом преступлении! —
и с дружеским рукопожатием.

Ал. Блок

31 VIII 1920

На кн.: «За гранью прошлых дней». П., изд. З. И. Гржебина, 1920. На титульном листе. — Собрание Н. С. Алянской (Москва).

Эта надпись, может быть, связана с каким-то подарком Алянского к именинам

БЛОК

Фотография, 1920, с дарственной надписью Блока С. М. Алянскому
Собрание Н. С. Алянской, Москва

поэта (30 августа) или к годовщине свадьбы А. А. и Л. Д. Блок (17 августа ст. ст./30 августа н. ст.) — ср. запись Блока от 30 августа 1920 г.: «17 лет нашей свадьбы» (ЗК, 500).

Дорогому Самуилу
Мироновичу Алянскому
на память о поездке
в Москву в мае 1920 года,
с дружеским рукопожатием.

Ал. Блок

На фотографии: А. Блок (1920). На лицевой стороне.— Собрание Н. С. Алянской (Москва).

О поездке и вечерах Блока в Москве см. в кн. С. М. Алянского «Встречи с Блоком» (с. 106—111). Эта фотография с дарственной надписью впервые воспроизведена в альбоме: А. А. Блок. Фотовыставка. Л., 1966, с. 23.

Дорогому
Самуилу Мироновичу
Алянскому,
издателю этой книги —
— с приветом от автора.

Ал. Блок

Сашку Мерзлякову Александру
 сь искренним желанием
 усатки издательства
 „Алконост“:

Александр Блок.

VII 1918.

БЛОК. СОЛОВЬИНЫЙ САД. Пб. «АЛКОНОСТЪ», 1918

Обложка и авантитул с дарственной надписью Блока С. М. Алянскому
 Собрание Н. С. Алянской, Москва

На кн.: «Седое утро». П., «Алконост», 1920. На авантитуле.— Собрание Н. С. Алянской (Москва).

Л. Н. АНДРЕЕВУ

Многоуважаемому и дорогому
 Леониду Николаевичу Андрееву —
 искренне преданный

Александр Блок

Ноябрь 1908. СПб

На кн.: «Земля в снегу». М., изд. журн. «Золотое руно», 1908. На первом свободном листе (сохранились первые 16 страниц).— Собрание Вал. Л. Андреева (Франция).

Леонид Николаевич Андреев (1871—1919). Как известно, в 1905—1908 гг. Блок неизменно высоко оценивал ряд произведений Андреева и проявлял интерес к его личности. В этот период они неоднократно встречались и переписывались. 5 марта 1908 г. Блок писал матери: «Вчера Андреев прислал мне «Царя-Голода» с очень драгоценной надписью «Дорогому Ал. Ал. Блоку — с крепкой верой в его прекрасный талант и светлое будущее. Леонид Андреев» («Письма к родным», I, с. 198). Надпись Блока Андрееву была сделана, видимо, 2 ноября, этим числом помечено письмо Блока

к матери в котором он сообщал: «Долго говорил с Л. Андреевым. Поеду к нему в Финляндию» (VIII, 258), но уже в следующем письме к ней же от 16 ноября он дает резкое отрицательный отзыв о пьесе Андреева «Дни нашей жизни», увиденной им накануне — 15 ноября — на сцене Нового театра, и сообщает, что передумал ехать к Андрееву (VIII, 262). В 1920 г. Блок писал об Андрееве: «Прислал «Сашку Жигулева» (6 декабря 1911 г.— VII, 100.— А. Л.), я ему, кажется, послал книги» (VI, 135). (Книги эти, видимо, не сохранились). В архиве Блока находится титульный лист книги «Сашка Жигулев» с надписью: «Александр Александровичу Блоку Леонид Андреев 1911» (ЦГАЛП. ф. 55, оп. 2, ед. хр. 22, л. 9).

О творчестве Л. Н. Андреева Блок писал в статьях, рецензиях, письмах, дневниках и записных книжках, а также в воспоминаниях «Памяти Леонида Андреева» (VI, 129—136). См. также их переписку (VIII, 278—279, 475—476, и сб. «Реквием». М., 1930, с. 85—89), книгу П. Д. Жукова «Л. Андреев и А. Блок» (Уфа, 1915), «весьма лестную», по словам поэта (ЛН, т. 89, 348), статьи В. И. Беззубова «Александр Блок и Леонид Андреев» («Блоковский сб.», 1, с. 226—320) и М. С. Петровского «А. Блок и Л. Андреев» (в наст. томе, кн. 4). В. Е. Беклемишева писала в воспоминаниях об Андрееве: «Из современных поэтов больше всего любил А. Блок» (см. сб. «Реквием», с. 257,

а также на с. 243—244, 256—257, 272, и в ее воспоминаниях о Блоке в сб. «Книги. Архивы. Автографы». М., 1973, с. 56). О. Дымов в очерке, посвященном Блоку, вспоминал: «Однажды покойный Леонид Андреев рассказал мне о своей своеобразной встрече с Блоком. Андреев, вообще несколько скупой на литературную дружбу, очень любил Блока.

— Презжаю по набережной и неожиданно вижу Блока. Он стоял у воды и о чем-то думал. Он был очень красив. Мне показалось, что он сочиняет стихотворение, и я не окликнул его. Так он меня и не заметил, и мы миновали друг друга.

Помню, Андреев, рассказывая это, был доволен тем, что не окликнул Блока и не помешал его поэтическому сосредоточению» («Эхо», Каунас, 1926, № 11, 16 сентября).

С. М. Городецкий писал в воспоминаниях о Блоке: «Я отчетливо помню момент, когда Блок пробовал писать рассказы. Мне он говорил об этом с какой-то недоуменно-покаянной улыбкой, но текста не показывал. Как будто он показывал их Леониду Андрееву, с которым одно время был в дружбе (...). Не знаю, сохранились ли они. Но во всяком случае — они были бы любопытнейшим и ценнейшим документом его усилий разорвать кольцо лирики» («Печать и революция», 1922, № 1, с. 85—86).

Е. В. АНИЧКОВУ

Дорогому

Евгению Васильевичу Аничкову
от автора.

1912

На кн.: Собрание стихотворений. Книга вторая. Нечаянная радость. М. «Мусагет», 1911. На авантитуле. — Собрание Э. И. Григолюка (Москва).

Евгений Васильевич Аничков (1866—1937) — историк литературы, критик, специалист по романским литературам, приват-доцент Петербургского университета. Был близок к символистским литературным кругам. В дневниках и письмах Блока встречаются упоминания о нем, как правило, неодобрительные (VII, 71, 73; VIII, 327—328); по свидетельству М. А. Бекетовой, «Александра Александровича он (Е. В. Аничков) любил» (М. А. Бекетова в А. Александр Блок. Л., 1930, с. 141). Об Аничкове см. также: В. Пяст. Встречи. М., 1929, с. 160—162.

Возможно, что книга была подарена Блоком 15 мая 1912 г., когда он был у Аничкова на обеде (см. «Письма к родным», II, 198). В дневниковой записи от 17 мая Блок писал: «Аничков дал мне много полезных указаний и книг» (VII, 143; речь идет о помощи в работе над «Розой и Крестом»). Не исключено, что Блок тогда же подарил Аничкову и третью книгу «Собрания стихотворений», которую он в апреле—мае 1912 г. дарил многим друзьям

и знакомым. 12 марта 1914 г. Блок получил от Аничкова его книгу «Язычество и древняя Русь», а 13 марта в ответ он послал ему (ЗК, 246) драму «Роза и Крест» (оттиск из альб. «Сирин», 1, 1913 — не выявлен).

В своих статьях Аничков пропагандировал поэзию модернистов, но некоторые из них воспринимали эту пропаганду как профанацию. См., например, явно посвященное Аничкову стихотворение Сергея Городецкого «Критику», в котором он назван «толкучки видным идеологом» (Сергей Городецк и й. Цветущий посох. Пб., 1914, с. 99; впрочем, в том же стихотворении Городецкий говорит об Аничкове: «Он все же многими любим // За путанипу, что в России // Считают признаком стихий // И чем-то искони своим»).

По заказу Аничкова Блок написал статью «Поэзия заговоров и заклинаний» для «Истории русской литературы» (т. I. М., 1908). Оценку творчества Блока Аничков дал в своей книге «Новая русская поэзия» (Берлин, 1923, с. 90—106). Эту оценку можно охарактеризовать как поверхностную и нечуткую. Справедливость такой характеристики подтверждается хотя бы тем, что Аничков цитирует (с. 106) как подлинные стихи Блока очевидную подделку Л. Кароля-Пурашевича (Leo L u. Из воспоминаний о Блоке. — «Рижский курьер», 1921, № 193, 20 августа).

Впрочем, симпатия Аничкова к Блоку была совершенно искренней, ср., например, цитату из его письма 1915 г. с фронта к В. А. Пясту: «Выдарапайте мне письмо от Блока. Это — одна из моих безнадёжных любовей» (Вл. Пяст. Воспоминания о Блоке. П., 1923, с. 106). Видимо, эта просьба была Блоку передана, потому что 26 апреля 1915 г. Блок писал Пясту: «Клянисьтеся от меня Евгению Васильевичу, когда будете ему писать. Надо бы самому написать ему, да уж не знаю, соберусь ли» (VIII, 445).

В. Е. АРЕНС

Вере Аренс —

Александр Блок

Июнь 1919

Nacht lag auf meinen Augen,
Blei lag auf meinem Mund... *

На кн.: «Стихотворения». Книга третья. М., «Мусагет», 1916. На первом свободном листе. — Собрание И. Г. Эренбурга (Москва).

Вера Евгеньевна Аренс-Гаккель (1890—1962) — поэтесса и переводчица. Печатила стихи в «Вестнике Европы», «Неделе современного слова», «Современнике», «Вершинах», «Аргусе», «Новом журнале для всех», «Летописи», «Русской мысли»,

* Глаза мне ночь покрывала,
Рот придавил свинец... (нем.).

«Знамени труда», «Красном огоньке» и других изданиях. В 1919—1920 гг. переписывалась с Блоком, главным образом в связи с работой над переводами из Гейне. В ее архиве (ЦГАЛИ, ф. 1216) сохранились пять писем Блока к ней, из которых одно опубликовано (VIII, 528), см. о ней также в записных книжках Блока (ЗК, 464, 484, 487, 488, 498). Блок, редактируя переводы Аренс, нередко их радикально перерабатывал, некоторые из них вызвали у него одобрение: «Переводы хороши» (см. неизданное его письмо к Аренс, условно датированное 26 июня 1920 г. — ЦГАЛИ, ф. 1216, оп. 1, ед. хр. 6).

21 октября 1919 г. Аренс писала Блоку: «Меня тянет к Вам не как к великому поэту, но как к настоящему человеку, что почти так же редко встречается, хотя, может быть, Вам ореол также придает Вам обаяние. Но будь Вы самым простым смертным, я думаю, что мне также бы хотелось подойти к Вам ближе. Вы вообще внимательны и доступны всем, но я все-таки чувствую какое-то равенство с Вами, увя, не по таланту, но может быть, по характеру, по искренности, нежности, есть еще и другое. (...) Если бы Вы были иностранцем, Вы бы могли подумать, что я или ненормальная или влюблена в Вас, но Вы русский, а потому все Вам понятно» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 132, лл. 1—2). См. ответ Блока на это письмо (VIII, 528).

Процитированное Блоком в надписи двустихие — начало стихотворения Г. Гейне из цикла «Lyrisches Intermezzo» (№ 64), входящего в сборник «Buch der Lieder» (H. Heine. Sämtliche Werke. Hrsg. von Prof. E. Elster. Bd. 1, Leipzig — Wien, 1887, S. 90). Этим изданием в семи томах Блок пользовался при редактировании (1918—1921) русского Собрания сочинений Г. Гейне для издательства «Всемирная литература» (вышли V и VI тома, 1920 и 1922), издание сохранилось в личной библиотеке поэта (ИРЛИ). Дарственная надпись Блока с цитатой из Гейне — как бы предложение переводчице обратить внимание на это важное для него, Блока, стихотворение, отражающее так или иначе его душевное состояние в ту пору.

Сохранился автограф перевода Аренс этого стихотворения Гейне (первый вариант) с редакторскими пометами Блока (ГБЛ, ф. 423, л. 24). Против первого четверостишия (включающего перевод двух начальных строк, процитированных Блоком в инскрипте): «Ночь на глазах лежала, || Рот придавил свинец, || Сердце и мозг застыли, || В гробу я лежал, как мертвец» — Блок написал: «Прошедшее время не видно (если «придавил» — нужна форма свинца. Если «свинец» просто, надо безличное «лег» (там же, л. 1). Оценивая этот перевод в целом и предлагая сохранить размер подлинника («В. Размер!»), Блок писал: «Мне кажется, Вы еще не полюбили этого стихотворения до того, чтобы оценить все это совершенно просто и вещественно. Матерьял уж очень хорош, осо-

бенно местами» (там же; выделенное курсивом — подчеркнуто Блоком красным карандашом). Блок сам внес в перевод Аренс значительные исправления и коренным образом переработал его, в таком отредактированном виде этот перевод публикуется в Собрании сочинений поэта (в разделе «Приложений» — III, 476—477). Интересно сравнить приведенное выше четверостишие в переводе Аренс и окончательную его редакцию в обработке Блока (дата окончания работы над текстом — 8 августа 1919 г.): «Глаза мне ночь покрывала, || Рот придавил свинец, || В гробу с остывшим сердцем, || Лежал я, как мертвец» (III, 476; перевод цитированных в инскрипте, выделен нами. — А. П.).

Третью книгу «Стихотворений» Блок надписал Аренс, видимо, 20 июня 1919 г., хотя в записи, помеченной этим числом, указана лишь несохранившаяся вторая книга («II том — В. Е. Аренс» — ЗК, 464). Если не считать эту неточность опиской (или опечаткой), то можно предположить, что Блок подарил Аренс одновременно обе книги (II и III), — известно, что первую книгу в последние годы поэт дарил (и надписывал) крайне редко, причем очень близким людям, как свидетельствует Р. В. Иванов-Разумник и Н. А. Павлович (см. комментарии к этим адресатам в настоящей публикации).

Необычную судьбу этой книги с автографом Блока рассказал И. Г. Эренбург в мемуарах «Люди, годы, жизнь»: «В букинистических магазинах лежали груды редких книг — библиотеки ленинградцев, погибших от дистрофии. Я взял одну книгу в руки. Продавец сказал: «Поздравляю». Но я не мог даже порадоваться. Это был сборник стихов Блока с надписью неизвестной мне женщине. Я и теперь не знаю, случайный ли это автограф или страница из жизни Блока» (И. Г. Эренбург. Собр. соч. т. 9. М., 1967, с. 461). Каким образом эта книга сразу после войны попала в букинистический магазин, неизвестно — в ту пору корреспондентка Блока была еще жива. О передаче Аренс в 1930-е годы писем Блока к ней в Московский литературный музей (ныне в ЦГАЛИ) см. в сообщении И. С. Зильберштейна «О встречах с Любовью Дмитриевной Блок и о судьбе хранившегося у нее архива поэта» (ЛН, 89, с. 384).

АННЕ АХМАТОВОЙ

Анне Ахматовой.

⟨Александр Блок⟩

1913

На кн.: «Стихи о Прекрасной Даме». М., «Гриф», 1905 (1904). На титульном листе. — Частное собрание (Москва). Надпись сделана над отпечатанной фамилией автора, заменяющей в данном случае подпись.

Анна Андреевна Ахматова (1889—1966). О встрече Ахматовой с Блоком в декабре

1913 г., когда Блок подарил ей свои книги, см. ее воспоминания («Звезда», 1967, № 12, с. 186—187) и в публикации В. А. Черных в настоящем томе, кн. 4. В своем творчестве Ахматова испытала сильное влияние Блока, о чем писали рецензенты уже первых ее книг — Вас. В. Гиппиус («Новая жизнь», 1912, № 3, с. 270), Н. В. Гиляровская («Голос Москвы», 1914, № 142, 21 июня), Г. В. Адамович («Голос жизни», 1915, № 19, с. 6) и другие. Б. А. Садовской утверждал: «В поэзии Ахматовой чувствуется что-то родственное Блоку, его нежной радости и острой тоске: можно сказать, что в поэзии Ахматовой острая башня блоковских высот, как игла пронзает одинокое нежное сердце» («Современник», 1914, № 13—15, с. 230). Позднейшее осмысление Ахматовой поэзии и личности Блока для судеб всего литературного поколения отразилось в «Поэме без героя» (см. публикацию Р. Д. Тименчика в кн. 4 наст. тома). Отношение Блока к поэзии Ахматовой было неоднозначным. Вл. Пяст свидетельствовал: «Очень им ценились за талант Кузмин, Игорь Северянин, Бальмонт; затем Маяковский, Ахматова и некоторые (немногие) из молодежи» (Вл. Пяст. Воспоминания о Блоке. Пб., 1923, с. 14). В. И. Нарбут вспоминал о разговорах с Блоком: «Он одинаково восторженно принимал Ахматову и Маяковского...» («Календарь искусств», Харьков, 1923, № 1, с. 3). Однако существуют противоположные, не менее достоверные свидетельства. Так, Ю. Л. Сазонова-Слонимская писала в 1954 г.: «Помню, как Блок на вечеру у Сологуба сказал мне полупрошепотом, когда кого-то из поэтов обвинили в подражании Ахматовой: «Подражать ей? да у ней самой-то на доньшке» (Ю. Сазонова. Н. В. Недоброво. Цит. по вырезке — ГПБ, ф. 1088, ед. хр. 153). Этот эпизод, по-видимому, произошел 18 октября 1915 г. — ср. запись Блока: «Вечером — к Сологубу: Бальмонт, Сомов, Зелинский, Тан, Крючков, Тэффи, Слонимская, <...> «молодой поэт» <...>» (ЗК, 269).

Дарственная надпись на 2-м издании «Четок»: «А. А. Блоку дружески Ахматова. 8 мая 1917» воспроизведена в «Лит. газете», 1981, № 51, 16 декабря.

Анне Ахматовой.

1913. Александр Блок

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусагет», 1911. На титульном листе.— ГМИЛ, ранее собрание Н. П. Ильина.

Анне Ахматовой

«Красота страшна», Вам скажут,—
Вы накинете лениво
Шаль испанскую на плечи,
Красный розан — в волосах.

А. А. АХМАТОВА

Рисунок Д. Бушена (карандаш), 1916
Литературный музей, Москва.

«Красота проста», Вам скажут,—
Пестрой шалью неумело
Вы укроете ребенка.
Красный розан — на полу.

Но, рассеянно внимая
Всем словам, кругом звучащим,
Вы задумаетесь грустно
И твердите про себя:

«Не страшна и не проста я;
«Я не так страшна, чтоб просто
«Убивать; не так проста я,
«Чтоб не знать, как жизнь страшна».

16 Декабря 1913 Александр Блок

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга третья. Снежная ночь». М., «Мусагет», 1912. На обороте авантитула.— Собрание М. С. Лесмана (Ленинград). Надпись-послание напечатана в журн. «Любовь к трем апельсинам», 1914, № 1, с. 6. Автограф надписи воспроизведен в изд.: «Памятники культуры. Новые открытия». Ежегодник. 1979. Л., 1980, с. 429.

Анне Ахматовой.

1913

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга вторая. Нечаянная радость». М., «Мусагет», 1912. На авантитуле.— Собрание М. С. Лесмана (Ленинград).

Николаю Сергеевичу
Ашукину
с сердечным приветствием
от автора.

Февраль 1916.
С.Б.

БЛОК, СТИХИ О РОССИИ, Пб., «ОТЕЧЕСТВО», 1915
Обложка и дарственная надпись Блока Н. С. Ашукину
Центральный архив литературы и искусства, Москва

Н. С. АШУКИНУ

Николаю Сергеевичу Ашукину
с сердечным приветствием
от автора

Февраль 1916. Слб

На кн.: «Стихи о России». П., изд. журн. «Отечество», 1915. На первом свободном листе.— ЦГАЛИ, ф. 1890, оп. 2, ед. хр. 5.

Николай Сергеевич Ашукин (1890—1972) — поэт, историк литературы. В 1923 г. был издан составленный им указатель «Александр Блок. Синхронические таблицы жизни и творчества. 1880—1921. Библиография. 1903—1923», а в 1924 г. — книга «А. А. Блок в воспоминаниях современников и его письмах». С 1914 г. Ашукин работал секретарем издательства К. Ф. Некрасова и вел переписку с Блоком, готовившим в то время для издательства том «Стихотворений» А. Григорьева (см. об этом в ст. Н. Ашукина «А. А. Блок-редактор Ап. Григорьева» — «Московский понедельник», 1922, № 8). Ашукин послал Блоку в 1914 г. свои стихи (см. отзыв Блока в его письме к адресату: «Я не люблю таких стихов <...>» — ЦГАЛИ, ф. 1890, оп. 2, ед. хр. 1, л. 1), а в 1919 г. — сб. стихов для детей «Золотые былинки».

Дата надписи на книге уточняется по письму Блока к Ашукину от 5 февраля 1916 г.: «Спасибо Вам за книги, которые

вчера передал мне от Вас Павел Сергеевич Сухотин. Шлю Вам привет и книжку «Стихов о России» (ЦГАЛИ, ф. 1890, оп. 2, ед. хр. 4, л. 7). Ашукин передал Блоку через П. С. Сухотина два экземпляра «Стихотворений» Аполлона Григорьева» (см. письмо П. С. Сухотина к Блоку от 3 февраля 1916 г. — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 418, л. 4; ответное письмо Блока к нему, посланное в тот же день, — см. «Блоковский сб.», 1, с. 546).

Была опубликована еще одна надпись Блока: «Николаю Сергеевичу с искренним уважением. Александр Блок. 17 января 1921. Петроград» («Учительская газ.», 1970, 26 ноября. Собрание Б. Д. Чельшева, Тирасполь). Однако принадлежность надписи Блоку вызывает сомнения: Блок всегда проставлял фамилию адресата, которой в данном случае нет. Может быть, это имел в виду Н. П. Ильин, не включивший надпись в состав публикации, хотя текст ее он знал из сообщения, помещенного в «Учительской газете», где приводятся тексты надписей из его коллекции.

М. В. БАБЕНЧИКОВУ

В холодный белый день
дорогой одинокой.

Вл. Соловьев

3 сентября 1917.

Михаилу Васильевичу
Бабенчикову.

А л . Б л о к

На кн.: «Театр». М., «Мусaget», 1916.
На первом свободном листе.— ЦГАЛИ
(библиотека).

Михаил Васильевич *Бабенчиков* (1891—1957) — деятель театра, искусствовед. В 1912 г. был близок к труппе театра в Териоках, где встречался и с Блоком. В 1917 г. был привлечен к редактированию стенографических отчетов Чрезвычайной следственной комиссии и в августе 1917 г. несколько раз встречался и беседовал с Блоком. Об этих беседах он рассказывал в своей книге «Ал. Блок и Россия» (1923) и в мемуарном очерке «Отважная красота» («Звезда», 1968, № 3). Цитата из стихотворения В. С. Соловьева «В тумане утреннем неверными шагами...» сопровождала раздумья Блока о своем духовном пути на разных этапах его биографии — он употребил ее в юношеском письме к отцу (см. вступительную статью) и в записи от 1 августа 1907 г.: «Уж не молод я, много «холодного белого дня» в душе. Но и прекрасный вечер близок» (ЗК, 96). Эту же строку Блок цитировал и в письме к М. А. Волошину от 29 апреля 1916 г. (см. в кн. 4). Надпись на книге Бабенчикову — итог бесед о политическом кризисе в России летом 1917 г. По воспоминаниям М. В. Бабенчикова Блок сопровождал передачу книги словами: «Холодный белый день — не мое состояние, не ваше, даже не России, а всего мира. Эпохи, в которую мы вступили. Это не любовь, а нечто большее, чем любовь, потому что любовь (единственная любовь к миру) сама входит в понятие «холодного белого дня» («Звезда», 1968, № 3, с. 199). Книга была подписана 3 сентября, а Бабенчикову была передана, по видимому, на следующий день (VII, 308). Цитата из Вл. Соловьева связалась в восприятии Блока с впечатлениями от дня 3 сентября: «Бесконечно ясный, холодный и грустный день. Осень.» (VII, 308).

Указанная книга «Театр», видимо, ранее принадлежала приятелю Бабенчикова И. Д. Гримму, сыну Д. Д. Гримма, рекомендовавшего Бабенчикову Блоку для помощи в редактировании стенограмм Чрезвычайной следственной комиссии (VII, 297). На авантитуле приведена цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Легенда»: «Lumen coeli, sancta Rosa!» с владельческой пописью «И. Гримм. 13 Дек(абря) 1916 г.».

Дарение книг Блока вообще характерно для того молодежного кружка, в который входил Бабенчиков в 1910-е годы. В его очерке о Блоке рассказан следующий эпизод: «Вспоминаю тот почти благоговейный трепет, с которым я перелистывал в книжном магазине Митурникова на Литейном только что вышедшую в 1911 году сиреневую книжку стихов Блока о „Прекрасной Даме“. Книжку эту я тут же подарил моему, ныне покойному, другу

Н. Ф. Стаалю, написав на ней в „название“ блоковские строки:

Пусть светит месяц — ночь темна...

очевидно, особенно нравившиеся мне тогда по заключенной в них теме „бурного не-настья“» («Звезда», 1968, № 3, с. 188).

К. Д. БАЛЬМОНТУ

Бальмонту.

«L'idée pure, l'infini,
j'y aspire, il m'attire...»*

О, искавший Флобер,
ты предчувствовал нас.

От неизменного почитателя

А л . Б л о к а

СПБ. 1911

На кн.: «Собрание стихотворений. Кн. первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусaget», 1911. На авантитуле.— Собрание И. С. Зильберштейна (Москва).

Воспроизведено на приглательном билете литературного вечера И. С. Зильберштейна «Парижские находки продолжают», состоявшегося 26 февраля 1979 г. в Центральном доме литераторов; см. об этой надписи в интервью с И. С. Зильберштейном — «Огонек», 1979, № 3, с. 27. На шмуцтитуле — передаточная надпись: «Илье Самойловичу Зильберштейну, литературному «просветителю просвещенных», — верному другу Отечественной культуры. В памятный год почитания Толстого. Сергей Л и ф а р ь. Париж. 9—X—1978».

Константин Дмитриевич *Бальмонт* (1867—1942). Книга послана в Париж, где жил тогда Бальмонт. 8 мая (25 апреля) 1911 г. Ремизов сообщил в письме Блоку, что приходивший к нему Бальмонт остро переживает его критику: «Блок меня все ругает», и в следующем письме от 1 июля (18 июня) Ремизов просил Блока послать Бальмонту свои книги (см. в наст. томе публикацию переписки Блока с Ремизовым, кн. 2). Через несколько месяцев, 4 января 1912 г. (н. ст.), Бальмонт сообщил Ремизову о получении от Блока этой книги (см. в наст. книге «Блок в неизданной переписке и дневниках современников»). В ответ Бальмонт послал Блоку свою книгу «Зарево зорь» (М., 1912) с надписью: «Певцу певучему А. Блоку. К. Б а л ь м о н т, 1912. I. 31. Пасси» (ИРЛИ, библиотека Блока).

Взаимоотношения (литературные и личные) Блока и Бальмонта носили неровный характер, об этом оба поэта неоднократно писали: см. статьи, рецензии и упоминания в письмах, дневниках и записных книжках Блока, а также статью Бальмонта «Наше литературное сегодня» в его кн. «Морское свечение» (М., 1910, с. 180). См. также вос-

* «Высокой идеей бесконечности я дышу, она меня притягивает» (*франц.*).

поминания Бальмонта «Три встречи с Блоком» и стихотворный цикл «Памяти Блока» (впервые напечатано в газ. «Звено», Париж, 1923, 26 февраля и 19 марта — перепечатано в «Лит. обозрении», 1980, № 11, с. 109—111); ст. Р. Б. Донгарова «Блок — редактор Бальмонта» — «Блоковский сб.», 2, с. 416—423. Подробнее об истории надписи и взаимоотношениях поэтов см. в ст. А. Парниса «...Рыцарь грезы заповедной» («Лит. обозрение», 1980, № 11, с. 107—109).

Как явствует из приведенных выше писем Ремизова к Блоку, надпись Блока на книге — очевидный отклик на заявление-обиду Бальмонта. Первые две строки надписи — цитата из «флоберовского» стихотворения Бальмонта «Мировое причастие», впервые напечатанного в журнале «Новый путь» (1904, № 8) и вошедшего в его сб. «Литургия красоты» (М., 1905). Первая строка «Мирового причастия», а также эпиграф, включающий эти же слова, — «L'idée pure, l'infini, j'y aspire, il m'attire...» — восходят к письму Г. Флобера к Максиму Дю Кану от 7 апреля 1846 г. — см. Gustave Flaubert. «Correspondance». Première série (1830—1850). Paris. 1910, p. 183. Ср. Г. Флобер. Собр. соч., т. 7, М., 1937, с. 129.

Блок в рецензии на сб. «Литургия красоты» («Вопросы жизни», 1905, № 7) высоко оценивал стихотворение «Мировое причастие» и цитировал его: «Это — песня изумления, по-прежнему молодая, но по-новому — грустная. Это какая-то потусторонняя музыка, голос Парки, дошедшей до конца нити, что-то созвучное пророческой эклогке Виргилия: — «явится Тифис другой... Чье Имя взбунтовало дремлющую Музу? Во Имя Кого поэт весенней гулкой Земли и изменчивого Огня, поэт прекрасных земных измен, — отказывается от той, в ком «жизнь и смерть кораблей», чья Красота была для него «как Никейский челнок старых дней?»» (V, 583—584). Из слов Блока явствует, что он видел в этом стихотворении Бальмонта «измену» земному идеалу любви, «мирской Афродите», «шпресной Елене» (не случайно Блок цитирует стихотворение Бальмонта «К Елене» и переведенное Бальмонтом стихотворение Эдгара По под таким же заглавием) во имя высшего идеала «Афродиты небесной». Таким образом, Блок приписывал Бальмонту то устремление «от реального к реальному» (по формуле Вяч. Иванова), которое было свойственно скорее младшим символистам, и не в последней очереди самому Блоку периода «Стихов о Прекрасной Даме».

Стихотворение «Мировое причастие» Блок планировал включить в 1920 г. в предполагавшийся сборник «Избранных стихов» Бальмонта («Блоковский сб.», 2, с. 421).

Дарственная надпись Бальмонту с цитатой из его же стихотворения 1905 г. свидетельствует, что Блок и в 1911 г., несмотря на резко отрицательные отзывы о последних сборниках Бальмонта, по-прежнему называет себя его «неизменным почитателем».

Следует отметить, что строка «О, искавший Флобер, ты предчувствовал нас» — была для Блока особым идеологическим знаком. Известно, какую роль сыграл Флобер в духовной жизни Блока и его семьи: см. об этом в поэме «Возмездие», в статье «Крупнейшие гуманизма», в автобиографии; кроме того, Блок работал над переводом «Легенды о святом Юлиане-Странноприимце» Флобера (не издано) и редактировал его переписку в переводе А. А. Кублицкой-Пиотух (издана первая часть «Переписки» в 1915 г.).

Важную роль сыграл Флобер и в становлении мировоззрения Бальмонта — см. об этом в сб. его статей «Горные вершины» (М., 1904, с. 105, 130).

Вскоре после того, как Блок отправил Бальмонту книгу с автографом, он сообщал в письме к Вяч. Иванову от 16 января 1912 г. в связи с предстоящим юбилеем Бальмонта: «К чествованию Бальмонта, с самым именем которого у меня с давних пор соединяется чувство весны и запах черемухи, присоединяюсь всей душой. Если предполагается литературный вечер, я мог бы произнести маленькую речь, например, на тему «Бальмонт и польская душа». Эта сторона Бальмонта была для меня всегда одной из особенно близких» («Блоковский сб.», 2, с. 378) (впоследствии Блок отказался от участия в чествовании Бальмонта).

Е. П. БЕЗОБРАЗОВОЙ

Елизавете Павловне
Безобразовой —
на добрую память
от автора.

Май 1911

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусагет», 1911. На авантитуле. — ИРЛИ, библиотека.

Елизавета Павловна *Безобразова* — дочь византолога П. В. Безобразова, племянница поэта и философа В. С. Соловьева. Об отношении к ней Блока см. в наст. кн., в публикации «Блок в неизданной переписке и дневниках современников».

Елизавете Павловне
Безобразовой —

Александр Блок

1912

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга вторая. Нечаянная радость». М., «Мусагет», 1912 (1911). На авантитуле. — ИРЛИ, библиотека.

М. А. БЕКЕТОВОЙ

Тете

10.IV.07

На кн.: «Снежная маска». СПб., «Оры», 1907. На шмуцтитуле. — Собрание И. Г. Эренбурга (Москва).

БЛОК, СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ, КН. I. СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ. М.. «МУСАГЕТЪ», 1911

Титульный лист и авантитул с дарственной надписью Блока К. Д. Бальмонту
Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

Мария Андреевна Бекетова (1862—1936) — тетка Блока, литератор и переводчик; автор первой биографии Блока (П.—Берлин, «Алконост», 1922; 2-е изд.—Л., «Academia», 1930), а также книги «Александр Блок и его мать» (Л., «Петроград», 1925) и работы «Веселость и юмор Блока» (см. «О Блоке». М., 1929, с. 5—20). Ею же подготовлено и снабжено предисловием и примечаниями двухтомное издание «Письма Александра Блока к родным» (Л., «Academia» т. 1—1927, т. 2—1932). См. также в настоящем томе публикацию ее капитального труда «Шахматово. Семейная хроника».

В автобиографии, подробно останавливаясь на литературных занятиях членов семьи своей матери, Блок упомянул и М. А. Бекетову: «Мария Андреевна Бекетова переводила и переводит с польского (Сенкевич и мн. др.), немецкого (Гофман), французского (Бальзак, Мюссе). Ей принадлежат популярные переводки (Жюль Верн, Сильвио Пеллико), биографии (Андерсен), монографии для народа (Голландия, История Англии и др.). «Кармолина» Мюссе была не так давно представлена в театре для рабочих в ее переводе» (VII, 11; автобиография написана по просьбе С. А. Венгерова в июле 1915 г.).

М. А. Бекетова, как и мать Блока, была душевно близка поэту; Блок ценил ее мнения о своих сочинениях. Об этом свидетельствуют, например, такие строки в письме Блока к матери от 30 января 1908 г.: «Писала ли тебе тетя о моей драме? (речь идет о «Песне Судьбы»). Я читал ей, потому что трудно найти человека, который сказал бы мне правду: литераторы относятся односторонне, а близкие люди — сами действующие лица. Тетя сделала мне несколько реальных замечаний, которые я принял близко к сердцу» (VIII, 226). В составе планов и заметок к «Розе и Кресту» есть варианты заглавия драмы, предложенные М. А. Бекетовой (IV, 461); это также свидетельствует о ее внимании к литературной работе племянника и о том, что Блок это внимание ценил.

Отношение М. А. Бекетовой к племяннику в полной мере выражено в ее стихах, посвященных ему (см. в наст. книге — «Блок в поэзии его современников»).

О своей работе над биографией Блока М. А. Бекетова так вспоминала в 1932 г.: «В 1921 году (...) я часто встречалась с Чуковским, который задумал издавать детский журнал. Он знал мои работы по детской литературе и просил меня написать что-нибудь о Блоке. Я сначала

Мемб.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

Ночные часы

Четвертый сборник стиховъ

(1908—1910).

Книгоиздательство «Мусагетъ»
Москва—МСМХИ

Ноябрь 1911

БЛОК. НОЧНЫЕ ЧАСЫ. М., «МУСАГЕТЪ», 1911

Титульный лист с дарственной надписью Блока
М. А. Бекетовой

Собрание Л. М. Турчинского, Москва

не решалась, но потом написала несколько страниц, которые Чуковский одобрил. Издание журнала не состоялось, но опыт с Чуковским натолкнул меня на мысль написать биографию Блока. Я поделилась ею с матерью и вдовой Блока, и они меня поощрили. Тогда я принялась за дело и написала биографию в течение полугода. Мне, очевидно, помогло то, что я не раз в своей жизни писала биографии <...> Моим редактором была мать Блока, т(о) е(сть) моя сестра, с которой мы жили вместе <...>. Сестра моя была очень строгий редактор. Она вычеркивала из моей рукописи целые страницы, а некоторые места переделывала по-своему, т(ак) к(ак) ей не нравился мой спокойный и плавный стиль, но когда книга вышла, она ей полюбилась, и в последние месяцы своей жизни она говорила, что не может читать ничего, кроме этой книги» (М. А. Бекетова. Мои редакторы и издатели.— ГЛМ, ф. 8, оп. 2, ед. хр. 4, с. 23—24).

Тете.

3 мая 1911 г.

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусагетъ», 1911. На авантитуле.— Собрание С. Л. Маркова (Ленинград). Книга утрачена, сохранились только два листа — с надписью и предисловие.

Тете.

Ноябрь 1911

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусагетъ», 1911. На титульном листе.— Собрание Л. М. Турчинского (Москва).

Тете.

Январь 1912

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга вторая. Нечаянная радость». М., «Мусагетъ», 1912 (1911). На авантитуле.— Собрание С. Л. Маркова (Ленинград). Книга утрачена, сохранился только лист с надписью.

Тете.

24 марта 1912

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга третья. Снежная ночь». М., «Мусагетъ», 1912. На авантитуле.— Собрание С. Л. Маркова (Ленинград). Книга утрачена, сохранился только лист с надписью.

Тете.

Октябрь 1920

На кн.: «Седое утро». Пб., «Алконостъ», 1920. На шмуцтитуле.— ИРЛИ, библиотека Блока.

И. А. БЕЛОУСОВУ

Ивану Алексеевичу Белоусову
с искренним уважением

а в т о р

Петроград, 1914, сентябрь

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусагетъ», 1911. На титульном листе.— Собрание А. А. Андреевой (Москва). На форзаце штемпель «Биб. И. А. Белоусова».

Иван Алексеевич *Белоусов* (1863—1930)— поэт, переводчик. 20 сентября 1914 г. обратился к Блоку с письмом, в котором просил прислать автограф стихотворения для предполагавшегося в Москве издания альбома автографов в помощь раненым (издан не был), а также — прислать лично для него какой-нибудь сборник стихов с дарственной надписью (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 153, л. 1).

В неизданном письме от 25 сентября, по которому уточняется дата инскрипта (ЦГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 513, л. 1), Блок сообщает Белоусову, что послал ему сборник «Ночные часы» и автограф стихотворения «Упоительно встать в ранний час...» («В Москве утром» — в насто-

щее время также в собрании А. А. Андреевой) — на письмо Белоусова Блок сделал соответствующую помету.

Это стихотворение, написанное в 1909 г., было впервые напечатано под заглавием «Утро в Москве» в журнале «Голос жизни» (СПб., 1914, № 3).

В благодарственном письме от 27 сентября Белоусов сообщает о получении этой книги и стихотворения и в ответ посылает Блоку два своих сборника. В архиве Блока сохранились титульные листы этих книг с дарственными надписями: «Александр Александровичу Блоку с чувством искреннего уважения и на добрую память. И. Белоусов. Москва. 27.IX.1914» (на кн.: Иван Белоусов. Стихотворения, 1882—1909 г. М., «Утро», 1909) и «Глубокоуважаемому Александру Александровичу Блоку от переводчика песен и дум славного кобзаря Украины — И. Белоусова. а. Москва. 27.IX.1914» (на кн.: Т. Г. Шевченко. Кобзарь. В переводе И. А. Белоусова. М., 1911) — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 453, л. 3, 4.

28 сентября Блок пометил в записной книжке: «Книги и письмо от Белоусова» (ЗК, 241) — в комментарии к этой записи В. Н. Орлов ошибочно называет другие сборники (ЗК, 465). Об отношении Белоусова к поэме «Двенадцать» см. ниже в его письме к Л. Н. Андрееву от 2 мая 1918 г. — публикация «Блок в неизданной переписке и дневниках современников» в наст. книге.

АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Милому, нежно любимому
брату Боре.

СПБ, Окт(ябрь). 1907

На фотографии: «А. Блок (раб. Д. Здобнова), 1907». На лицевой стороне. — ГИПБ.

Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев, 1880—1934). О своих многолетних и сложных отношениях с Блоком Белый писал неоднократно (см. обзор литературы, посвященной этой теме, во вступительной статье к «Дневниковым записям» А. Белого о Блоке в наст. книге).

Личная библиотека А. Белого, к сожалению, не сохранилась. Блок несомненно дарил Белому почти все свои сборники за исключением периодов, когда между ними прекращались отношения. Кроме публикуемых здесь двух надписей, удалось получить сведения еще об одной сохранившейся книге с надписью Блока — поэма «Двенадцать» (частное собрание, Москва). Публикуемая надпись Блока на фотографии связана со следующими обстоятельствами. 23 ноября (6 декабря н. ст.) 1906 г. Белый после длительных личных и письменных объяснений с Блоком и попытки вызвать его на дуэль пишет ему из Парижа примирительное письмо, в котором посылает стихи, посвященные Блоку и «в знак примирения» — свою фотографию с над-

писью: «Милому брату в знак дружбы и нерушимой связи. 3 дек(абря) <19>06 года. Борис Б у г а е в» (см. фотографию и текст надписи в кн. «А. Блок и А. Белый. Переписка», между с. 176—177). Блок отвечает ему сдержанным письмом от 6 декабря 1906 г.: «То, что ты пишешь, — и карточка и стихи и письмо, — я думаю, не полная правда потому, что ты говоришь, например, в письме о примирении, а в стихах: «Не гаснет бескрайняя высь». Для меня вопрос даже примирения, потому что мы еще до знакомства были за чертой вражды и мира. А «бескрайняя высь» все-таки — стихи. И из всего остального — из слов и лица на фотогр(афической) карточке — я не вижу в тебе того, кого могу сейчас принять в свою душу. Для себя я и в этом еще вижу неправду, или, говоря твоим словом, еще не знаю твоего имени. (...) Совершенно могу так же, как ты, прислать карточку (только у меня нет теперь) и написать стихи тебе. Но для меня это еще не настоящее».

Состоялось примирение, длившееся недолго, в августе 1907 г. возник новый конфликт, и на этот раз Блок вызвал Белого на дуэль. После очередных объяснений и ликвидации конфликта Блок, вспоминая о прошлогодней просьбе Белого, послал ему фотографию в письме от 18 октября 1907 г., в котором писал: «Вот, наконец, моя карточка. Мне хочется послать ее Тебе до Твоего приезда в Петербург». Через несколько дней в благодарном письме Белый отвечал: «Спасибо за портрет, спасибо» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 222).

Фотография Блока с дарственной надписью А. Белому впервые воспроизведена в ЛН, т. 27—28, с. 375; перепечатана в кн. «А. Блок и А. Белый. Переписка», между с. 224—225.

Андрею Белому

залог нерасторжимой связи

Александр Б л о к

Май 1911. СПБ

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусагет», 1911. На авантитуле. — ГЛМ.

В письме от 8 мая 1911 г. Блок спрашивал Белого: «Видел ли Ты мою книгу? Пошлю Тебе ее в Луцк, я еще не получил ее (все экземпляры). По-моему, издано превосходно — скромно, книжно, без всякого надувшегося декадентства». В конце мая того же года Белый отвечал: «Огромное спасибо за книгу и за надпись: мы радуемся с Метгером, что у нас вышел Блок; вчера читал вслух «Стихи о Прекрасной Даме»; опять, и опять, и опять радовался, что такие стихи есть в русской литературе; и вот что главное: ничто не угасло из того, о чем стихи; все только перенесено в другую плоскость; все ревниво оберегается молчанием, но оно есть в сердцах...» («А. Блок и А. Белый. Переписка» с. 258).

Милому другу Боре.

⟨Александр Блок⟩

Ноябрь 1911.

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусагет», 1911. На титульном листе. Воспроизведено в сообщении Л. Флейшмана — «Slavica...», vol. IV, 1979, p. 256—257.

Об истории надписи и ее фотографию см. в сообщении Л. Флейшмана. Однако надпись Блока прочтена автором сообщения неточно. Обращение и дата в блоковском автографе расположены таким образом, что они как бы обрамляют напечатанную фамилию автора книги, которая в данном случае несомненно выполняет функцию подписи.

М. И. БЕНКЕНДОРФ

⟨М. И. Б.⟩

Вы предназначены не мне.
Зачем я видел Вас во сне?
Бывает сон — всю ночь один:
Так видит Даму паллади,
Так раненому снится враг,
Изгнаннику — родной очаг,
И капитану — океан,
И деве — розовый туман ...
Но сон мой был иным, иным,
Неизъясним, неповторим,
И если он приснится вновь,
Не возвратится к сердцу кровь...
И сам не знаю, для чего
Сна не скрываю моего,
И слов, и строк, ненужных Вам,
Как мне, — забвенью не предам.

⟨А. Б.⟩

23 X 1920 г.

На кн.: «Седое утро». М., «Алконост», 1920 (На обороте авантюла). — Местонахождение неизвестно.

Мария Игнатьевна Бенкендорф (во втором браке Будберг) (урожд. Закревская — 1892—1974) — секретарь издательства «Всемирная литература», переводчица. В 1922—1928 гг. секретарь и друг А. М. Горького, которой он посвятил роман «Жизнь Клима Самгина». В 1919—1921 гг. Бенкендорф не раз встречалась с Блоком в связи с работой в издательстве. Поэт упоминает ее в дневниках (VII, 390, 401) и записных книжках (ЗК, 475, 508). См. также упоминание о ней в шутовском протоколе заседания от 19 ноября 1919 г., посвященном открытию Дома искусств и записанном Блоком в альбоме К. И. Чуковского «Чукоккала» (см. «Блоковский сб.», 2, с. 427; фотография — в «Чукоккале». М., 1979, с. 247—250).

Стихотворное послание, посвященное Бенкендорф, как следует из надписи на «Седом утре», было создано 23 октября 1920 г. (этой же датой помечен черновик стихотворения — ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 107, л. 1), т. е. в первый день выхода книги в свет и получения ее от С. М. Алянского (в тот же день Блок написал сб. «Седое утро» издателью этой книги — Алянскому). Между тем Блок подарил Бенкендорф сборник лишь 30 ноября, как он отметил в записной книжке («Книжка — М. И. Бенкендорф» — ЗК, 508).

С посланием, обращенным к Бенкендорф, связан эпизод, подтверждающий, что Блок протестовал против оглашения некоторых своих надписей, в частности, этого интимного стихотворения. Текст публикуемого стихотворения стал известен К. И. Чуковскому, и Блок, видимо, выразил Бенкендорф свое неудовольствие по этому поводу. Она послала Блоку извинительное письмо от 7 декабря, в котором объясняла обстоятельства возникшего недоразумения и уверяла, что никому не показывала сборник с посвященным ей стихотворением: «Мне не хочется, чтоб Вы думали, что Ваше «Седое утро» с моими стихами мною хвастливо рекламируется» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 154, л. 1). Надпись приводится по первой публикации (сб. «Памяти Блока». П., 1922, с. 7), расположение текста и подписи поэта определяется из сопоставления с надписью-посланием Л. А. Дельмас на «Седом утре», датированным 23 октября того же года.

Т. И. БЕРЕЖНОМУ

Тимофею Ивановичу Бережному
с искренним уважением
и сердечным приветом —
от автора.

Март 1920

На кн.: «Стихотворения. Книга третья». М., «Мусагет», 1916. На первом свободном листе. — ГЛМ (ранее — собрание Н. П. Ильина).

Тимофей Иванович Бережной (1889—1963) — администратор Большого драматического театра, автор двух статей по истории театра (журн. «Рабочий и театр». Л., 1935, № 13; 1937, № 6). С конца апреля 1919 г. Блок стал председателем Управления БДТ. М. А. Бекетова писала в биографии поэта: «Актеры и администрация театра приняли его как нельзя лучше. Место главного режиссера занимал А. Н. Лаврентьев, управляющего театром — Гришин, главный администратор театра был Бережной» (М. А. Бекетова. Александр Блок, с. 274; о Лаврентьеве и Гришине см. в настоящей публикации). Блок упоминает несколько раз Бережного: в дневнике (VII, 397), в записных книжках (ЗК, 488, 494), сохранилась деловая записка Блока к Бережному, помеченная январем 1921 г. (ИМЛИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр.

54, л. 1). По свидетельству биографа Блока, Бережной вместе с другими сотрудниками БДТ оказывал посильную помощь поэту во время его предсмертной болезни, «высказывал самое теплое участие» (М. А. Бекетова. Александр Блок, с. 297).

Возможно, эта книга была подарена 2 марта 1919 г.: в записи, помеченной этим днем, Блок упоминает о визите к нему Бережного (ЗК. 488).

О Бережном см. также в воспоминаниях Г. Мичурина «Горячие дни актерской жизни», Л., 1972, с. 117.

Мемуарный рассказ самого Бережного о совместной работе с Блоком был записан в 1936 г. Д. Б. Тасным: «В сочельник 1918 года в Большом драматическом шла первая репетиция «Дон-Карлоса». (...) В зрительном зале в шубах сидели Лаврентьев, Гришин и ряд актеров, не занятых в спектакле. Стало ясно, что необходимо сократить текст пьесы, которая в один спектакль никак не укладывалась. Но кому поручить такую ответственную работу? На следующий день М. Ф. Андреева пригласила работников театра в ТЕО и здесь было названо имя Блока, которого решили просить заняться «Дон-Карлосом». В дальнейшем в разговорах о судьбах театра начинает все больше и больше фигурировать имя Блока. (...) Выступления Блока перед спектаклями имели грандиозный успех. Блок очень умно подавал свои доклады, читал их с большим чувством. Он долго готовился к каждому выступлению, волновался, как ребенок, но твердо верил, что приносит посильную помощь новой аудитории, заполнявшей зал театра. В одном из «понеделников», за несколько месяцев до смерти поэта, в Большом драматическом театре был устроен вечер Блока. Со словом о творчестве поэта выступил К. И. Чуковский. Блок читал свои стихи. Начал он с «Двенадцати». В первом отделении вечера поэт страшно волновался, но горячий прием аудитории, в которой преобладали красноармейцы и учащаяся молодежь, воодушевил его. Второе отделение он провел с большим подъемом. В апреле 1921 г. Блок заболел. Но и во время болезни он интересовался делами театра, приглашал к себе его руководителей и актеров, давал советы по репертуару. (Д. Т а с н ы. Блок в театре. — «Литературный Ленинград», 1936, № 36 (181), 25 августа. Рассказ Бережного содержит ряд неточностей.

Об этом последнем литературном вечере Блока в Петрограде К. И. Чуковский вспоминал: «Его вечер в Большом драматическом театре, устроенный Домом искусств в 1921 году, имел огромный успех. Театр был переполнен. Моя роль на этом вечере была более, чем скромная: я сказал вступительное слово, и сказал очень плохо, бесцветно. Это огорчило меня. Блок разыскал меня за кулисами, подарил мне цветок и привел с собой фотографа М. Наппельбаума, который по желанию поэта снял нас вдвоем» (см. «Чукоккала». М., 1979, с. 283; см. также об этом в его кн. «Современники». М., 1962, с. 168). Ср. с записью Блока в дневнике от 25 мая 1921 г.: «Чуковский написал обо мне книгу и читал ряд лекций. Отсюда — наше сближение, вечер в театре 25 апреля, снимались Наппельбаумом» (VII, 421). После этого вечера Блок в письме к Гришину от 28 апреля 1921 г. (см. в настоящем томе, книга 4) сообщал: «Посылаю книжечки Вам и Тимофею Ивановичу». Одной из этих книг был сб. «Седое утро» с публикуемой здесь надписью.

М. А. БИХТЕРУ

Михаилу Алексеевичу Бихтеру
на добрую память
о с о с т а в и т е л е.

СПб. Январь 1916

На кн.: «Стихотворения Аполлона Григорьева». М., изд. К. Ф. Некрасова, 1916.— Собрание А. М. Бихтера (Ленинград).

Михаил Алексеевич *Бихтер* (1881—1947) — пианист, дирижер, один из основателей и музыкальный руководитель «Театра музыкальной драмы», где пела Л. А. Дельмас; был связан со студией В. Э. Мейерхольда на Бородинской; впоследствии профессор Ленинградской консерватории. Его жена А. М. Никитина, секретарь редакции театрально-литературного журнала «Новая студия» и сотрудница студии В. Э. Мейерхольда, была приятельницей Л. Д. Блок (VII, 191, и ЛН, т. 89).

О «Театре музыкальной драмы» и связи его эстетики с эстетикой Блока см.: «Блок и музыка». М.—Л., 1972, с. 101—105. Как сообщает «Музыкальная энциклопедия» (т. 1, М., 1973, стлб. 485), М. А. Бихтер оставил мемуары под названием «Телега жизни»; однако в посмертно опубликованных отрывках из этих мемуаров («Советская музыка», 1959, № 9, с. 123—133; № 12, с. 111—117) ничего не говорится о работе автора в «Музыкальной драме» и о встречах с Блоком.

А. Л. БЛОКУ

Уважаемому профессору
Александру Львовичу Блоку
в знак духовного родства.

На кн.: «Стихи о Прекрасной Даме». М., «Гриф», 1905 (1904). На титульном

Дорогому Тимофею Ивановичу
Бережному,
славному устройтелю «вечера
Александра Блока
и Корнея Чуковского»

в Большом Драматическом Театре
25 апреля 1921 года от душевно преданного и благодарного автора.

На кн.: «Седое утро». П., «Алконост», 1920. На авантитуле.— Собрание С. Л. Маркова (Ленинград).

листе. — Местонахождение неизвестно. Надпись опубликована в статье: Евгений Спекторский. Поэт Блок и его отец. — «Српски књижевни гласник», 1933, Новая серия, XXXVIII, с. 436.

Александр Львович Блок (1852—1909) — отец поэта, профессор Варшавского университета, см. о нем в наст. томе «Письма отца к Блоку», «Письма Блока Е. В. Спекторскому» (кн. 2).

Л. Д. БЛОК

Любе.

16 января 1907 года

На кн.: «Нечаянная радость». М., «Скорпион», 1907. На шмуцтителе. — ИРЛИ, библиотека Блока.

Любовь Дмитриевна Блок (1881—1939) — жена поэта. См.: ЛН, т. 89.

Любе.

6.IV.07

На кн.: «Sir Edward Burne Jones». London, George Newnes. («Newnes' Art Library») — альбом репродукций (б.г.). На шмуцтителе. — ИРЛИ, библиотека Блока.

Любе.

10.IV.07

На кн.: «Снежная маска». СПб., «Оры», 1907. На шмуцтителе. — Собрание В. Н. Орлова (Ленинград). Надпись воспроизведена в ЛН, т. 89, с. 213.

Любе.

28 февр. 1908. СПб

На кн.: «Лирические драмы». СПб., «Шиповник», 1908. На обороте шмуцтитела. — ИРЛИ, библиотека Блока.

Любе.

2 мая 1911

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусагет», 1911. На авантителе. — ИРЛИ, библиотека Блока.

Любе.

29 X.1911

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусагет», 1911. На обложке. — ИРЛИ, библиотека Блока.

Любе.

18 XII 1911

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга вторая. Нечаянная радость». М., «Мусагет», 1912 (1911). На авантителе. — ИРЛИ, библиотека Блока.

Любе.

24 III 1912

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга третья. Снежная ночь». М., «Мусагет», 1912. На авантителе. — ИРЛИ, библиотека Блока.

Любе.

24 дек. 1912

На кн.: «Круглый год. Стихотворения для детей». М., изд. т-ва И. Д. Сытина, 1913. На титульном листе. — ИРЛИ, библиотека Блока.

Любе.

24 дек. 1912

На кн.: «Сказки. Стихи для детей». М., изд. т-ва И. Д. Сытина, 1913. На титульном листе. — ИРЛИ, библиотека Блока.

Любе.

27 мая. 1915

На кн.: «Стихи о России». Пг., изд. журн. «Отечество», 1915. На авантителе. — ИРЛИ, библиотека Блока.

Любе.

15 декабря 1915 г.

На кн.: «Стихотворения Аполлона Григорьева». М., изд. К. Ф. Некрасова, 1915. На шмуцтителе. — ИРЛИ, библиотека Блока. Автограф надписи воспроизведен в ЛН, т. 89, с. 349.

Любе.

24 августа 1920

На кн.: «За гранью прошлых дней». Пб., изд. З. И. Гржебина, 1920. На титульном листе. — ИРЛИ, библиотека Блока.

И. Н. БОРОЗДИНУ

Многоуважаемому
Илье Николаевичу Бороздину

Александр Блок

СПБ.1907

На кн.: «Снежная маска». СПб., «Оры», 1907. На шмуцтителе. — Собрание П. А. Бороздиной (Воронеж).

Илья Николаевич Бороздин (1883—1963) — историк, археолог, литератор, московский знакомый Блока (упоминание о встрече с ним в 1921 г. см. VII, 418); впоследствии профессор Воронежского университета.

Автограф надписи воспроизведен в кн.: Ол. Я а с у н с к и й. Власть книги. Воронеж, 1966, с. 262—263. Там же содержатся некоторые биографические данные

Л. Д. БЛОК — СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

Фотография, 1915

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

об И. Н. Бороздине. В частности, автор книги пишет: «Сближение <Бороздина> с А. Блоком относится еще к студенческой поре. В дальнейшем связи не только не нарушались, но, наоборот, крепились <...> Многолетнее знакомство с замечательным русским поэтом составило одно из самых дорогих благ, дарованных Илье Николаевичу жизнью» (с. 261). Ласунский также сообщает о знакомстве Бороздина с Брюсовым, Волошиным, Есениным и приводит тексты надписей на книгах, подаренных ему этими поэтами. И. Бороздин написал рецензию на постановку «Действа о Теофиле» Рютбефа в переводе Блока — «Средневековый театр. По поводу московских гастролей с.-петербургского Старинного театра» («Весы», 1908, № 4, с. 96). По-видимому, сам Бороздин также был стихотворцем: в 1919 г. он был принят во Всероссийский союз поэтов (Ол. Л а с у н с к и й. Указ. соч., с. 269).

А. М. БРОДСКОМУ

Александр Моисеевич Бродскому
с уважением и приветом.

Александр Блок

XII 1918

На кн.: «Двенадцать», 2-е изд. П., «Алконост», 1918, экз. № 65. На авантитуле.— ГЛМ.

Александр Моисеевич Бродский (1879—1964) — журналист, сотрудник журнала «Солнце России»; после революции — владелец художественного издательства «Светозар» в Петрограде (см. «Новая русская книга», 1922, № 4, с. 30), выпускавшего книги по изобразительному искусству, музыке, а также о МХАТ и других театрах. По-видимому, А. М. Бродский имел отношение и к делам издательств-

ва «Земля», выпускавшего в 1918 г. книги Блока (ЗК, 447). «Александр Моисеевич Бродский был человеком яростной энергии. Его издательство «Светозар» было своего рода печью, где в раскаленной атмосфере пеклись большие и малые книги», — писал о нем Н. Д. Волков в книге «Театральные вечера» (М., 1966, с. 33).

В. Я. БРЮСОВУ

Законодателю русского стиха,
Кормщику в темном плаще,
Путеводной зеленой Звезде.
Глубокоуважаемому
Валерию Яковлевичу Брюсову
В знак истинного преклонения

Александр Блок

29 X 1904 г. С. Петербург

На кн.: «Стихи о Прекрасной Даме». М., «Гриф», 1905 [1904]. На титульном листе. — ГБЛ (Отдел рукописей). Надпись опубликована в журн. «Печать и революция», 1928, № 4, с. 42.

Валерий Яковлевич Брюсов (1873—1924) — о взаимоотношениях Блока и Брюсова см. в наст. томе «Переписку с В. Я. Брюсовым» (кн. 1).

Венценосному певцу
безмерных глубин и снежных высот
Валерию Яковлевичу Брюсову
с глубоким уважением и
благодарностью —
внимательный и всегда преданный
ученик.

Александр Блок

Январь 1907. С-П-Б.

На кн.: «Нечаянная радость». М., «Скорпион», 1907. На шмуцтителе. — ГМИЛ, ранее собрание Н. П. Ильина. Надпись приведена в журн. «Печать и революция», 1928, № 4, с. 45:

Глубокоуважаемому и дорогому
Валерию Яковлевичу Брюсову
искренно преданный

Александр Блок

IV.07.СПБ.

На кн.: «Снежная маска». СПб., «Оры», 1907. На шмуцтителе. — Книга находилась в собрании И. М. Брюсовой (Москва), сейчас в частном собрании (Москва). Автограф надписи воспроизведен в ЛН, т. 27-28, с. 75.

Дорогому и глубокоуважаемому
Валерию Яковлевичу
Брюсову
запоздавая книга
от преданного ученика.

Александр Блок

29.II.08.СПБ.

На кн.: «Лирические драмы». СПб., «Шиповник», 1908. На обороте авантитула. — ГМИЛ, ранее собрание Н. П. Ильина. Автограф надписи воспроизведен в ЛН, т. 27-28, с. 135.

Глубокоуважаемому и дорогому
Валерию Яковлевичу Брюсову

Александр Блок

Сентябрь. 1908

На кн.: «Земля в снегу». М., изд. журн. «Золотое руно». М., 1908. На первом свободном листе. — ГБЛ (Отдел рукописей). Надпись опубликована в каталоге «Прижизненные издания Александра Александровича Блока». М., 1980, с. 16.

Валерию Брюсову,
чей образ для меня высок.

Автор

Май 1911

«Книга стихов должна быть не случайным сборником разнородных стихотворений, а именно *книгой*, замкнутым целым, объединенным единой мыслью».

Из предисловия к «Urbi et Orbi»
1903 г.

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусагет», 1911. На авантитуле. — ГБЛ (Рукописный отдел). Надпись опубликована в каталоге «Прижизненные издания Александра Александровича Блока». Подробный комментарий к этой надписи см. там же, с. 5.

Дорогому Валерию Яковлевичу
Брюсову
на добрую память

Александр Блок

Ноябрь 1911

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусагет», 1911. На титульном листе. — Собрание Э. И. Григолюка (Москва).

Дорогому
Валерию Яковлевичу Брюсову
Александр Блок.

1912

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга вторая. Нечаянная радость». М., «Мусaget», 1912 (1911). На авантитуле.— ГБЛ (Отдел рукописей). Надпись опубликована в каталоге «Прижизненные издания Александра Александровича Блока».

Валерию Брюсову

И вновь, и вновь Твой дух таинственный
В глухой ночи, в ночи пустой
Велит к Твоей мечте единственной
Прильнуть и пить напиток Твой...

Вновь причастись души неистойой,
И яд, и боль, и сладость пей,
И тихо книгу перелистывай,
Впиваясь в Зеркало Теней...

Пусть, несказанной мукой мучая,
Здесь бьется страсть, змеится грусть,
Восторженная буря случая
Сулит конец, убийство — пусть!...

Что жизнь пытала, жгла, коверкала,
Здесь стало легкою мечтой,
И поле траурного зеркала
Прозрачной стынет красотой...

А красотой — без слов повелено:
«Гори, гори. Живи, живи.
Пускай крыло души прострелено —
Кровь обогрив алтарь любви!»

Александр Блок

Март 1912

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга третья. Снежная ночь». М., «Мусaget», 1912. На авантитуле и обороте.— Собрание Э. И. Григolia (Москва). Стихотворение опубликовано в журн. «Русская мысль», 1913, № 4.

С. А. ВЕНГЕРОВУ

Семену Афанасьевичу
Венгеру
с глубоким уважением —

автор.

Май 1911

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусaget», 1911. На авантитуле.— ИРЛИ, библиотека.

Семен Афанасьевич Венгер (1855—1920) — историк литературы, библиограф, либеральный общественный деятель, профессор Петербургского университета. Блок

познакомился с ним осенью 1905 г. (см. письмо Блока к отцу от 30.XII.1905— VIII, 144). Для редактировавшейся Венгером в издательстве «Брокгауз и Ефрон» Библиотеки великих писателей Блок в 1905—1907 гг. перевел ряд стихотворений Байрона, а также прокомментировал некоторые юношеские стихи Пушкина; по просьбе Венгерова им был составлен и «Очерк литературы о Грибоедове» (Собр. соч., т. II. Л., 1934, с. 81—130). См. письма Блока к Венгеру, связанные с этими работами («Блоковский сб.», 2, с. 334—340; «Литературный архив», 1. М., 1938, с. 354—357). В отношениях Блока с Венгером существовала очевидная взаимная симпатия несмотря на все различие в возрасте и взглядах (эту разницу во взглядах Блок констатировал в записи от 15 июля 1909 г.— ЗК, 154).

В своей статье «Победители и побежденные» Венгер назвал Блока «самым даровитым из новых поэтов» и так охарактеризовал его поэзию: «Удивительно целомудренна, строга и аскетична муза Блока (...) Ему, как пушкинскому «Рыцарю бедному», было одно явление, «непостижное уму», и в разных формах он его изображает в своих дымчато-прозрачных, всегда изящных видениях (...) Особую прелесть придает поэзии Блока отпечаток какой-то очаровательной наивности, который лежит на всем его творчестве. Это — не поддельная наивность стилизованного «примитива», а настоящая кристальная творческих настроений» (С. А. Венгер о В. Основные черты истории новейшей русской литературы. СПб., 1909, с. 74—76). Приведенный отзыв Венгерова Блок назвал в письме к нему «драгоценным» для себя (VIII, 263).

12 декабря 1908 г. Блок по приглашению Венгерова выступил в Литературном обществе при Петербургском университете с докладом «Россия и интеллигенция» (ранее читанным в Религиозно-философском обществе); через день он писал матери: «(...) Очаровательное отношение ко мне стариков из «Русского богатства» (Н. Ф. Анненского, Г. К. Градовского, С. А. Венгерова и прочих). Они кормили меня конфетами, аплодировали и относились как к любимому внуку, с какою-то кристальной чистотой, доверием, и любезностью (...) Венгер говорит, что на заседаниях Литературного общества никогда не было такого напряжения» (VIII, 269).

По-видимому, одной из причин симпатии Венгерова к Блоку была «профессорская родословная» последнего, родовая связь с традициями академического либерализма (о которой всегда помнил и сам Блок; см., например, его письмо к В. В. Розанову от 17 февраля 1909 г.— VIII, 274); в письмах к Блоку Венгер подчеркивает свое знакомство с отцом Блока, а с дедом по матери А. Н. Бекетовым, а равно и с тестем — Д. И. Менделеевым (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 186, л. 1—2. 5; см. также «Блоковский сб.», 2, с. 333—334).

Известно, что помимо названных здесь трех книг Блок подарил Венгеру сборник «Земля в снегу» (см. благодарность Венгерова в письме Блоку от 23 ноября 1908 г.— ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 186), а также книгу «Стихи о России» (ЗК, 264). В архиве Блока сохранился титульный лист из книги Венгерова «Эпоха Белинского» (СПб., 1905) с дарственной надписью Блоку (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 187, л. 3). Для вышедшего в 1915 г. под редакцией Венгерова издания «Русская литература XX века» Блок написал автобиографию (VII, 7, 462), которая была послана Венгеру с приложением фотографии поэта с подписью—автографом (она находится в музее ИРЛИ, Ленинград). В октябре 1917 г. Венгер предлагал Блоку баллотироваться в члены Литературного фонда, в котором он был председателем (VII, 311), а в августе—сентябре 1918 г. Блок ходатайствовал перед Венгером о вспомоществовании от Литературного фонда для своей тетки, переводчицы М. А. Бекетовой (ЗК, 423, 429).

Глубокоуважаемому

Семену Афанасьевичу Венгеру —

а в т о р

1912

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга вторая. Нечаянная радость». М., «Мусагет», 1912 <1911>. На авантаитуле.— ИРЛИ, библиотека.

Глубокоуважаемому

Семену Афанасьевичу Венгеру —

преданный а в т о р

Апрель 1912

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга третья. Снежная ночь». М., «Мусагет», 1912. На авантаитуле.— ИРЛИ, библиотека Блока.

З. А. ВЕНГЕРОВОЙ

Зинаиде Афанасьевне
Венгеровой

с приветом от а в т о р а .

VIII 1918

На кн.: «Соловиный сад». П., «Алькост», 1918. На авантаитуле.— Печатается по копии Н. П. Ильина.

Зинаида Афанасьевна *Венгерова* (1867—1941) — критик, переводчица, историк литературы, сестра профессора С. А. Венгерова (см. выше), жена поэта-символиста Н. М. Минского (1855—1937). Сотрудничала в репертуарной секции ТЕО Наркомпроса и во «Всемирной литературе» (в основном как переводчица английских авторов — VI, 477). Дата дарения уточняется записью в записной книжке от 3 августа 1918 г.: «Две книги З. Венгеровой...» (ЗК,

419). В записных книжках Блока за 1918—1920 гг. отмечен целый ряд встреч с Венгеровой; в частности, 25 июня 1918 г. он подарил ей экземпляр «Двенадцати» (ЗК, 414). Впрочем, знакомство Блока с Венгеровой относится к гораздо более раннему времени: см. шарж Блока на нее, приблизительно датированный 1903 г. (ЛН, т. 89, с. 173), а также упоминания в блоковских письмах об ее присутствии (в качестве театрального рецензента) 9 июня 1912 г. на спектакле «Терионского театра», где играла Л. Д. Блок (VIII, 392; ЛН, т. 89, с. 280).

В. П. ВЕРИГИНОЙ

Белой лебеди Свангильд —
Валентине Петровне Веригиной

Александр Б л о к

9 февраля 1907

На кн.: «Нечаянная радость». М., «Скорпион», 1907. На шмуцтитуле.— Собрание В. П. Веригиной (Ленинград). Надпись приведена в изд.: «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 104, 1961, с. 332.

Валентина Петровна *Веригина* (1882—1974) — актриса Театра В. Ф. Комиссаржевской, Театра А. Ф. Корша, ближайшая приятельница Л. Д. Блок. О ее взаимоотношениях с Блоком см.: Указ. изд., с. 304—371; В е р и г и н а. Воспоминания. Л., 1974; упоминания о ней см. также в сообщении И. С. Зильберштейна «О встречах с Любовью Дмитриевной Блок и о судьбе хранившегося у нее архива поэта». — ЛН, т. 89, с. 383—385.

Валентине Петровне Веригиной
с приветом и уважением.

Александр Б л о к

Март 1912. СПб.

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусагет», 1911. На титульном листе.— Собрание В. П. Веригиной (Ленинград). Надпись приведена в изд.: «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 104, с. 351.

Сия книга, ныне являющаяся библиографической редкостью, поднесена автором Валентине Петровне Веригиной ввиду сделанного ею 23 апреля сего 1914 года заявления о том, что первобытный ее (книги) экземпляр был съеден собакою, которая от того скончалась.

О, сколь изменчивы и превратны судьбы творений, нами тиснению предаваемых!

А. Б л о к

На кн.: «Снежная маска». СПб., «Оры», 1907. На пмуцтитугле. — Собрание В. П. Веригиной (Ленинград). Надпись приведена в изд.: «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 104, с. 364.

Ю. Н. ВЕРХОВСКОМУ

Юрию Верховскому

(При получении «Идиллий и элегий»)

Дождь мелкий, разговор неспешный,
Из-под цилиндра прядь волос,
Смех легкий и немножко грешный —
Ведь так при встречах повелось?

Но вот — какой-то светлый гений
С туманным факелом в руке
Занес ваш дар в мой дом осенний,
Где я — в тревоге и в тоске.

И в шуме осени суровом
Я вспомнил вас, люблю уже
За каждый Ваш намек о новом
В старинном, грустном чертеже.

Мы посмеялись, пошутили,
И всем придется, может быть,
Сквозь резвость томную идиллий
В ночь скорбную элегий плыть.

Александр Блок

Май 1911

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусагет», 1911. На авантитуле. — ГМИЛ, ранее собрание Н. П. Ильина.

Юрий Никандрович *Верховский* (1878—1956) — поэт, историк литературы, специалист по русской поэзии начала XIX века. Лично и литературно был близок к символистам, но стремился сочетать символистскую поэтику с ориентацией на стиховую культуру пушкинской поры. Блок с похвалой отзывался на одно из первых печатных выступлений Верховского (см. рецензию на «Зеленый сборник», СПб., 1905, V, 582). В 1907 г. Блок намеревался участвовать в журнале «Поток», среди учредителей которого был Верховский (см. письмо Блока к Верховскому от 31 января 1907 г. — VIII, 179); издание журнала не состоялось. В свою очередь, в 1911 г. Блок привлек Верховского в круг ближайших сотрудников создавшегося тогда (но также не вышедшего) журнала, который должны были возглавить Блок, Е. В. Аничков и В. А. Пяст (см.: В. Пяст. Воспоминания о Блоке. Пг., 1923, с. 16, 43); в письме Пясту от 23 января 1911 г., указывая на трудности с объединением сотрудников будущего журнала, Блок писал: «В Верховском мы уже возбудили невольственные ему чувства» (В. Пяст. Указ. соч., с. 87; очевидно, речь идет о чувствах, не отвечающих ре-

путации Верховского как человека мягкого и незлобного).

При всем различии литературных установок личные отношения Блока с Верховским были проникнуты симпатией и дружеским; в записи от 28 июня 1916 г. (своего рода «подведение итогов» перед уходом в армию) Блок назвал Верховского в числе своих «добрых приятелей» (ЗК, 309). В 1912 г. Блок планировал выпустить во вновь созданном издательстве «Сирин» собрание стихотворений Верховского (VII, 196); это издание не состоялось (только в 1917 г. в издательстве «Мусагет» вышел первый том «Стихотворений Юрия Верховского»). Верховский был одним из тех немногих, кому Блок посвятил стихотворные послания: надпись на экземпляре «Стихов о Прекрасной Даме» была откликом на присылку Верховским его книги «Идиллии и элегии» (СПб., «Оры», 1910). Стихотворение было впервые опубликовано в «Русской мысли» (1913, № 4). Ответное послание Верховского «А. Блоку в деревню» («Укрывшись в тихой подмосковной...») см. в наст. книге ниже. На это послание Блок откликнулся следующим письмом: «Дорогой Юрий Никандрович. Конечно, стихи не созвучны; они — Ваши очень, как многие Ваши стихи; они также «запечатаны», их надо как-то расшифровывать, несмотря на полную «понятность». Странные происходят вещи: сначала они мне не понравились, потом бессознательно запомнились наизусть (...) Удивительно верный чертеж — слабый нажим пера. Вы не сердитесь, я ведь не критикую (все меньше выношу «критику»), а только дружественно и сочувственно думаю влудх. Несмотря на все, жить прекрасно, дорогой Юрий Никандрович» (письмо от 25 февраля 1913 г.; сохранилось в копии, сделанной адресатом. ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 502, л. 8).

В письме к В. Э. Мейерхольду от 15 января 1915 г. Блок, говоря о «петербургской поэтике», сложившейся, главным образом, в кругу «Цеха поэтов», писал: «После таких стихов я начинаю обыкновенно жаждать сухого, чопорного «пушкиньянца» Верховского» («Новый мир», 1979, № 4, с. 165).

В архиве Блока сохранилась публикация «Сельских эпиграмм» Верховского («Русская мысль», 1914, № 3) с надписью автора: «Дорогому всегда Александру Александровичу Блоку — привет Ю. В. Тифлис, IV, 1914» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 195, л. 16).

Последние встречи Верховского с Блоком состоялись зимой 1920—1921 гг. (см. записи Блока: 12 декабря — «Звонил приехавший из Перми (2½ года) Юрий Верховский»; 22 декабря — «Вечером был Верховский» — ЗК, 509, 510). В Перми Верховский был профессором русской литературы в местном университете. В декабрьскую встречу и были сделаны две последние из приведенных здесь надписей. В воспоминаниях («Дружба народов», 1980,

№ 11, с. 260). Верховский так писал об этом: «...последний подарок Александра Александровича — „Седое утро“ с надписью (...) Даты, увы, не помню (...) Я встретился на улице с С. М. Алянским, он шел к Александру Александровичу, предложил и мне зайти. Последняя „мимолетная встреча среди бурь жизни“».

А. М. Ремизов в воспоминаниях о Блоке, написанных в форме письма к Блоку, упоминает о приезде Верховского в Петроград в следующих словах: «Помните, на Новый год из Перми, после долгого пропада, появился влюбленный Слон Слонович (Юрий Верховский), — вот кому горе, как узнает! (о смерти Блока) — ведь Вы первый в «Вопросах жизни» отозвались на его стихи слоновьи, на «Зеленый сборник», в котором впервые выступил Слон с М. А. Кузминым и Менжинским» (А. Ремизов. Из огненной России. — «Художественная мысль», Харьков, 1922, № 9, с. 14). Ремизов допустил ошибку: публикация в «Зеленом сборнике» не была первым печатным выступлением Верховского, он впервые напечатал свои стихи в ноябрьской книжке «Вестника Европы» за 1899 г. («Писатели современной эпохи». М., 1928, с. 74).

Вскоре после смерти Блока Верховский написал очерк «Улыбка Блока» — не столько воспоминания, сколько размышления о духовном облике Блока, о присущей ему внутренней гармоничности. В частности, Верховский писал в этом очерке: «Представляешь себе — милого, прекрасного, живого Блока, с его светлым лицом, с его ясным взглядом и детской улыбкой. Таким душевно он и отошел от нас. В том порукой — его поэзия. Мне напомнят не только грустный, не только глубоко печальный, но прямо порою мрачный строй его песен (...) Но вслушайтесь в напев их, вникните в их гармонию и отдайтесь ей. Тогда вы поймете, что «его душа возвысилась до строя», что этот *строй* проникнул уже и звуки душевного страдания, а следовательно — строй этот знаменует преодоление творческое душевного разлада. (...) Так должно думать об истинном поэте. Так верю глубоко, и веру мою подтверждает — улыбка Блока. Она и сейчас веет мне с последнего снятого при жизни его изображения. (...) Любовь к Блоку — живому человеку, органическому и цельному — представлялась мне одной из связей наших с будущим. Он и сам, казалось, еще неожиданным и новым — хотя все тем же явится весь в будущем» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 502, л. 1—2, 7).

Юрию Верховскому

Александр Блок

Январь 1912. СПб.

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга вторая. Нечаянная радость». М., «Мусaget», 1912 (1914). На авантитуле. — ГМИЛ, ранее — собрание Н. П. Ильина.

Милому Юрию Никандровичу
Верховскому.

Александр Блок

Январь 1914. СПб.

На отд. оттиске: «Роза и крест» (альм. «Сирин», I. СПб., 1913). — ГМИЛ, ранее — собрание Н. П. Ильина.

Милому Юрию Никандровичу
Верховскому

от автора.

Декабрь 1915. С. Петербург

На кн.: «Стихи о России». П., изд. журн. «Отечество», 1915. На первом свободном листе. — ГМИЛ, ранее — собрание Н. П. Ильина.

Дорогому Юрию Никандровичу
Верховскому

с приветом от автора.

XII 1920

На кн.: «За гранью прошлых дней». П., изд. З. И. Гржебина, 1920. На титульном листе. — ГМИЛ, ранее — собрание Н. П. Ильина.

Дорогому Юрию Никандровичу
Верховскому

в день мимолетной нашей встречи
среди бурь жизни.

Ал. Блок

22.XII.1920

На кн.: «Седое утро». П., «Алжоност», 1920. На авантитуле. — ГМИЛ, ранее — собрание Н. П. Ильина (Москва). Автограф надписи воспроизведен в журн. «Наука и жизнь», 1968, № 9, с. 63.

Н. Н. ВОЛОХОВОЙ

Наталии

Николаевне

Волоховой.

Позвольте поднести Вам эту книгу — очень несовершенную, тяжелую и сомнительную для меня. Что в ней правда и что ложь, покажет только будущее. Я знаю только, что она не случайна, и то, что здесь не случайно, люблю.

Александр Блок

3 ноября 1908. СПб.

На кн.: «Земля в снегу». М., изд. журн. «Золотое руно», 1908. На первом свободном листе. — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 17. Книга утрачена, сохранился только лист с надписью. Надпись опубликована в журнале «Новый мир», 1955, № 11, с. 153.

Наталья Николаевна Волохова (урожденная Анцыферова, 1878—1966) — драматическая актриса, в течение трех сезонов (1906—1908) играла в Театре В. Ф. Комиссаржевской, участвовала в первой постановке «Балаганчика» (1906—1907); ей посвящены блоховские циклы «Снежная маска» и «Фаина», с нею частично связаны «Песня Судьбы» и «Сказка о той, которая не поймет ее». Ее воспоминания о Блоке «Земля в снегу» см. — «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 104, Тарту, 1961, с. 371—378. О ней см. в «Воспоминаниях об Александре Блоке» В. П. Веригиной (там же, с. 310—371).

По свидетельству Н. Н. Волоховой экземпляр «Снежной маски», подаренный ей, «был переплетен Александром Александровичем в темно-синий бархат с маленькой бронзовой виньеткой в углу и очень напоминал молитвенник» (там же, с. 374). Судьба этой книги неизвестна, Веригина вспоминает, что письма Блока к Н. Н. Волоховой «сгорели вместе с портретами поэта в доме родственников Н. Н. в ее отсутствие. Уцелела только подаренная ей книга «Земля в снегу» — с надписью» (там же, с. 346).

В библиотеке Блока (ИРЛИ) сохранился его личный экземпляр «Снежной маски» с владельческой надписью на обложке: «Александр Блок. 10.IV.07» (дата выхода книги — 8 апреля 1907). На этой книге под печатным посвящением, обращенным к Волоховой: «Посвящаю эти стихи Тебе, высокая женщина в черном, с глазами крылатыми и влюбленными в огни и мглу моего снежного города» — актриса через год написала: «Радостно принимаю эту необычайную книгу, радостно и со страхом — так много в ней красоты, пророчества, смерти. Жду подвига. Наталия. 908 г. — 27/II».

3 ноября 1908 г. Блок подарил Волоховой сборник «Земля в снегу» (в книгу вошел посвященный ей цикл «Снежная маска» и другие стихотворения), а уже 20 ноября он написал последнее обращенное к актрисе стихотворение «Своими горькими слезами...», свидетельствующее о разрыве поэта с ней (об отношении Волоховой к этому стихотворению см. — там же, с. 330, 377).

М. А. ВОЛОШИНУ

Многоуважаемому
Максимилиану Александровичу
Волошину
искренно преданный

Александр Блок

24 апреля 07. С-П-Б.

На кн.: «Снежная маска». СПб., «Оры», 1907. На шмуцтитуле. — Находилась в собрании Дома-музея М. А. Волошина (Коктебель).

Максимилиан Александрович Волошин (1887—1932) — поэт, переводчик, художник, см. о нем в наст. томе сообщения «Блок и Волошин» (кн. 4).

Матери

Николаевич

Волоховой.

Позвольте представить Вам
Эту книгу — о том, кем вы мне
мне и Солидарность
мне. Это в ней правда и
это любовь, которая только
будущее. Я знаю только, что
она не случайна, и то, что
дети не случайны, люблю.

Александр Блок

3 ноября 1908.
СПб.

БЛОК. ЗЕМЛЯ В СНЕГУ. М., ИЗД. ЖУРНАЛА
«ЗОЛОТОЕ РУНО», 1908, С ДАРСТВЕННОЙ
НАДПИСЬЮ БЛОКА Н. Н. ВОЛОВОЙ
Центральный архив литературы и искусства,
Москва

Н. П. ГЕ

Николаю Петровичу Ге
от любящего автора.

14 ноября 1912

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусагет». 1911. На авантитуле (конволют со II и III книгами). — ГЛМ.

Николай Петрович Ге (1884—1920) — публицист, искусствовед; внук художника Н. Н. Ге; был близок к кругу «Мира искусства». Блок дружил с ним в университетские годы, но встречался и позже (см. ЗК. 309 — запись от 28 июня 1916 г., где Ге упомянут в числе «добрых друзей» Блока). М. А. Бекетова так охарактеризовала Ге: «Николай Петрович Ге был искренний и чистый юноша, но уже тогда усталый и вялый. Его благородные порывы оказались бесплодными. В конце концов он как-то прилепился к Розанову» (М. Бекетова. Александр Блок. Л., 1930, с. 99).

Один из виднейших деятелей «Мира искусства» М. В. Добужинский так пишет о Ге: «Из других посетителей дома № 11 на Фонтанке (где жил С. П. Дягилев в нахо-

дила редакция журнала «Мир искусства») я вспоминаю Кикю Ге (Николая, внука художника). Он тогда был студент, совсем почти мальчик, широкоплечий, с гордо поставленной головой и горбоносый, и поражал особенным умением вести споры на самые хитрые философские темы. Я помню его высокий фальцет и его ловкие реплики, показывающие глубокие его знания и начитанность, и как все с интересом слушали этого настоящего «вундеркинда». Он скоро умер и лишь мелькнул в нашей среде» (М. В. Д о б у ж и н с к и й. Воспоминания, т. I. Нью-Йорк, 1976, с. 299).

Г. И. Чулков рекомендовал его В. Я. Брюсову в письме от 14 июля 1905 г.: «Николай Петрович Ге <...> жаждет познакомиться с Вами и предложить свое сотрудничество «Весам». Полагаю, что он был бы Вам полезным сотрудником. Он такой остроумный и талантливый человек» (ГБЛ. ф. 387, к. 107, № 46, л. 16).

К дате дарения книги относится следующая запись в дневнике Блока за 15 ноября 1912 г.: «Вечером у меня Жена Иванов и Ге (Ге — получше, но основание все то же: безволие, между двух стульев, милый, честный» (VII, 179). Несколько ранее, 5 января того же года, Блок записал в дневнике: «Ге — ужасный бедняжка, милый ребенок, ему все тяжело» (VII, 120). А в ноябре 1912 г. Блок привлек Ге к сотрудничеству в газете «Русская молва», которую издавала Ариадна Тыркова и в которой Блок на первых порах принимал ближайшее участие (VII, 183).

17 мая 1916 г. Блок записал после встречи с Ге: «Очень светел, очень умен, все такой же трогательный и хороший. Научился уважать немцев, не любит Достоевского» (ЗК, 300). Спустя несколько дней в записной книжке Блока сделана следующая запись: «Н. П. Ге читал мне статью, которую хотел бы прочесть Горькому (о вырождении дворянства, о новой русской интеллигенции, продолжившей во второй половине XIX века традиции декабристов, о «востоке и западе»: запад аристократичен, для восприятия его культуры надо оберегать наиболее жизнеспособное крестьянское сословие от вредных идей социально-гуманистического типа. Аристократия и демократия — не противоположны, люди — не равны» (ЗК, 302).

Портрет молодого Ге дает в своих неопубликованных мемуарах «Итоги жизни» Дамлат Лутохин: «Н. П. Ге, краснощекий, пышущий юностью, затянутый в студ(енческий) синий сюртук, отличался пушкинской ясностью: исключительно способный, колоссально начитанный, дерзкий в своих философских поисках, он был чужд метафизики в первые мои с ним встречи. Мы с ним сразу подружились, он затаскивал меня к себе. Его отец — сын художника Н. Н. Ге и сам небезызвестный худ(ожественный) критик, мать урожд(енная) Забелла, сестра известн(ой) певицы, Наталья Ивановны (жены Врубеля, нередко с ним заходившей)» (ГПБ, ф. 445, ед. хр. 2, л. 28).

О. В. ГЗОВСКОЙ

Ольге Владимировне Гзовской —
Изоре —
на память о прекрасных днях
марта и апреля 1916 года.

Александр Блок

На кн.: «Театр». М., «Мусaget», 1916. На первом свободном листе, сохранились первые 16 стр. — ЛГТМ.

Ольга Владимировна Гзовская (1883—1962) — драматическая актриса, играла в Художественном и Малом театрах; в 1920—1932 гг. жила за границей, где работала преимущественно в кино. В 1916 г. репетировала в Художественном театре роль Изоры для несостоявшегося спектакля «Роза и Крест». Блок познакомился с Гзовской весной 1916 г., когда он (с 29 марта по 6 апреля) был в Москве по делам, связанным с постановкой «Розы и Креста» в МХТ.

Первая из приводимых надписей опубликована в мемуарном очерке Гзовской о Блоке («Русская литература», 1961, № 3, с. 197—205); вторично — в составе того же очерка, перепечатанного в книге мемуаров Гзовской и воспоминаний о ней (Ольга Владимировна Г з о в с к а я. Пути и репутация. Портреты. М., 1976, с. 252).

В письме к матери от 31 марта 1916 г. Блок так рассказывал о читке «Розы и Креста» в Художественном театре: «Гзовская очень хорошо слушает, хочет играть, но она любит Игоря Северянина и боится делать себя смуглой, чтобы сохранить дрожание собственных ресниц. Кроме того, я в нее никак не могу влюбиться» (VIII, 460). Уже по возвращении в Петербург Блок посмотрел фильм «Мара Крамская» с Гзовской в главной роли и пометил в записной книжке: «Все плохо, кроме сцены в притоне. Характерная актриса. Изоре придать простонародные черты. Пишу Гзовской» (ЗК, 302). Письмо Блока к Гзовской (VIII, 461—462) «развертывает» эту конспективную запись. Особо следует отметить следующее место этого письма: «Вы сами не знаете, какую трагедию переживаете: все ту же, ту же, нашу общую, художническую: *играете...* говоря о жизни». К этим словам Блок делает сноску: «Понять ничего нельзя? Объясняю когда-нибудь лучше».

Вот как вспоминала сама Гзовская о репетициях «Розы и Креста» в МХТ и знакомстве с Блоком: «Появление Блока в Художественном театре стало большим событием. До этого в театре, правда, шли пьесы в стихах, но, как правило, это были переводы. Блок для всех нас был настоящим современным русским поэтом, несшим в себе традиции Пушкина, достойным его преемником. Стихотворная форма у Блока была доведена до совершенства. <...> Мы много говорили с Блоком о роли Изоры и о пьесе вообще, но не в театре, а во время наших длительных прогулок по городу.

«...» Александр Александрович был в восторге от атмосферы репетиций. Он говорил: «Я никогда ни в одном театре не видел такой работы, актеры приходят, как на праздник». Во время одной из репетиций я получила от Блока томик его «Театра», где была напечатана «Роза и Крест», с трогательной надписью «...». Свободы «...» хотел от меня Блок в исполнении Изоры. Не «нажимать», не «играть», а жить, как дети в игре «...». Он считал, что надо импровизировать, верить в правду чувств, и тогда все получится. «...» По поводу нашей дружбы с Блоком много было разговоров в театре и всякого рода шуток. А однажды на репетиции Станиславский, обращаясь к присутствующим, спросил: «Отгадайте загадку: что общего между Ольгой Владимировной Гзовской и Россией?» И, лукаво улыбаясь, сам ответил: «И та и другая блокированы». Присутствующие весело рассмеялись, а я была очень смущена» (О. В. Г з о в с к а я. Пути и перепутья. Портреты, с. 251—255).

Блок виделся с Гзовской в апреле 1917 г., перед ее уходом из Художественного театра (см. письма к матери от 15 и 16 апреля 1917—VIII, 483—485), а также в мае 1920 г., во время своей предпоследней поездки в Москву (об этой встрече см. в воспоминаниях мужа Гзовской: В. Г. Г а й д а р о в. В театре и в кино. Л.—М., 1966, с. 72—74; там же мемуарист сообщает и некоторые подробности о работе МХТ над «Розой и Крестом»).

Ольге Владимировне Гзовской —
от искренно преданного
а в т о р а.

Июнь 1916

На кн.: «Стихотворения. Книга первая». М., «Мусагет», 1916. На первом свободном листе.—ЛГТМ. Книга утрачена, сохранились четыре первых листа.

А. В. ГИППИУСУ

Милому другу

Александру Васильевичу Гиппиусу

Ал. Б л о к.

4 ноября 1911.

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусагет», 1911. На титульном листе.—Собрание Е. С. Шальмана (Москва).

Александр Васильевич Гиппиус (1878—1942) — юрист, стихотворец, университетский товарищ Блока; в записи от 28 июня 1916 г. Блок называет его в числе своих «действительных друзей» (ЗК, 309). 30 августа 1918 г. Блок, вспоминая пору своей юности, записал в дневнике: «В эту зиму (кажется, к весне 1900) произошло знакомство с А. В. Гиппиусом, который пришел ко мне за конспектом государственного права, услышав от кого-то, что мой конспект хорош. Мы стали видеться, я был

вал у него «...» А. В. Гиппиус показывал мне в эту весну 1901 г. только что вышедшие первые «Северные цветы» «Скорпиона», «...» в следующее за тем «*мистическое лето*» эта книга играла также особую роль» (VII, 342, 344). Об отношениях и переписке Блока с А. В. Гиппиусом см. наст. том, кн. 1.

По окончании университета Гиппиус жил по преимуществу в провинции; они с Блоком редко обменивались письмами, но тон этих писем неизменно оставался теплым. В письме из Ковно от 6 июня 1911 г. А. Гиппиус, высказывая Блоку благодарность за присылку второго издания «Стихов о Прекрасной Даме», писал: «Твоя Прекрасная Дама, которую я получил еще в мае (около 20), была для меня воистину Нечаянной Радостью. Не говорю уже, как тронула меня сама присылка книги, надпись на ней — нежная и близкая, — сколько лучших чувств пробудила во мне. Самое содержание книги, сама ее суть вдруг стали мне ближе, чем когда-либо. «...» Ты и сам знаешь, сколько светлого и вечно радостного заронил ты в мою душу — и то, что заронено тобою, живит мою душу — в дни сомнений, в дни тягостных раздумий» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 215, л. 70—70 об.). Спустя примерно год, 1 мая 1912 г. Гиппиус так откликнулся на присылку Блоком сборника «Ночные часы»: «Изменялся ли я или тому другая причина, но воспринимать тебя (конечно, еще не вполне) я стал как-то больше, полнее» (там же, л. 72).

В 1915 г. по инициативе Блока журнал Вс. Мейерхольда «Любовь к трем апельсинам» опубликовал большую подборку (14 стихотворений) Гиппиуса (под псевдонимом «А. Надеждин»; «Любовь к трем апельсинам», 1915, № 1-2-3, с. 5—21). Эти стихи, выглядевшие на фоне позднесимволистской и постсимволистской поэзии анахронизмом, Блок рекомендовал к публикации едва ли только из личных симпатий к автору. Именно в этот период Блок все больше отчуждается от своего ближайшего литературного окружения (чему свидетельством, например, статья «Судьба Аполлона Григорьева» и такие стихи, как «Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух...» — III, 156) и ищет союзников «на окраине» литературы. В архиве Блока сохранился отгис стихотворений Гиппиуса из «Любви к трем апельсинам» с авторской надписью: «Милому другу Ал. Ал. Блоку от чистого сердца. А. Н. 13 октября 1915» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 486, л. 5).

Блок встречался не раз с Гиппиусом в 1917—1919 гг., когда тот жил в Петербурге. Последнее письмо Гиппиуса Блоку, отправленное 3 июня 1919 г. из Мурашей Вятской губернии, где Гиппиус тогда учительствовал, содержит просьбу прислать третий том стихотворений Блока в издании «Мусагета» и отдельное издание «Соловьиного сада» — книги, однажды уже подаренные Гиппиусу Блоком, но затем у него похищенные: «Это мои любимые книжки — а здесь, в Мурашах, тем более я был

бы несказанно («нечаянно») ими обрадован, так как Блока достать нигде, а ты сам знаешь, как много он для меня значит» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 245, л. 75). Неизвестно, были ли просимые книги посланы Блоком.

На книге «Ночные часы» имеются две надписи, дополняющие ее историю. На передней обложке помечено: «Подарено мне Ш(урой) Гиппиусом в августе 1921 г. Б(орис) А(сафьев)». На задней — владельческая надпись «А. Гиппиус».

В это время, как известно, музыковед Б. В. Асафьев (И. Глебов) обратился к творчеству Блока — см. его ранние работы: «Русская поэзия в русской музыке». П., 1921 и ст. «Видение мира в духе музыки (Поэзия А. Блока)» в сб. «Блок и музыка». Л.— М., 1972, с. 8—57.

В. В. ГИППИУСУ

Василию Гиппиусу
с приветом.

«Александр Б л о к».

«Апрель 1912. СПб.»

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусагет», 1911 — ИРЛИ.

Василий Васильевич *Гиппиус* (1890—1942) — литературовед и поэт (публиковал стихи под собственной фамилией и под псевдонимом В. Галахов); брат А. В. Гиппиуса (см. выше).

Надпись приведена впервые (не полностью — без подписи и даты) в воспоминаниях В. Гиппиуса о Блоке («Ленинград», 1941, № 3, с. 19); эти воспоминания перепечатаны в книге избранных его работ (В. В. Гиппиус. От Пушкина до Блока. М.— Л., 1966, с. 331—340).

В. Гиппиус встречался с Блоком еще в детские годы, когда тот приходил к его старшему брату. Впоследствии они вместе бывали на заседаниях основанного Вяч. Ивановым «Общества ревнителей художественного слова» («Академии стиха»). Блок также присутствовал вместе с Гиппиусом на первом заседании Цеха поэтов, однако Блок в дальнейшем с этим объединением связан не был, а Гиппиус одно время участвовал в нем весьма деятельно.

В журнале «Новая жизнь» (1911, № 12, с. 270—271) Гиппиус опубликовал рецензию на сборник Блока «Ночные часы», однако текст рецензии был искажен редактором. «Все, что было написано о книге по существу, как об этапе творческого пути Блока, было выброшено, остались только замечания о стиле, иногда совсем мелкие. Я написал Блоку письмо, посетовав на все, что произошло, и, приложив самую рецензию, написал, что надеюсь все же высказаться о поэзии Блока по существу в статье, работу над которой хочу начать, как только закончится начатое мусагетовское собрание» (В. В. Г и п п и у с, Встре-

чи с Блоком. — В его кн.: «От Пушкина до Блока», с. 335—336). Блок ответил Гиппиусу письмом (см. там же, с. 336), в котором обещал прислать все три книги мусагетовского издания, как только оно будет завершено. В апреле 1912 г. Блок исполнил свое обещание; не совсем понятно, однако, снабжены ли авторской надписью все три тома или только первый, так как архив В. В. Гиппиуса, хранящийся в ИРЛИ, оказался недоступным для работы.

В письме Блоку от 19 апреля 1912 г. Гиппиус писал: «Дорогой Александр Александрович, Ваша посылка была для меня большой радостью, спасибо за нее. Еще не имея собственной «Снежной ночи», я достал ее и читал все эти дни (...) Конечно, это самая сильная, самая полнозвучная и самая магическая из Ваших книг (...) Я думаю, только исходя из нее нужно читать и разгадывать первые части, а не наоборот, не из «1901 года» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 216, л. 4).

В октябре 1912 г. Гиппиус по просьбе Блока оказал ему помощь в работе над «Розой и Крестом» — перевел несколько строк из старофранцузского лечебника, включенных затем Блоком в четвертую сцену I действия пьесы (см.: В. В. Г и п п и у с. Указ. соч., с. 337). В январе 1914 г. Блок организовал чтение В. Гиппиусом выполненного им перевода комедии Людвиг Тика «Кот в сапогах» (ЗК, 202). Позднее этот перевод был опубликован в журнале В. Э. Мейерхольда «Любовь к трем апельсинам» (1916, № 1, с. 7—64), (в том же номере напечатан «Голос из хора Блока»); возможно, что инициатива публикации также принадлежала Блоку.

Последний раз Гиппиус виделся с Блоком весной 1914 г. (В. В. Г и п п и у с. Указ. соч., с. 340); однако в январе 1915 г., находясь в действующей армии, Гиппиус получил от Блока посылку с несколькими его последними публикациями, включая цикл «Кармен» («Любовь к трем апельсинам», 1914, № 4-5). Ответ Гиппиуса гласил: «Дорогой Александр Александрович, Вы мне доставили большую радость Вашими стихами (...) «Кармен» была для меня новостью. Почти все стихи в этом цикле, по-моему, замечательно хороши, я многое уже помню и повторяю» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 216, л. 6). В августе 1916 г., находясь в Киеве, В. Гиппиус предложил Блоку участвовать в тамошнем журнале «Арион», редактором которого он был (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 216, л. 7); ответ Блока неизвестен.

З. Н. ГИППИУС

Зинаиде Николаевне Гиппиус

любящий автор и поклонник.
Май 1911. СПб.

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая». М., «Мусагет», 1911. На авантитуле. — Собрание Н. С. Алянской (Москва),

Зинаида Николаевна Гиппиус (1869—1945). Блок был связан с нею многолетними и сложными литературно-общественными отношениями, то союзнически-близкими, то напряженными; эти отношения совершенно прервались в 1918 г. после выхода «Двенадцати» (см. письмо — неотосланное — Блока к Гиппиус от 31 мая 1918 г. — VII, 335—336).

Зинаиде Николаевне Гиппиус —
а в т о р.

1912

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга вторая. Нечаянная радость». М., «Мусает», 1912. На авантитуле. — Собрание Ю. Н. Горькова (Москва).

Зинаиде Николаевне —
от любящего а в т о р а.

Ноябрь 1915

На кн.: «Стихи о России». П., изд. журн. «Отечество», 1915. На авантитуле. — ГЛМ.

Дата уточняется по помете Блока в записной книжке (ЗК, 278) от 27 ноября 1915 г.: «Днем к З. Н. Гиппиус <...> Ей — „Стихи о России“».

Зинаиде Николаевне Гиппиус.

Хочу, чтобы эта книга была новым залогом моей связи с Вами и свидетельством того, что мы любим одно и то же. Еще не раз придется вернуться к «человеческому вздоху» и «деянию рук», и спор этот будет не бесплоден, а действителен, потому что он происходит не только между нами, но внутри каждого из нас, и я знаю также, как Вы, что «в мире счастья нет, а есть покой и воля».

Александр Б л о к

С. Петербург. Декабрь 1915

На кн.: «Стихотворения Аполлона Григорьева». М., изд. К. Ф. Некрасова, 1916 [1915]. На обороте шмуцтитула. — ГПБ. Текст надписи опубликован не полностью в каталоге «Рукописи А. А. Блока». Л., 1970, с. 46.

Эти слова — отклик на письмо З. Гиппиус к Блоку от 5—6 декабря 1915 г., в котором она высказала свое отношение к статье Блока «Судьба Аполлона Григорьева». Объясняя свое неодобрение позиции Блока, противопоставившего Григорьева критикам демократического лагеря, Гиппиус писала: «Вы ведь не усумнитесь, что я кое-что понимаю в любви

стремлении к тому, «чего нет на свете» и вообще к святости святого. Но при всем этом, и не предавая ни на йоту любви своей, — может быть, и бывали миги во времени, когда я с полной и резкой правдой говорю: «все прекрасное, что создано усилиями творчества людей, — не стоит одного вздоха человеческого». Вы тогда скажете: она сапоги поставила выше Шекспира. А я скажу: нет, это была минута, когда надо потерять душу, чтобы найти ее» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр., 26, л. 86 об. — 87).

«...В мире счастья нет, а есть покой и воля» — неточная цитата из стихотворения Пушкина «Пора, мой друг, пора!...» (у Пушкина: «На свете счастья нет...»). Ср. толкование этой пушкинской строки в речи Блока «О назначении поэта» (VI, 167).

По-видимому, книга была подарена 30 декабря 1915 г. (см. запись Блока от этого числа о посещении Гиппиус — ЗК, 282). Экземпляры книги Блок получил от издателя 15 декабря (ЗК, 280). Статья Блока, впервые опубликованная в качестве предисловия к этой книге, была еще ранее известна Гиппиус — в рукописи или в корректуре. В 1916 г. Гиппиус опубликовала в альманахе «Огни» (вып. 1, с. 261—278) резко отрицательную рецензию на блоковское издание стихотворений Григорьева; особенно неприятно она отозвалась о статье Блока, усмотрев в ней апологию «своеволия» художника, не желающего считаться с обществом.

3. ГИППИУС

Женщина, безумная горячка!

Мне понятен каждый ваш намек,

Белая весенняя горячка

Всеми гневными звенящих строк!

Все слова — как ненависти жала,

Все слова — как колющая сталь!

Ядом на щеке много кинжала

Лезвее целую, глядя в даль...

Но в дали я вижу — море, море,

Исполинский очерк новых стран,

Голос Ваш не слышу в грозном хоре,

Где гудит и воеет ураган!

Страшно, сладко, неизбежно, надо

Мне — бросаться в многопенный вал,

Вам — зеленоглазую найду

Петь, плескаться у ирландских скал —

Высоко — над нами — над волнами —

Как заря над черными скалами —

Веет знамя — Интернационал!

Александр Б л о к

1 VI 1918

На кн.: «Двенадцать. Скифы». СПб., «Революционный социализм», 1918. На обороте обложки. — ГПБ (ф. 481, ед. хр. 253).

Стихотворение впервые напечатано в IV томе «Собрания сочинений Александра Блока». Пг. — Берлин, «Эпоха», 1923, с. 85.

ЗИНАИДЕ НИКОЛАЕВНЕ.

Александр Блок

Май 1919 г.

Вы жизнь по-прежнему нисколько
Не знаете. Сменилась полька
У них печальным кикапу...
И что Вам, умной, за охота
Швырять в них солью анекдота,
В них видеть только шантрапу?

На кн.: «Катилина». П., «Алконост», 1919. На обороте авантюла. — ГЛМ.

Стихотворная часть надписи впервые напечатана в IV томе «Собрания сочинений Блока». Л., 1932, с. 211. Книга не была передана З. Гиппиус (см. III, с. 636).

М. Ф. ГНЕСИНУ

Многоуважаемому
Михаилу Фабиановичу Гнесину
на добрую память.

Александр Блок

Январь. 1913

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусает», 1911. На авантюле. — Библиотека ВТО (Москва).

Михаил Фабианович Гнесин (1883—1957) — композитор, близкий к модернистскому литературно-художественному кругу. Написал несколько романсов и песен на слова Блока, включая две песни к «Розе и Кресту» (см. «Блок и музыка». Л., 1972, с. 251; сб. «М. Ф. Гнесин». М., 1964, с. 31—32), а также целый ряд произведений на слова Бальмонта, Сологуба, Вяч. Иванова, Софии Парнок и других поэтов — своих современников.

М. С. Шагинян упоминает о разговоре с Н. Т. Гнесиной, женой композитора, которая сообщила ей, что «Блок захотел поставить «Розу и Крест» реалистически и потому отказался от музыки Гнесина» («Новый мир», 1978, № 9, с. 177). Это сообщение в известном смысле подтверждается записью Блока от 8—10 марта 1916 г., связанной с работой Художественного театра над «Розой и Крестом»: «Музыка? Не Гнесин (или — хоть не его Гаган?)» (ЗК, 287). Ср. запись от 22 марта того же года: «Гнесинские выкрутасы на мои тексты» (ЗК, 292).

Лично с Гнесиным Блок встречался, по-видимому, на «башне» Вяч. Иванова, где Гнесин не раз бывал и исполнял свои произведения (см. об этом в его мемуарах в кн.: «М. Ф. Гнесин». М., 1961, с. 140—142), а также в студии Мейерхольда (см. запись Блока от 22 января 1914 г.: «Гнесин

пел талантливые свои романсы» — ЗК, 202—203). В мейерхольдовской студии Гнесин пропагандировал изобретенное им «музыкальное чтение», — по определению С. М. Бонди, тогдашнего его ассистента, «такое чтение, произнесение стихов, которое не переставая быть речью, не превращаясь в пение или речитатив, является тем не менее музыкой, строится по законам музыкального искусства» («М. Ф. Гнесин», с. 81). В сезон 1913—1914 гг. Л. Д. Блок посещала студию В. Э. Мейерхольда, в которой Гнесин вел класс музыкального чтения в драме. В письме к В. Э. Мейерхольду от 10 февраля 1914 г. Блок рекомендовал в издававшемся при студии журнале «Любовь к трем апельсинам» напечатать стихотворение В. Парнаха, посвященное Гнесину («Новый мир», 1980, № 4, с. 163). Стихотворение появилось в № 3 (1914 г.).

Публикуемая надпись была сделана Блоком, очевидно, 10 января 1913 г., когда Гнесин заходил ненадолго к Л. Д. Блоку по делам студии Мейерхольда (VII, 206).

Э. Ф. ГОЛЛЕРБАХУ

Э. Ф. Голлербаху
в знак любви и уважения

Александр Блок

На фотографии: «А. Блок. (Раб. М. С. Напельбаума), 1921». На паспарту. — ГПБ.

Текст надписи, обрамляющий фотографию, опубликован в каталоге «Рукописи А. А. Блока». Л., 1970.

Эрих Федорович Голлербах (1895—1942) — искусствовед, литератор, автор ряда работ о русской живописи и графике, а также двух сборников стихов («Чары и таинства», 1919, и «Портреты», 1926, второе издание — 1930) и философских работ («Новые устои метафизики», 1918, «В зареве Логоса», 1920). Был близок к В. В. Розанову в последние годы его жизни и опубликовал двумя изданиями (1918 и 1922 гг.) его биографию, а также книгу его писем (В. Розанов. Письма к Э. Голлербаху. Берлин, 1922). Блок интересовался этими письмами и планировал напечатать их в «Записках мечтателей» (VIII, 530).

Знакомство Голлербаха с Блоком относится к последнему году жизни поэта. 16 августа 1920 г. Голлербах обратился к Блоку с письмом, в котором просил его сообщить некоторые биографические данные для статьи, которую Голлербах собирался поместить в газете «Жизнь искусства» по случаю сорокалетия Блока (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 220, л. 1—2). Блок ответил отказом: «Сорок лет — вещь трудная и для публики неинтересная, поэтому я не хотел бы, чтобы об этом писали» (VIII, 529). В сентябре 1920 г. состоялось личное знакомство Голлербаха с Блоком; впоследствии они несколько раз встречались в петроградском Доме искусств. Голлербах

просил Блока ходатайствовать о приеме его в Союз поэтов, где Блок тогда председательствовал (письмо от 15 сентября 1920 г. — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 220, л. 3—4), на что Блок ответил, что, по его мнению, книжки «Чары и таинства» для приема недостаточно (VIII, 529).

Позже, в феврале 1921 г., Голлербах показал Блоку свои стихотворные «портреты» поэтов-современников; в письме от 12 февраля 1921 г. Блок дал этим стихотворениям сравнительно благожелательную оценку, хотя и подчеркнул, что «оригиналы взяты в их чертах застывших, данных. Не показаны никакие возможности, ничего от будущего, а это — единственное, что может интересовать». Далее Блок так охарактеризовал автора «портретов»: «Кажется, Вы «эстет» — всеядный, т. е. Вам нравятся бесконечное количество образов, вещей, душ, не имеющих общего между собою. Не так ли?» (VIII, 533). В ответном письме Голлербах так откликнулся на эту характеристику: «На вопрос — «эстет ли я», отвечу — да, «эстет», претендующий на *emproi* эстета *без кавычек*. И, откровенно говоря, то немногое, что мне не нравится в Вас, это именно «либерализм» и «политика» (впрочем, никому нельзя запретить причесываться и повязывать галстук). Но я вовсе не «всеядный» эстет и далеко не все благословляю и приемлю» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 220, л. 11—11 об.). «Портреты» дали основание Блоку рекомендовать Голлербаху в Союз поэтов: «Мне кажется, что по этим стихам можно судить больше, чем по одной маленькой книжке «Чары и таинства». По-моему, стихи не хуже многих, присылаемых нам, и автора принять в Союз можно» («Памяти Блока». Пб., 1923, с. 69).

Помимо приводимой надписи на фотографии Блок надписал Голлербаху также экземпляр «Ямбов». 25 сентября 1920 г. Голлербах писал Блоку: «Я хочу послать Вам Ваши «Ямбы» и попросить надписать на них несколько слов, если можно. Мне всегда был интересен почерк как таковой, почерк «an und für sich», — в частности, мне дороги автографы на любимых книгах. — Это — последние осколки культуры, это, кажется, все, что от нее осталось под гром(...) пишущих машинок и ненавидимых мною телефонов» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 220, л. 8 об.). По свидетельству самого Голлербаха («К воспоминаниям о «поэте-рыцаре» — «Вестник литературы», 1921, № 10, с. 16), на его экземпляре «Ямбов» Блок надписал две строки из последнего в эту книжку стихотворения «В огне и холоде тревог...» — «Пусть день далек — у нас все те ж/Заветы юношам и девам». Местонахождение этого экземпляра «Ямбов» неизвестно.

Голлербаху принадлежит также рецензия на «Седое утро» («Вестник литературы», 1920, № 12), которую сам автор в письме Блоку определил как «плоховатую» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 220, л. 11), ряд мемуарных очерков о Блоке («Жизнь искусства», 1921, № 804; журн. «Новая русская книга», Берлин, 1922, № 7);

а также статья «Блок в изобразительном искусстве» («Вечерняя Красная газета», 1926, № 183, 9 августа). Стихотворный «портрет» Блока, написанный Голлербахом и посланный им Блоку в письме от 20 февраля 1921 г., см. в наст. книге — публ. «Блок в поэзии современников».

А. Г. ГОРНФЕЛЬДУ

Аркадию Георгиевичу Горнфельду
с искренним уважением

а в т о р

VIII.1919.

На кн.: «Катилина». П., «Алконост», 1919. На авантитуле. — ЦГАЛИ, библиотека.

Аркадий Георгиевич Горнфельд (1867—1941) — литературный критик, сотрудник журнала «Русское богатство». В 1906 г. Блок посвятил краткую и, в целом, положительную рецензию его книге «Муки слова» (V, 636—637), а в 1907 г. вступил с Горнфельдом в полемику в статье «О реалистах» по вопросу об оценке романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» (V, 125—128). В 1917 г. Блок работал вместе с Горнфельдом в Литературно-театральной комиссии при Репертуарном комитете государственных театров (см. дневниковую запись от 13 октября 1917 г.: «Много заседаний нашей литературной комиссии — по субботам (милий Горнфельд)» (VII, 311). В записи от 24 февраля 1918 г. Блок писал о телефонном разговоре с Горнфельдом по поводу «Двенадцати» (ЗК, 390). Позднее Блок и Горнфельд совместно работали в репертуарной секции ТЕО Наркомпроса. В связи с ликвидацией ТЕО Наркомпроса Блок в сентябре 1919 г. ходатайствовал в письме к М. Ф. Андреевой о предоставлении работы Горнфельду в Отделе театров и зрелищ, который она возглавляла: «Горнфельд знает дело. Отчасти была мысль о том, чтобы дать ему такую домашнюю работу с жалованием, так как другой, не домашней, он по своей болезни не может выполнять. Теперь он беспокоится по поводу ликвидации и просит передать Вам, не найдете ли Вы возможным включить группу «инсценировки социальных и революционных романов» в Отдел театров и зрелищ» (VIII, 526—527). Это письмо Блока было написано по просьбе Горнфельда, изложенной в его письме Блоку от 21 сентября 1919 г. (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 223, л. 2—3).

Глубокоуважаемому
Аркадию Георгиевичу Горнфельду
с искренним приветом.

Ал. Б л о к

VIII.1919

На кн.: «Песня Судьбы». П., «Алконост», 1919. На первом свободном листе. — ЦГАЛИ, библиотека.

А. А. ГОРОДЕЦКАЯ

Силуэт работы Е. С. Кругликовой (тушь),
1910-е гг.

Частное собрание, Москва

А. А. ГОРОДЕЦКОЙ

Магдалине Бел-Конь.

7.VIII.08. СПБ.

Александр Б л о к

На кн.: «Снежная маска». СПб., «Оры»,
1907. На обороте шмуцтитла.— Собрание
С. П. Машинского (Москва).

Анна Алексеевна *Городецкая* (рожд. Ко-
зельская, 1889 (?)—1945) — жена поэта
С. М. Городецкого, в начале 1910-х годов
печатала стихи и рассказы под псевдонима-
ми А. (или Н.) Бел-Конь-Любомирская;
подробнее о ней см. в наст. томе (кн. 2)
переписку Блока с С. М. Городецким и
А. А. Городецкой.

С. М. ГОРОДЕЦКОМУ

Милому и близкому
Сергею Городецкому.

Александр Б л о к

VI.07.СПБ.

На кн.: «Снежная маска». СПб., «Оры»,
1907. На шмуцтитле.— Частное собрание
(Москва).

Сергей Митрофанович *Городецкий*
(1884—1967) — о взаимоотношениях Бло-
ка и Городецкого см. в наст. томе, кн. 2
публикацию переписки Блока с С. М. Го-
родецким и А. А. Городецкой.

Сергею Городецкому —
милому другу.

Александр Б л о к

Окт(ябрь) 07

На фотографии: А. Блок (раб. Д. Здоб-
нова). 1907. На лицевой стороне.— Част-
ное собрание (Москва).

Сергею Городецкому
милому и любимому.

От п е р е в о д ч и к а.

СПб.1908

Рождество

На кн.: Ф. Г р и л ь п а р ц е р. Прама-
терь. СПб., «Пантеон», 1908. На авантиту-
ле.— Частное собрание (Москва).

Сергею Городецкому

от нежно любящего а в т о р а.

Ноябрь 1911

На кн.: Ночные часы. М., «Мусагет»,
1911. На титульном листе.— Частное со-
брание (Москва).

31 октября 1911 г. Городецкий писал
Блоку: «„Ночных часов“ жду нетерпеливо»
(см. в наст. томе, кн. 2 переписку Блока
с С. М. Городецким и А. А. Городецкой).
По получении книги Городецкий написал
рецензию на нее («Речь», 1911, № 320,
21 ноября). Вас В. Гишнус вспоминал о бе-
седе с Блоком 21 ноября 1911 г.: «Речь
зашла о только что напечатанной рецензии
Городецкого на «Ночные часы». Мне каза-
лось, что рецензия слишком элементарно
выпрямляет путь Блока: мысль ее была, что
образ «Прекрасной Дамы», обернувшись
на время «Незнакомкой», теперь сливается
с образом России. Но Блок отнесся ина-
че. «Хорошо уже то,— сказал он,— что
об этом можно говорить популярно»
(В. В. Г и п п и у с. От Нулкина до Бло-
ка. М.— Л., 1966, с. 335).

Милому Сергею Городецкому
с нежным поцелуем

Ал. Б л о к

20 июля 1920

На кн.: «Двенадцать». 2-е изд. П., «Алко-
ност», 1918. На первом свободном листе.—
Частное собрание (Москва).

В июле 1920 г. Городецкий после четырех
лет отсутствия вернулся в Петроград. В годы
гражданской войны в среде петроградских
литераторов о его судьбе не было известий.
20 июля 1920 г. Блок записал: «Вечером —
Городецкий и Лар(иса) Мих(айловна)
Раскольникова (Рейснер), Е. Ф. Книш-
вич и Оцул» (ЗК, 497). Н. А. Оцул впослед-
ствии описал эту встречу: «Я был всего
один раз в гостях у Блоков. <...> Мы пили
чай. Блок был одет в черную косоворотку
без пояса. Поэт был как-то детски печален
и тих. Мать Блока, <...> самый верный и

БЛОК. РОССИЯ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ. Пб., «АЛКОНОСТ», 1919

Титульный лист и авантитул с дарственной надписью Блока А. М. Горькому
Музей А. М. Горького (ИМЛИ), Москва

внимательный друг поэта, поглядывала на него озабоченно. Любовь Дмитриевна белыми, немного пухлыми, но красивыми руками разливала чай. Внизу слышался треск мотора. (...) Любовь Дмитриевна встала и, поглядев в окно, крикнула: „Сашенька, какая-то дама и... Сережа Городецкий“. В передней, куда Блоки вышли встретить гостей, раздались восклицания и даже звуки поцелуев. „Так ты жив?“ — спросил Блок. „Благодаря ей, благодаря Ларисе Михайловне“, — отвечал Городецкий. (...) Городецкий и Рейснер, только что приехавшие с юга, восторженно заговорили о „Двенадцати“. Блок молчал. „Покажи, Саша, все, что выпустил за это время“, — попросил Городецкий. Блок покорно пошел за книжечками „Алконоста“ (Николай Оцуп. А. А. Блок. Из личных воспоминаний. — «Сегодня», Рига, 1927, № 180, 14 августа). За два года до этой встречи Городецкий рецензировал «Двенадцать» в тифлисской газете («Кавказское слово», 1918, № 168, 10 августа). Давая высокую оценку поэме Блока, связывая ее пафос с устойчивыми чертами мировосприятия Блока («максимализм вообще в природе Блока»), Городецкий подверг критике отдельные места: «Иногда же получается срыв, эффект наизнанку, т. е. комический, как например: «Товарищ! Гляди // В оба!» Это ведь почти Козьма Прутков. И если простительно воспоминание частушки «Черное море — белый пароход» в начале поэмы, то Прутков, конечно, обиден». Городецкий, еще с молодости видевший в частушках источник поэтического вдохновения (см.

его письмо Блоку от 5—9 июля 1905 г. в наст. томе, кн. 2, в переписке Блока с С. М. Городецким и А. А. Городецкой), вложил положительную оценку «частушек Блока» (т. е. «Двенадцати») в уста матроса Фомы — героя поэмы «Красный Питер», варьирующей мотивы «Двенадцати» (см. подробнее во вступ. ст. С. И. Машинского в кн.: Сергей Городецкий. Стихотворения и поэмы. Л., 1974, с. 46—48).

МАКСИМУ ГОРЬКОМУ

Глубокоуважаемому и дорогому Алексею Максимовичу Пешкову книга, полная русской тоски и пьяной хандры, но и русских прозрений —

от редактора ее.

VIII.1919

На кн.: «Стихотворения Аполлона Григорьева». М., изд. К. Ф. Некрасова, 1916. На шмуцтителе. — ИМЛИ, Музей А. М. Горького. Текст надписи впервые приведен в «Новом мире», 1955, № 11, с. 156.

Период наиболее частого общения Блока и Горького приходится на 1918—1920 гг., когда Горький был центральной фигурой культурной жизни Петрограда, «посредником между народом и интеллигенцией», как определил его функцию Блок в приветствии по случаю 50-летия Горького, написанном и произнесенном 30 марта 1919 г. (VI, 92). Отношение Блока к Горькому не было в ту

пору однозначным: называя его со всей искренностью «величайшим художником наших дней» (VI, 92), Блок в то же время ощущал в нем отсутствие или ущербность лирического начала — то, что определено им в дневниковой записи от 22 октября 1920 г. как «ненависть к Фегу и Полонскому» (VII, 371). Ср. также в воспоминаниях Г. П. Блока, двоюродного брата поэта, слова, сказанные Блоком о Горьком в ноябре 1920 г.: «Я продолжаю его любить несмотря на то, что знаком с ним вот уже несколько лет. Плохо только, что у него всегда — *надо, надо, надо*» (Г. П. Б л о к. Герои «Возмездия». — «Русский современник», 1924, № 3, с. 183).

Внимание и уважение к Горькому, свободное и от нерассуждающего восторга, и от высокомерной интеллигентской снисходительности, проявляется уже в ранних высказываниях Блока-критика о Горьком (статьи «О реалистах» — 1907; V, 99—103; «О драме» — 1907; V, 173—176); особо нужно отметить страницы о Горьком в одном из важнейших публицистических выступлений Блока в 1900-е годы — докладе «Народ и интеллигенция», где впервые четко формулируется Блоком понимание Горького как «знаменательного явления на черте, связующей народ с интеллигенцией» (1908; V, 325). В январе 1916 г. Блок был одним из тех писателей, которые подписали открытое письмо протеста против нападок на Горького в «Биржевых ведомостях» (V, 679); а немного раньше, в декабре 1915 г., он решительно отклонил упреки Ан. Чеботаревской в свой адрес, связанные с участием его в горьковском журнале «Летопись» (VIII, 451, 618). В письме к Чеботаревской есть строки, объясняющие симпатию Блока к Горькому вопреки всем идейным и творческим различиям между ними: «Вы пишете, что журнал этот «против всего, что нам дорого», например — против «мечты». Я думаю, что Вы меня совсем не знаете; я ведь никогда не любил «мечты», а в лучшие свои времена, когда мне удастся более или менее сказать свое, настоящее, — я даже ненавижу «мечту», предпочитая ей самую серую действительность» (VIII, 451).

Интерес Горького к Блоку отразился в многочисленных высказываниях писателя о Блоке в письмах (см., например, «Архив А. М. Горького», т. 7. М., 1959; т. 11. М., 1966; т. 12. М., 1969; ЛН, т. 70. М., 1963); а также в очерке «А. А. Блок» (впервые — «Русский современник», 1924, № 1, с. 60—66). Ср. также отрывок из воспоминаний Е. Замятина, относящийся к первым после-революционным годам: «Горький тогда был влюблен в Блока — он непременно должен быть на час в кого-нибудь, во что-нибудь влюблен: «Вот — это человек! Да! Покорнейше прошу!» Блока слушал Горький на заседаниях «Всемирной Литературы» так, как никого» (Евг. З а м я т и н. Воспоминания о Блоке. — «Русский современник», 1924, № 3, с. 187). Впрочем, эта «влюбленность» относилась скорее к Блоку-человеку, чем к Блоку-поэту. В позднейшем

письме к К. Федину (от 9 ноября 1930 г.) Горький признавался: «Поэзия Блока никогда особенно сильно не увлекала меня (...). Возможно, это мой недостаток» (К. Ф е д и н. Горький среди нас. М., 1943, с. 49).

О взаимоотношениях Блока и Горького см.: Д. М а к с и м о в. К вопросу об А. Блоке и М. Горьком. — Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та. Фак-т яз. и лит-ры, т. XVIII, вып. 5. Л., 1956, с. 242—246; Н. В е н г р о в. А. Блок и М. Горький. — «Горьковские чтения. 1953—1957». М., 1959, с. 200—261; см. также публикацию «Блок и Горький» в настоящем томе, кн. 4.

Как следует из записи поэта от 29 августа 1919 г.: «Всемирная литература». (...) Горькому — мои книги» (ЗК, 473), Блок в этот день подарил Горькому несколько своих сборников, из которых в личной библиотеке писателя сохранились три книги (см. публикуемые здесь надписи, датированные августом 1919 г.).

Кроме того, в дневнике поэта от 6 января 1919 г. имеется подробная запись со слов С. М. Алянского о подношении Горькому издателем «Двенадцати» и Ю. П. Анненковым раскрашенного от руки экземпляра: «Они с Анненковым были у Горького, подносили ему «Двенадцать». Очень знаменательно, что говорил Горький» (VII, 351—352; вопреки указанию В. Н. Орлова в примечаниях (с. 511) на то, что не установлено, о чем именно говорил Горький, из последующей записи Блока можно составить представление, что разговор шел об «Алконосте», об издании книг Блока, об И. И. Ионове и т. д. — см. об этом также в сообщении И. А. Чернова «Блок и книгоиздательство „Алконост“» в «Блоковском сб.», 1, с. 530—538). В личной библиотеке Горького сохранился этот именной экземпляр (с печатным текстом «экземпляр Максима Горького»), на котором помечено от руки «№ 7» и проставлена монограмма «Ю. А.», принадлежащая художнику Ю. П. Анненкову. По всей видимости, в нем должен был находиться несохранившийся отдельный лист с инскриптами Блока, Алянского и Анненкова — ср., например, с идентичным экземпляром «Двенадцати», подаренным В. Н. Соловьеву 13 декабря 1918 г., в который вложен отдельный лист с инскриптами Блока и Алянского из той же бумаги и того же формата, что и указанная книга.

Алексею Максимовичу Пешкову
книжка, случайно оборвавшаяся
на январе 1918 года, а конца ей —
— не видно.

С глубоким уважением
и преданностью —

А л. Б л о к

V III. 1919

На кн.: «Россия и интеллигенция». П., «Алконост», 1919. На авантитуле. — ИМЛИ,

Музей А. М. Горького. Текст надписи впервые опубликован в «Новом мире», 1955, № 11, с. 156. Надпись воспроизведена в статье Н. Венгрова «А. Блок и М. Горький» — «Горьковские чтения», 1973, между с. 202—203.

Максиму Горькому
в знак давней любви
и глубокого уважения.

А л . Б л о к

VIII.1919

На кн.: Стихотворения. Книга третья. М., «Мусагет», 1916. На первом свободном листе. — ИМЛИ, Музей А. М. Горького.

В личной библиотеке Горького сохранились все четыре тома «мусагетовского» издания (1916), однако надпись Блока сделана только на третьей книге, подаренной писателю также в августе 1919 г., возможно, одновременно с указанными выше двумя его книгами (ЗК, 473). Как правило, Блок подписывал все сборники, даже если дарил одновременно несколько книг. Если считать, что Блок подарил Горькому весь четырехтомный комплект этого издания, то, разумеется, надписи должны были бы сохраниться и на первых книгах собрания. (Ср. также об этом в наст. томе, кн. 4, в сообщении «Блок и Горький».)

З. И. ГРЖЕБИНУ

Дорогому Зиновию Исаевичу
Гржебину
с искренним приветом.

Александр Б л о к

Май 1919

На кн.: «Театр». П., «Земля», 1918. На авантитуле. — ГПБ. Текст надписи опубликован в каталоге «Рукописи А. А. Блока». Л., 1970, с. 46.

Зиновий Исаевич *Гржебин* (1869—1929) — художник и издатель. В 1905 г. издавал сатирический журнал «Жупел», впоследствии был совладельцем издательства «Шиповник», выпустившего в 1908 г. «Лирические драмы» Блока. В 1915 г. принадлежавшее Гржебину издательство при журнале «Отечество» выпустило «Стихи о России» Блока. В 1919 г. основал «Издательство З. И. Гржебина» — широко задуманное издательское предприятие, фактическим руководителем которого был М. Горький. Блок числился среди «ближайших сотрудников» издательства Гржебина по делу русской литературы (см. «Каталог издательства Гржебина». Пг. — Берлин, 1924, с. 7, 67).

По словам Виктора Шкловского, «в России 1918—1920 гг. Гржебин покупал рукописи истерически» (Виктор Шкловский. Зоо или письма не о любви. Л., 1924, с. 33). 17 декабря 1918 г. Блок написал: «Гржебин предлагает сквозь свои че-

репашовые очки купить меня на 5 лет — за керенки. Он мле на том свете еще будет памятен» (ЗК, 440). В 1919 г. Блок вел с Гржебиным переговоры об издании ряда своих книг (см. ЗК, 457, 461, 467) и заключил с издательством пять договоров (ИРЛИ, ф. 654, пр. 3, ед. хр. 11). Однако под маркой издательства Гржебина вышли только сборник «За гранью прошлых дней» (1920), избранные стихотворения Лермонтова под редакцией Блока (1921) и по-смертно «Книга о Леониде Андрееве» (1922), в которой были напечатаны воспоминания о нем Блока. В 1920 г. Блок по заказу Гржебина работал над подготовкой к изданию сборника «Избранных стихов» К. Д. Бальмонта, в 1921 г. договор был расторгнут (подробно об этом см. статью Р. Донгарова «Блок — редактор Бальмонта» — «Блоковский сб.» 2, с. 416—423).

В 1920 г. Гржебин выехал в Берлин в качестве зарубежного представителя «Международной книги»; там он основал филиал своего издательства и выпустил в свет часть рукописей, приобретенных у авторов в 1918—1920 гг. Однако в 1923 г. он разорился, и «Издательство З. И. Гржебина» прекратило свое существование.

Блок подарил Гржебину третье издание книги «Театр», вероятно, 27 мая 1919 г., в этот день он отметил в записной книжке: «Гржебину — условия на две книги: «Театр» и «Катилина» (ЗК, 461). 24 июля 1919 г. был подписан договор на издание сборника «За гранью прошлых дней» и переиздание «Театра» (ИРЛИ, ф. 654, оп. 3, ед. хр. 11); из этих двух книг вышел, как указывалось, только сборник стихов — в сентябре 1920 г.

В архиве Блока сохранился лист, вырванный из книги Н. Суханова «Записки о революции», кн. 1 (П., 1919), с надписью: «Дорогому Александру Александровичу Блоку начало моего издательства на добрую память. З. Гржебин. Май 1919. Петербург» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 484, л. 7).

Вероятно, Гржебину была подарена и первая книга «Собрания стихотворений» 1911 года. Сохранился экземпляр этого издания только с подписью «Александр Блок» на авантитуле, верхняя часть которого с обращением и текстом частной надписи оторвана. Адресат установлен по сохранившемуся на обороте обложки экземпляру «Из книг З. И. Гржебина» работы М. В. Добужинского (собрание Ю. Н. Горохова, Москва).

А. И. ГРИШИНУ

Александру Ильичу Гришину
с искренним уважением и приветом.

Александр Б л о к

Июль 1919

На кн.: «Театр». М., «Мусагет», 1916. На первом свободном листе. — Собрание И. Б. Жванецкого (Москва).

Александр Ильич Гришин являлся директором Большого драматического театра в пору работы Блока в этом театре. С 1921 г. — административный руководитель Театра русской драмы в Риге. См. о его деятельности: Е. А. В. х р у ш е в а. Дорога исканий. Рига, 1958, с. 105 об. Блок был введен в художественное руководство БДТ в апреле 1919 г. по настоянию М. Ф. Андреевой и поначалу был встречен актерской средой недоверчиво, о чем А. И. Гришин впоследствии рассказывал в мемуарном очерке «Мои встречи с Блоком»: «...Блок — председатель правления театра, Блок — создающий репертуар, — пугал нас. С его приходом, казалось нам, театру угрожает академичность, литература. Казалось, что Блок не подойдет нам, будет для нас слишком замысловат, как говорили мы. Я ясно помню первое заседание правления, на котором присутствовал Блок. На предложение Андреевой занять председательское место, Блок удивленно ответил, что этого он не может сделать, так как не считает себя вправе и вообще, если он дал свое согласие на работу с нами, то сделал это потому, что в течение сезона он как зритель наблюдал за работой нашего театра, что такой театр ему близок, и он рад работать в нем, или, вернее, учиться вместе с ним. Энергичная Андреева, не терпевшая противоречий, настояла на своем, Блок, беспомощно улыбаясь, занял председательское место, и обращаясь ко мне как к своему ближайшему соседу, спросил:

— Скажите, что я должен делать, — ведь я же ничего не знаю и не умею.

Таким беспомощным председателем он оставался и впредь. Вести заседание он никогда не умел, и это делали за него мы. Это первое заседание не только не сблизило нас с Блоком, но мы окончательно разочаровались в нем...» («Сегодня». Рига, 1926, № 269, 28 ноября). Как явствует далее из воспоминаний Гришина, предложение Блока о включении в репертуар мелодрамы «Материнское благословение» и пьесы А. Дюма «Кин» вызвало сопротивление актеров, решивших выработать «план защиты от Блока», но после одной из ночных бесед с Блоком актеры были «покорены» им. В записи от 17 июля 1919 г. Блок отмечал «хороший нюх» Гришина (VI, 476). В эту пору возник проект постановки «Розы и Креста» в Малом драматическом театре. На следующий день (18 июля) после разговора с Гришиным Блок писал: «Объяснить Гришину „Розу и Крест“» (ЗК, 467). В неизданном фрагменте этой записи Блок отметил, что вчера (17 июля) отнес книги («Театр») Гришину и режиссеру А. Н. Лаврентьеву (см. ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 365, л. 50 об; см. также комментарий к подписи А. Н. Лаврентьеву). По-видимому, выделявшиеся мемуаристами в Гришине черты «очень тароватого и толкового администратора театральных предприятий» (Н. Ф. Монахов. Повесть о жизни. Л. — М., 1961, с. 163) определили несходство его репертуарных замыслов с блоковскими, 10 января

1921 г. Блок записал: «...Гришина как опытного антрепренера тянет ко второму сорту, в чем его поддерживает отдел» (VII, 396). Гришин, как и другие сотрудники БДТ — А. Н. Лаврентьев и Т. И. Березной, по словам М. А. Бекетовой, «высказали самое теплое участие» в период последней болезни Блока (М. А. Бекетова. Александр Блок. Л., 1930, с. 297).

Н. С. ГУМИЛЕВУ

Дорогому Николаю Степановичу
Гумилеву
с искренним уважением и приветом
Александр Блок
XII.1918

На кн.: Двенадцать. 2-е изд. П., «Алкоголь», 1918. Экз. № 56. На первом свободном листе. — ИРЛИ, библиотека.

Николай Степанович Гумилев (1886 — 1921). Дарил ли Блок свои книги Гумилеву до декабря 1918 г., нам неизвестно. Гумилев подарил Блоку свои сборники «Чужое небо» (VIII, 386, 610) и «Колчан» (Пг., 1916) — с надписью «Моему любимейшему поэту Александру Блоку с искренней дружественностью. 6 февраля 1916. Н. Гумилев» (ИРЛИ). Возможно, с проблематикой и стилистикой ряда стихотворений сборника «Колчан» связана запись Блока от 14 февраля 1916 г.: «Наше время — время, когда то, о чем мечтают как об идеале, надо воплощать сейчас. Школа стремительности. Надо показать, что можно быть мужественным без brutality. Железный век — цветок в петлице» (ЗК, 282).

Экземпляры «Двенадцати» Блок получили 11 декабря 1918 г. (ЗК, 439) и, по-видимому, 14 декабря подарил один из них Гумилеву (ЗК, 440). В декабре 1918 г. Блок и Гумилев встречались во «Всемирной литературе» (см. запись в дневнике Кузмина от 17 декабря в наст. томе, кн. 2).

Дорогому Николаю Степановичу
Гумилеву —
автору «Костра»,
читанного не только «днем»,
когда я «не понимаю» стихов,
но и ночью, когда понимаю.

Ал. Блок

III 1919

На кн.: «Стихотворения. Книга третья». М., «Мусагет», 1916. На первом свободном листе. — ГЛМ, Книжные фонды, собрание книг с автографами. Текст надписи опубликован Д. Е. Максимовым в «Ивановском альманахе», 1945, кн. 5/6, с. 229.

Сборник Гумилева «Костер» (Пг., 1918) сохранился в библиотеке Блока. Дарственная надпись: «Дорогому Александру Алек-

Дорогому
Николаю Степановичу
Гумилеву —
автору „Костра“;

этот я не только „дней“, когда
я не помню „стихов“, но и
ночью, когда помню.

А. Блок.

III 1919.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

СТИХОТВОРЕНИЯ

КНИГА ТРЕТЬЯ
(1905—1914)

Страшный миръ. — Возмездіе. — Опять на
родинѣ. — Итальянскіе стихи. — Разныя
стихотворенія. — Арфы и скрипки. —
Кармень. — Родина. — О чемъ поэтъ вътеръ.

Издание 2-е, переработанное и дополненное.

МОСКВА
Издательство МУСАГЕТЪ
МСМХVI

БЛОК. СТИХОТВОРЕНИЯ, КН. III. М., «МУСАГЕТЪ», 1916
Титульный лист и дарственная надпись Блока Н. С. Гумилеву
Литературный музей, Москва

сандровичу Блоку в знак уважения и давней любви. Н. Г у м и л е в 1918» (ИРЛИ). В марте 1919 г. Блок и Гумилев около десяти раз встречались на заседаниях «Всемирной литературы» и Союза деятелей художественного слова (24 марта они вместе выступали на вечере этого Союза в театре «Гротеск»). 21 марта 1919 г. Гумилев подарил Блоку свою обработку вавилонского эпоса «Гильгамеш» (Пг., 1919) с надписью: «Дорогому Александру Александровичу Блоку — последнему лирику первый эпос. Искренне его Н. Г у м и л е в» (ИРЛИ, библиотека Блока).

Николаю Степановичу Гумилеву
с искренним уважением и приветом.

Александр Блок

Май 1919

На кн.: «Стихотворения. Книга первая». П., «Земля», 1918. На авантитуле.— ГЛМ.

Дорогому Николаю Степановичу
Гумилеву
с искренним приветом от автора.
VIII 1919

На кн.: «Песня судьбы». П., «Алконост», 1919. На первом свободном листе.— ИРЛИ, библиотека.

Дорогому Николаю Степановичу
Гумилеву

А. Б.

VIII.1919

На кн.: «Ямбы». П., «Алконост», 1919. На авантитуле.— ГЛМ.

Дорогому Николаю Степановичу
Гумилеву
с приветом от автора.

Сентябрь. 1920

На кн.: «За гранью прошлых дней». П., 1920. На титульном листе.— ГЛМ.

Дорогому
Николаю Степановичу Гумилеву
с приветом.

Ал. Блок

3.XI.1920

На кн.: «Седое утро». П., «Алконост», 1920. На авантитуле.— ГЛМ.

Для «джентельменства» Блока, которое отмечал Гумилев (см. ниже публ. «Блок в неизданной переписке и дневниках современников»), характерно, что в тоне этого инскрипта не отразился непосредственно предшествовавший конфликт Блока и Гумилева в Союзе поэтов (см. ЗК, 504).

Л. Я. ГУРЕВИЧ

Многоуважаемой
Любови Яковлевне Гуревич
от искренно преданного
автора

Ноябрь 1911

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусaget», 1911. На титульном листе. — Собрание И. Л. Андроникова, Москва

Любовь Яковлевна Гуревич (1866—1940) — литературный критик, беллетристка, историк театра, общественная деятельница. А. Л. Волынский писал о ней: «Основная особенность Гуревич заключалась в том, что все, проникая в ее душу, сейчас западало в психологические глубины и подвергалось там внутренней напряженной переработке. Но перерабатываясь, впечатления бытия образовывали в ней материал для целого костра морального пафоса, с которым она и шла вперед во всех своих делах — твердо, неуклонно, с гнетом высшей идейной маниакальности, вплоть до готовности к настоящим жертвоприношениям» («Жизнь искусства», 1924, № 6, с. 17). Л. Я. Гуревич неоднократно говорила о близости ей творчества и позиции Блока. 12 марта 1910 г. она писала Блоку: «Посылаю Вам № «Бодрого слова» с моей заметочкой о Коммиссаржевской — отчасти ради того, что в ней процитированы Ваши строки, отчасти ради начала, где я стараюсь передать впечатления от этих необычайных похорон. Когда выйдет апрельская книжка «Русск(ой) мысли», я Вам еще пошлю отгиск моей статьи под названием «Мечты и мысли о новой драме», где некоторые страницы имеют прямое отношение к нашей с Вами встрече на этих же похоронах, а другие страницы почти дословно совпадают с тем, что Вы говорили на вечере в память Коммиссаржевской о символическом искусстве. Я на этом вечере говорила Любовь Дмитриевне, что меня почти поразило сходство не только мыслей — убежденных символистов теперь много — но формулировок» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 236, л. 9—10). Сохранилась фотография В. Ф. Коммиссаржевской с надписью Л. Я. Гуревич: «На память о похоронах В. Ф. Коммиссаржевской (перенесение праха с Николаевского вокзала в Александро-Невскую лавру) 19 февраля. На площади перед лаврой подарил на память Александр Блок» (ЛГТМ).

В ноябре 1911 г. Блок послал Л. Я. Гуревич «Ночные часы», 15 ноября 1911 г. она писала в ответ: «Мне чрезвычайно приятно, что Вы прислали мне Вашу книжку. Я так люблю Вашу поэзию, Ваши ритмы мне близки, как ничьи в современной литературе. И вообще я часто о Вас думаю. Когда писала свою статью для ноябрьской книжки «Русск(ой) мысли», которую Вы, верно, видели, чуть не написала на ней: «Посвящается А. А. Блоку» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 236, л. 13—14). Напечатанная в этом журнале ее статья «От быта к стилю», отклик на известную статью

Блока «О современном состоянии русского символизма», вошла в книгу Л. Я. Гуревич «Литература и эстетика» (М., 1912). Эту книгу она послала поэту, в его архиве сохранился титульный лист книги с надписью: «Дорогому Александру Александровичу Блоку с искренней любовью к его поэзии от автора. 12 декабря 1912.» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 236, л. 17). В течение многих лет Л. Я. Гуревич сотрудничала с К. С. Станиславским. «Вы были тем фильтром и проверкой, через которые я пропускал все мои искания, исследования и работы», — писал ей К. С. Станиславский 4 марта 1928 г. (К. С. Станиславский. Собр. соч. в 8 томах, т. 8. М., 1964, с. 174). Она приняла на себя посреднические функции в переговорах Блока с МХТ. «Благодарность», о которой Блок говорит в надписи 1917 г., связана с хлопотами Л. Я. Гуревич в период обсуждения вопроса о постановке «Розы и Креста» в МХТ, и с ее ходатайствами по поводу публикации произведений Блока в «Русской мысли», к редакционным кругам которой Гуревич была близка (см. ее письмо к Блоку от 5 декабря 1916 г. — в публ. «Блок в неизданной переписке и дневниках современников»).

Многоуважаемой и дорогой
Любови Яковлевне Гуревич.

Ал. Блок

Апрель 1917

На кн.: «Театр». М., «Мусaget», 1916. На первом свободном листе. — ГЛМ, ранее собрание Н. П. Ильина (Москва).

Любовь Яковлевне Гуревич.
От благодарного ей всегда
автора

Апрель 1917

На кн.: «Стихотворения. Книга третья». М., «Мусaget», 1916. Первый свободный лист. — Собрание Р. С. Семенова (Ленинград).

Б. П. ГУЩИНУ

Дорогому

Борису Петровичу Гущину
за добрую память обо мне.

Александр Блок

Январь 1913. СПБ

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусaget», 1911. На авантитуле. — ГЛМ.

Борис Петрович Гущин (1874—1936) — библиоковед и книговед, близко знакомый с семьей Бекетовых и Блоков. Подробнее о нем см. в кн.: «История Библиотеки Академии наук». М. — Л., 1964 (по именному указателю). Знакомству иближению поэта с Гущиным способствовала

многолетняя связь его жены О. Н. Гуциной (урожд. Галавиной) с семьей Бекетовых. О детской и юношеской дружбе поэта с ней вспоминает М. А. Бекетова: «В доме (в Шахматове.— А. П.) гостила очень милая <...> гостыя, моя подруга по гимназии Олимпиада Николаевна Галанина, так ласкаемая тетя Липа. <...> Саша был тогда (в 1894 г.— А. П.) в большой дружбе с вышеупомянутой тетей Липой, девushкой лет 30, очень молодой на вид. Знакомство это началось гораздо раньше, еще при няне Соне. Тетя Липа была городской учительница и жила далеко не роскошно, но отличалась бесконечно легким и веселым характером. У нее была юмористическая жилка, которая проявлялась на каждом шагу. <...> Саша очень ценил ее общество. <...> Вообще в ней было что-то праздничное и вместе уютное. Она была близка у нас в доме и одно время часто гостила в Шахматове» («Александр Блок и его мать», с. 59, 61).

Супруги Гуцины неоднократно упоминаются в письмах, дневниках и записных книжках поэта, преимущественно в раннюю пору. В письме к А. Белому от 7 апреля 1904 г. Блок так характеризует Гуцину: «Один очень милый математик (и ученый) — студент-технолог Гуцин, просил меня написать Тебе, не можешь ли Ты прислать ему (через меня) <...> книги Твоего отца» (VIII, 100). Сохранилось два письма Блока к Гуцину: первое — от 9 апреля 1904 г. («Новый мир», 1958, № 4, с. 274) и неизданное второе (адресованное обоим Гуциным), относящееся к сентябрю того же года (ГЛМ, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 42, л. 3).

Впоследствии, в 1910-х годах, Гуцин также поддерживал тесную связь с Блоком. О нем вспоминает В. Пяст: «О ту пору у него часто бывал Б. П. Гуцин, — старый знакомый семьи Бекетовых, — связанный также чем-то и с Менделеевыми, — очень известный специалист по библиотечному делу, с весьма широким кругозором и разнообразными интересами человек» (В. Пяст. «Встречи». М., 1929, с. 185); см. также вступительную статью Э. Г. Минц к «Переписке Блока с Вл. Пястом» в наст. томе, кн. 2. «В 1911 году в числе близких знакомых его — физик Б. П. Гуцин» (В. Пяст. Воспоминания о Блоке, с. 51).

По дневнику поэта известно, что Блок виделся с Гуциным у М. А. Бекетовой 12 января 1913 г.: «Часа на полтора — Гуцин <...> уютно, мило» (VII, 206). Но, несомненно, они виделись в январе еще раз, — на подаренной книге в верхнем углу авантюла стоит дата «23.1.1913», проставленная, видимо, рукой Гуцина, которую и следует считать датой дарения. Эта надпись упоминается (без текста) в «Новом мире» (№ 4, 1958, с. 274), где ошибочно указано первое издание «Стихов о Прекрасной Даме» (1905). В личной библиотеке Блока сохранилась книга, подаренная Гуциным: В. Гумбольдт. «О различии организмов человеческого языка». П., 1859.

Дорогому Борису Петровичу
Гуцину
на добрую память
о с о с т а в и т е л е.

Декабрь 1915 г.

На кн.: «Стихотворения Аполлона Григорьева». М., изд. К. Ф. Некрасова, 1916. На шмуцтитуле.— Собрание С. Л. Маркова (Ленинград).

ИОГАННЕСУ ФОН ГЮНТЕРУ

Hans Guenther'y

от такого же одинокого
и простого, как он. Будем всегда
принимать друг друга с простотой
и грустью.

Александр Б л о к

22 апреля 1906. СПБ.

На кн.: «Стихи о Прекрасной Даме». М., «Гриф», 1905 [1904]. На титульном листе.— Собрание И. фон Гюнтера (Кохель, ФРГ).

Иоганнес фон Гюнтер (1886—1973) — немецкий поэт и видный переводчик русской литературы, первый переводчик Блока на немецкий язык. См. о нем в настоящем томе (кн. 4) в обзоре «Блок в Германии» и в публикациях его писем к Блоку и фрагментов из книги воспоминаний «Жизнь на восточном ветру», а также в Краткой литературной энциклопедии (М., 1978, т. 9, слоб. 254) и в кн. «Поэзия и перевод» (М.—Л., 1963, с. 383—387). В 1947 г. Гюнтер выпустил в своем переводе большой сборник «Alexander Block. Gesammelte Dichtungen», а в 1948 г. — монографию «Alexander Block. Der Versuch einer Darstellung» (München), в которой он вспоминает о личных встречах с поэтом.

Текст дарственной надписи Блока на книге «Стихи о Прекрасной Даме» приводится в поздних воспоминаниях Гюнтера: J. von Guenther. Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und München. München, 1969, S. 148 (перепечатана в статье: И. Зильберштейн. Александр Блок: неизданное наследие.—Лит. газета, 1973, № 14, 4 апреля).

Гюнтер был тесно связан с кругом русских символистов (Брюсов, Вяч. Иванов, Инн. Анненский, Блок, А. Белый, Кузмин и другие), а также с акмеистами, с 1909 по 1914 г. был сотрудником журнала «Аполлон».

В сентябре 1905 г. он начинает переписку с Блоком. М. А. Бекетова в книге «Александр Блок и его мать» вспоминала: «Саша получил через издательство «Гриф» письмо от немецкого поэта Гюнтера, который пришел в восторг от «Прекрасной Дамы», — просил позволения переводить стихи Блока. Саша был страшно польщен гюнтеровскими комплиментами и в то время, как я писала письмо его матери, смешил меня

разными шалостями: принимал горделивые позы, оставляя руку и закидывая голову назад, говорил разную чепуху, разговаривая все время по-немецки, что давало ему далеко не легко, говорил, что он «Berühmter Herr Block» (знаменитый господин Блок) (с. 70). Под впечатлением первого письма Гюнтера Блок в том же шутовском тоне сочинил на немецком языке письмо матери, приписав его к письму М. А. Бекетовой от 13 сентября 1905 г. («Письма к родным», I, с. 149—150). Получив от Гюнтера его оригинальные стихи, Блок в письме к А. Белому от 22 сентября 1905 г. дает им высокую оценку: «Я уж написал, что мне многое нравится» (VIII, 135).

В марте 1906 г. Гюнтер приезжает в Петербург и лично знакомится с Блоком. Незадолго до первой встречи, в письме от 18 января 1906 г., он послал Блоку посвященное ему стихотворение «Das dunkle wissen und das wissende lachen...» (см. ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 237 — в подлиннике все существительные, исключая начальные слова каждого стиха, написаны со строчных букв, авторская орфография, вероятно, восходит к традиции Стефана Георге) и первый сборник своих стихотворений «Schatten und Helle» (Mitaue, 1905) с надписью «Александр(у) Блок(у) с чувствами глубочайшего почтения и словами большой благодарности. Ганс Гюнтер. Над зеленым лугом веет ветер, расцветают весенние цветы. Поскольку мы полны предчувствий тогс, что будет, как же может наше сердце не загореться золотым пламенем? Пламенем, которое дало Вам крылья, те крылья, что ведут в серебряные чистые выси вечности. Г. Гюнтер» (ИРЛИ, библиотека Блока — обращение к поэту, выделенное курсивом, написано на русском языке, остальной текст — на немецком).

В своих мемуарах Гюнтер вспоминает о знакомстве и первых встречах с поэтом: «Александр Александрович [...] попросил меня сестрь и сказал, что приготовил для меня сюрприз. А потом прочитал обращенное ко мне стихотворение. Прекрасное стихотворение, выстраданное и идущее из глубины. Оно касалось того, о чем мы говорили и спорили в прошлый раз: видение Люцифера — падшего ангела, принявшего земные черты. Во время своего первого визита я высказал Блоку — быть может, несколько раздраженно — подозрение в том, что он сам считает себя воплощением ангела из Люциферова воинства. Блок ответил загадочно: над этим нельзя смеяться, нас еще мало. И вот своим стихотворением — впоследствии оно не раз подвергалось различным толкованиям — Блок, раскрывая смысл некоторых так называемых тайных знаков, сам вовлек меня в это воинство. Смущенно улыбаясь, он протянул мне стихотворение. Я был восхищен и ошеломлен. Это было своего рода признание в дружбе, но к чему оно обижало меня? Ведь я и без того был его последователем, он вовлек меня в свое воинство. У меня тоже был приготовлен

сюрприз — два сонета к жене Блока» («Ein Leben im Ostwind», S. 113).

Навеянное этими встречами стихотворение Блока «Ты был осыпан звездным цветом...» (II, 100), написанное 19 марта 1906 г., является также ответом на указанное выше послание Гюнтера к нему, первоначально оно было озаглавлено «An Hans Guenther» (сб. «Нечаянная радость», с. 75—76). Это послание Блока некоторыми мотивами перекликается со стихотворением В. С. Соловьева «В тумане утреннем...», ставшим для молодого Блока поэтической декларацией (ср. его дарственную надпись М. В. Бабенчикову, включающую цитату из этого соловьевского стихотворения). Через несколько дней, 26 марта, Гюнтер перевел на немецкий язык обращенное к нему послание и, видимо, читал свой перевод Блоку. М. А. Бекетова приводит характеристику Гюнтера, в которой несомненно отражено и отношение к нему в ту пору самого Блока: «В 1906 году приезжал из Митавы молодой немецкий поэт Ганс Гюнтер, талантливый юноша. Он читал и свои стихи, и переводы некоторых стихов Блока, в которых поразительно уловил ритм и дух поэта. Это один из лучших переводчиков его стихов» («Александр Блок», 1930, с. 99; см. также в «Письмах к родным», I, с. 163, 217, 331; II, 117, и VIII, 164, 241).

Публикуемая первая дарственная надпись Блока навеяна личным знакомством и встречами поэтов в марте — апреле 1906 г., а также обменом стихотворными посланиями и откровенно связана с блоковским причислением Гюнтера к «своему воинству» духовно близких людей. В письме к Белому от 4 апреля 1906 г. Блок писал: «Гюнтер просил передать Тебе, что он послезавтра или еще днем позже будет в Москве. Он — очень хороший» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 175, см. там же с. 139—141). В письме к В. П. Вергиной от 5 марта 1907 г. Блок называет Гюнтера «талантливым поэтом и переводчиком» («Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», 1961, вып. 104, с. 337) и предлагает перевести его пьесу «Adler», написанную совместно с Р. Вальтером, а в письме к К. С. Станиславскому от 13 мая 1907 г. рекомендует ему Гюнтера как драматурга (Музей МХАТ, К. С., № 7309). Тесные контакты и переписка с немецким поэтом продолжались до середины 1911 г., сохранилось 19 его писем к Блоку (см. их публикацию в наст. томе), между тем письма самого Блока утрачены.

Но уже начиная с 1909 г. отношения между поэтом и его переводчиком не были столь близкими, как в первые годы их знакомства, о чем свидетельствует сам Гюнтер (J. von Guenther. Alexander Block, S. 24) и подтверждается сдержанным тоном сохранившихся последних инскриптов Блока, а также самими письмами его к Блоку. В конце 1911 г. отношение Блока к Гюнтеру резко изменилось и в его дневнике появились неприязненные упоминания о нем (VII, 84, 88, 102). Охлаждение, а затем и расхождение Блока с Гюнтером были

вызваны скорее всего сближением последнего с поэтами «Гумилевско-Городецкого общества» — акмеистами. Последняя запись о визите Гюнтера относится к 22 апреля 1912 г.: «Днем — Гюнтер» (VII, 141). В этот визит Блок подарил ему вторую и третью книги «Собрания стихотворений» и вписал в рукописный альбом, принесенный Гюнтером, две строфы из своего раннего стихотворения «Разгораются тайные знаки...» (1902), тогда еще неизданного и опубликованного лишь в 1913 г. («Северные записки», № 4), а рядом с ним сделал примечательную запись: «В стихах, обращенных к Вам, я был прав — не так ли?» Имелась в виду, вероятно, заключительная строфа из указанного стихотворения, посвященного Гюнтеру: «Так, — не забудь в венце из терний, // Кому молился в первый раз, // Когда обманет свет вечерний // Расширенных и светлых глаз» (II, 100).

В личной библиотеке Блока, кроме сб. «Schatten und Helle», сохранились две антологии, в которых напечатаны переводы Гюнтера из современной русской лирики с его дарственными надписями. Первая — «Die Lyrik des Auslandes in neuerer Zeit» (Leipzig, 1907): «Здесь никто понять не смеет, // Что Весна плывет в вышине! Александру Блоку Hans von Guenther. СПб. 4 мая MCMVIII» (цитата из драмы «Балаганчик» — IV, 20), вторая — «Neuer russischer Parnass» (Berlin, 1912): «Дорогому Блоку благодарный автор. М(итав). A(пно) D(omini). MCMXII».

Из писем Гюнтера к Блоку (см. публикацию в наст. томе, кн. 4) следует, что поэт подарил ему, кроме сохранившихся семи книг, еще три: альманах «Факелы» (1906, вып. 1, с драмой «Балаганчик») или отдельный оттиск этой драмы, сборник «Нечаянная радость», в котором опубликовано стихотворение «An Hans Guenther» (письмо от 3 февраля 1907 г.), сборник «Снежная маска» и рукописный список драмы «Незнакомка», посланный для перевода (письмо от 24 апреля 1907 г.).

Все публикуемые здесь инскрипты Блока Гюнтеру (а также его инскрипт М. А. Кузмину) и запись поэта в рукописном альбоме, сохранившиеся в его архиве в Кохеле (близ Мюнхена), любезно предоставлены для публикации его вдовой Анной-Марией фон Гюнтер, которой выражаем глубокую признательность. Публикация этих материалов подготовлена совместно с профессором Рольфом-Дитером Клуге.

«О, весна без конца и без края!
Без конца и без края — мечта.
Узнаю тебя, мир! Принимаю, —
И приветствую звоном чита!»

Александр Блок

Милому Hans von Guenther.

4 мая 1908. СПб.

На кн.: «Лирические драмы». СПб., «Шиповник», 1908. На обороте авантиту-

ла. — Собрание И. фон Гюнтера (Кохель, ФРГ).

Приведенное Блоком в надписи четверостишие — первая строфа (с некоторыми различиями) из стихотворения «О, весна без конца и без края...», вошедшего в цикл «Заклятие огнем и мраком», посвященный Н. Н. Волоховой (II, 272).

В своих воспоминаниях Гюнтер писал: «Он радостно сообщил мне о своей новой большой драме («Песня Судьбы»), уверял, что она мне очень понравится; рассказывая о ней, он принес свою книгу «Лирические драмы», только что выпущенную издательством «Шиповник», и сделал на ней пропускновенную надпись. (...) Это звучало и в словах, которые написал мне Блок на своей книге — то были стихи влюбленного» (J. von Guenther. Ein Leben im Ostwind. S. 216, 217).

Дорогому Hans Guenther

Александр Блок

IX—08

На кн.: «Земля в снегу». М., изд. журн. «Золотое руно», 1908. На первом свободном листе. — Собрание И. фон Гюнтера (Кохель, ФРГ).

10 февраля 1909 г. Гюнтер писал Блоку о своем впечатлении от книги «Земля в снегу» (написано по-русски): «Читал Вашу книгу. Странная книга. Неверная книга. Думаешь: вот, я понял... Нет, совсем не то было. Вы, Александр Александрович, странный поэт, Вы такой чистый, невероятно чистый и страстный, как морозная зима. Вы вышли в путь, когда была полночь, а теперь предраассветный час. Совсем нельзя знать, какой день будет. Может, холодный, ясный... а может, солнце придет, такое светлое, властное. (...) Только я Вам хотел сказать, что я Вас очень люблю и очень верю Вашему творчеству (...)» (см. публикацию писем Гюнтера в наст. томе, кн. 4). Примечательно, что в своей оценке этой книги Блока Гюнтер развивает тему «холодного дня», восходящую к стихотворению В. С. Соловьева «В тумане утреннем...», которую они, вероятно, обсуждали и в письмах, и в личных беседах и к которой не раз обращался сам Блок в своих произведениях, в том числе и в стихотворении, посвященном Гюнтеру (см. об этом также во вступительной статье и в комментарии к дарственной надписи М. В. Бабенчикову).

Иоганнесу фон Гюнтер

Александр Блок

Май 1911. СПб.

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусaget», 1911. На авантитуле. — Собрание И. фон Гюнтера (Кохель, ФРГ).

Эта книга вышла с начала мая 1911 г. (уже 2 мая Блок подарил ее своей жене),

и Гюнтер был, видимо, в числе первых, кому Блок послал новое издание «Стихов о Прекрасной Даме». 24 мая 1911 г. Гюнтер писал Блоку: «Дорогой Александр Александрович, случай, или, если хотите, Большое, подарил мне Вашу книгу в день моего рождения, т. е. 14 мая. Меня это бесконечно волнует, тем более, что так много моих лучших 18-тилетних переживаний, или лучше — впечатлений и дум связано именно с этой книгой, с Вашими печальными, светлыми стихами о Прекрасной Даме, которую я так любил и — так забыл. Неожиданная мелодия Вашей книги опять воскресла передо мною и с ней вернулась вся сладкая горечь пережитого. И так это хорошо и почему-то так нужно. Милый Блок, Вы знаете, я давно уже ушел от Вас — и я никогда не уйду от Вас» (см. публикацию писем Гюнтера в наст. томе, кн. 4).

Эту книгу в «желтом кожаном переплете» и с «авторской надписью четким, округлым почерком» Гюнтер давал читать начинающей поэтессе Н. А. Павлович. Она вспоминает об этом в своих мемуарах, где, пристрастно истолковав недружелюбную дневниковую запись Блока о нем и не пытаясь определить внутренних причин их расхождения, дает несправедливо резкую характеристику Гюнтеру («Блоковский сб.», 1, с. 449—450 — подробнее о причинах расхождения см. в комментарии к первой надписи и ниже).

Иоганнесу Гюнтеру
на добрую память

Александр Блок

6 ноября 1911

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусагет», 1911. На титульном листе.— Собрание И. фон Гюнтера (Кохель, ФРГ).

4 ноября 1911 г. Блок получил 95 авторских экземпляров сборника «Ночные часы» (VII, 80), а 6 ноября отметил в дневнике: «Раздаю и рассылаю „Ночные часы“» (VII, 82) — в этот же день он надписал книгу и Гюнтеру. 10 ноября Блок внес в дневник крайне неприятную запись о Гюнтере, который пришел с похвалами «Ночным часам», со своими какими-то нерусскими понятиями. Несколько слов, выражений лица — и меня начинает бить злорада. Никогда не испытал ничего подобного. Большого ужаса, чем в этом лице, я, кажется, не видал. Я его почти выгнал, трясясь от не знаю какого отвращения и брезгливости. Может быть, это грех» (VII, 84). Запись Блока была вызвана скорее его тогдашним угнетенным душевным состоянием, чем конкретными причинами, что подтверждается словами, предваряющими эту запись: «Вчера днем — корректура, короткий и тревожный сон, и словами, заключающими ее: «Но ночам теперь нет конца: октябрь, — весь мир наш полон ночью (...»)» (VII, 84); и через несколько дней — в записи от 14 ноября: «Эти ужасы

вьются кругом меня всю неделю — всюду появляется страшная рожа, точно хочет сказать: «Ааа... ты вот какой?». (VII, 88). Как известно, после этого визита Гюнтера поэты еще продолжали общаться (см. надписи на последующих книгах и записи в альбоме от 22 апреля 1912 г.).

Иоганнесу фон Гюнтер

Александр Блок

Апрель 1912

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга вторая. Нечаянная радость». М., «Мусагет», 1912. На авантитуле.— Собрание И. фон Гюнтера (Кохель, ФРГ).

Дата встречи поэтов и ипскрипта уточняется по дневниковой записи Блока от 22 апреля 1912 г. (подробнее об этом см. в комментарии к первой надписи). Блок подарил Гюнтеру, кроме второй книги, также и третью книгу «Собрания стихотворений» (текст надписи см. ниже) и сделал запись в альбоме Гюнтера. В ответ Гюнтер подарил Блоку антологию своих переводов из современной русской поэзии: «Neuer Russischer Parnass» (Berlin, 1912).

Иоганнесу фон Гюнтер

на добрую память от автора.

Апрель 1912

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга третья. Снежная ночь». М., «Мусагет», 1912. На авантитуле.— Собрание И. фон Гюнтера (Кохель, ФРГ).

З. С. ДАВЫДОВУ

Зиновию Самойловичу Давыдову
от автора.

VIII.1918. Петербург

На кн.: «Соловьиный сад». П., «Альфонс», 1918. На авантитуле.— ГИМ. Надпись воспроизведена в «Лит. России», 1980, № 48, 28 ноября.

Зиновий Самойлович Давыдов (1892—1957) — поэт и прозаик. Сведениями о личном знакомстве З. С. Давыдова с Блоком мы не располагаем, связь между ними, очевидно, осуществлялась при посредничестве Л. А. Дельмаса. К книге приложена ее записка: «Видите, друзья мои, что я Вас не забываю. Л. Дельмас — принцесса Гишпанская, сбоку помечено рукой Блока: «Зиновию Самойловичу Давыдову». «Друзья мои» — З. С. Давыдов и А. Г. Архангельский (1889—1938), впоследствии известный поэт-пародист. Л. А. Дельмас познакомилась с ними во время поездки в июле 1918 г. на свою родину — в Чернигов (ЗК, 415), куда затем и прислала книгу Блока после своего возвращения в Петроград. Прозвище Л. А. Дельмас «принцесса Гишпанская» восходит к незаданной «книжке с картинками» «Сказочка

Л. А.
 Я помню как-то в Ваши пись-
 ма заставляла и думать, —
 и как-то предвещала дол-
 гую, полет болельщицы и судьбы,
 Волоса улетали в руду,
 и волосы у руды звенели,
 Сиреней манящей в дождь разлуки
 Петлики кагану звезду...
 И то, что звучит и страстно:
 Мне видны звуки и свеча
 Вздох, полет болельщицы...
 Ты как жайка встречаешь...
 Июль 1914. Ш. Василь?
Л. А.

БЛОК

Фотография. 1907

На обороте — стихотворное посвящение Блоку Л. А. Дельмас
 Собрание И. А. Фашевской, Ленинград

про Заню и Саню» (1918), прозаической автопародии, написанной З. С. Давыдовым и проиллюстрированной А. Г. Архангельским с посвящением «Малым деточкам в назидание, а Любови Александровне Дельмас-Андреевой, Принцессе Гишпанской и Белой лебеди залетной, на добрую память» (собрание И. А. Фашевской, Ленинград). Текст «Сказочки про Заню и Саню» навеян мотивами из цикла Блока «Кармен» и в ней обыгрываются некоторые биографические ситуации из жизни Л. А. Дельмас, а также спародировано увлечение одного из персонажей (Зани) поэзией Блока. Причем в «сказке» упоминается «принцесса (sic.) Карменсита», которая «книжку с картинками из земли Гишпанской прислать обещалась». Несомненно, речь идет о сборнике стихотворений Блока.

В письме (на визитной карточке, Чернигов, август (?) 1920 г.) к Л. А. Дельмас З. С. Давыдов писал: «Не откажите, Любовь Александровна, передать мою книгу и привет Александру Алекс(андровичу)» (собрание И. А. Фашевской). В алфавитном каталоге библиотеки Блока, составленном им самим, имеется следующая запись и помета: «З. Давыдов. Ветер. Стихи. К-во «Стрелец», Чернигов, 1919 (Л. А. Дельмас принесла 12.IX.1920)» (ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 388, л. 117). В библиотеке поэта сохранился этот сборник Давыдова со стихотворением «Мы одного делеем друга» (с. 59), посвященным

Л. А. Дельмас и связанным с Блоком и с дарственной надписью: «Поэту Александру Александровичу Блоку в знак глубокого почитания автор, Чернигов. 1920.VIII». В 1918 г. Давыдов написал статью «Возрождение», посвященную «Двенадцати» (газ. «Черниговская земля», 1918, 15 сентября), а в 1919 г. (23 мая) выступил на одном из диспутов в Чернигове с восторженной оценкой этой поэмы (журн. «Просвещение», Чернигов, 1919, № 5, с. 33).

Друг и соавтор Давыдова А. Г. Архангельский был лично знаком с Блоком (см. о нем в дневниковой записи от 16 февраля 1913 г. — VII, 220—221), он посвятил Л. А. Дельмас стихотворение «Отзвучали кастаньеты...» (ГПБ, ф. 1056, ед. хр. 511), написанное 21 июля 1918 г. во время ее пребывания в Чернигове. В письме к Л. А. Дельмас из Ейска (от 12 августа 1920 г.) А. Г. Архангельский писал: «Передайте привет А. А. Блоку. Узнайте у него о том, где Евгений Павлович Иванов и Алексей Дмитриевич Скалдин? Если Евгений Павлович в Петербурге, то ему горячий, восторженный поклон и призы ехать сюда, на юг» (собрание И. А. Фашевской). После смерти поэта, 25 сентября 1912 г., Давыдов писал Архангельскому: «Один раз этим летом я чувствовал, как на далеком расстоянии в унисон горестно бьются наши сердца, это траурные блоковские дни» (ЦГАЛИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 66, л. 1—1об.). См. также об Архангельском в письме А. А. Кублицкой-Пиот-

тух к М. П. Ивановой от 21 февраля 1913 г. ниже, в публикации «Блок в неизданной переписке и дневниках современников».

Л. А. ДЕЛЬМАС

Среди поклонников Кармен,
Спешащих пестрою толпою,
Ее зовущих за собою.
Один, как тень у серых стен
Ночной таверны Лиллас-Пастья,
Молчит и сумрачно глядит,
Не ждет не требует участия.
Когда же бубен зазвучит
И «глухо зазвенят» запыстья, —
Он вспоминает дни весны
Он среди бушующих созвучий
Глядит на стан ее певучий
И видит гворческие сны.

26 марта 1914

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусагет», 1911. — Местонахождение неизвестно.

Любовь Александровна Дельмас (Андреева-Дельмас, 1884—1969) — оперная актриса, героиня цикла «Кармен».

Текст публикуется по Собр. соч. (III, 232). Стихотворение «Среди поклонников Кармен...», написанное на книге, по-видимому, имело обращение: «Любови Александровне Андреевой-Дельмас».

Стихотворная надпись была сделана еще до личного знакомства с Л. А. Андреевой-Дельмас, состоявшегося 28 марта 1914 г. За два дня до этого события, 26 марта, Блок отметил в записной книжке: «Я посылаю ей книги с посылным» (ЗК, 218). Трехтомное «Собрание стихотворений» (1911—1912) было послано Блоком с дарственной надписью, вероятно, на первом томе, — все три книги утеряны. На автографе этого стихотворения, хранящемся в архиве поэта, имеется авторская помета: «Надпись на книге» (III, 578).

В датированном 22 марта 1914 г. письме Блок обращается к Л. А. Дельмас: «Простите мне мою дерзость и навязчивость. — В этих книгах собраны мои старые стихи, позвольте мне поднести их Вам. Если Вы позволите посвятить Вам эти новые стихи, Вы доставите мне величайшую честь (...). Вот стихи» (VIII, 436). Это письмо (без книг), с вложенными в него автографами стихотворений «Как океан меняет цвет...» и «Сердитый взор бесцветных глаз...» было передано 25 марта, а книги — с другим письмом, от 26 марта, в котором поэт снова просит принять «книги старых стихов» («Звезда», 1970, № 11, с. 192).

Глубокоуважаемой
Любови Александровне
Андреевой-Дельмас

от автора.

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусагет», 1911. На титульном листе. — Собрание И. А. Фашевской (Ленинград). Экземпляр с правой Блока.

Л. А. Д.

На кн.: Эдгар По. Собр. соч. Том первый. М., «Скорпион», 1911. На авантитуле. — Собрание И. А. Фашевской (Ленинград).

Любови Александровне Дельмас.
Если Вы сохраните этот портрет,
когда-нибудь он покажется Вам
более похожим на меня, чем теперь.

На фотографии: А. Блок. Текст приводится по записи Блока (ЗК, 231, 563), фотография не сохранилась.

Л. А.

Я помню нежность Ваших плеч —
Они застенчивы и чутки, —
И лаской прерванную речь.
Вдруг, после болтовни и шутки,
Волос изменчивых руду,
И голоса грудные звуки,
Сирени темной в день разлуки
Пятиконечную звезду...
И то, что глубже и странней:
Из вихря музыки и света —
Взор полный полного привета...
В нем тайна верности ... Твоей?

А. Б.

Июль 1914

На фотографии: А. Блок (раб. Д. Здобнова), 1907. На обороте. — Собрание И. А. Фашевской (Ленинград).

Л. А. Д.

Что мне в льстивых речах?
Разве яркая бабочка я?

1915. Майская ночь

На отд. оттиске: «Роза и Крест» (альм. «Сирин», I, СПб., 1913). — Собрание И. А. Фашевской (Ленинград).

В надписи — цитата из драмы «Роза и Крест» (слова Изоры — действие I, сцена III), IV 176.

Л. А. Д.

Май 1915

А. Б.

На кн.: «Стихи о России». П., изд. журн. «Отечество», 1915. На первом свободном листе. — Собрание И. А. Фашевской (Ленинград).

П. А. ДЕЛЬМАС В РОЛИ ЛАУРЫ В ОПЕРЕ А. С. ДАРГОМЫЖСКОГО «КАМЕННЫЙ ГОСТЬ»
 Фотография, 1916
 Собрание П. А. Фащевской, Ленинград

Любови Александровне
 Дельмас

От звящего почерк ясный —
 Руки прилежной и прекрасной,
 На память вечную о том
 Лишь двум сердцам знакомом
 мире,
 Который вспыхнул за окном,
 Зимой, над Ponte dei Sospiri ...

Александр Блок

15 декабря 1915 года

На кн.: «Стихотворения Аполлона Григорьева». М., изд. К. Ф. Некрасова, 1916.
 На шмуцтитуле. — Собрание П. А. Фащевской (Ленинград).

Любови Александровне Дельмас
 на память о вербах, розах
 и ячменных колосьях 1914 года.

Александр Блок

41 VI 1916

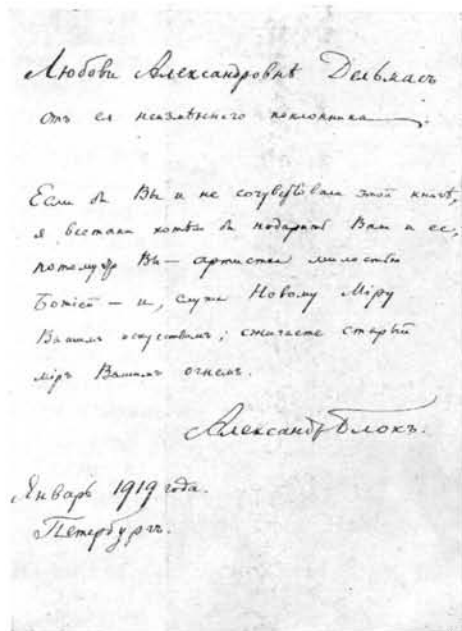
На кн.: «Театр». М., «Мусaget», 1916. —
 Собрание П. А. Фащевской (Ленинград).

Л. А. Д.

Той, которая поет в
 соловьином саду.
 А. Б.

8 августа 1918 г. Петербург

На кн.: «Соловьиный сад». П., «Альконность», 1918. (На азантитуле). Книга утрачена.
 Копия рукой Л. А. Дельмас — ЦГАЛИ, ф. 391, ол. 1, ед. хр. 31, л. 3 об.

БЛОК. ДВЕНАДЦАТЬ. Пб., «АЛКОНОСТ», 1918

Титульный лист и дарственная надпись Блока Л. А. Дельмас

Собрание И. А. Фащевской, Ленинград

Любови Александровне
Дельмас
от ее неизменного
поклонника.

Если бы Вы и не сочувствовали этой книге, я все-таки хотел бы подарить Вам и ее, потому что Вы — артистка милостью божией — и, служа Новому Миру Вашим искусством, сжигаете старый мир Вашим огнем.

Александр Блок

Январь 1919 года
Петербург

На кн.: «Двенадцать». Изд. 2-е. П., «Алконост», 1918. Экземпляр № 63. На первом свободном листе. — Собрание И. А. Фащевской (Ленинград).

Я не сгорел еще.
И — Вы.

А. Б.

II.1919

На кн.: «Катилина». П., «Алконост», 1919. На авантитуле. — Собрание И. А. Фащевской (Ленинград).

Любови Александровне
Дельмас
на память обо мне.

Александр Блок

20/7 июля 1919 года. Петербург

На кн.: «Песня Судьбы». П., «Алконост», 1919. На первом свободном листе. — Собрание И. А. Фащевской (Ленинград).

Надписи на этой и следующей книге сделаны красными чернилами.

Любови Александровне
Дельмас

на память о трудных годах.

Александр Блок

VII.1919

На кн.: «Россия и интеллигенция». П., «Алконост», 1919. На авантитуле. — Собрание И. А. Фащевской (Ленинград).

Любови Александровне
Дельмас —
книга, ей чужая.

А. Б.

7.VIII.1919

На кн.: «Ямбы». П., «Алконост», 1919. На авантитуле. — Собрание И. А. Фащевской (Ленинград).

Л. А. Д.

Едва в глубоких снах мне снова
Начнет былое воскресать,
Рука уж вывести готова
Слова, которых не сказать...
Но я руке не позволяю
Писать про виденные сны
И только книжку посылаю
Царице песен и весны...
В моей душе, как келья, душной,
Все эти песни родились.
Я их любил. И равнодушно
Их отпустил. И понеслись...
Неситесь! Буря и тревога
Вам дали легкие крыла, —
Но нежной прихоти немного
Иным из вас — она дала...

23 X 1920.

Л. Б.

Л. Дельмас

Александр Блок

Седое Утро

Стихотворения

«Алконост»
Ленинград
1920

БЛОК. СЕДОЕ УТРО. ПБ., «АЛКОНОСТ», 1920

Титульный лист с автографом Л. А. Дельмас, на обороте — стихотворное посвящение Блока Л. А. Дельмас

Собрание И. А. Фащевской, Ленинград

Накануне, 6 августа 1919 г. Блок записал: «Без меня Алянский принес «Ямбы» (ЗК, 470). Ср. в списке книг для летнего чтения, составленном и рекомендованном поэтом Андреевой-Дальмас: «Фауст Гете — обе части. Это чужое для Вас и близкое для меня» («Звезда», 1920, № 11, с. 195). О семантике понятия «чужой» на языке Блока см. в комментарии к надписям С. В. Панченко в наст. публикации.

Л. А. Д.

Едва в глубоких снах мне снова
Начнет былое воскресать,
Рука уж вывести готова
Слова, которых не сказать...
Но я руке не позволяю
Писать про виденные сны,
И только книжку посылаю
Царице песен и весны...
В моей душе, как келья, душной,
Все эти песни родились.
Я их любил. И равнодушно
Их отпустил. И понеслись...
Неситесь! Буря и тревога
Вам дали легкие крыла, —
Но нежной прихоти немного
Иным из вас — она дала...

А. Б.

На кн.: «Седое утро». П., «Алконост», 1920. На обороте титульного листа. — Собрание И. А. Фащевской (Ленинград).

Н. В. ДРИЗЕНУ

Барону Николаю Васильевичу
Остен-Дризену
от искренно уважающего
его редактора перевода.

Октябрь 1915. Петроград

На кн.: Г. Ф л о б е р. Полн. собр. соч., т. 8. Перениска. Ч. I. Пер. А. Кублицкой-Пиотух. Под ред. [и с предисл.] А. Блока. СПб., «Шиповник», 1915. — ГПБ (Отдел рукописей, ф. 1203).

Николай Васильевич *Остен-Дризен*, (1868—1935) — деятель театра, один из основателей Старинного театра в Петербурге, поставивший (совместно с А. А. Саниным) мифическую пьесу «Действие о Теофиле» в переводе Блока (1907); цензор драмы Блока «Роза и Крест». Сохранилось 6 писем Блока к нему, 5 из них опубликованы в сб. «Книги, архивы, автографы». Л., 1973, с. 39—42, а шестое — в Собр. соч. (VIII, 310).

О. И. ДЫМОВУ

Многоуважаемому и милому
Осипу Исидоровичу Дымову
Александр Б л о к

5. X. 1905. С-П-Б.

На кн.: «Стихи о Прекрасной Даме». М., «Гриф», 1905. На титульном листе.— ГМИЛ.

Осип Исидорович *Дымов* (Перельман) (1878—1959) — беллетрист, драматург. В 1926 г. О. Дымов писал в воспоминаниях о Блоке: «Впервые я увидел его в каком-то большом зале, в Петербурге. Что-то исполняли, и мы, молодежь, толпились у эстрады. Я не знал, что это Блок; тогда его еще мало знали. Я увидел юношу в студенческом мундире, с прекрасным бледным удлинненным лицом и белокуро-золотистыми волосами. Он внимательно-устремленно слушал с чуть-чуть открытым ртом (его привычка). Меня поразила красота этого юноши. Положительно, он выделялся в толпе. Наутро я рассказал об этой встрече поэтессе Л. Вилькиной, уже покойной жене Н. Минского.— Да ведь это Блок,— воскликнула она с ноткой восторга, утадав его по моему описанию. Познакомился я с ним позже, когда он уже не носил студенческой формы. Кажется, у Чулкова, а возможно, у Сологуба» («Эхо», Каунас, 1926, № 241, 16 сентября). Письма Дымова к Блоку не сохранились (ЛН, т. 27-28, с. 565). Отзыв о книге Дымова «Солнцеворот» содержится в письме Блока к Чулкову от 19 мая 1905 г.: «Читали ли Вы Дымова? Мне нравится многое, особенно — «Весна». Но иногда вместо того, чтобы проникать в свое, он скользит по поверхности чужих слов, и тогда приходится пропускать страницы» («Письма Александра Блока». Л., 1925, с. 124). Позднее Блок упомянул о «Солнцевороте» в статье 1907 г. «О драме» как о «свежей и приятной, хотя очень нервной, книге рассказов» (V, 180). В дальнейшем в литературной продукции Дымова Блок относился без симпатии (ЗК, 124; VII, 166).

М. А. Бекетова в своей книге о Блоке приводит любопытный эпизод: после первого представления «Балаганчика» (30 декабря 1906 г.) и выхода автора на сцену «все было покрыто аплодисментами. Сверху упала на сцену белая лилия и фиалки. Осип Дымов бросил свой портрет (?)» («Александр Блок», 1930, с. 106). Этот портрет сохранился, на нем сделана надпись: «„Больше всего любите землю“. Александр Блоку в день 1-го предствления» «Балаганчика» с дружбой О. Дымова» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 102).

Осипу Дымову
на добрую память

Александр Б л о к

Ноябрь 1911

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусaget», 1911. На титульном листе.— Собрание Л. А. Глезера (Москва).

4 ноября 1911 г., незадолго до подписывания «Ночных часов», Блок встретился с Дымовым на именинах у Ф. Ф. Фидлера (VII, 81).

А. И. ЕГОРОВУ

Александр Ивановичу Егорову
с приветом от автора.

Александр Б л о к

Октябрь 1917. Петербург

На кн.: «Стихотворения. Книга третья». М., «Мусaget», 1916. На первом свободном листе.— Собрание Э. И. Григолюка (Москва).

Александр Иванович *Егоров* — оперный артист, в 1914—1916 гг. выступал в театре «Музыкальной драмы».

С. А. ЕСЕНИНУ

Сергею Александровичу Есенину
на добрую память

Александр Б л о к

9 марта 1915. Петроград

На одной из кн. Собрания стихотворений. М., «Мусaget», 1912. На авантитуле.— ЦГАЛИ, ф. 190, оп. 2, ед. хр. 24.

Сергей Александрович *Есенин* (1895—1925). Текст надписи и о взаимоотношениях см.: В. Земсков. А. Блок и С. Есенин.— «Огонек», 1955, № 48.

В. В. ЕСИПОВУ

Глубокоуважаемому
Владимиру Владимировичу Есипову
на добрую память
с искренней симпатией
и преданностью

автор.

21. XII. 09. СПБ.

На кн.: «Земля в снегу». М., изд. журн. «Золотое руно», 1908. На первом свободном листе.— Собрание Д. М. Ганьковского (Ленингр. обл., пос. Ульяновка). Надпись приведена в журнале «Книжные новости», 1936, № 28-29, с. 47.

Владимир Владимирович *Есипов* (1867—после 1928) — юрист, профессор Варшавского университета, сослуживец А. Л. Блока. В книге А. Галиса «Восемнадцать дней Александра Блока в Варшаве» приводится отзыв известного польского философа Богдана Наврочинского (1882—1973) о Есипо-

ве как о «человеке большой культуры» (Adam Galis, *Osiemnaście dni Aleksandra Błoka w Warszawie*. 1976, s. 27). Повидимому, Блок познакомился с Есиповым в Варшаве на похоронах отца, а книгу послал ему в Варшаву по возвращении в Петербург. В письме к Блоку варшавской поэтессы Юлии Писаревой от 21 января 1910 г. сообщается, что Есипов передал ей содержание письма Блока к нему, касавшегося возможности помещения «где-нибудь в Петербурге» стихотворения в прозе Писаревой (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 366, л. 1). Это письмо Блока к Есипову неизвестно. Возможно, что книга Блока была послана Есипову одновременно с этим письмом.

Литератор И. Березарк писал о Есипове: «Вышло отдельное издание «Возмездия», и я очень интересовался судьбой отца Александра Блока. Я слышал, что В. Есипов был его другом. При мне он познакомился с поэмой Блока; прочитав её, старый профессор перекрестился и заплакал. «Все точно, — сказал он, — даже удивительно. Я не думал, что можно быть столь правдивым в стихах» («Русская литература», 1977, № 3, с. 190).

Б. К. ЗАЙЦЕВУ

Борису Зайцеву.

Александр Блок

СПБ. Ноябрь 1908

На кн.: «Земля в снегу». М., изд. журн. «Золотое руно», 1908. На первом свободном листе. — ГБЛ. Текст воспроизведен в каталоге «Прижизненные издания Александра Александровича Блока». М., 1980, с. 16.

Борис Константинович *Зайцев* (1881—1972) — писатель, участник альманахов «Знание» и «Шиповник». Блок высоко отзывался о нем в своей статье «О реалистах»: «Есть среди «реалистов» молодой писатель, который намеками, еще отдаленными пока, являет живую, весеннюю землю, играющую кровь и летучий воздух. Это — Борис Зайцев» (V, 124). Ср. также запись Блока от 20 апреля 1907 г.: «Зайцев остается еще пока приготавливающим фон-матовые видения, а когда на солнце — так прозрачные. Если он действительно творец нового реализма, то пусть он разошьет по этому фону пестроту свою» (ЗК, 94). К этому времени Зайцев выпустил только одну книгу — «Рассказы» (СПб., 1906). В библиотеке Блока (ИРЛИ) находится экземпляр этой книги с надписью «А. Блоку автор 5 дек(абря) 1906». Несколькими позже, в статье «Литературные итоги 1907 года», Блок писал: «Борис Зайцев открывает все те же пленительные страны своего лирического сознания: тихие и прозрачные. И повторяется» (V, 224).

Кружок памяти Блока вскоре после смерти поэта обратился к Б. К. Зайцеву с предложением написать воспоминания о Блоке (см. письмо П. Е. Шеголева Г. И. Чулкову от 23 августа 1921 г. — ГБЛ, ф. 371, к. 5, ед. хр. 22, л. 2). О личных встречах с Блоком Зайцев писал в своем мемуарном очерке: «Я встретил Блока в первый раз весной 1907 года в Петербурге, на собрании «Шиповника». Он мне понравился. Высокий лоб, слегка выщипанные волосы, прозрачные холодноватые глаза, и общий облик — юноши, пажа, поэта — все показалось хорошо <...> Стихи читал, как полагалось по тем временам, но со своим оттенком, чуть гнусавя и от слушающих себя отделяя — холодно. Сам же себя туманил, как бы хмелел. <...> Июль 1908 года мне пришлось прожить у Г. И. Чулкова, на Малой Невке <...> Блок заходил к нам, мы бывали у него. Его образ, его ощущение в то лето отвечало кабачкам, где мы слонялись, бедным звездам петербургским, бродячей, нервно-возбужденной жизни, полу-искусственному, полу-естественному дурману, в котором полагалось тогда жить «порядочному» петербургскому писателю» (Б. Зайцев. Победенный. — «Современные записки». Париж, 1925, № 25, с. 250, впоследствии вошло в его поздние воспоминания «Далекое». «Нью-Йорк». 1965).

В библиотеке Блока (ИРЛИ) сохранился экземпляр «Второй книги рассказов» Зайцева с дарственной надписью: «Александру Блоку с лучшими чувствами. Бор(ис) Зайцев. 28 февраля 1909» (VIII, 598). Об этой книге поэт сообщал в письме к матери (VIII, 280). В библиотеке Блока также находится экземпляр романа Зайцева «Путники» (М., 1918) с надписью: «Дальнему Блоку, давнему очарованию. Борис Зайцев. 10 мая 1920». По поводу этого подарка Зайцев вспоминал: «Из деревни я послал ему (Блоку) последнюю свою книгу (печатавшуюся в самом начале революции). Получил длинное письмо очень дружественное, от «сочувственного сердца». Поразил меня тон беспредельной грусти, разлитой в письмо, — и тронул. Точно он прошался и о чем-то сожалел, недоделанном и самом важном. Нас же ощущал как «путников» (так называлась книга). Я помню, была фраза: «Давно мы с вами встретились, да все были врозь, не пришлось сойтись поближе, хоть и можно было бы. А теперь, кажется, уже поздно» («Современные записки», 1925, № 25, с. 256—257). Письмо Блока к Зайцеву утрачено.

Утрачены и книги Блока, подаренные им жене Зайцева, Вере Алексеевне. В своих воспоминаниях Зайцев пишет о том, как 14 августа 1912 г. в Москве, в кафе «Эйнем» на Мясницкой улице, он встретил Блока, «дружески поздравившего и приславшего жене моей цветы и свои книги» («Современные записки», 1925, № 25, с. 253).

В. А. ЗОРГЕНФРЕЮ

Дорогому
Вильгельму Александровичу
Зоргенфрею
с чувством близкой связи.

Александр Б л о к

12.IV.08 СПБ.

На кн.: «Лирические драмы». СПб., «Шиповник», 1908. На обороте авантитула.— Собрание И. С. Зильберштейна (Москва).

Вильгельм Александрович *Зоргенфрей* (1882—1938) — поэт, переводчик, автор воспоминаний: «Блок». — «Записки мечтателей», № 5, П., 1922; «Александр Александрович Блок» (По памяти за 15 лет, 1906—1921 г.). — «Записки мечтателей», № 6, П., 1922. Об их взаимоотношениях см.: С. С. Гречишкин и А. В. Лавров. А. А. Блок. Письма к В. А. Зоргенфрею. — «Русская литература», 1979, № 4, с. 128—138; а также: Л. Н. Чертков. В. А. Зоргенфрей — спутник Блока. — «Русская филология», Тарту, 1967, с. 113—139.

А. П. ИВАНОВУ

Дорогому Александру Павловичу
Иванову

искренно преданный

Александр Б л о к

Ноябрь 1908. СПБ.

На кн.: «Земля в снегу». М., изд. журн. «Золотое руно», 1908, На шмуцтитуле.— ИРЛИ, библиотека.

Александр Павлович *Иванов* (1876—1933) — писатель, искусствовед; сотрудник Русского музея, автор фантастического рассказа «Стереоскоп» (1909) и ряда работ о русском искусстве, в том числе, о Врубеле. В мемуарном очерке о Блоке искусствовед М. В. Бабенчиков так характеризовал своего коллегу А. П. Иванова: «Автор «Стереоскопа» и монографии о Врубеле, А. П. редко выступал в печати, но все написанное им свидетельствует об оригинальном уме и незаурядном критическом даровании» (М. Бабенчиков. Отважная красота.— «Звезда», 1968, № 3, с. 138).

На монографию Иванова о Врубеле Блок одобрительно ссылается в своей статье «Памяти Врубеля» (1910): «Подробная, написанная как-то по-старинному благородно и просто, биография (А. П. Иванов пишет именно так, как писалось о старых великих мастерах,— да и как писать иначе? <...>)» (V, 421—422). О рассказе «Стереоскоп» Блок также высоко отзывался в письме к ближайшему своему другу и брату автора рассказа, Е. П. Иванову: «Хочу тебе сказать, что все больше ценю «Стереоскоп» <...> Очень много думаю об

этом. Думаю, что это, вместе с Брюсовской прозой, принадлежит к первым в русской литературе «научным» опытам искусства, и глубоко приветствую это. Среди старых писателей намеки на эти методы и этот язык был только у Пушкина» (VIII, 292). Книга «Стереоскоп», подаренная автором, находилась в библиотеке Блока (см. его благодарственное письмо Иванову в связи с получением этой книги.— ИРЛИ, ф. 662, № 71).

Лично с А. П. Ивановым Блок был дружен и относился к нему с глубокой симпатией. Об этом свидетельствуют такие его высказывания: «Пришел А. П. Иванов. С ним легкое, с полуслова понимание, переосмысление «одними» думами — огненное сквозь усталость (его и мою)» (запись в дневнике от 22 ноября 1911 г.— VII, 96); «А. П. Иванов, действительно, человек совершенно исключительный, как вся семья Ивановых. Оттого только, что живут на свете такие люди, жить легче; в них — опора» (письмо к В. Н. Княжичу от 30 апреля 1913 г.— «Письма Александра Блока». Л., «Колос», 1925, с. 202). Ср. также: «Очаровательный, застенчивый, добрый Александр Павлович» (VII, 120). В конце 1912 г. Блок привлек А. П. Иванова к сотрудничеству в создавшейся тогда газете «Русская молва»; ему был предоставлен пост заведующего художественным отделом (VII, 184); впрочем, сам Блок вскоре из «Русской молвы» ушел.

Известны три кратких письма Блока к А. П. Иванову (ИРЛИ, ф. 662, № 71) и три столь же кратких письма А. П. Иванова к Блоку (ГМИЛ).

Александру Павловичу Иванову
с любовью—

автор.

Май 1911. СПБ.

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусaget», 1911. На авантитуле.— ИРЛИ, библиотека.

Дорогому Александру Павловичу
Иванову —

автор

Ноябрь 1911

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусaget», 1911. На титульном листе.— ИРЛИ, библиотека.

Дорогому Александру Павловичу
Иванову.

Александр Б л о к

5 января 1912 года

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга вторая. Нечаянная радость». М., «Мусaget», 1911. На авантитуле.— ИРЛИ, библиотека.

Александръ Блокъ

Вячеславу Ивановичу Иванову
и Лидии Дмитриевне
Зиновьевой - Аннибалъ

любимым, близким и нужным,
открывшим мне путь снежный
и радости —

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ.

Александръ Блокъ

17 января 1907 г.
Спб.

Нечаянная Радость

ВТОРОЙ СБОРНИКЪ СТИХОВЪ

ВЕСЕЛЕНЬЕ.—ДУШКОЕ.—НАГНИЧНОЕ.
ПЕСЕНЬ-СТРАДАНИЕ.—ПОКОРОНОСТЬ.
НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ.
НОЧНАЯ СКАЗКА.

Выпущенъ въ текстѣ Вас. Милотою.

МОСКВА. 1907.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СКОРПИОНЪ»

БЛОК. НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ. М., «СКОРПИОНЪ», 1907

Титульный лист и шмуцтитул с дарственной надписью Блока В. И. Иванову и Л. Д. Зиновьевой Аннибал

Библиотека им. В. И. Ленина, Москва

Александрѣ Павловичу
Иванову
от любящаго автора.

Апрель 1912

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга третья. Снежная ночь». М., «Мусагет», 1912. На авантитуле.—ИРЛИ, библиотека.

ВЯЧ. И. ИВАНОВУ

Вячеславу Ивановичу Иванову
и Лидии Дмитриевне
Зиновьевой-Аннибал
любимым, близким и нужным,
открывшим мне путь снежный
и радостный—

Александръ Блокъ

17 января 1907 г. Спб.

На кн.: «Нечаянная радость». М., «Скорпион», 1907. На шмуцтитуле.—ГБЛ. Надпись воспроизведена в каталоге «Прижизненные издания Александра Александровича Блока». М., 1980.

Вячеслав Иванович Иванов (1866—1949) — поэт, драматург, филолог, переводчик, теоретик символизма, о взаимоотно-

шениях его с Блоком см. «Блоковский сб.», 2, с. 365—384.

Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал (1866—1907) — писательница, жена Вяч. В. Иванова, автор книги «Трагический зверинец», которую она послала Л. Д. Блок с надписью: «Сестре по матери Деметре Любови Деметриевне от Лидии Деметриевны. Вера — Автор». (Библиотека Блока — ИРЛИ).

Вячеславу Ивановичу Иванову
с любовью и глубоким уважением
Александръ Блокъ

V.07.

На фотографии: Блок (раб. Д. Здобнова), 1907. На паспарту.—ГБЛ.

Воспроизведена в книге: «Записки от-дела рукописей ГБЛ», М., 1980, вып. 41, с. 137.

Вячеславу Ивановичу Иванову
эта запоздавшая книга
на память
о моей глубокой и чуткой любви.

Александръ Блокъ

6 марта 1908 Спб.

На кн.: «Лирические драмы». Спб., «Шиповник», 1908. На обороте авантиту-

ла.— ГБЛ. Надпись воспроизведена в каталоге «Прижизненные издания Александра Александровича Блока».

Дорогому Вячеславу Ивановичу
Иванову

с любовью моей

Александр Б л о к

Ноябрь 1908. СПБ.

На кн.: «Земля в снегу». М., изд. журн. «Золотое руно», 1908. На первом свободном листе.— ГБЛ. Надпись воспроизведена в каталоге «Прижизненные издания Александра Александровича Блока».

Вячеславу Иванову —
духу богатому и могучему —
от моей любящей души.

Александр Б л о к

Май 1911 СПб.

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусагет», 1911. На авантитуле.— ГБЛ. Текст надписи воспроизведен в каталоге «Прижизненные издания Александра Александровича Блока».

Вячеславу Ивановичу Иванову
с любовью —

Александр Б л о к

Ноябрь 1911

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусагет», 1911. На титульном листе.— ГБЛ. Надпись воспроизведена в каталоге «Прижизненные издания Александра Александровича Блока». Экземпляр книги с авторской правкой опечаток.

Вячеславу Иванову

Был скрипок вой в начале бала.
Вином и кровию дыша,
В ту ночь нам судьбы диктовала
Восстанья страшная душа.

Из стран чужих, из стран далеких
В наш огонь вступивши снеговой,
В кругу безумных, томнооких
Ты золотую встал главой ...

Слегка согбен, не стар, не молод,
Весь — излученье тайных сил,
О, скольких душ пустынный холод
Своим Ты холодом пронзил!

Был миг — неведомая сила,
Восторгом разрывая грудь,
Сребристым звоном оглушила,
Секучим снегом ослепила,
Блаженством искажила путь!

И в этот миг, в слепящей вьюге,
Не ведаю, в какой стране,
Не ведаю, в котором круге,
Твой странный лик явился мне...

И я, дичившийся доселе
Очей пронзительных Твоих,
Взглянул... И наши души спели
В те дни один и тот же стих.

Но миновалась пыне вьюга,
И горькой складкой те года
Легли на сердце мне. И друга
В Тебе не вижу, как тогда.

Как в годы юности, не знаю
Бездонных чар твоей души...
Порой, как прежде, различаю
Песнь соловья в твоей глуши...

И много чар, и много песен,
И древних ликов красоты...
Твой мир, поистине, чудесен!
Да, царь самодержавный — Ты.

А я, печальный, нищий, жесткий,
В час утра встретивший зарю,
Теперь на пыльном перекрестке
На царский поезд Твой смотрю.

Александр Б л о к

Апрель 1912

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга третья. Снежная ночь». М., «Мусагет», 1912. На авантитуле, обороте авантитула и обороте шмуцтитула.— ЦГАЛИ, библиотека.

Дорогому Вячеславу Ивановичу
Иванову
на память об А.Б.

VII 1918

На кн.: «Соловиный сад». Пб., «Альковост», 1918. На авантитуле.— ГБЛ. Надпись воспроизведена в каталоге «Прижизненные издания Александра Александровича Блока».

О том, как это первое «алконовостское» издание было подарено Вяч. И. Иванову, рассказал в своих воспоминаниях С. М. Алянский: «Решив ехать в Москву, я просил Блока разрешить мне подарить Зелому и Вячеславу Иванову «Соловиный сад». Блок охотно тут же сделал дружеские надписи на книжечках и, передавая их мне, опять засомневался: «Не знаю, как встретит вас Вячеслав Иванов. Не знаю, примет ли он этот подарок». Повторяю, я тогда многого не знал. Не знал я и о личных отношениях Блока с Вячеславом Ивановым до революции. И только много позднее я узнал, что Иванов любил Блока — человека и поэта и, приезжая из Москвы в Петербург, с вокзала шел в цветочный

Вячеславу Иванову —
духу большому и могучему

от любви и благодарности души.
Александр Блок.

Май 1911.
СПб.

Александр Блок

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

Книгоиздательство «МУСАГЕТЬ»

БЛОК. СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ, КН. I. М., «МУСАГЕТЬ», 1911
Титульный лист и авантитул с дарственной надписью Блока Вяч. Иванову
Библиотека им. В. И. Ленина, Москва

магазин, посылал Александру Александровичу букет цветов, как первый привет. (...) На следующий день, собравшись с духом, я направился к Вячеславу Иванову. (...) Как только я сказал, что привез ему привет и книжечку от Александра Блока, глаза Иванова сверкнули и резко кольнули меня. Он переспросил, от кого привет, будто не расслышал, провел меня в небольшую комнату, предложил сесть, а сам стал медленно и внимательно рассматривать «Соловьиный сад»; должно быть, несколько раз прочел дарственную надпись Блока и, как мне показалось, долго молчал. (...) Помолчав, Вячеслав Иванов начал расспрашивать меня о Блоке, при этом он явно волновался. Видно было, что мой визит и привет от Блока вывели Иванова из равновесия, а его затянущуюся задумчивость я объяснил нахлынувшими воспоминаниями» (С. А л я н с к и й. Встречи с Александром Блоком. М., 1972, с. 48—49, 54—55).

Е. П. ИВАНОВУ

Милому многоуважаемому
(Евгению Павловичу Иванову) —
в знак любви и привязанности.

Александр Б л о к

29 октября 1904. СПб.)

На кн.: «Стихи о Прекрасной Даме». М., «Гриф», 1905 [1904].

Текст надписи воспроизведен (не полностью) в воспоминаниях Е. П. Иванова («Блоковский сб.», 1, с. 380).

Книга — в частном собрании, полный текст инскрипта реконструируется сопоставлением его с другими надписями, сделанными в этот же день — А. Л. Блоку, С. М. Соловьеву, Брюсову. В воспоминаниях о Блоке Е. П. Иванов писал: «30-го октября он (Блок) пришел ко мне днем в мою, омраченную дневным светом со светового дворика, комнату, и ласково, скромно положил ко мне на стол, даря, этот первый памятник и дневник свой с надписью — «милому многоуважаемому — в знак любви и привязанности» (там же).

Евгений Павлович *Иванов* (1879—1942) — литератор, религиозный писатель, автор книг для детей. Ближайший друг Блока (назван первым среди «действительных друзей» в блоковской записи от 28 июня 1916 г., сделанной перед уходом в армию. — ЗК, 309). Блок познакомился с Евг. Ивановым на заседании редакции журнала «Новый путь» 6 марта 1903 г.; уже в 1904 г. началось их сближение на почве общих умонастроений и общего направления духовных поисков, связанных с «истинным мистически сумраком годов, предшествовавших первой революции», как определил много позже (в предисловии к «Возмездью») эту пору Блок (III, 296). Блок и Иванов были активными членами петербургских Религиозно-философских собраний, а затем — Религиозно-философского общества. Однако взгляды их, несмотря на единство сферы интересов, уже в ранние годы их дружбы во многом не совпадали («Что тебе — Христос, то мне — не Христос», — писал Блок к Иванову в июне 1905 г. — VIII, 130).

С годами между Блоком и Ивановым сложилась глубокая взаимная симпатия, значившая для обоих гораздо больше, чем нараставшие идейные расхождения. «Женя этого не понимает, — записывал Блок по поводу одного эпизода, выявившего разницу мнений между друзьями, — но в нем самом есть единственная неистребимая и нерастворимая ценность: он — лучший из людей» (VII, 221; запись в дневнике от 16 февраля 1913). Тон переписки Блока с Ивановым, особенно интенсивной в 1905 — 1911 гг., неизменно оставался дружески-нежным, «братским» (письма Блока к Иванову выпущены отдельной книгой в 1936 г.; в примечаниях к этой книге приведены цитаты — иногда обширные — из писем Иванова к Блоку); таков же и тон надписей Блока на книгах, подаренных Иванову.

Блока привлекали к Иванову его безупречная нравственная чистота, открытый и мягкий характер, недогматичность мышления («всепонимающим» назвала Иванову тетка Блока М. А. Бекетова в книге «Александр Блок». П. — Берлин, 1922, с. 107) и не в последнюю очередь — его прочный, уютный и благообразный семейный быт, столь непохожий на мучительную семейную жизнь самого Блока. К литературным же опытам Иванова Блок отнесся сдержанно, если не отрицательно: «Он (Иванов) портит себя писательством, его драгоценное место в жизни — не в том. Когда он пишет, — он свою гениальность превращает в бездарность» (VII, 172; запись в дневнике от 30 октября 1912 г.).

Дружеская близость Блока с Ивановым сохранялась до самой смерти поэта, хотя в последние годы жизни Блока друзья встречались нечасто. Последнее письмо Блока к Иванову — от 16 июля 1920 г. — связанно с той помощью, которую Блок оказывал своему другу в устройстве на службу (Иванов с юности и до конца дней зарабатывал на жизнь службой — преимущественно в качестве счетовода).

В своих неизданных воспоминаниях «Итоги жизни» Далмат Лутохин так характеризует его: «Е. П. Иванов, друг Блока, искренний мистик, отличался своей, мистика, логикой — и понимать его для меня было трудновато. Но как человек он располагал к себе; его все знавшие любили» (ГПБ, ф. 44; ед. хр. 2, л. 28).

Вскоре после смерти Блока Евг. Иванов начал писать воспоминания о нем (но не завершил их), а несколько позднее, видимо, в конце 20-х годов, выписал из своего дневника за 1905—1907 гг. (и в ряде случаев расширил) упоминания о встречах с Блоком. Эти воспоминания и записи опубликованы в «Блоковском сб.», 1, с. 362—424; публикацию предвзрел статья Д. Е. Максимова «Александр Блок и Евгений Иванов» (с. 344—361), содержащая подробный анализ их отношений.

Евгению Иванову
милому любимому другу
и помощнику

Александр Блок

Январь 1907 г. С-П-Б.

На кн.: «Нечаянная радость». М., «Скорпион», 1907. На шмуцтителе. — Собрание С. Л. Маркова (Ленинград).

Текст надписи (неточный и без даты) Е. П. Иванов приводит в своем дневнике в записи от 21 января 1907 г.: «Пришел Блок, идя на панихиду Менделеева, и принес «Нечаянную радость» с надписью» (приводится текст) («Блоковский сб.», 1, с. 416).

Евгению Иванову
другу милому и любимому

Александр Блок

11.IV.07.СПБ.

На кн.: «Снежная маска». СПб., «Оры», 1907. На шмуцтителе. — Собрание Д. М. Ганьковского (Ленингр. обл., пос. Ульяновка).

Милому другу
Евгению Иванову

Ал. Блок

2.III.08.СПБ.

На кн.: «Лирические драмы». СПб., «Шиповник», 1908. На обороте авантюла. — Собрание С. Л. Маркова (Ленинград).

Сб. «Лирические драмы» вышел в свет 26 или 27 февраля 1908 г. Дата уточняется сравнением писем поэта — к матери от 25 февраля («Письма к родным», 1, с. 196) и к жене от 27 февраля (VIII, 231). Надписав этот сборник Е. П. Иванову, Блок в тот же день (2 марта) послал ему открытое письмо, которое здесь публикуется впервые: «Милый Женя, пойдем к Тате во вторник вечером — не хочешь ли? Зайти к тебе, или нет? Принесу тебе книжку пьес. Целую. А. Б.» (датируется по почтовому штемпелю; хранится в указанном собрании). Приведенное письмо не было опубликовано ни в сборнике «Письма Блока к Е. П. Иванову», ни впоследствии, так как хранилось адресатом в подаренном Блоком сборнике «Лирические драмы» и было найдено недавно.

Блок (вместе с Е. П. Ивановым) приходил к Т. Н. Гиппиус, по-видимому, не 4 марта (вторник), а между 4 и 10 марта, но не застал ее — см. сожаление об этом в ее письме к Блоку от 10 марта («Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог», вып. 2, с. 189). Тогда, вероятно, Блок и подарил своему другу упомянутый сборник пьес, написанный за несколько дней до этого. О предстоящем визите к

Т. Н. Гишпиус и планировавшемся у него чтении «Песни Судьбы», а также о связанных с этим переговорах см. в письме Блока к ней от 25 февраля («Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978». Л., 1980, с. 217; публикация А. В. Лаврова и С. С. Гречишкина) и в письме Блока к матери от 2 марта («Письма к родным», I, с. 197).

Евгению Иванову
милому другу.

Александр Б л о к

Сентябрь. 1908

В кн.: «Земля в снегу». М., изд. журн. «Золотое руно», 1908. На первом свободном листе.—Собрание Э. И. Григолюка (Москва).

Дата дарения уточняется письмом Блока к Иванову от 13 сентября 1908 г. «Посылаю тебе «Землю в снегу» — третий сборник стихов своих. Ну-ка, как он тебе покажется? Хуже или лучше «Нечаянной Радости?» (VIII, 253).

В ответном письме от 19 сентября 1908 г. Иванов писал: «Спрашиваешь, как мне она, «Земля в снегу»? Очень. Много значит цельность сборника <...> здесь как при чтении записей в дневниках ощущается радость от <...> цельности, известной гармоничности в переживаемом периоде, гармоничности, может, позабываемой, а отчасти не могущей быть узнанной тогда, ибо еще период мог быть в самом начале <...> Трудно сказать, что лучше, что хуже, Нечаянная радость или Земля в снегу; там и тут есть своя гармония; конечно, оба сборника, да и Прекрасная дама, — созданы периода переходного <...>» (ИРЛИ, ф. 662, № 42; частично опубликовано: «Письма Александра Блока к Е. П. Иванову». Л., 1936, с. 125).

Евгению Иванову
милому другу.

Александр Б л о к

10.V.1911.СПБ.

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусагет», 1911. На авантитуле.—Собрание С. Л. Маркова (Ленинград).

Жене

8 ноября 1911 года

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусагет», 1911. На титульном листе.—Собрание Э. И. Григолюка (Москва).

См. запись Блока в дневнике за 8 ноября 1911 г. о визите Е. П. Иванова к нему: «<...> он говорил о «Ночных часах» (главным образом «Песнь Ада»)» (VII, 83).

Жене.

Январь 1912

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга вторая. Нечаянная радость». М., «Мусагет», 1912. На авантитуле.—Собрание С. Л. Маркова (Ленинград).

Милому другу Жене.

Апрель 1912

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга третья. Снежная ночь». М., «Мусагет», 1912. На авантитуле.—Собрание С. Л. Маркова (Ленинград).

Евгению Иванову

Александр Б л о к

На кн.: «Стихотворения. Книга первая». М., «Мусагет», 1916. На первом свободном листе.—Собрание Э. И. Григолюка (Москва).

Авторские экземпляры этой книги Блок получил 2 июня 1916 г. (ЗК, 303); до отъезда на фронт он несколько раз встречался с Е. П. Ивановым (ЗК, 311, 315); в одну из этих встреч, по-видимому, и была подарена книга.

Евгению Иванову
от любящего Ал. Б л о к а.

Май. 1919

На кн.: «Двенадцать». Изд. 3-е. П., «Алконост», 1918. На шмуцтитуле.—ГЛМ.

Эта книга, как и следующая — «Катилина», возможно, были подарены 27 мая 1919 г., см. запись Блока, помеченную этой датой: «Утром — Женя. Зайти к М. Ф. Андреевой по поводу его воинской повинности» (ЗК, 461).

Милому другу
Евгению Иванову

Александр Б л о к

Май 1919

На кн.: «Катилина». П., «Алконост», 1919. На шмуцтитуле.—Собрание Э. И. Григолюка (Москва).

Л. Р. ИВАНОВУ

Льву Иванову.

<Александр Б л о к>

На кн.: «Сказки. Стихи для детей». М., изд. Сытина, 1913 [1912]. На шмуцтитуле, сохранился только этот лист.—ИРЛИ.

Лев Разумникович Иванов (1904—1938) — сын Р. В. Иванова-Разумника.

Р. В. ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

Разумнику Васильевичу Иванову —
дорогому врагу —
с крепким рукопожатием.

Александр Б л о к

Ноябрь 1913. С.П.Б.

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга третья. Снежная ночь». М., «Мусагет», 1912. На авантитуле.— ИРЛИ (Рукописный отд.). Надпись приведена в кн.: Иванов-Разумник. Вершины. Александр Блок, Андрей Белый. П., «Колос», 1923, с. 237.

Иванов-Разумник (Разумник Васильевич Иванов, 1878—1945) — историк русской литературы и общественной мысли, критик, публицист. «Критические выступления Иванова-Разумника заставляли о себе говорить, его считали продолжателем Михайловского, но едва ли кто догадывался о всей значительности этого молчаливого и скромного человека, сумевшего сочетать народнические симпатии с признанием символизма. <...> Белинский, Герцен, Салтыков-Щедрин и ... Блок, Андрей Белый, — такова странная комбинация его симпатий, замешанных на подлинной культурности и большом душевном благородстве», — так характеризовал его один из современников (Э. Г о л е р б а х, Город муз. Л., 1930, с. 120).

Знакомство Блока с Ивановым-Разумником относится к 1912 г., когда оба они были ближайшими сотрудниками издательства «Сирин», которым руководил М. И. Терещенко; еще в октябре 1901 г. Блок занес в записную книжку конспект выступления Иванова-Разумника (тогда еще студента) о «декадентстве» (ЗК, 22—24). Наиболее явтенсивное общение Блока с Ивановым-Разумником относится к 1918 г., когда их сблизила не только общая работа в газете «Знамя труда» и журнале «Наш путь», но и сходная оценка революционных событий. В письме к Андрею Белому от 9 апреля 1918 г. Блок писал, что при общении с Ивановым-Разумником ему «часто бывает хорошо и «особенно» (уютно и тревожно вместе)» (VIII, 512). Иванов-Разумник написал в то время большую статью «Испытание в грозе и буре», посвященную «Двенадцати» и «Скифам»; эта статья сопровождала публикацию «Двенадцати» и «Скифов» в журнале «Наш путь» (1918, № 1), а затем в первом книжном издании (изд. «Революционный социализм». Пг., 1918).

Надписи Блока на книгах, подаренных Иванову-Разумнику, были опубликованы самим адресатом вскоре после смерти Блока с подробным комментарием (Р. В. Иванов-Разумник. Вершины. Ст. «Надписи на книгах» — с. 233—246). См. об этом во вступ. ст.

Из книг, подаренных Блоком Иванову-Разумнику, сохранились далеко не все. Уже ко времени опубликования статьи

«Надписи на книгах» были, по словам ее автора, утрачены три блоковские надписи. Первая из них (и первая по времени дарения) — это надпись на «Лирических драмах» издания 1908 г., подаренных примерно в конце 1912 г.; в ней, по свидетельству Иванова-Разумника, были слова: «с надеждой на продолжение долгих споров» (Иванов-Разумник. Вершины, с. 234).

Вторая надпись была сделана Блоком на вырезанном из газеты и наклеенном в тетрадь первопечатном тексте «Двенадцати». Надпись была сделана на другой день после прочтения Блоком статьи Иванова-Разумника «Испытание в грозе и буре». Адресат надписи пишет: «Эта самая дорогая для меня из надписей Блока — погибла: в июне 1918 года, после убийства Мирбаха, после полного разгрома редакции «Нашего пути», среди бесследно погибших редакционных рукописей была и тетрадь с «Двенадцатью» <...> И хотя я хорошо помню эту большую надпись, я не считаю себя вправе говорить о ней. Может быть, в дневнике поэта, в его письмах той поры когда-нибудь найдутся отзвуки отношения А. А. к этой статье о «Двенадцати» и «Скифах», а пока мне придется ограничиться сказанным» (Там же, с. 242).

По свидетельству Иванова-Разумника, третья утрата — это книга Н. Пунина и Е. Полетаева «Против цивилизации» (П., 1918), подаренная ему Блоком: «<...> в конце 1918 года мы обменялись с А. А. большими письмами по поводу одной вышедшей тогда книжки, которую Блок считал как нельзя более характерной для эпохи и которую нарочно купил и подарил мне со своей надписью (утеряна); «долгие разговоры» наши — не о самой книжке, к которой Блок относился отрицательно, а по поводу ее темы («Против цивилизации», Н. Пунин и Е. Полетаев) — закончились подводящим итоги обменом двух обширных писем» (там же, с. 245; см. также в настоящем томе переписку Блока и Иванова-Разумника). Блок в записной книжке указывает дату — 19 сентября 1918 г. — одного из разговоров на эту тему, возможно тогда, или несколько ранее и была подарена книга: «Р. В. Иванов. Разговор о делах и о книге «Против цивилизации»» (ЗК, 428).

В архиве Иванова-Разумника сохранились четыре книги других авторов с владельческими надписями Блока и пометами Иванова-Разумника: «Подарено в июле 1921 г. Р. Ив.» (ИРЛИ). — Об этом см. в наст. томе вступ. ст. А. В. Лаврова к указанной переписке.

Общие замечания Иванова-Разумника с характере блоковских надписей на книгах см. во вступ. ст. к наст. публикации.

Пояснением к надписи Блока на третьей книге «мусагетовского» собрания стихотворений служит следующая дневниковая запись поэта от 8 ноября 1913 г. «Другом называется человек, который говорит не о том, что есть или было, но о том, что мо-

жет и должно быть с другим человеком. *Врагом* — тот, который не хочет говорить о будущем, но подчеркивает особенно, даже нарочно, то, что есть, а главное, что было... дурного (или — что ему кажется дурным). Вот почему я пишу на книге, даримой Иванову-Разумнику: «дорогому врагу» (VII, 250).

Надпись Блока связана со статьей Иванова-Разумника «Роза и Крест» («Заветы», 1913, № 10). Адресат надписи так излагает эту статью в позднейшем комментарии: «В этой статье мне хотелось показать, что «право на символизм» — удел немногих, что нет этого права и у Блока, что, не декадент, но оравленный истоками декадентства, тщетно искал он спасения в идеях Вл. Соловьева, что «Прекрасная Дама» — не символ конкретной философии, а лишь аллегорическое отображение. В последнем я ошибался: я не видел тогда, что в эпоху «Стихов о Прекрасной Даме» А. А. Блок имел все «права на символизм» (в моем его понимании), что, по его же позднейшему слову, «был он пророком» <...>, что лишь пройдя эти вершины потерял он символизм как мироощущение» (Иванов-Разумник. Вершины, с. 236).

Разумнику Васильевичу Иванову
от искренно уважающего его —
автора.

7 декабря 1915

На кн.: «Стихи о России». II, изд. журн. «Отечество», 1915. На первом свободном листе. — ИРЛИ.

Эту надпись Иванов-Разумник не приводит в своей статье, по-видимому, и к ней, в частности, относится его пояснение: «Ряд таких не имеющих общего интереса надписей я опускаю в этом перечне <...>» (Иванов-Разумник. Вершины, с. 245). См. запись Блока об их встрече от 7 декабря 1915 г.: «Обсудил Разумник Васильевич Иванов» (ЗК, 279).

Разумнику Васильевичу Иванову —
не «врагу», а дорогому критику —
с крепким рукопожатием.

А. Б.

VI.1916

На кн.: «Стихотворения. Книга первая». М., «Мусaget», 1916. На первом свободном листе. — ИРЛИ. Надпись приведена в книге: Иванов-Разумник. Вершины, с. 238.

Иванов-Разумник вспоминал: «Надпись эта <см. выше> инскрипн на третьей книге «Собрания стихотворений», очевидно, крепко запомнилась самому А. А., так как уже через два с половиной года я получил от него экземпляр вышедшей тогда в Мусагете, в 1916 г., первой книги стихотворений <...> со следующей надписью <приводится текст>. И к стыду моему сказать это —

я забыл прежнюю надпись, и с легким недоумением взглянул на новую. И только найдя у себя первое посвящение, понял смысл второго...» (там же, с. 238).

И дальше Иванов-Разумник поясняет, что произошло за истекшие два с половиной года: «Мы часто встречались с А. А. вплоть до закрытия «Сирин» (весною 1915 года); в эти месяцы не об одной войне шла у нас речь, но и многим таким, что позволило А. А. сделать дорогую для меня приведенную выше надпись — «дорогому критику». Я не считал и не считал себя «литературным критиком» — А. А. хорошо это знал; надпись его имела другой, более общий смысл — не статьи мои он вспоминал, а наши беседы о творчестве вообще, о его поэзии в частности. А впрочем — может быть и статьи» (там же, с. 238).

По-видимому, книга с приводимой надписью (и следующая) были посланы Иванову-Разумнику в дер. Песочки Псковской губернии, где он находился летом 1916 г. — см. в наст. томе переписку Блока и Иванова-Разумника, относящуюся к этому времени (кн. 2).

Дорогому Разумнику Васильевичу
Иванову,

которому хорошо знакома
история издания этой книги.

А. Б.

Спб. VI.1916

На кн.: «Театр». М., «Мусaget», 1916. Надпись приведена в книге: Иванов-Разумник. Вершины, с. 239.

Иванов-Разумник так объясняет приведенную надпись: ««Сирин» в 1914 году приступил к печатанию собрания стихов А. А. Блока — по той программе, которая была осуществлена двумя годами позднее новым изданием «Мусagета». Издание «Сирин» не состоялось, в виду закрытия издательства <...>. Мы с А. А. много времени посвящали тогда техническим вопросам издания — выбору шрифта, бумаги, обложки и т. п.; не раз позднее возвращались к вопросу об этом новом издании уже «Мусagета»» (там же, с. 240).

Дорогому Разумнику Васильевичу
Иванову —

без Примечаний!

А. Б.

На кн.: «Стихотворения. Книга вторая». М., «Мусaget», 1916. Надпись приведена в книге: Иванов-Разумник. Вершины, с. 239.

Разумнику Васильевичу
Иванову

с сердечным приветом.

Александр Блок

Апрель 1917

На кн.: «Стихотворения. Книга третья». М., «Мусагет», 1916. Надпись приведена в книге: И в а н о в - Р а з у м н и к. Вершины, с. 241.

Недомыслящему Иванову-Разумнику
от дряблого Александра Б л о к а.

СПб. 1918

На кн.: «Двенадцать. Скифы». П., «Революционный социализм», 1918. Надпись приведена в книге: И в а н о в - Р а з у м н и к. Вершины, с. 244.

В надписи Блока — отсылка к статье П. Е. Щеголева «„Расея“ Бориса Григорьева» из альбома рисунков этого художника «Расея» (П., изд. В. М. Ясного, 1918, с. 18—19), где Щеголев, в частности, писал, что «современное творчество Блока не созвучно действительности, и художественные восприятия его дряблы и односторонни», а столь своеобразное обречение поэзии Блока «можно объяснить только недомыслием Иванова-Разумника <...>»

Разумнику Васильевичу Иванову
с любовью —

А. Б.

VIII. 1918

На кн.: «Соловьиный сад». «Алконост», 1918. Надпись приведена в книге: И в а н о в - Р а з у м н и к. Вершины, с. 242.

Дата уточняется пометой в записной книжке Блока от 2 августа 1918 г.: «На Лиговку (Р. В. Иванов — «Соловьиный сад» ему <...>» (ЗК, 419).

Разумнику Васильевичу Иванову
с любовью — на память
о совместной работе

А. Б.

На кн.: «Россия и интеллигенция». М., «Революционный социализм», 1918. Надпись приведена в кн.: И в а н о в - Р а з у м н и к. Вершины, с. 241.

Разумнику Васильевичу
Иванову

с любовью —
и без «Песни Судьбы!»

Ал. Б л о к

На кн.: «Театр». П., «Земля», 1918. На авантитуле. Надпись приведена в кн.: «Вершины», с. 239.

Эту книгу Блок подарил, по-видимому, 12 августа 1918 г. — в день ее выхода в издательстве «Земля» (ЗК, 420).

Дорогому Разумнику Васильевичу
с крепким поцелуем
Александр Б л о к.

1 марта 1919

(Времена иные)

На кн.: «Двенадцать». 2-е изд., П., «Алконост», 1918. Именной экземпляр. Надпись приведена в кн.: «Вершины», с. 244.

Разумнику Васильевичу
Иванову
в знак любви

Ал. Б л о к

Апрель 1919

На кн.: «Стихотворения. Книга первая». П., «Земля», 1918. На авантитуле. — ИРЛИ, Рукописный отд. Надпись (не полностью) приведена в кн.: «Вершины», с. 245.

Возможно, эта книга и следующая — «Катилина» — были подарены 23 апреля 1919 г. (ЗК, 457).

Разумнику Васильевичу
Иванову-Разумнику —
от любящего автора.

А. Б.

1919. IV

На кн.: «Катилина». П., «Алконост», 1919. На авантитуле. — ИРЛИ, Рукописный отд. Надпись (не полностью) приведена в кн.: «Вершины», с. 245.

Дорогому
Разумнику
Васильевичу Иванову
в знак любви.

Ал. Б л о к

X 1919

На кн.: «Песня Судьбы». П., «Алконост», 1919. На первом свободном листе. — ИРЛИ, Надпись (не полностью) приведена в кн.: «Вершины», с. 245.

Разумнику Васильевичу
Иванову
от любящего автора.

А. Б.

24.XI.1920

На кн.: «Седое утро». П., «Алконост», 1920. На авантитуле. — ИРЛИ. Рукописный отд. Книга утрачена, сохранились только обложка, авантитул и титульный лист. Надпись (не полностью) приведена в кн.: «Вершины», с. 245.

М. П. ИВАНОВОЙ

Глубокоуважаемой Марии Павловне
любящий Ал. Б л о к.
Октябрь 1911

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусaget», 1911. Собрание М. С. Лесмана (Ленинград).

Мария Павловна *Иванова* (1873—1941) — сестра Е. П. и А. П. Ивановых (см. выше), врач; близкая приятельница матери Блока, состоявшая в многолетней переписке с нею (см. ниже «Блок в неизданной переписке и дневниках современников»; ср. также в дневнике Блока: «Мама близка с Марией Павловной» — запись от 17 октября 1911 г.—VII, 70).

Блок глубоко уважал «замечательную девушку», как именует ее М. А. Бекетова («Александр Блок», Пб.— Берлин, 1922, с. 117). «Блок всегда почитал ее, высоко оценивая ее простую и торжественную русскую статью, ее спокойный ум и всыскательную совесть». — пишет современный исследователь (Д. Е. М а к с и м о в. Александр Блок и Евгений Иванов.— «Блоковский сб.», 1, с. 351). М. П. Ивановой посвящено стихотворение Блока «На железной дороге» (1910). Автограф этого стихотворения был послан ей вместе с письмом, в котором Блок признавался: «Я люблю то, что Ваше, и всегда Вас слушаю и у Вас учусь» (17 февраля 1911 г.— VIII, 330). О внимании Блока к мнению Ивановой, свидетельствует и то, что он процитировал в своем дневнике отрывки из ее письма к А. А. Кублицкой-Пиоттух с резко отрицательной оценкой Клюева, хотя в ту пору относился к этому поэту и его взглядам совершенно иначе (запись от 23 декабря 1911 — VII, 106, 107).

Известны два письма Блока к М. П. Ивановой; оба они опубликованы в приложении к книге «Письма Александра Блока к Е. П. Иванову». Л., 1936, с. 93—95. По-видимому, этих писем было больше: в начале второго из них (от 10 января 1912 г.) есть слова: «Это — четвертое мое письмо к Вам». Сохранившиеся письма М. П. Ивановой к Блоку не опубликованы; одно из них находится в Пушкинском Доме (ф. 662), три других — в ГМИИ.

Глубокоуважаемой
Марии Павловне Ивановой
Александр Б л о к

На фотографии: Блок (раб. Д. Здобнова), 1907. На лицевой стороне.—ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 516, л. 1.

Л. С. ИЛЬЯШЕНКО

Лидии Степановне Ильяшенко—
милой исполнительнице
Незнакомки.
Александр Б л о к

Май 1916

На кн.: «Театр», М., «Мусaget», 1916. На первом свободном листе — ЦГАЛИ,

Надпись опубликована в журнале «Театр», 1971, № 9, с. 103.

Лидия Степановна *Ильяшенко* (1894) — драматическая актриса, двоюродная сестра А. Белого. До осени 1913 г. училась в Киевском театральном училище Общества искусства и литературы, затем в школе режиссера и педагога А. П. Петровского (Петербург), два сезона играла в летнем театре в Поповке (около Петербурга), руководимом известным режиссером Н. А. Поповым. В 1913—1916 гг. занималась в Студии Мейерхольда, в 1918 г. играла в петроградском Железнодорожном театре, а с 1922 по 1930 гг. — актриса Пражского камерного русского театра.

В октябре 1913 г. при посредничестве В. Н. Соловьева поступила в Студию Мейерхольда на Бородинской и до апреля 1916 г. выступала во всех студийных спектаклях, поставила две пантомимы, включая и «Три апельсина, астрологическая труба, или до чего может довести любовь к метру сцены» (костюмы по рисункам Шухаева). Мейерхольд называл Ильяшенко «гордостью своей студии» (ЦГАЛИ, ф. 837, оп. 1, ед. хр. 415, л. 48 об.). Сохранилось три письма Мейерхольда к Ильяшенко (ЦГАЛИ, ф. 998, оп. 1, ед. хр. 915), из которых одно напечатано («В. Э. Мейерхольд. Переписка». М., 1976, с. 176), и пять писем и телеграмма актрисы к режиссеру (ЦГАЛИ, ф. 998, оп. 1, ед. хр. 1646).

В блоковском спектакле в Театральном училище Ильяшенко (под фамилией Бугаева) сыграла роль Незнакомки (7—11 апреля 1914 г.). В письме от 12 апреля она сообщила журналисту И. В. Джонсону (Иванову): «Сегодня первый день, когда я вздохнула немного свободнее. Наша Студия дала 7 спектаклей, посвященных Блоку, и я в 4-х играла Незнакомку. Не буду писать о всех волнениях, Вы и сами это знаете. Газеты Мейерхольда, конечно, ругали так, что жутко было читать. Меня кое-где хвалили и даже писали, что наша сцена на мосту лучшая из всего спектакля и Незнакомка была поистине прекрасна. Мейерхольд на премьеру выпустил меня, хотя было два состава. Мы последние дни совершенно не спали и сидели за машинами, шивая костюмы или клеили бутафорию. Костюмы по рисунку Бонди были очень интересны. Конечно, много было не сделано, но труд был большой. Нас смотрел весь Петербург и даже Станиславский. Вот было жутко при нем играть» (ЦГАЛИ, ф. 837, оп. 1, ед. хр. 415, лл. 51—51 об.). В этом письме, сообщаящем интересные подробности о постановке, приведен и не попавший в научный оборот факт — на спектакле (10 апреля) присутствовал К. С. Станиславский (ср. И. В и н о г р а д с к а я. Жизнь и творчество К. С. Станиславского. т. 2. М., 1971, с. 432). Хотя в записи Блока, помеченной этим днем, и зафиксирована «встреча со Станиславским» (ЗК, 222), но эти слова записаны отдельно, после упомина-

ния о спектакле, и поэтому с ним не связывались.

Ильяшенко вспоминает в незаданном мемуарном очерке о Блоке: «Познакомил меня с Блоком Андрей Белый как с родственницей на одной из своих лекций в Петербурге. В 1914 г. в Студии Мейерхольда (...) готовился вечер Блока. (...) Любовь Дмитриевна, принимавшая участие в работах Студии, сказала мне, что когда Мейерхольд спросил поэта, кого бы он хотел видеть в роли Незнакомки, Блок первой назвал меня» (частное собрание).

Блоковский спектакль («Незнакомка» и «Балаганчик») вызвал в печати, как известно, острую полемику. Подробнее о нем, и о его месте в истории русского театра см. в кн. Н. Д. Волкова «Мейерхольд», т. II (М., 1929, с. 317—324), в монографии К. Л. Рудницкого «Режиссер Мейерхольд» (М., 1969, с. 175—178), а также в его статье «Письма Незнакомки» («Театр», 1971, № 9, с. 100—103), основанной на сведениях, сообщенных артисткой. Кроме того, о спектакле вспоминали и его участники: А. А. Мгебров в книге «Жизнь в театре», т. II (М. — Л., 1932, с. 252—271), А. Л. Грипич (сб. «Встречи с Мейерхольдом», М., 1967, с. 130—137) и В. П. Веригина в «Воспоминаниях об Александре Блоке» («Уч. зап. Тартуского ун-та», 1961, вып. 104, с. 360—364), причем мемуаристка дала пристрастный отрицательный отзыв об игре Ильяшенко.

Между тем сам поэт так или иначе принял трактовку образа Незнакомки, предложенную Мейерхольдом и Ильяшенко. Об этом прежде всего свидетельствует текст приводимой здесь дарственной надписи. Хотя Блок и отнесся к первому представлению «Незнакомки» с некоторой сдержанностью, затем он изменил свое отношение к спектаклю и посещал последние представления, а в целом оценил постановку как «интересную попытку» (М. А. Бекетова. Александр Блок. М., 1930, с. 195), ср. также в воспоминаниях М. В. Бабенчикова «Отважная красота» о «двойственном впечатлении» Блока, который «все же признавал спектакль довольно интересным». — «Звезда», 1968, с. 191.

В ответ на просьбу автора этого комментария сообщить подробности о спектакле Ильяшенко писала 16 сентября 1965 г.: «Воспоминания Веригиной полностью я не читала, но выдержку из них, где она нелестно отозвалась как обо мне, так и о второй исполнительнице Незнакомки Зноско-Боровской, мне показали. Разумеется, я ее мнения оспаривать не могу, но для Вас мне хочется написать несколько слов — как эта роль создавалась. Конечно, я была очень молода и неопытна, чтоб претендовать на свое истолкование такого сложного образа. Но все же на первую репетицию я пришла с готовой ролью. Когда я ее прочла Мейерхольду, он сказал: «Хорошо». Я понимала, что у Незнакомки не может быть земной психологии и потому читала ее по возможности отвлеченно. Но, будучи по природе

своей музыкальной, я не могла не чувствовать музыку стиха Блока. К тому же, обладая хорошими голосовыми данными, я позволила себе тонировать стихи, соблюдая цезуры, в противоположность Зноско-Боровской, которая читала все на одной ноте, без интонаций, отчеканивая только ритм. Мне казалось, что такая читка скучна и обедняет поэта. В единственной фразе — Как сладко у вас на земле! — я позволила себе дать земную окраску. Мне казалось, что это логично, так как именно после этой фразы Голубой исчезает. Но все же я сомневалась и спросила Вс. Эм., могу ли я оставить интонацию. Он мне сказал: «Мне очень нравится, как Вы говорите эту фразу». Итак, все было сделано с одобрения Мейерхольда. Внешний облик я старалась воплотить до малейшей детали по ремаркам Блока. Не знаю, насколько мне это удалось с моим тогда наивно-юным лицом, но знаю, что многим мое исполнение нравилось больше, чем Зноско-Боровской. Вероятно, поэтому Мейерхольд выступил на премьере меня. Когда вышла книга «Театр», то Блок подарил мне ее с надписью (...). И все же я уверена, что ни я, ни Зноско-Боровская настоящего образа Незнакомки не дали. Да и кто его может воплотить в театре? Ведь пьесе предшествовало стихотворение «Незнакомка». Там поэт видел «берег очарованный и очарованную даль». Как же она должна быть прекрасна, чтоб увести Поэта к берегам очарованной дали?»

Исполнение Ильяшенко роли Незнакомки нашло отражение и в стихах младших современников Блока. См. стихотворение Н. Д. Бурлюка «Девический колчан», посвященное актрисе и навеянное некоторыми мотивами из драмы «Незнакомка» (альм. «Московские мастера». М., 1916, с. 27), а также посвященный ей же перевод В. Н. Маккавейского на французский язык «Легенды» Блока (сб. «Гермес», 1. Киев, 1919, с. XI—XII).

Об Ильяшенко см. упоминания у Блока (VIII, 440; ЗК, 213, 303) и в его письме к жене от 31 декабря 1914 г. (ЛН, т. 89, с. 345), а также в воспоминаниях Б. Лившица «Полутораглазый стрелец» (Л., 1933, с. 270, 277—278, 295—296), в книге А. Февральского «Путь к синтезу: Мейерхольд и кино» (М., 1979, с. 11—12) и в очерке Л. Бахнова «Лечу к Незнакомке...» («Лит. обозрение», 1980, № 9, с. 102—108).

С. П. КАБЛУКОВУ

Сергию Платоновичу Каблукову
с уважением и приветом—

— автор.

Апрель 1912

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга третья. Снежная ночь». М., «Мусагет», 1912. На авантитуле.— Собрание А. Ф. Маркова (Москва).

Сергей Платонович *Каблуков* (1881 — 1919) — преподаватель математики женской гимназии А. П. Никифоровой, музыкальный критик и сотрудник журнала «Музыкальный современник» (1915—1917), секретарь Религиозно-философского общества (Петербург, 1909—1913) (сообщено А. А. Морозовым). Сохранилось одно письмо Блока к нему (1912) и два его письма к Блоку. В письме от 18 апреля Каблуков благодарит за книгу с дарственной надписью. В день ее получения (17 апреля) Каблуков записал в дневник: «Получена в подарок от А. Блока книга его стихов „Снежная маска“ (sic!), т. III, „Мусажет“, 1912 с автографом {...}. Немедленно отправлено мною письмо с благодарностью» (ГПБ, рукописный отд., ф. 322, ед. хр. 19, л. 127). О своем отношении к поэме «Двенадцать» Каблуков писал Вяч. И. Иванову — см. его письмо в наст. книге в публикации «Блок в неизданной переписке и дневниках современников».

Л. И. КАТОНИНУ

Глубокоуважаемому
Леониду Ивановичу Катонину

Александр Б л о к

им. Парохонск. XI. 1916

На кн.: «Театр». М., «Мусажет», 1916. На первом свободном листе. — Институт литературы им. Т. Г. Шевченко (Киев), Отдел рукописей.

Текст надписи опубликован в Филолог. сб. Киевского ун-та, № 5, 1953, с. 141 — 142.

Леонид Иванович *Катонин* (1896 — 1936) — архитектор. В годы первой мировой войны — начальник 13-й инженерно-строительной дружины Земгора, где в 1916—1917 гг. служил Блок. В имении Парохонск, близ одноименной железнодорожной станции в Белоруссии, находился несколько месяцев Блок.

В. И. КАЧАЛОВУ

Дорогому Василию Ивановичу
Качалову — Бертрану —
с крепким рукопожатием.

Александр Б л о к

Июнь 1916

На кн.: «Стихотворения. Книга первая». М., «Мусажет», 1916. На первом свободном листе. — Надпись приведена в сб. «В. И. Качалов». М., 1954, между с. 384—385. — Собрание В. В. Шверубовича (Москва).

Василий Иванович *Качалов* (1874—1948). Блок высоко ценил его сценическое дарование, что видно из составительской оценки Качалова и А. Моисси (VIII, 375). По первоначальному плану в постановке «Розы и Креста» в МХТ Качалов должен

был играть Газтана, но в марте 1916 г. выяснилось, что актер предпочел роль Бертрана (VIII, 459) — впрочем, впоследствии Качалов репетировал и роль Газтана. 1 апреля 1916 г. Блок провел ночь в гостях у Качалова (ЗК, 293; «Письма к родным», II, с. 278) — эта встреча, по видимому, описана в мемуарном очерке А. Койранского «Лицо ужаса» («Последние новости», Париж, 1921, № 407, 14 августа). Отношение Блока к Качалову-актеру осложнилось, как представлялось Качалову, неприязненной блоковской оценкой некоторых черт его личности (В. III в е р у б о в и ч. Люди театра. — «Новый мир», 1968, № 8, с. 116).

Многоуважаемому и дорогому
Василию Ивановичу Качалову
от искренне преданного автора.

На кн.: «Театр». М., «Мусажет», 1916. На первом свободном листе. — Собрание В. В. Шверубовича (Москва).

Н. П. КИСЕЛЕВУ

Многоуважаемому
Николаю Петровичу
Киселеву

на добрую память

от автора.

Май 1915

На кн.: «Стихи о России». П., изд. журн. «Отечество», 1915. На шмуцтитуле. — ГЛМ.

Николай Петрович *Киселев* (1884—1965) — секретарь редакции книгоиздательства «Мусажет», книговед, впоследствии сотрудник Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и Всесоюзной книжной палаты, автор ряда работ по истории книги, книжной иллюстрации и литературоведению. См. о нем — «Альманах библиофила». М., 1980, вып. VIII, с. 37, 40—41.

С Киселевым, близким другом С. М. Соловьева, Блок познакомился в кружке «аргонавтов» в январе 1904 г., — во время своего пребывания в Москве и сближения с московскими символическими. Возникшая гораздо позже оживленная деловая переписка Блока и Киселева была связана с подготовкой к изданию в «Мусажете» четырехтомного собрания сочинений Блока, вышедшего в 1916 г. Сохранилось восемь писем Блока к Киселеву, относящихся к 1915 г. (ГБЛ, ф. 128); ответные письма Киселева утрачены.

Вероятно, Блок написал сборник «Стихи о России» 30 мая 1915 г. и отправил его Киселеву в редакцию «Мусажета» в этот же день или 1 июня вместе с посылкой своих рукописей и материалов для готовящегося собрания сочинений (см. письмо Блока от 30 мая — ГБЛ, ф. 128; ЗК, 264). На книге имеется карандашная помета, зафиксировавшая дату получения.

Е. Ф. КНИПОВИЧ

Фотография, 1920

Собрание Е. Ф. Книпович, Москва

книги и сделанная рукой Киселева — «3.VI.1915».

В своих воспоминаниях о Блоке А. Белый высоко оценил знания Киселева: «Киселев — бездна начитанности, знаток поэзии трубадуров и средневековья, трактатов по оккультизму, впоследствии почтенный музейвед, мечтающий о каталоге всех каталогов» («Записки мечтателей». П., 1922, № 6, с. 65).

Киселев оказал помощь М. А. Бекетовой во время ее работы над биографией поэта, о чем свидетельствует дарственная надпись Л. Д. Блок на первом издании этой книги (М. А. Бекетова. Александр Блок. «Алконост», 1922): «Николаю Петровичу Киселеву с искренней благодарностью за дружественную помощь. Л. Блок. 28/VII.23. Москва» (ГБЛ, Отдел редких книг).

Н. А. КЛЮЕВУ

Николаю Ключеву
с приветствием от души.

Александр Блок

2 июня 1908 СПб

На кн.: «Лирические драмы». СПб., «Книпович», 1908. На контртителе.— ИРЛИ.

Николай Алексеевич Ключев (1884—1937) — поэт.

Николаю Ключеву
через пространства
и времена великие.

А. Б.

X 1920

На кн.: «Седое утро». П., «Алконост», 1920. На авантителе.—Собрание Ф. Б. Чирскова (Ленинград).

Е. Ф. КНИПОВИЧ

Евгении Федоровне Книпович
на добрую память
в дни великих испытаний.

Александр Блок

Январь 1919. Петербург

На кн.: «Двенадцать». П., «Алконост», 1918. изд. 2-е. На первом свободном листе.— Собрание Е. Ф. Книпович (Москва). Именной экземпляр (№ 33).

Евгения Федоровна Книпович (1898) — известный советский критик и литературовед, переводчица Г. Гейне. См. в ее статье в наст. томе (кн. 1) воспоминания о встречах с Блоком.

Евгении Федоровне Книпович
на память о весне 1918 года.

Ал. Блок

II 1919

На кн.: «Катилина». П., «Алконост», 1919. На авантителе.— Собрание Е. Ф. Книпович (Москва).

Евгении Федоровне Книпович
с искренним приветом.

Ал. Блок

7 июля 1919

На кн.: «Песня Судьбы». П., «Алконост», 1919. На первом свободном листе.— Собрание Е. Ф. Книпович (Москва).

Евгении Федоровне Книпович
от автора.

Июль 1919 г.

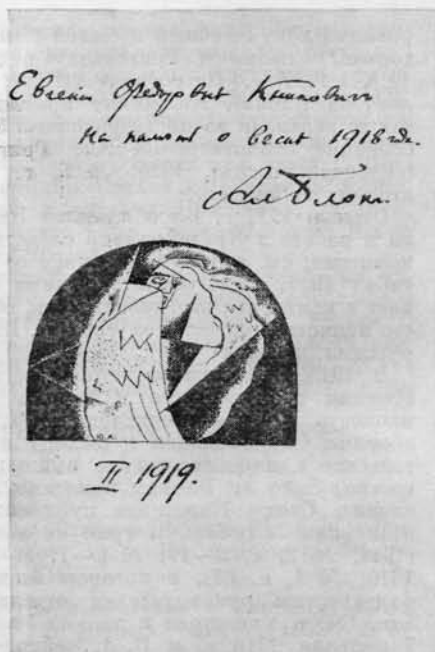
На кн. «Россия и интеллигенция». П., «Алконост», 1919. На шмуцтителе.— Собрание Е. Ф. Книпович (Москва).

Евгении Федоровне Книпович —
давний долг с вечера
в Тенишевском зале

А. Б.

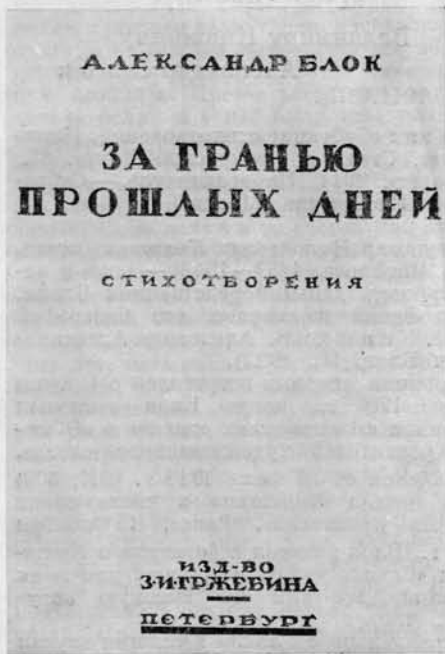
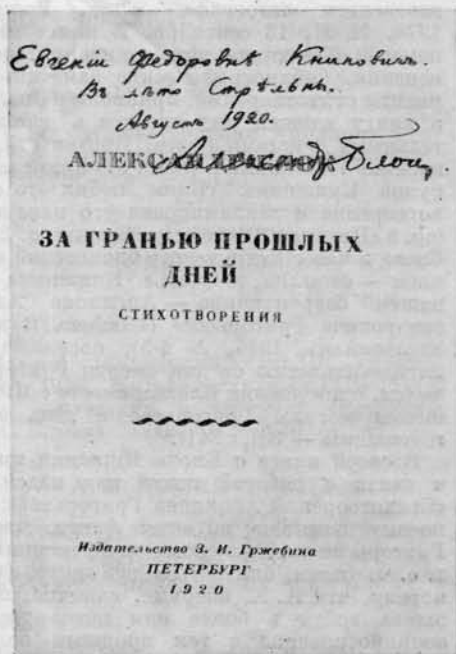
7 VIII 1919

На кн.: «Ямбы». П., «Алконост», 1919. На авантителе.— Собрание Е. Ф. Книпович (Москва).

БЛОК. КАТИЛИНА. Пб. «АЛКОНОСТ», 1919

Титульный лист и авантитул с дарственной надписью Блока Е. Ф. Книпович
Собрание Е. Ф. Книпович, Москва

БЛОК. ЗА ГРАНЬЮ ПРОШЛЫХ ДНЕЙ. Пб., ИЗД-ВО З. И. ГРЖЕВИНА. 1920

Обложка и титульный лист с дарственной надписью Блока Е. Ф. Книпович
Собрание Е. Ф. Книпович, Москва

Евгении Федоровне Книпович.

В лето Стрельны.

Август 1920

Александр Б л о к

На кн.: «За гранью прошлых дней». П., изд. З. И. Гржебина, 1920. На титульном листе. — Собрание Е. Ф. Книпович (Москва).

Евгении Федоровне Книпович,
когда ей минуло двадцать два года.

А. Б.

Октябрь 1920

На кн.: «Седое утро». П., «Алконост», 1920. На авантитуле. — Собрание Е. Ф. Книпович (Москва).

О. Л. КНИППЕР-ЧЕХОВОЙ

Глубокоуважаемой

Ольге Леонардовне Книппер

поклонник давний и верный

Александр Б л о к

1907.СПБ.

На кн.: «Нечаянная радость». М., «Скорпион», 1907. На шмуцтитуле. — Музей МХАТ (библиотека).

В. Н. КНЯЖНИНУ

Владимиру Княжнину

Александр Б л о к

Май 1911.СПБ.

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусaget», 1911. На авантитуле. — Собрание В. П. Нечаева (Москва).

Владимир Николаевич *Княжнин* (псевд. В. Н. Ивойлова, 1883—1942) — поэт и литературовед, дальний родственник Блока, автор одной из первых его биографий (В. Н. К н я ж н и н. Александр Александрович Блок. П., 1922).

Княжнин впервые встретился с Блоком осенью 1909 г., когда Блок выступал с чтением «Итальянских стихов» в «Обществе ревнителей художественного слова».

В записи от 28 июня 1916 г. (ЗК, 309) Блок назвал Княжнина в числе своих «добрых приятелей». Ранее, 15 ноября 1912 г., Блок записал в дневнике о Княжнине: «Сквозь чужое и трудное для меня я слышу все-таки его высокую ноту» (VII, 180).

Параллельно с Блоком Княжнин изучал жизнь и творчество Аполлона Григорьева; итогом его исследований был свод биографических материалов об этом поэте («Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии». Под ред. В. Княжнина. П., 1917). Он подарил эту книгу Блоку с надписью: «Александр Александровичу Блоку по общей и бывшей (бывшей ли только?) любви к Григорьеву редактор. 19.XII.1917 г. Петроград» (ИРЛИ, библиотека Блока). Княжнину принадлежит также рецензия на подготвленное Блоком собрание стихотворений Ап. Григорьева («Русская мысль», 1916, № 5, с. 17—23 второй пагинации).

Осенью 1917 г. Блок привлек Княжнина к работе в Чрезвычайной следственной комиссии; см. запись в дневнике от 4 сентября 1917 г.: «Пуская Княжнин поступает в комиссию, это, может быть, обтечет его немного, причешет ему вихры. Вихраст русский человек» (VII, 308).

В 1918 г. Княжнин готовил к печати сборник своих стихов и просил Блока написать к нему предисловие (ЗК, 417); сборник был объявлен к выходу в издательстве «Алконост», но не вышел; неизвестно, было ли Блоком написано предисловие. Стихи Княжнина публиковались в журнале «Любовь к трем апельсинам» (1914, № 2, с. 9—10; № 6—7, с. 5—16, 1916, № 1, с. 67), в котором Блок был фактическим руководителем отдела поэзии. См. о Княжнине в письме Блока от 7 февраля 1916 г. к В. Э. Мейерхольду, редактору журнала «Любовь к трем апельсинам» («Новый мир», 1979, № 4, с. 165).

Надпись на сборнике Ап. Григорьева впервые опубликована самим Княжниным в примечаниях к публикации писем Блока к нему («Письма Александра Блока». Л., «Колос», 1925, с. 216). Вторично, с воспроизведением автографа — «Лит. Россия», 1974, № 37, 13 сентября. В книге много пометок Княжнина: подчеркивания, разъяснения, библиографические заметки, варианты стихотворений, приписки на полях, в книгу вложен ряд листков с дополнительными текстами поэта. Против стихотворения «К Лавинии» (на с. 57) примечание рукой Княжнина: «Блок любил это стихотворение и декламировал его наизусть» (ср. в «Письмах Александра Блока», с. 214).

Слова в кавычках в тексте блоковской надписи — отсылка к статье Княжнина «О нашем современнике — Аполлоне Александровиче Григорьеве» («Любовь к трем апельсинам», 1914, № 4-5), посвященной пятидесятилетию со дня смерти Григорьева (см. о посещении Блоком вместе с Княжниным могилы Григорьева в день этой годовщины — ЗК, 241).

В своей книге о Блоке Княжнин писал в связи с работой поэта над изданием «Стихотворений Аполлона Григорьева»: «Я потому поминую об этом факте, что в Григорьеве он чтит своего «современника», т. е. человека, близкого нашей эпохе, и еще потому, что А. А. впервые, кажется, пришлось войти в более или менее тесное соприкосновение с тем прошлым нашей литературы, которого не могла еще выявить более ему знакомая пушкинская эпоха, с так называемыми почвениками, течением до сих пор совершенно не изученным и, тем не менее, идейно крайне интересным, ибо все философствование последователей Влад. Соловьева незримо,

но тесно сплетается с философскими раздумьями нескольких лиц 50—60-х гг.» (В. Н. Княжнин и н., Александр Александрович Блок. М., 1922, с. 114—115).

Помимо перечисленных, существовали и другие книги, подаренные Блоком Княжнину. См. запись Блока от 8 июня 1916 г.: «В экземпляр «Стихов о Прекрасной Даме», который я подарил Княжнину, вплетен, вместо моего 12-го листа, 12-й лист Игоря Северянина» (ЗК, 305).

Сохранилась надпись Княжнина на листе с началом его статьи «Д<обролюбо>в и сатира екатерининского времени»: «Александру Александровичу Блоку специально для непочтения. СПб., 1912. 23. IV» (ЦГАЛИ, ф. 55, он. 1., ед. хр. 274, л. 6).

Владимиру Княжнину—
Александр Б л о к

28.V.1915

На кн.: «Стихи о России». П., изд. журн. «Отечество», 1915. На первом свободном листе.— ГПБ.

Надпись напечатана в каталоге «Рукописи А. А. Блока». Л., ГПБ, 1970, с. 46—47.

Владимиру Княжнину
в год страдный и памятный,
на память о том, как
мы вместе учились любить
А. А. Григорьева, «нашего
современника».

Александр Б л о к

Рождество 1915 года

На кн.: «Стихотворения Аполлона Григорьева». М., изд. К. Ф. Некрасова, 1916. На шмуцтителе.— ГЛМ.

Вл. Княжнину
дружески

Ал. Б л о к

19.VII.1918

На кн.: «Соловьиный сад». П., «Альковность», 1918. На авантителе.— ГПБ. Надпись напечатана в каталоге «Рукописи А. А. Блока». ГПБ. Л., 1970, с. 46.

А. М. КОЖЕБАТКИНУ

Дорогому Александру Мелетьевичу
Кожебаткину

с благодарностью от автора

Ноябрь 1911

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусaget», 1911.— На титульном листе.— Собрание Е. М. Дьяконовой (Москва).

Александр Мелетьевич *Кожебаткин* (1884—1942)— литератор и издатель. В 1911—1912 гг.— секретарь издательства «Мусaget».

С. И. КОЛПАКОВОЙ

Милой моей няне Соне в знак любви
16 ноября 1904 года. Петербург.

На кн.: «Стихи о Прекрасной Даме». М., «Гриф», 1905 (1904). На титульном листе.— Научная библиотека им. Н. И. Лобачевского (Казань). Надпись приведена в журн. «Волга», 1966, № 11, с. 191, и в газ. «Вечерний Ленинград», 1966, 24 декабря.

Софья Ивановна *Колпакова* — няня Блока. Уважение и любовь к «няне Соне», выросшие из детской привязанности, сохранились у Блока на всю жизнь. С. И. Колпакова и во все последующие «взрослые» годы поэта часто бывала у него в доме; в дневниках, записных книжках и в письмах к матери Блок аккуратно отмечал ее посещения, разговоры с ней — наряду с другими, иногда очень важными для него событиями дня (см., напр.: VII, 80, 162, 246; ЗК, 238, 440; «Письма к родным», II, с. 55, 200).

М. А. Бекетова в книге «Александр Блок и его мать» (Л.—М., 1925) исчерпывающе объясняет истоки и характер отношений Блока с его няней: «Няня Софья была единственная из нянь, которую Саша любил, другие не сумели его привязать. Она была не особенно ласковая, не отличалась ни большой живостью, ни изобретательностью, но, во-первых, хорошо действовала Саши на нервы своим тихим и ровным характером, а во-вторых — никогда не мешала ему, ничем его не раздражала и с большим тактом схватывала дух его игр. Кроме того, она толково читала вслух и у нее были известные литературные наклонности, что очень пригодилось, когда Саши было года 4. Он очень к ней привязался (<...> В промежутках между игрой и гуляньем няня Софья читала Саши вслух в то время, как он рисовал или что-нибудь мастерил. <...> Наслушавшись этого чтения, он дал няне Соне прозвище в духе испанского романсера: «Дон Няня благородный, по прозванию Слепая». <...> Когда Саши минуло семь лет, мать нашла, что он уже настолько велик, что пора отпустить няню. <...> Приблизительно через год после того, как ушла от нас, она вышла замуж, причем сестра А<лександра> Анд<реевна> была у нее на свадьбе посаженной матерью, а Саша нес образ. Няня Софья имела такое значение для маленького Саши, что я считаю нужным сказать об ней еще несколько слов. Она была настоящим другом и помощницей его матери. Более подходящей няни ему нельзя было подыскать. Происходя из очень честной и порядочной мещанской семьи, она сама отличалась безукоризненной честностью и добросоветностью. Ее наружность, не будучи красивой (ее портили рябины), не лишена была приятности и очень женственна. Она была высокого роста, очень опрятна, всегда аккуратно одета и гладко

причесана так, что в общем производила благообразное впечатление. Ее кроткость и ясность прекрасно действовали на Сашу. Отсутствие крикливости, грубости и болтливости очень ее украшало и было особенно кстати для такого нервного и впечатлительного ребенка. Кроме того, она была умна и интеллигентна и всегда умела занять Сашу и говорить с ним именно так, как ему нужно. Уйдя от него, даже и после замужества, няня Соня интересовалась всем, что его касалось. Она читала и понимала многие его стихи, гордилась им и высоко его почитала, хотя и звала по старой памяти «Сашура» с обращением на ты. Саша тоже любил ее. В детстве, еще гимназистом, он очень веселился и радовался, когда она приходила в гости, иногда с почечкой. Они вместе сочиняли потешные стихи и много хохотали. В более зрелом возрасте Саша всегда был с ней добр и приветлив и не раз помогал ей деньгами в трудные минуты. Несколько лет тому назад она совершенно ослепла. Муж ее, с которым они очень согласно жили, умер, детей у нее не было» (с. 20—21, 25, 28—29). В записной книжке Блока от 17 и 18 декабря 1918 г. есть две записи: «Умер муж няни Соии» (ЗК, 440); «Няне Соие 200 рублей (через маму). Чтобы Люба поговорила с мамой о богадельне для няни Соии» (ЗК, 440). И действительно, М. А. Бекетова свидетельствует: «Сестра Ал(ександра) Андр(еевна) поместила ее в богадельню. В настоящее время (1925 год) она в богадельне около Смольного. Жизнь ее, разумеется, самая печальная, тем более, что ее редко навещают по дальности расстояния» (указ. соч. с. 29). См. о ней также в воспоминаниях Н. А. Павлович («Блокковский сб.», 1, с. 463).

Из книг, которые Блок подарил С. И. Колпаковой, сохранились только две — первое и второе издание «Стихов о Прекрасной Даме».

Милой няне Соие

от автора —

3 мая 1911. С. Петербург

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая». М., «Мусагет», 1911. На авантитуле.— Собрание И. Г. Клабуновского (Москва).

Н. И. КОМАРОВСКОЙ

⟨Надежде Ивановне Комаровской⟩
на память о нашем разговоре.

Александр Блок

1919

На кн.: «Стихотворения. Книга третья». М., «Мусагет», 1916. На первом своб. дном листе. Текст надписи (не полностью) приведен в кн.: Н. Комаровская. Виденное и пережитое. М.—Л., 1965, с. 154.

Надежда Ивановна Комаровская (1885—1969) — драматическая артистка. По ее

свидетельству, книга была подарена после разговора о затянувшемся молчании поэта, «связанном с ожиданием и накоплением слов, созвучных «музыке времени» (там же, с. 153).

В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ

Создательнице
высоких мгновений
Вере Федоровне
Комиссаржевской
с глубоким уважением
и благодарностью.

Александр Блок

1907.С.-П.-Б.

На кн.: «Нечаянная радость». М., «Скорпион», 1907. На шмуцтитуле.— ИМЛИ. Надпись напечатана в ЛН, т. 89, с. 217.

Вера Федоровна Комиссаржевская (1864—1910) — выдающаяся актриса. См. о ней в наст. книге публ. «Блок в воспоминаниях и дневниках современников».

Глубокоуважаемой Вере Федоровне
Комиссаржевской

преданный поклонник

Александр Блок

СПБ.ХІ.1908.

На кн.: «Земля в снегу». М., изд. журн. «Золотое руно», 1908. На первом свободном листе.— Собрание А. Ф. Маркова (Москва).

Ф. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОМУ

Федору Федоровичу
Комиссаржевскому
с искренним уважением
и с приветствием.

Переводчик

СПб. Январь 1909

На кн.: Франц Грильпарцер. Праматерь. СПб., «Пантеон», 1908. На авантитуле.— ГЛМ. Текст надписи напечатан, см. «Театр», 1971, № 7, с. 103.

Федор Федорович Комиссаржевский (1882—1954) — режиссер, театральный педагог, теоретик театра, брат В. Ф. Комиссаржевской (см. выше), поставил в ее театре в 1909 г. «Праматерь» Ф. Грильпарцера в переводе Блока. Переписка Блока и Комиссаржевского в 1908—1909 гг. была посвящена главным образом этой постановке См. письмом Блока Комиссаржевскому от 29 января 1909 г., написанное сразу после премьеры «Праматери» и высоко оценивающее постановку (VIII, 272). Возможно, что книга была послана Комиссаржевскому вместе с этим пись-

В. Ф. КОММИССАРЖЕВСКАЯ (СТОИТ В ЦЕНТРЕ) С АКТРИСАМИ ЕЕ ТЕАТРА

Фотография, 1900-е гг.

Музей истории Ленинграда

мом. См. также другие письма Блока Ф. Коммиссаржевскому — сб. «О Коммиссаржевской. Забытое и новое. Воспоминания. Статьи. Письма». М., 1965, с. 91—112. В 1913 г. в театральном журнале «Маски», которым фактически руководил Коммиссаржевский, был напечатан (в № 4) очерк Блока «Маски на улице», впоследствии вошедший в цикл «Молнии искусства»; см. письмо Коммиссаржевского к Блоку, полученное 13 ноября 1912, по поводу публикации этого очерка (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 280, л. 11—12).

А. А. КОНДРАТЬЕВУ

Дорогому Александру Алексеевичу
Кондратьеву
на память от автора

2 ноября 1904 г. СПб.

На кн.: «Стихи о Прекрасной Даме». М., «Гриф», 1905. На титульном листе.— ГЛМ.

Александр Алексеевич *Кондратьев* (1876—1967) — поэт, прозаик, литературовед. О его взаимоотношениях с Блоком см. вступ. статью к публ. писем А. А. Кондратьева к Блоку в наст. томе, кн. 1. Сам Кондратьев в 1931 г. вспоминал: «С Блоком я был знаком и часто с ним виделся (одни годы чаще, после его женитьбы —

реже) с 1897 г. в университете (ошибка памяти мемуариста: речь может идти только о 1898 г.) вплоть до отъезда моего из С(анкт)П(етер)б(урга) в январе 1918 г. Мы состояли с ним в очень приличных отношениях, несмотря на мою размолвку с его женою, Любовь Дмитр(ивной), которая, кажется, восстанавлила его против меня, хотя я никогда ни в чем виноват против нее не был. Противоположность наших с Ал(ександром) Ал(ександровичем) политических симпатий отнюдь не отражалась на взаимных (как мне казалось) симпатиях наших. Я бывал у него реже, чем он у меня. Т(ак) к(ак) я вступил в литературу раньше его и никогда его успехам не завидовал (а он это, вероятно, чувствовал) и не эксплуатировал добрых с ним отношений, он относился ко мне, кажется, без задней мысли и без каких-либо опасений. Наши разговоры никогда, насколько помню, не касались политики, хотя мы переживали в то время эпоху студенческих забастовок. Он избегал меня приглашать, когда у него собирались его левые друзья (...) Лишь раз он рассказывал мне, в последнее наше свидание, зимой 1917—18 гг. на вечере Союза Деятелей Искусств (в И(мператорской) А(кадемии) Х(удожеств)), где оба выступали, о том, как вели себя на допросах муравьевской комиссии некоторые лица, в частности — Марков 2-й...» («Annali dell' Istituto Universitario orien-

tals. Sezione slava». Napoli, vol. 12, 1969, p. 19—20).

Кондратьеву были подарены Блоком и другие книги, — в письме к А. М. Ремизову от 29 декабря 1911 г. Кондратьев называл Блока в числе лиц, с которыми он состоял «в так называемом «обмене»» (ГПБ, ф. 634, ед. хр. 125, л. 3). См. благодарности за подаренные книги в письмах Кондратьева Блоку от 6 марта 1908 г., 15 ноября 1911 г. и 18 апреля 1912 г. в настоящем издании. В архиве Блока сохранились титульные листы из двух книг Кондратьева с дарственными надписями: «Прекрасной Даме» — мохнатая сатириесса. 25.XII.1906 г.» (из его кн. «Сатириесса». М., 1906) и «Дорогому Александру Александровичу Блоку — на память о переводчике. 21.IV.1907 г.» (П. Л у и с. Песни Билитис. Спб., 1907 — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 283, л. 12, 14).

Дорогому и милому
Александру Алексеевичу
Кондратьеву
от любящего
Александра Б л о к а

Январь. 1907.СПб

На кн.: «Нечаянная радость». М., «Скорпион», 1907. На шмуцтитуле. — Собрание А. Ф. Маркова (Москва).

С. Ю. КОПЕЛЬМАНУ

Соломону Юльевичу Копельману
с искренним уважением
от автора
(через 10 лет после последней
встречи).

А л . Б л о к

Август 1919

На кн.: «Стихотворения. Книга вторая». М., «Мусагет», 1916. На первом свободном листе. — Собрание С. И. Богомолова (Москва).

Соломон Юльевич *Копельман* (1881—1944) — совладелец издательства «Шиповник». См. письма Блока к нему, приводимые в тексте воспоминаний его жены В. Е. Беклемишевой о Блоке. — «Книги. Архивы. Автографы». М., 1973, с. 44—56.

Блок сообщает о нем в письме к матери от 23 декабря 1908 г.: «15-го вечером — очень прият(ный) вечер у Копельманов (<...> Копельман — человек серьезный, не глупый и играет на скрипке» («Письма к родным», I, с. 197).

Дата инскрипта уточняется по записи Блока от 17 августа 1919 г.: «Днем приходил Копельман, который хочет купить у меня полное собрание сочинений» (ЗК, 471). О ссоре Блока с Копельманом в апреле 1909 г. см.: «Письма Александра Блока к Е. П. Иванову». Л., 1936, с. 74—75

(письмо от 13 сентября 1909 г.). В этом письме Блок сообщает, что «буквальное резюме» обстоятельств его ссоры с Копельманом и разрыва с издательством «Шиповник» содержится в стихотворном фельетоне «Детская песенка», подписанном «Wega» [Голиков В. М.] («Голос Москвы», 1909, 11 сентября). Согласно устному рассказу Ремизова, приводимому в дневнике Ариадны Тырковой (запись от 19 января 1910 г. — ЦГАОР, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 16, л. 44—44об.), Копельман отказался от сотрудничества с Блоком после того, как Леонид Андреев передал ему фразу, сказанную Блоком в частном разговоре. К этому конфликту относится нерасшифрованная В. Н. Орловым запись Блока, сделанная ночью 11—12 июня 1909 г. во время поездки по Италии: «Вспоминую часто разговор со мною Г(осподина) Копельмана, который меня грызет» (ЗК, 145). С ним же связана запись Блока в дневнике от 1 декабря 1912 г. о несостоявшейся публикации «Песни Судьбы» весной 1909 г.: «(<...> она была погребена в IX альманахе «Шиповника» под музыку выговоров Копельмана за еврейский вопрос, разговоров с Л. Андреевым (и он, помнится, предлагал ставить пьесу)» («Дневник Ал. Блока», т. 1, с. 146). В этой связи см. также дневниковые записи Белого о Блоке в наст. книге.

А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

Дорогой моей маме и другу
от любящего ее больше всех
на свете С а ш у р ы

Февраль 1901 года

На кн.: Д. С. Мережковский. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. Изд. 2 (СПб., изд. П. П. Перцова, 1899). На форзаце. — ИРЛИ, библиотека Блока.

Александра Андреевна *Кублицкая-Пиоттух* (1860—1923) — мать поэта.

Успокоительны, и чудны,
И странной тайной повиты
Для нашей жизни многотрудной
Его великие мечты.

Туманы призрачные сладки —
В них отражен Великий Свет,
И все суровые загадки
Находят дерзостный ответ —

В одном луче, туман разбившем,
В одной надежде золотой,
В горячем сердце — победившем
И хлад, и сумрак гробовой.

6 марта 1902. Петербург

А. А. КУБЛИЦКАЯ-ПИОТТУХ (МАТЬ ПОЭТА)

Фотография, 1909, Ревель

Литературный музей, Москва

На кн.: Владимир Соловьев, Три разговора. СПб., 1901. На обороте обложки.— ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 32, л. 5. Книга утрачена, сохранилась только обложка с владельческой подписью «А. Кублицкая>—Пиоттух».

Этот сборник стихов Блок отдал в переплет и послал матери в Ревель в подарок, к дню ее рождения — 6 марта («Письма Блока к родным», II, с. 131—132).

Текст стихотворения, посвященного памяти Вл. Соловьева, впервые опубликован в книге М. А. Бекетовой «Александр Блок и его мать» (1925), перепечатан — I, 489. В указанной книге М. А. Бекетова вспоминает: «Весной 1902 года Ал(ександр) Ал(ександрович) подарил матери в день ее рождения «Три разговора» Владимира Соловьева, написав на обратной стороне заглавного листа следующее стихотворение» (с. 78).

Маме.

Помнишь думы? Они улетели.
Отцвели завитки гиацинта.
Мы провидели светлые цели
В отдаленных краях лабиринта.

Нам казалось: мы кратко блуждали.
Нет, мы прожили долгие жизни...
Возвратились — и нас не узнали,
И не встретили в милой отчизне.

И никто не спросил о Планете,
Где мы близились к Юности Вечной...
Пусть погибнут безумные дети
За стезей ослепительно млечной!

Но в бесцельном, быть может, круженье —
Были мы, как избранные, нищи.
И теперь возвратились в сомненья
В дорогое, родное жилище...

Так. Не жди изменений бесцельных,
Не смущайся забвеньем. Не числи.
Пусть к тебе — с краях запредельных
Не придут и спокойные мысли.

Но, прекрасному прошлому радо —
Пусть о будущем сердце не плачет.
Тихо ведаю: будет награда:
Ослепительный Всадник прискачет.

4. XII. 1904. С-п-б.

На кн.: «Стихи о Прекрасной Даме». М., «Гриф», 1905 [1904]. На обороте титульного листа.— Собрание В. Н. Орлова (Ленинград). Подарочный экземпляр в «мраморном» переплете с красными мароченовыми уголками и с тисненными по корешку владельческими инициалами «А. К.-П.» Воспроизведено в ст.: В. Орлов. Мой уникальный экземпляр. — «В мире книг», 1980, № 11, с. 77—78.

Текст этого стихотворения с незначительными разночтениями см. II, 57.

Мама

16 января 1907

На кн.: «Нечаянная радость». М., «Скорпион», 1907. На шмуцтитуле.— ИРЛИ, библиотека Блока.

Мама

(не от Грильпарцера,
но от переводчика)

3.XII.08

На кн.: Франц Грильпарцер. Праматерь. Перевод Александра Блока. СПб., «Пантеон», 6. г. На шмуцтитуле.— ИРЛИ, библиотека Блока.

Посылаю тебе эту пакость,
которой ты, может быть, будешь
рада,
потому что здесь перепечатано
много хороших стихов.

<1909>

На кн.: «Антология современной поэзии. Америка, Англия, Франция, Бельгия, Германия, Италия, Скандинавия, Польша, Россия. Чтец-декламатор», т. IV, Киев, типогр. «Петр Барский», 1909. На титульном листе.— ИРЛИ, библиотека Блока.

Мама

6 марта 1911

На кн.: Федор Сологуб. Пламенный круг. М., изд. журн. «Золотое руно», 1908. На первом свободном листе.— Собрание Э. И. Григорюка (Москва). Подарочный экземпляр в полукожанном переплете с углами, с тиснением по корешку: автор, заглавие и владельческие инициалы «А. К.-П.»

Мама

2 мая 1911

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусaget», 1911. На авантитуле.— ИРЛИ, библиотека Блока.

Мама

18 XII 1911

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга вторая. Нечаянная радость». М., «Мусaget», 1912. На авантитуле.— ИРЛИ, библиотека Блока.

Мама

24 марта 1912

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга третья. Снежная ночь». М., «Мусaget», 1912. На авантитуле.— ИРЛИ, библиотека Блока.

Мама

Январь 1914

На отд. оттиске «Роза и Крест» (альм. «Сирин», I, 1913).— ИРЛИ, библиотека Блока.

Мама

27 мая. 1915.<...>

На кн.: «Стихи о России». П., изд. журн. «Отечество», 1915. На первом свободном листе.— ЦГАЛИ, библиотека.

В день получения этой книги, 27 мая, от издателя З. И. Гржебина (ЗК, № 264) Блок сразу же надписал ее матери, но отправил ее через два дня (29 мая) вместе с письмом, в котором сообщал: «Посылаю вам с тетей «Стихи о России». Все — не заказное» («Письма к родным», II, с. 266). Книга, подаренная М. А. Бекетовой, не выявлена.

Через три года, 3 августа 1918 г., Блок написал под инскриптом, адресованным матери, по памяти первую и пятую строфы из стихотворения Н. А. Клюева «Есть в Ленине керженский дух...» (с. разночтениями). Полный текст стихотворения см. в кн.: Н. А. Клюев в. Стихотворения и поэмы. М., 1977, с. 369—370). Это стихотворение, впервые напечатанное в июне 1918 г. в журн. «Знамя труда» (II.— М., № 1, с. 15), — одна из первых попыток в отечественной поэзии создания образа вождя.

Указанное стихотворение открывает известный цикл Клюева «Ленин» (10 стихотворений), над которым поэт работал в 1918 г. (в том же году он вступил в партию большевиков), этот цикл неоднократно издавался: полностью был впервые опубликован в сб. «Песнослов» (кн. 2), а затем — в книге «Ленин» (1924, вышло три издания), в 1920 г. цикл был положен на музыку А. И. Канкаровичем. Сборник «Песнослов», прижизненное полное собрание произведений Клюева в двух книгах, был рекомендован к изданию Блоком и выпущен в 1919 г. Литературно-издательским отделом Наркомпроса по распоряжению А. В. Луначарского. Извлеченный из этого сборника цикл стихов, посвященных вождю, Клюев специально переплел и передал В. И. Ленину со стилизованной дарственной надписью: «Ленину от моржовой поморской зари, от ковриги-матери, из русского рая красный словесный гостинец посылаю я — Николай Клюев, а посол мой сопостник и сомсыленик Николай Архипов. Декабря тысяча девятьсот двадцать первого года» (см. «Библиотека В. И. Ленина в Кремле». Каталог. М., 1961, с. 497).

Не исключено, что Блок, как известно, принимавший участие в работе литературного отдела газеты и журнала «Знамя труда», обсуждал с Р. В. Ивановым-Разумником вопрос о публикации в этом журнале стихотворения «Есть в Ленине керженский дух...». В записях от 10 и 11 мая 1918 г.

(за месяц до появления стихотворения в печати) Блок дважды отмечает: «Стихи Клюева от Р. В. Иванова» (ЗК, 406). Кроме того, с августа по октябрь 1913 г. Блок и Иванов-Разумник занимаются устройством издательских дел Клюева и связывают его с издательством «Знамя».

В цитированном стихотворении Клюев пытался создать образ Ленина, используя своеобразную раскольничью символику и реалии быта северных народов.

Блок не раз обсуждал с матерью письма Клюева и поставленные в них проблемы, и поэтому не случайно он вписал это стихотворение Клюева в свой сборник «Стихи о России», тем самым как бы устанавливая связь между своей, блоковской, Россией и новой революционной темой, разрабатываемой олонецким поэтом-крестьянином.

Маме

10 VI 1916

На кн.: «Театр». М., «Мусaget», 1916. На форзаце.— ИРЛИ, библиотека Блока.

С. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

Милой тете Софе.

От любящего автора.

25 января 1912 года

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусaget», 1911. На титульном листе.— ГМИЛ, ранее собрание Н. П. Ильина.

Софья Андреевна *Кублицкая-Пиоттух* (урожд. Бекетова) (1857—1919) — тетка Блока. С ее сыновьями Феликсом (Феродем) и Андреем Блок был дружен в детстве и в отроческие годы. Летом 1896 г. Блок, Софья Андреевна и Фероль вместе посетили Нижегородскую Всероссийскую промышленную выставку, где одним из павильонов заведовал муж Софьи Андреевны — А. Ф. Кублицкий-Пиоттух. В 1901 г. планировалась несостоявшаяся поездка Блока в Барнаул, где в то время проживала С. А. с семьей.

Краткое высказывание М. А. Бекетовой о взаимоотношении двух ее сестер — Александры Андреевны и Софьи Андреевны — дает нам некоторое представление о характере и взглядах последней: «Когда Саша был еще мальчиком, Александра Андреевна» поддала под влияние сестры Софьи Андреевны, женщины очень цельной, с твердым характером и принципами и самыми определенными взглядами на жизнь. В это время Ал. Андр. старалась воспитывать Сашу, влияя на его характер и поведение обычными приемами, но чем дальше, тем больше убеждалась в том, что к Саше эти приемы неприменимы» (М. А. Бекетова. Александр Блок и его мать, с. 97).

Сохранилось 8 писем Блока к Софье Андреевне за 1896—1902 гг., в основном они перечисляют хозяйственные подробности шахматовской жизни, а одно из них —

от 27 ноября 1901 г. — содержит блоковские впечатления первых месяцев учебы в университете и начинается словами: «Милая и дорогая теть Софа, по дравляю тебя, очень люблю и желаю всего самого приятного и лучшего и в твоей семье и всюду. Благодарю тебя за необычайно любящие и ласковые письма, прости меня за то, что я так долго все-таки не писал и не отвечал» («Письма к родным», I, с. 69).

В единственном сохранившемся письме С. А. к Блоку от 16 июля 1918 г. она благодарит его за присылку журнала «Наш путь» (II, 1918, № 1), в котором были напечатаны поэма «Двенадцать» и стихотворение «Скифы» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 293) — местонахождение этого журнала неизвестно.

Дорогой тете Софе
от любящего автора.

Пасха 1916

На кн.: «Стихи о России». П., изд. журн. «Отечество», 1915. На авантитуле.— ГМИЛ.

Ф. Ф. КУБЛИЦКОМУ-ПИОТТУХ

Милому Францику,
обреченному быть
на этой пошлой войне.

А. Б.

На кн.: «Стихи о России». П., изд. журн. «Отечество», 1915. На первом свободном листе.— Местонахождение в настоящее время неизвестно, ранее находилась в собрании А. А. и Ф. А. Кублицких-Пиоттух (Москва).

Франц Феликсович *Кублицкий-Пиоттух* (1860—1920) — отчим Блока, гвардейский офицер, с 1914 г. генерал-лейтенант. Достаточно подробно отношения Блока с отчимом освещены в биографических книгах М. А. Бекетовой, где она, в частности, пишет: «Выходя замуж за Фр(анца) Феликс(овича), А(лександра) Ав(деевна) думала найти в нем помощника, который заменил бы Саше отца, но этого не случилось. Ф. Ф. был вообще равнодушен к детям, Саша же был не в его духе, кроме того, он ревновал к нему мать. Словом, он не был привязан к мальчику и относился к нему, если не прямо враждебно, то по меньшей мере равнодушно. (...) Я думаю, что если бы Ф. Ф. полюбил Сашу, заинтересовался им и входил бы во все мелочи его обихода, даже не касаясь его умственной жизни, все было бы по-другому. (...) В нем были качества, редкие для военного человека: ни малейшего фанфаронства, (...) великое уважение к науке, к которой у него были, между прочим, серьезные склонности, уважение к литературе, в которой он был совершенный профан. Он прекрасно относился к нашей семье, отличался необыкновенной

простотой, отсутствием ложного стыда и излишнего самолюбия и бывал очень мил в интимном кругу, когда чувствовал вокруг себя благожелательную атмосферу. Прибавлю к этому, что он был далеко не заурядный офицер — честный и очень знающий, к обязанностям своим он относился с редкой добросовестностью, все, что касается службы, устава, военных сведений, изучал досконально, к солдатам относился прекрасно: трезвучайно заботливо и серьезно; правда, он был не прочь от зуботычин: но таковы уж были традиции тогдашней военной среды. Солдаты его любили и уважали, и вообще он был человек, вполне достойный уважения, хотя и неинтересный. Повторяю, что сестра простила бы ему и отсутствие поэзии и литературности, и все остальное — если бы он полюбил Сашу. Но этого-то и не было (<...>» (М. А. Бекетова. А. Блок и его мать, с. 99, 128—129).

Краткие воспоминания А. Белого о встрече с Францем Феликсовичем Кублицким-Пиотгух относятся к 1905 г. — времени наиболее напряженных отношений между Блоком и его отчимом: «Тут же я познакомился и с супругом Александры Андреевны: это был худой, некрасивый военный с прекраснейшими глазами. Он скромно появлялся за столом, скромно садился и молча выслушивал наши полные негодования речи. Я помню, что я старался быть умеренным, входя в трудное щекотливое положение Франца Феликсовича, а А<лександр> А<лександрович> наоборот: выражался кратко, резко и беспощадно вплоть до несочувствия лицам, вынужденным хотя бы и грубою силою поддерживать правительство. Помнится, мне было жаль бедного Франца Феликсовича. Вообще я заметил в А. А. некую торую беспощадность к его трудному положению в ту эпоху» (А. Белый. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке. — «Записки мечтателей», 1922, № 6, с. 98).

В своей книге М. А. Бекетова так прокомментировала эти наблюдения А. Белого: «(Александр Андреевн) было очень тяжело, что муж ее должен стоять во главе одного из постов, охраняющих переход через Неву, что ему предстоит, быть может, расстреливать рабочих. К счастью, последнего не случилось. Ф. Ф. не пришлось даже арестовывать, сколько я помню. Сам он был против кровавых расправ, но к рабочим все-таки относился как все военные, то есть презрительно и недоверчиво. На революционный пыл, загоревшийся в душах его жены и пасынка, смотрел он, как на безумие, и в кругу семьи и близких знакомых был очень резок и даже груб, когда дело касалось политики. Этим и объясняется тот вызывающий тон по отношению к отчиму, который заметил А. Белый у Саши после 9-го января. (<...> Для Ф. Ф. А. Белый был совершенно чужим человеком, при котором он стеснялся выражать свои чувства и мнения. При всем злом миролюбия и отсутствии боевого задора Ф. Ф. нежно любил военную среду,

товарищей, полк, царский режим и т. д., вполне закрывая глаза на недостатки всего перечисленного мною. Понятно, что будучи правозверным военным, он стоял на стороне царя, его слуг и войска и испытывал враждебные чувства к революционно настроенной оппозиции, а в особенности к студентам, которых в широких к угах буржуазии считали отверженцами и бунтарями. Семейный круг был в то время нарушен. Саша, вообще любивший своего отчима с детства, теперь настроен был против него враждебно, А. А. тоже, а сам Ф. Ф. платил им той же монетой» (указ. соч., с. 145). М. А. Бекетова неоднократно свидетельствует о хорошем отношении Блока к своему отчиму, о том, что в детстве он «очень любил его, называл Франчиком, (<...> способен был о нем даже соскучиться» (указ. соч., с. 99).

Интересно также тонкое наблюдение В. А. Пяста, связанное с отчимом поэта: «Блок мне признавался, что я верно отгадал, что «Рыцаря-Несчастье» (Бертрана) из «Розы и Креста» он списал, главным образом, с него» (В. А. Пяст. Встречи. М., 1929, с. 68 — см. об этом также во вступ. статье З. Г. Минц к «Переписке Блока с Вл. Пястом» в наст. томе, кн. 2).

Милому Францу
от любящего его Саши.

Октябрь 1915 Петроград

На кн.: «Стихи о России». Пг., изд. журн. «Отечество», 1915. На шмуцтителе. — ИРЛИ, библиотека Блока.

М. А. КУЗМИНУ

Милому Михаилу Алексеевичу
Кузмину с нежным чувством.

Александр Блок
1907.СПб.

На кн.: «Нечаянная радость». М., «Скорпион», 1907. На шмуцтителе. — Собрание И. фон Гюнтера (Кохель, ФРГ).

Михаил Алексеевич Кузмин (1872—1936) — см. о нем в наст. томе статью К. Н. Суворовой к публикации его писем Блоку и отрывков из дневников Кузмина.

В дневниковой записи от 12 апреля 1907 г. (см. там же) М. Кузмин привел (не полностью) надпись, которую сделал Блок на книге «Снежная маска»: «(<...> Пленительному и милому отравителю (<...>». В ответ Кузмин прислал Блоку вышедшие в мае 1907 г. свои две книги, оформленные К. Сомовым, — «Три пьесы» и «Приключения Эме Лебефа», вторая книга сохранилась с дарственной надписью автора: «Александр Александровичу Блоку — высокому и милому поэту. М. Кузмин» (собрание В. Н. Орлова). 26 мая 1907 г. в письме к жене Блок отметил: «Кузмин мне прислал свои две книжечки — очень красивые» (ЛН, т. 89, с. 199).

Д. В. КУЗЬМИНУ-КАРАВАЕВУ

Дмитрию Владимировичу
Кузьмину-Караваеву —
с ясной надеждой
и сердечным рукопожатием. —

Автор

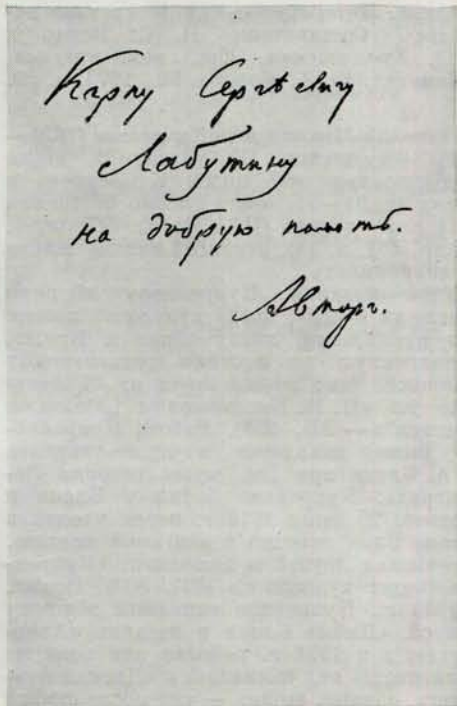
Май 1911. СПБ.

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусагет», 1911. На авантитуле. — Собрание Е. В. Лидиной.

Дмитрий Владимирович *Кузьмин-Караваев* (1886—1959) — юрист, общественный деятель. Он был видной фигурой в «Кружке молодых» в Петербургском университете (см., напр.: Д. А. Дьяконов. В университете. — «Русь», 1907, № 57, 26 февраля). Е. Ю. Кузьмина-Караваева (урожденная Пиленко), вышедшая за него замуж в 1910 г., писала впоследствии: «Мой муж из петербургской семьи, друг поэтов, декадент по самому своему существу, но социал-демократ, большевик» («Уч. зап. ТГУ», вып. 209, 1968, с. 267).

По воспоминаниям В. И. Нарбута, в конце 1900-х годов Д. В. Кузьмин-Караваев принимал «непосредственное участие в партийных организациях» («Календарь искусств», Харьков, 1923, № 1, с. 2). С Кузьминым-Караваевым Блок свел Городецкий (см. его письмо к Блоку от 26 декабря 1908 г. в наст. издании). С осени 1911 г. по весну 1912 г. Блок часто встречался с Кузьминым-Караваевым, обсуждая вопросы отечественной истории и современную политическую обстановку. Дальний родственник Гумилева и давний друг Городецкого, Кузьмин-Караваев стал «третьим синдиком» («казначеем») Цеха поэтов, и в качестве такового выступил 18 февраля 1912 г. на заседании Общества ревнителей художественного слова с антисимволистским заявлением, а 19 декабря 1912 г. на вечере акмеистов в «Бродячей собаке» приветствовал акмеизм за то, что он возвращает искусству право быть свободным от посторонних требований («Аполлон», 1913, № 1, с. 31). С 1913 г. он служил по землеустроительному ведомству вне Петербурга, и его встречи с Блоком прекратились. Во время войны он занимался общественной и санитарной работой на фронте, где Блок и встретился с ним 16 января 1917 г. («Письма к родным», II, с. 328). В 1920 г. Кузьмин-Караваев принял католичество, с 1923 г. жил за границей, где служил католическим священником.

«Ночные часы» были подарены, по-видимому, 6 ноября 1911 г. В этот вечер в доме Блока Кузьмин-Караваев произнес монолог о Петре I, законспектированный Блоком в дневнике в знак «взаимного согласия» (VII, 80—81).

БЛОК. СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ. КН. I, М., «МУСАГЕТ», 1911, С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ БЛОКА К С. ЛАБУТИНУ
Собрание В. В. Витт, Москва

Дорогому Дмитрию Владимировичу
Кузьмину-Караваеву
с любовью от автора.

Ноябрь 1911

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусагет», 1911. На титульном листе. — ГЛМ.

Дмитрию Владимировичу
Кузьмину-Караваеву —

автор.

1912

В кн.: «Собрание стихотворений. Книга вторая. Нечаянная радость». М., «Мусагет», 1912. На авантитуле. — ЦГАЛИ, библиотека.

Н. Н. КУПРЕЯНОВУ

Милому Николаю Николаевичу
Купреянову
от автора.

18 марта 1915 г.

На кн.: «Снежная маска». СПб., «Оры», 1907. На шмуцтитуле. — Собрание Я. Н. Купреянова (Москва). Автограф надписи воспроизведен в книге: «Н. Н. Ку-

преянов. Литературно-художественное наследие». Составители Н. С. Ианар и М. З. Холодовская. Общ. ред., предисл. и коммент. Ю. А. Молока. М., 1973, с. 99.

Николай Николаевич *Купреянов* (1894—1933) — художник. В указанной книге опубликованы семь писем Купреянова к Блоку (с. 91—94), одно письмо от 19 мая 1921 г. не издано (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 301, л. 14), ответные письма Блока не сохранились.

Блок подарил Купреянову сборник «Снежная маска», когда художник принес ему рукописную книгу «Роза и Крест», выполненную им в стиле средневековых рукописей (см. запись поэта от 18 марта 1915 г.: «Н. Н. Купреянов с „Розой и Крестом“» — ЗК, 258). Работа Купреянова ныне находится в музее-квартире А. А. Блока при Гос. музее истории Ленинграда. Купреянов бывал у Блока и позднее; 28 июня 1916 г. перед уходом в армию Блок отметил в записной книжке, перечисляя друзей и знакомых: «Купреянов (будет художник)» (ЗК, 309). Позже, в 1919 г., Купреянов исполнил обложку для сб. «Ямы» Блока в издании «Алконоста», а в 1921 г. работал для того же «Алконоста» над обложкой к «Двенадцати» (книга, однако, вышла — уже после смерти Блока — в обложке работы В. Замирайло) и медал большого Блоку через издателя «Алконоста» — С. М. Алянского свои эскизы (см. письмо Купреянова к Блоку по этому поводу от 22—23 мая 1921 г. — Указ. изд., с. 94). Эскиз к обложке «Двенадцати» и разворот рукописной книги «Роза и Крест» впервые воспроизведены в книге А. Горелова «Гроза над соловьиным садом». Л., 1970 (между с. 320 и 321), см. там же иллюстрацию Купреянова к стихотворению «Ты проходишь без улыбки...» (между с. 64—65).

В апреле 1915 г. Купреянов, в частности, писал Блоку: «Мне не нравится фронтиспис Бакста к «Снежной маске». Осмеливаюсь послать Вам два варианта одного своего рисунка, кот(орый), как мне кажется, больше подходит если не ко всей книге, то к отделу «Маски». <...> Вы подарили мне «Снежную маску». Мне дорога эта книга, и ее портит бакстовский фронтиспис. Мне хотелось бы знать Ваше мнение о моем рисунке» (Указ. изд., с. 92 — неопубликованные два рисунка-варианта Купреянова к стихотворению Блока «Бледные сказанья» хранятся ныне в музее ИРЛИ).

В 1916 г. Купреянов подарил Блоку гравюру «Царь Давид» (ныне — в музее ИРЛИ); на ней — помета Блока «Н. Купреянов. Отт(иск) с собств(енной) дерев(янной) гравюры» — она впервые воспроизведена в статье Ю. А. Молока «Из истории одного романа с гравюрой (Опыт интерпретации гравюр Н. Н. Купреянова)». — «Панорама искусств», 3, М., 1980, с. 20.

Блок подарил Купреянову также «Стихи о России», в письме к жене от 26 сентября 1931 г. художник писал: «В книж-

к(ом) шкафу есть книжка Блока — военные стихи — тоненькая большая с *автографом* — большая ценность» (Указ. изд., с. 179).

Николаю Николаевичу
Купреянову
на память о разговоре

21 декабря 1915 г.

А. Б л о к

На кн.: «Стихи о России». П., изд. журн. «Отечество», 1915. На первом свободном листе. — Собрание Е. М. Жуковой (Москва).

Сообщено Ю. А. Молоком.

А. А. КУРСИНСКОМУ

Александру Антоновичу
Курсинскому
от искренно уважающего

Александр Б л о к

IV.07.СПБ.

На кн.: «Снежная маска». Спб., «Оры», 1907. На шмуцтитуле. — ГБЛ, рукописный отд.

Надпись приведена в каталоге «Прижизненные издания Александра Александровича Блока». М., 1980, с. 15.

Александр Антонович *Курсинский* (1873—1919) — московский поэт-символист, автор сборников стихов «Полутени» (1896), «Стихи» (1902) и «Сквозь призму души» (1906). Последняя книга вышла в издательстве «Гриф», с которым сотрудничал и Блок (там же вышли «Стихи о Прекрасной Даме»). Скептическую оценку Блоком стихов Курсинского, напечатанных в альманахах «Гриф», см. в письме к Сергею Соловьеву от 8 мая 1904 г. (VIII, 96). Курсинский был также одно время секретарем редакции журнала «Золотое руно», в котором печатался и Блок. В последние годы жизни Курсинский писал киносценарии для московской кинофабрики Ханжонкова.

В библиотеке Блока сохранился экземпляр драмы Зигмунта Красинского «Небожественная комедия» в переводе Курсинского (М., «Скорпион», 1902); по замечанию Ярослава Ивашкевича, некоторые мотивы «Двенадцати», возможно, восходят к этой драме польского романтика (см.: Jarosław I w a s z k i e w i c z. Petersburg. Warszawa, 1977, s. 44—45).

Б. М. КУСТОДИЕВУ

Борису Михайловичу
Кустодиеву

Александр Б л о к

Март 1914 г. СПБ.

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусагет», 1911. На титульном листе.— ГПБ. Надпись приведена в каталоге «Рукописи А. А. Блока...». Л., 1970, с. 47.

Об истории создания В. М. Кустодиевым бюста Блока и об отношениях поэта с художником см. в сообщении И. С. Зильберштейна «Блок и художники» в кн. 4 наст. тома.

Борису Михайловичу
Кустодиеву
на добрую память.

Александр Блок

Март 1914.СПБ.

На кн.: «Собрание стихотворений». Книга первая, вторая, третья». М., «Мусагет», 1911—1912. На авантитуле книги первой.— Собрание С. Л. Маркова (Ленинград. В одном переплете).

К. С. ЛАБУТИНУ

Карпу Сергеевичу
Лабутину.

Александр Блок

На кн.: «Собрание стихотворений». Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусагет», 1911. На авантитуле.— ГМИИ.

Карп Сергеевич *Лабутин* (1895 — после 1941) — сосед Блока по дому (Офицерская, 57), сын С. К. Лабутина (см. ниже), с 1912 по 1914 гг. — студент историко-филологического факультета Петербургского университета, библиофил. В январе 1918 г. он познакомился и сблизился с Блоком и в связи со своими библиофильскими и театральными интересами не раз посещал поэта (см. упоминания его имени — ЗН, 385, 483, 500), впоследствии сотрудничал с М. А. Бекетовой. В 1930-е годы Лабутин написал интересные воспоминания о Блоке (местонахождение рукописи неизвестно, опубликован лишь небольшой фрагмент — см. ниже).

Лабутин был одним из первых собирателей рукописей Блока, в 1930-е годы он передал в Государственный литературный музей значительное количество автографов, книг, фотографий и материалов о поэте. С 1925 г. он принимал деятельное участие в литературных работах М. А. Бекетовой, посвященных Блоку («Александр Блок и его мать»; «Письма Александра Блока к родным», т. I и II; «Александр Блок», 1930 (об этом она свидетельствует в предисловиях к указанным книгам — см. т. I, с. 2, и с. [8]); а также в подготовке к печати первого тома книги «Шахматово. Семейная хроника» (см. публикацию этого труда в наст. книге). О сотрудничестве Лабутина в ее литературных трудах М. А. Бекетова подробно сообщает

Стр. 232:

*Какому хочешь сердцу
Отдай разбойную душу —
Тусым замалит и обманет,
Ке угодит, ке стыжит тб.*

Александр Блок.

18 X 1908 — 20 I 1918.

БЛОК. СТИХОТВОРЕНИЯ, КН. III. М., «МУСАГЕТ», 1916, С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ БЛОКА К. С. ЛАБУТИНУ (СТРОКИ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «РОССИЯ»)

Собрание В. В. Витт. Москва

в официальном документе-справке, относящемся к февралю 1933 г., — ИРЛИ, ф. 462, ед. хр. 46, см. также об этом в недатированном письме Лабутина к историку литературы и блоковеду Д. М. Пинесу (ЦГАЛИ, ф. 391, ед. хр. 145, л. 7—7 об.).

Буканист Ф. Шплов вспоминал: «У меня в лавке Блок познакомился с молодым человеком по фамилии Лабутин, который попросил у него билеты в театр. Блок тут же написал пропуск в Суворинский театр. Лабутин, который был очень культурным человеком, близко сошелся с Блоком и впоследствии даже помогал Бекетовой в литературных работах о Блоке. Лабутин оказался неудачником. После смерти Блока, не имея работы, он распродал все письма Блока к нему, портреты и письма разных знаменитых артистов, которым его отец всячески в свое время помогал. Тут были письма и портреты В. Н. Давыдова, В. В. Стрельской, Липковской и целого ряда других лиц, поднесенные Карпу Лабутину и имеющие дарственные надписи» (Ф. Шплов. Записки старого книжника. М., 1959, с. 140).

Сохранились пять писем Блока к Лабутину, связанные главным образом с книжными дарениями (ответные письма Лабутина утрачены), а также — книги с автографами Блока: первый том «Собрания сти-

хотворений» (1911) и четырехтомный комплект собрания произведений (1916). Все публикуемые здесь надписи Лабутина были сделаны поэтом, по-видимому, одновременно, три из них — краткие (характеристику надписей такого типа см. во вступительной статье). 19 января 1918 г. Блок написал: «Книги от сына жильца дома Лабутина с просьбой надписать» (ЗК, 385; курсив мой. — А. П.). (Любопытно, что блоковскими словами, выделенными курсивом, Лабутин позже подписал одно из своих писем к Д. М. Пивесу — ЦГАЛИ, ф. 391, оп. 1, ед. хр. 145, л. 7 об.). Поэт на следующий день написал присланные книги и передал их адресату, а 21 января отметил в записной книжке: «Гиацинты прислали. Оказывается — сын г-на Лабутина» (ЗК, 385). В первой книге «Собрания стихотворений» (1911) обнаружилось перепутанные страницы, и Лабутин письменно или устно сообщил об этом поэту. Блок от руки восстановил текст 177 страницы и внес поправки на страницу 140, а 22 января, как следует из его письма, передал Лабутину книгу, рукописную страницу и письмо (текст надписи и письма Блока, в котором в частности, указывается тираж первой книги — 1300 экземпляров — см. в публикации Н. П. Ильина — «Нева», 1966, № 11, с. 216).

Впоследствии Блок и Лабутин неоднократно обменивались книжными подарками (об этом идет речь в неизданных четырех письмах поэта). В архиве Блока сохранились вырванные из книг три титульных листа с дарственными надписями Лабутина — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 486, л. 1—3; а в его личной библиотеке (ИРЛИ) сохранился «Литературно-художественный сборник» (1903), в котором поэт дебютировал, с его пометой, что авторский экземпляр пропал в Шахматове, а настоящий получен от Лабутина).

Лабутин писал в воспоминаниях о Блоке: «Александр Александрович в то время (январь 1920 г.) редактировал Гейне и сличал различные его переводы. Около этого времени, но уже на другой квартире — № 23, я однажды застал Любовь Дмитриевну и Александра Александровича в маленькой комнате слева, превращенной в рабочий кабинет, — там горела зеленая лампа на столе...

Из переводчиков Гейне Блок считал лучшим — из старых М. Л. Михайлова, из новых же В. П. Коломийцова, чьи переводы ставил выше своих. Однажды, говоря с Александрой Андреевной об издававшемся во «Всемирной литературе» под редакцией Блока избранном Гейне, я спросил, отчего так мало переводов Блока из Гейне, и не даст ли он больше своих переводов в новом издании. Александра Андреевна ответила, что «пробовала уже подействовать на сына в этом отношении, но «Саша» ленится и ценит Коломийцева больше себя».

Об Иване Пинне, чей «Опыт о просвещении» я показал Блоку, отозвался как о «предшественнике Чаадаева».

О Гумилеве сказал: «Он чужой», хотя тут же попросил прочитать названные мною стихотворения «Капитаны» и «Туркестанские генералы». <...>

За отсутствием прессы, при плохом транспорте и нарушении связи с Москвою, тамошние события доходили до Петрограда с большим запозданием и очень скупо; так что, когда я осведомился у А. А., что это за группа «имажинисты» в изд(ательстве) «Цихи-Пихи» в Москве, он расшифровал так: «Image значит образ. Очевидно, действуют образами».

В связи с упомянутыми ранее книгами заговорили о Добролюбова и Кожевском. Придавая большое значение им как зачинателям русского символизма и особенно Добролюбову как явлению русской действительности, я не находил их выдающимися поэтами. Но, должно быть, высказал это крайне неловко, спросив: «Что же они сделали? Что же от них осталось?», имея в виду стихи. С А. А. сразу же произошла прямо потрясшая меня перемена: он замолчал, ушел в себя, как бы окаменев, и стал таким чужим, что эта чуждость ощутилась даже физически, повеяв каким-то холодным ветерком; а Л. Д. только прошептала: „Для нас это были такие имена!“» («Звезда», 1931, № 10, с. 122).

О Лабутине см. также в кн.: Л. Б о р и с о в. Родители, наставники, поэты. М., 1969, с. 91—92.

Карпу Сергеевичу
Лабутину
на добрую память.

А в т о р

На кн.: «Театр». М., «Мусaget», 1916. На первом свободном листе. — Собрание В. В. Витт (Москва).

К. Лабутину.

А л. Б л о к

На кн.: «Стихотворения. Книга первая». М., «Мусaget», 1916. На первом свободном листе. — Собрание В. В. Витт (Москва).

К. Лабутину.

А л. Б л о к

На кн.: «Стихотворения. Книга вторая». М., «Мусaget», 1916. На первом свободном листе. — Собрание В. В. Витт (Москва).

стр. 232

Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу —
Пуускай заманит и обманет,
Не пропадешь, не сгинешь ты.

Александр Блок

18 X 1908 — 20 I 1918

На кн.: «Стихотворения». Книга третья. М., «Мусагет», 1916. На первом свободном листе.— Собрание В. В. Витт (Москва).

Приведенное четверостишие — цитата с пунктуационными разночтениями из стихотворения «Россия» (конечные стихи из 3-й строфы и начальные — из 4-й), а двойная дата обозначает время создания стихотворения и время, когда была сделана надпись. Интересно, что Блок возвращается к своему декларативному стихотворению «Россия» в дни, когда он работал над поэмой «Двенадцать» (8—23 января 1918 г.).

Об этой надписи Лабутин вспоминал в письме от 18 апреля 1930 г. к Пинесу: «Не забыли ли Вы мою просьбу относительно надписи на 3-ей кн<иге> Блока (маленькое изд<ание> «Мусагет»)» (ЦГАЛИ, ф. 391, оп. 1, ед. хр. 126, л. 5 об.). В чем заключалась эта просьба — неясно.

С. К. ЛАБУТИНУ

Сергею Карповичу Лабутину
с искренним уважением
и приветом
от автора

А л . Б л о к

Март 1920 г.

На кн.: «Стихи о России». П., изд. журн. «Отечество», 1915. На первом свободном листе.— Собрание М. Емельянова (Херсон).

Надпись приведена в «Книжном обозрении», 1980, № 42, 13 октября.

Сергей Карпович *Лабутин* (ок. 1866—ок. 1936)—сосед Блока по дому (Офицерская, 57), отец К. С. Лабутина, служащий государственных банков, был связан с музыкально-театральными кругами, впоследствии — антрепренер. С Блоком, по-видимому, познакомился в начале войны, в июле — августе 1914 г., когда поэт недолго работал в районном комитете попечительства о бедных, а Лабутин в это время служил в Совете 6-го городского попечительства (об этой деятельности Блока см.— ЗК, 235—237, 240; в кн. М. А. Бекетовой «Александр Блок», с. 197; в воспоминаниях М. Дубянской «Закат на Лопцмановском острове» — «Аврора», № 12, с. 64—67; в статье В. Сажина «Память» — «Звезда», 1980, № 10, с. 186).

А. Н. ЛАВРЕНТЬЕВУ

Андрею Николаевичу
Лаврентьеву
с искренним уважением
и приветом.

А л е к с а н д р Б л о к

Июль 1919

На кн.: «Театр», М., «Мусагет», 1916. На первом свободном листе.— ГЛМ.

Андрей Николаевич *Лаврентьев* (1882—1935) — член режиссерского управления, актер и режиссер Большого драматического театра. См. о нем в ст. Т. Бережного «Энтузиаст театра. (Памяти А. Н. Лаврентьева)». — «Рабочий и театр», Л., 1935, № 13, с. 16—17.

Блок был непосредственно связан с Лаврентьевым во время своей работы в БДТ (1919—1921), в этот период имя Лаврентьева неоднократно упоминается в дневниках и записных книжках Блока. В дневнике поэта сохранился черновик («проект») его письма к Лаврентьеву (и А. И. Гришину) от 1 марта 1921 г. (VII, 406) с просьбой освободить его от звания «председателя управления» театра (письмо отправлено не было). По свидетельству М. А. Бекетовой, Лаврентьев, наряду с Гришиным и Бережным, принял действительное участие в оказании помощи Блоку во время его последней болезни (М. А. Бекетова. Александр Блок, с. 297). В архиве Блока сохранилось 4 письма Лаврентьева к нему, в основном делового характера (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 303, л. 1—4).

По-видимому, кроме книги «Театр», Блок в этот же день, 17 июля 1919 г., подарил Лаврентьеву и «Песню Судьбы» (см. неопубликованную запись Блока от 18 июля 1919 г. — ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 365, л. 50 об.; а также комментарии к надписи А. И. Гришину).

К. И. Чуковский в своих воспоминаниях о Блоке привел знаменательные слова о нем Лаврентьева: «Актеры любили своего вдохновителя. „Блок — наша совесть“, — говорил мне режиссер А. Н. Лаврентьев» (К. Чуковский. Современники. М., 1967, с. 291).

Рассказ Лаврентьева о совместной работе с Блоком приводит в своих мемуарах В. Рафалович: «С благоговением говорил он о Блоке, с которым сблизился в тяжелом 1919 году, в период создания Большого драматического театра. Блок, по словам артиста, очень быстро очаровывался и разочаровывался и больше всего ненавидел скуку. Вообще же его привязанности и пристрастия были необычайно многообразны. Он любил живые цветы и запахи духов, глубоко переживал, сидя на представлении трагедии, и мог часами слушать куплетистов. Театром поэт увлекался страстно и часто требовал от искусства сцены гораздо большего, чем оно в состоянии дать. «Мы не куплетисты и не поэты», — сокрушенно произнес Андрей Николаевич. — «Блоку было тяжело с нами». Неожиданно лицо его стало строгим. Сделав паузу, как бы недовольный случайно вырвавшимся каламбуром, он, подняв на меня свои серые, безбровые глаза, с грустью в голосе добавил: «Мы слишком земные люди для человека таких возвышенных чувств, как Блок. Он заботился не только о чистоте наших душ. Блок был совестью нашего театра» (В. Рафалович. Весна театральная. Л., 1971, с. 77).

А. Г. ЛАРОШ

Многоуважаемой
Анастасии Германовне
Ларош.

От автора

Январь 1919

На отд. оттиске драмы «Роза и Крест»
(альм. «Сирин», I, Спб., 1913) — ГМИИ.

Анастасия Германовна Ларош (1880—
1932) — актриса, дочь известного музы-
коведа Г. А. Лароша; в 1918—1919 гг. была
секретарем репертуарной секции Театраль-
ного отдела Наркомпроса в Петрограде.
Сохранилось 10 писем и записок Блока к
ней — по большей части служебного ха-
рактера (ИРЛИ).

Н. О. ЛЕРНЕРУ

Многоуважаемому
Николаю Осиповичу
Лернеру
на добрую память

Александр Блок

Январь 1919

На кн.: «Двенадцать». Изд. 3-е. П.,
«Алконост», 1918. На шмуцтитуле. — ГЛМ.

Николай Осипович Лернер (1877—1934)
— историк литературы, пушкинист. Го-
товил к печати (вместе с Венгеровым)
блоковские комментарии к юношеским сти-
хам Пушкина для «Библиотеки великих
писателей» (см. «Лит. архив», I, М., 1938,
с. 353). Позже, в 1918—1920 гг., Блок
работал вместе с Лернером в Литератур-
ном отделе Наркомпроса и во «Всемирной
литературе». Во вступительной заметке
Блока к вышедшим под его редакцией
«Избранным сочинениям» М. Ю. Лермон-
това (1921) выражается благодарность Лер-
неру за помощь в сверке текстов.

Дата дарения уточняется пометой в за-
писной книжке от 21 января 1919 г.:
«...Лернеру — автограф Менделеева и мой
и „Двенадцать“» (ЗК, 466; Лернер коллек-
ционировал автографы выдающихся лю-
дей).

Николаю Осиповичу
Лернеру

с искренним уважением

автор.

Май. 1919

На кн.: «Катилина». П., «Алконост»,
1919. На авантитуле. — ГЛМ.

Лернер поместил в «Жизни искусства»
(1919, № 145—146, 24—25 мая) рецензию
на «Катилину» Блока. В этой рецензии,
в частности, говорится: «Чего хочет (...)
автор? Его, как поэта, пленяет полновод-
ное течение жизни. (...) улыбка Клео-
патры и порыв Катилины в глазах поэта

равноценны, к моральному и эстетическо-
му принципам он относится одинаково —
быть может, одинаково равнодушно... Но
это лишь свидетельствует о его художест-
венно-психологической объективности, и мы
узнаем автора «Двенадцати» в характерис-
тике прирожденного революционера (...),
не народолюбца, не теоретика, а существа,
обуреваемого духом революции».

Многоуважаемому соседу
по всемирно-литературному стулу —
Николаю Осиповичу
Лернеру —
от сочинителя.

Август 1919

На кн.: «Песня Судьбы». П., «Алконост»,
1919. На первом свободном листе. — ГЛМ.
Напечатано в журн. «Простор», 1970, № 3,
с. 98.

Блок имеет в виду совместное с Лерне-
ром присутствие на заседаниях в изда-
тельстве «Всемирная литература». В бума-
гах поэта сохранились шуточные стихо-
творные записки Лернера к нему, написан-
ные на этих заседаниях:

«1. Из Блока.

Здесь чепуха цветет и движет
13 праздных языков,
И каждый глупости здесь нижет
От 3 вплоть до 5 часов».

Записка снабжена пометой Блока:
«Н. Лернер в заседании Всеми(рной) ли-
тературы. 30.IX.1919». Лернер травести-
рует начало стихотворения Блока «Тишина
цветет» («Здесь тишина цветет и дви-
жет...» — II, 114).

«2. Коллегиальность.

Компания — ваш идеал,
Его не знало время оно...
Блок, как ты много потерял,
Творя стихи без компаньона!
Отныне истину пойми, —
Коль хочешь быть в стихах красивым,
Скорей подручного найми:
Ведь сам Шекспир был коллективом.

Спб., 7/20 января 1920»

(ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 489)

Николаю Осиповичу Лернеру
с уважением и приветом
от автора.

Ал. Блок

XII.1920

На кн.: «Седое утро». П., «Алконост»,
1920. На авантитуле. — ГЛМ.

Дата дарения уточняется пометой Блока
в записной книжке: «...«Седое утро» —
Лернеру» (запись от 21 декабря 1920 г. —
ЗК, 510).

Многовещному союзу
по всемирно-литературному
союзу —
Николаю Осиповичу
Лернеру —
(это сочинитель)
Август 1919.

БЛОК. ПЕСНЯ СУДЬБЫ. Пб. «АЛКОНОСТ», 1919

Обложка (литография по рисунку А. Я. Головина) и дарственная надпись Блока Н. О. Лернеру
Литературный музей, Москва

А. Е. ЛОЗИНСКОЙ

Милой сестре Асе.

Александр Блок

4 марта 1908.СПБ.

На кн.: «Лирические драмы». СПб., «Шиповник», 1908. На обороте авантюла.— ГЛМ.

Анна Евгеньевна (Ася) Лозинская (в замужестве Стратоницкая, 1889—1952) — дальняя родственница поэта, племянница Ф. Ф. Кублицкого-Пиотух, автор воспоминаний о Блоке.

В гимназические годы Блок часто проводил время с Асей Лозинской (и ее братом). Об этом вспоминает М. А. Бекетова: «Саша сблизился с двоюродными братьями Феродем и Андрюшей. Тогда появились (...) брат и сестра Фероля Коля и Ася Лозинские (дети их тетки), оба значительно моложе Саши. Сближение с этими детьми произошло, когда Саша уже был в гимназии. (...) Дети Лозинские в то время говорили по-французски лучше, чем по-русски. (...) Игры были чисто детские» («Александр Блок и его мать», с. 37).

Впоследствии, видимо, отношения Блока с Лозинской, как и вообще с родственниками Ф. Ф. Кублицкого-Пиотух, были не столь близкими и достаточно сдержанными. Однако Лозинская изредка навещала Блоков, главным образом, во время учебы на Бестужевских курсах, когда она жила недалеко от них. Блок упоминает ее в письмах к матери и в дневниковых записях (см., например, в письме от 12 сен-

тября 1905 г.: «Ася писала Любе, что хочет к нам придти (...). Ася, по-видимому, к нам относится сочувственно» («Письма к родным», I, с. 148, а также с. 16, 242; VII, 176, 248).

В конце лета 1905 г. Лозинская с матерью гостила неделю у Бекетовых—Блоков в Шахматове. Об этом она вспоминала: «Блок ходил в русской рубашке, иногда под вечер накидывал на плечи старенький «армячок», почему-то вызывавший негодование Любы; но когда он сидел на ступеньках веранды в этом костюме, да еще опираясь на палку — скорее «посох» — с крючком, я не могла отвести от него глаз: эллиптический пастух, да и все тут! Снял его раз в таком виде — и снимок не вышел, к моему большому огорчению. Вообще я снимала всех с усердием, как всякий новоиспеченный фотограф; и тоже, как всякий новоиспеченный фотограф, большей частью неудачно. Если бы я предвидела, что я «делаю историю», может быть, преодолела бы лень промывать негативы пять часов подряд; но я этого не предвидела, и снимки получились убогие, о чем, конечно, не перестаю жалеть.

В Шахматове жилось эту неделю очень весело. Нас, молодежи, было пять человек: Блоки, два кузена Кублицких и я. Гуляли по лесам и лугам (погода была хорошая), а вечерами играли в «буримэ», что мы все очень любили. Но, как ни странно, особенно удачных буримэ у Блока я не помню, и вся наша «поэзия» у меня не сохранилась. Сохранилось в памяти только одно четверостишие А. А., но не буримэ, а «к случаю». Будущий биограф Блока, Мария Андреевна

Бекетова, очень любившая музыку, часто играла по вечерам на рояле, и особенно охотно и часто Баха. А. А. совершенно был равнодушен к музыке, уверял, что абсолютно лишен слуха (хотя впоследствии увлекался Вагнером). И вот по этому случаю он написал:

Не мороз дерет по коже,
Вызывая боль в зубах...
Тетья, тетя! Для кого же —
Уж не для меня ли Бах?!...»

(см.: В. Е. и Ш. Е. р. л. о. в. Александр Блок. Звенья памяти. — «Огонек», 1977, № 33, с. 22). Фотографии поэта, о которых вспоминает Лозинская, пока неразысканы.

Сборник «Лирические драмы» вышел в конце февраля 1908 г. Блок подарил его Лозинской сразу после выхода — 4 марта. Как свидетельствуют собранные инскрипты, в те же дни Блок послал эту книгу Брюсову, Вяч. Иванову, Е. Иванову, Ремизову, Сологубу, Сомову, Чулкову. Таким образом, Лозинская неожиданно попала в число близких друзей и литературных сподвижников поэта — тех, кому Блок дарил свои книги в первую очередь (разумеется, здесь речь идет только о выявленных адресатах).

В том же, 1908 г. — 18 декабря — Лозинская присутствовала в доме Блоков на чтении поэтом в узком кругу драмы «Песня Судьбы», об этом Блок сообщил матери в письме от 22 декабря (см. также письмо Л. Д. Блок к А. А. Кублицкой-Пиотух от 19 декабря в публикации «Блок в неизданной переписке и дневниках современников»).

В. В. МАКСИМОВУ

Владимиру Васильевичу
Максимову
с искренним уважением
и приветом
от автора.

Май 1919

На кн.: «Стихотворения. Книга вторая». П., «Земля», 1918. На авантитуле. — ГЛМ.

Владимир Васильевич Максимов (1878—1937) — драматический актер.

В. В. МАЯКОВСКОМУ

⟨Владимиру Маяковскому,
о котором в последнее время
я так много думаю.

Александр Блок.

30 октября 1916 года. СПб.⟩

О реконструкции текста инскрипта см. вступительную статью. Надпись была сделана, видимо, на одной из книг четырехтомного Собрания сочинений Блока, изданного «Мусагетом» в 1916 г. Приведем некоторые документы и косвенные свидетельства, по которым определяется дата встречи поэтов.

День рождения Л. Ю. Брик — 30 октября (11 ноября н. ст.) 1891 г. Встреча поэтов, как явствует из ситуации, приведенной в дневнике Чуковского, могла произойти не ранее осени 1915, так как Маяковский познакомился с Л. Ю. Брик в июле 1915 г., и не позднее октября — ноября 1918 г., так как в начале марта 1919 г. поэт окончательно переехал в Москву.

Сообщение Шкловского, что Блок подарил Маяковскому сборник «Седое утро» не подтверждается, потому что этот сборник вышел в свет в октябре 1920 г. Причем уже в июне 1920 г. Д. Бурлюк печатно сообщил о подаренных Маяковскому книгах. Бурлюк уехал из Москвы в начале мая 1918 г. и, значит, слышал он об этом факте не позже мая указанного года. Следовательно, исключается возможность визита Маяковского к Блоку в октябре 1918 г., и временные границы этой встречи «сужаются» до трех лет — между 1915 и 1917 гг.

Блок при его пунктуальности должен был оставить свидетельство о визите Маяковского в дневнике или записной книжке. В записи от 30 октября 1915 г. (ЗК, 273) указываются все события, происшедшие за день, но Маяковский в ней не упоминается (к тому же вечером Блок отсутствовал — был в театре). Запись Блока от 30 октября 1916 г. неизвестна, так как дневник и записные книжки, относящиеся к этому времени или не сохранились, или не велись (в октябре 1916 г. Блок приехал на месяц в отпуск в Петроград из действующей армии). Дневниковые записи и упоминания в записных книжках, относящиеся к октябрю 1917 г., также не сохранились, между тем визит Маяковского к Блоку в эти дни, очевидно, и не мог состояться, так как происходившие тогда исторические события не располагали к подобному рода посещениям.

И все же в 1916 г. Блок сделал примечательную запись о разговоре с Маяковским, но она датирована 13 июня: «Звонил Маяковский. Он жаловался на московских поэтов и говорил, что очень уж много страшного написал про войну, надо бы проверить, говорят — там не так страшно. Все это с обычной ужимкой, но за ней, кажется, — подлинное (то же, как мне до сих пор казалось)» (ЗК, 306). Слова о Маяковском из этой записи Блока, относящейся к середине 1916 г., — «подлинное (то же, как мне до сих пор казалось)» явно переключаются и близки по смыслу с его же оценкой Маяковского из дарственной записи: «о котором в последнее время я так много думаю».

Таким образом, приведенные факты позволяют считать, что встреча поэтов состоялась 30 октября 1916 г.

Как известно, Блок тщательно комплектовал свою библиотеку и приобретал почти все выходившие поэтические издания. Важно установить, какие еще книги Маяковского и сборники с его участием, кроме подаренных им с надписями поэм «Облако

в штанах» и «Флейта-позвоночник», были в личной библиотеке Блока.

Так как в 1918—1920 гг. Блок частично распродал свою библиотеку, то сведения взяты из каталога, составленного самим поэтом (ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 388). До описанного выше визита Маяковского к Блоку, т. е. до 30 октября 1916 г., в его библиотеке находились следующие книги: сборники «Пощечина общественному вкусу» (1912); «Садок судей II» (1913); трагедия «Владимир Маяковский» (1914); «Стрелен I» (1915); «Взял» (1915); первая брошюра о нем А. Крученых «Стихи В. Маяковского. Выпыт» (1914). Некоторые книги были приобретены уже после визита: «Чудо в пустыне» (1917); «Мистерия-буфф» (1918); газета «Искусство коммуны» (1918—1919), в которой поэт принимал деятельное участие; а против указания названия итогового сборника «Все сочиненное Владимиром Маяковским» (1919) — примечательная неизданная помета Блока: «<...> удалось достать в «Книжном угле» 9.XII.1919» (там же, л. 119 об. — «Книжный угол» — магазин, наб. Фонтанки, 5).

О своих взаимоотношениях сами поэты писали неоднократно, по данной теме существует обширная исследовательская литература. Интересный разговор с Маяковским о Блоке приводит А. К. Gladkov: «Осенью 1929 года я спрашивал ночью у ныне снесенной Китайгородской стены В. В. Маяковского (я провожал его домой из редакции «Комсомольской правды»), не является ли доказательством моего внутреннего надлома и органической нецельности мировоззрения то, что одновременно люблю его стихи и стихи Блока. Он ответил мне, что и сам любит Блока, и даже прочитал наизусть «Шаги командора». Мне это тогда не показалось убедительным, потому что я усердно читал теоретические статьи в журнале «Новый Леф», и даже самого Маяковского я заодозрил в порок, которого стыдился в себе. <...> Теперь Блок и Маяковский стоят у нас на одной книжной полке. Мы не стали всеядными эклектиками, но время и история все настоящее и живое всегда сближают, а не отделяют» (А. Г л а д к о в. Театр. Воспоминания и размышления. М., 1980, с. 98).

В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ

Многоуважаемому и милому
Всеволоду Эмильевичу
Мейерхольду.

Александр Блок

24.IV.07.СПБ

На кн.: «Снежная маска». СПб., «Оры», 1907. На авантитуле. — ГПБ, ф. 77, ед. хр. 11. Надпись опубликована в каталоге «Рукописи А. А. Блока». Л., 1970, с. 47.

Всеволод Эмильевич Мейерхольд (1874—1940). Тема «Блок и Мейерхольд» — одна из важных, но до сих пор недостаточно раз-

В. В. МАЯКОВСКИЙ.

А Блоку

13 марта 1916

*расписка —
идеальной любви к его слову*

ОБЛАКО В ШТАНАХ.

ТЕТРАПТИХ.

В. В. МАЯКОВСКИЙ. ОБЛАКО В ШТАНАХ.
Пб., 1915

Титульный лист с дарственной надписью
В. В. Маяковского Блоку: «А. Блоку В. Маяковский расписка — вседневной любви к его слову»

Институт русской литературы АН СССР,
Ленинград

работанных. Из последних статей см. К. Л. Р у д н и ц к и й. «И взрывы сил и крайность мнений» («Театр», 1980, № 11, с. 34—45). Недавно были опубликованы письма Блока к Мейерхольду («Новый мир», 1979, № 4, с. 160—166 — публикация В. П. Енишерлова) и ответные письма режиссера к поэту (В. Э. Мейерхольд. «Переписка», см. имен. указ. — публикация М. В. Чарушиковой). О постановке «Балаганчика» в 1906—1907 гг. (этапной в творчестве Мейерхольда, и по слову Блока — «идеальной»), а также о постановке этой же драмы и «Незнакомки» в 1914 г. см. в «Воспоминаниях» В. П. Веригиной (Л., 1974), о взаимоотношениях режиссера и поэта см. в публикации С. В. Белова «С. М. Алянский о Мейерхольде и Блоке» («Блоковский сб.», 3, с. 165—168).

А. К. Gladkov, драматург и ученик Мейерхольда, 23 ноября 1972 г. записал в своем дневнике: «Читаю разное по Блоку. Не написал ли этюд «Блок и Мейерхольд»? Высказанное до сих пор на эту тему одностороннее и не объективно. Так, например, «Записные книжки», опубликованные в девятом, дополнительно, томе собрания сочинений, почти не использованы, а интереснейшее как раз там». — А. Г л а д к о в. Театр, с. 57).

Гладков упоминает, что видел у Мейерхольда книги с надписями Блока (там же, с. 110).

Сохранились далеко не все блоковские книги, подаренные режиссеру. В их числе первая книга «Собрания стихотворений» (см. его письмо Блоку от 16 мая 1911 г. — В. Э. Мейерхольд. «Переписка», с. 132 (с неверной датой); сб. «Ночные часы» (см. письмо от 20 ноября 1911 г.: «Книгу получил. Я говорю о «Ночных часах» любимого моего поэта. Спасибо, дорогой Александр Александрович!» — там же, с. 141), а также книга «Театр» (1916), в которой драма «Балаганчик» напечатана с посвящением В. Э. Мейерхольду; это издание, несомненно, имело и рукописное посвящение-надпись. См. об этом в письме Блока от 10 февраля 1914 г.: «Позволите ли Вы мне посвятить Вам «Балаганчик». Он, конечно, давно уже Ваш, но в новом издании, которое может быть, будет осенью, я хотел бы это отметить» («Новый мир», 1979, № 4, с. 163). 12 февраля Мейерхольд отвечал: «Прежде всего благодарю за «Балаганчик». Можно ли спрашивать? Счастье мое очень велико и увидеть свою фамилию в строчке посвящения от Вас и на «Балаганчике», который доставил мне когда-то такую радость... Крепко целую Вас и буду ждать с нетерпением, когда придет этот подарок: второе издание любимого «Балаганчика»» («В. Э. Мейерхольд. Переписка», с. 231).

В личной библиотеке Блока сохранилась книга В. Э. Мейерхольда «О театре» (1913) с его дарственной надписью: «Автору «Балаганчика» с любовью. Вс. Мейерхольд. СПб., 1912, 20 декабря».

Об истории публикуемых здесь первых надписей Блока — на сборнике «Снежная маска» и фотографии — см. во вступительной статье.

Всеволоду Мейерхольду

Александр Блок

На фотографии: Блок (раб. Д. Здобнова), 1907. На лицевой стороне. — ГТЦМ. Фотография воспроизведена в кн.: В. Э. Мейерхольд. «Переписка», между с. 352—353, № 11; ЛН, т. 89, с. 250.

Надпись на фотографии датируется 1 мая 1907 г. — об этом см. во вступительной статье.

Всеволоду Эмильевичу

Мейерхольду

с душевным приветствием

Ал. Блок

Апрель 1912

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга третья. Снежная ночь». М., «Мусaget», 1912. На авантитуле. — Собрание Л. А. Глезера (Москва).

Эта надпись была сделана Блоком, вероятно, между 9 и 11 апреля 1912 г.: см. его письма к матери, в которых он сообща-

ет, что надписал книги различным адресатам, в том числе и Мейерхольду («Письма к родным», II, с. 194—195).

Дорогому
Всеволоду Эмильевичу Мейерхольду
с сердечным приветом

А. Б.

VII 1918

На кн.: «Соловьиный сад». П. «Альконост», 1918. На авантитуле. — ГПБ, ф. 77, ед. хр. 13. Текст надписи напечатан в «Лит. России», 1967, № 38, 15 сентября.

Эта надпись сделана, видимо, 30 июля 1918 г. См. запись Блока, помеченную этим днем: «В бюро. (...) Всем — «Соловьиный сад» (ЗК, 418). (Мейерхольд в этот период был заместителем заведующего ТЕО Наркомпроса и членом бюро репертуарной секции).

Дорогому Всеволоду Эмильевичу
Мейерхольду
с приветом.

А. Б.

II. 1919

На кн.: «Катилина». П. «Алконост», 1919. На авантитуле. — ГПБ, ф. 423, ед. хр. 950. Сохранился только лист с надписью, книга утрачена.

Надпись приведена в каталоге «Рукописи А. А. Блока», с. 47.

А. Ф. МЕЙСНЕРУ

Многоуважаемому

Александру Федоровичу Мейсн(еру)

Александр Блок

IX.07. СПБ

На кн.: «Стихи о Прекрасной Даме». М., «Гриф», 1905 [1904]. На титульном листе. — ГЛМ.

Александр Федорович Мейснер (1865—1922) — поэт, член кружка «Вечера Случевского», автор нескольких сборников («Стихотворения», 1896; «Пагриотические песни на русско-японскую войну», 1904; «Загадка», 1906; «Стихи последних лет», 1909; «Листья», 1912; «В паутине религии», 1915), печатался в «Вестнике Европы», «Севере», «Наблюдателе», «Мире божьем», «Свете», «Южных записках» и других периодических изданиях.

О личных отношениях между поэтами почти ничего не известно. Это литературное знакомство Блока было достаточно ранним. Любопытно, что одним из литературных «крестных отцов» Мейснера (см. его «Автобиографию» — ЦГАЛИ, ф. 1799, оп. 1, ед. хр. 1) был редактор «Мира божьего» В. П. Острогорский, который, как известно, отверг первые стихи

Блока (VII, 14). В архиве Блока сохранились 4 письма Мейснера, ответные письма Блока утрачены. В первом письме от 14 ноября 1907 г. Мейснер высказывает взгляды на «новую поэзию» и свое отношение к стихам Блока, из этого же письма следует, что, кроме сборника «Стихи о Прекрасной Даме», Блок подарил Мейснеру еще одну книгу («Нечаянную радость» или «Снежную маску»): «Глубоко сожалею, что Вы не застали меня тогда, давно, на Пушкинской. Давно прочел обе Ваши книжки. Есть прекрасные строчки и целые стихотворения, и целые страницы. <...> В последние годы я и сам увлекался джадетством, но это прошло. <...> Почему от стихов новой школы не замечаешь в пути, под звон колокольчика? Почему не так скоро запомнишь их? Простите, что я так непрощенно высказываюсь. У меня явилось внезапное желание написать эти строки поэту с именем, врожденный талант которого, по-моему, все-таки выше того, что у него до сих пор появилось в печати. Есть стихи прекрасные, но они были бы еще прекраснее, если бы были вдвое проще, вдвое яснее и, пожалуй, вдвое шаблоннее по форме, — вернее, по форме были бы менее оригинальны» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 328, л. 1—2).

19 марта 1912 г. Мейснер послал Блоку пятую книгу стихов «Листья» (см. его письмо, помеченное этой датой, — там же, л. 3; эта книга и «Стихи последних лет» находились в Шахматовской библиотеке поэта — см. «Уч. зап. Тартуского ун-та» вып. 358, 1975, с. 408), однако такой казался бы общепринятый в литературном кругу поступок вызвал у Блока резкий отклик. На следующий день, 20 марта, он написал в дневнике: «Оттого ли, что стихи мои появились в «Знании» и будут в «Заветах» — только последние дни замечается приток разных присылаемых мне сборников стихов (Ада Чумаченко, Шульговский, Мейснер...). Как все-таки люди постоянно держат нос по ветру» (VII, 135).

В 1907 г. Блок относился к Мейснеру достаточно благожелательно, как свидетельствует сама дарственная надпись на сборнике «Стихов о Прекрасной Даме», книге, которую он дарил только «избранным». Но через 12 лет (в марте 1919 г.) Блок в своем отзыве на предполагавшееся издание полного собрания стихотворений Мейснера, подводящее итоги его тридцатилетнему литературному пути, полностью зачеркнул все его творчество, и отнес его стихи к разряду «милых для домашнего обихода»: «Мейснер — потомок капитана Лебядкина и предок Игоря Северянина: по всякому поводу может сейчас же принять позу, произнести и записать стишок. <...> Многое совсем не бесталанно, но это — не поэзия, а так — русское, бытовое. <...> Я бы не стал издавать. <...> Мейснер — не поэт, а бытовое явление» (VI, 338, 340; об отношении Блока к «стихам» капитана Лебядкина см. в воспоминаниях Вас. В. Гиппиуса «Встречи с Блоком». — «Ленинград», 1941, № 3, с. 20).

Мейснер расценил отзыв Блока как слишком пристрастный, о чем сообщил самому поэту в письме от 29 марта (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 328, л. 4) и в прошении, направленном в Союз деятелей художественной литературы: «Прошу не отказать в передаче стихов другим литераторам, по возможности состоящим вне партий и школ» (ЦГАЛИ, ф. 1799, оп. 1, ед. хр. 5, л. 1).

Характерно, что в 1920 г., узнав о бедственном положении Мейснера, Блок ходатайствовал перед Литфондом об оказании ему помощи. В письме от 22 августа 1920 г. Мейснер благодарит Блока за участие и отмечает: «Вы, да Федор Кузьмич <Сологуб>, да Тэффи моему поэтическому чувству роднее всех современных поэтов» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 328, л. 5).

И. Д. МЕНДЕЛЕЕВУ

Ивану Менделееву —

— Александр Блок

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга вторая. Нечаянная радость». М., «Мусaget», 1912. На авантитуле. — Собрание Д. Е. Максимова (Ленинград).

Иван Дмитриевич Менделеев (1883—1936) — физик и математик, автор нескольких книг по философии, брат Л. Д. Блок. Книга была подарена, видимо, 29 января 1912 г. — этим днем поэт пометил в дневнике визит к нему И. Д. Менделеева (ЗК, 128). С братом жены Блока связывали многолетние дружеские отношения, особенно тесными они были в ранний период жизни. Блок посвятил ему два стихотворения — «Был вечер яростно багровый...» (1902) и «Заключение спора» (1903).

Д. С. МЕРЕЖКОВСКОМУ

Дмитрию Сергеевичу
Мережковскому

автор.

1911

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусaget», 1911. На авантитуле. — ГЛМ.

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865—1941) — поэт, прозаик, философ, литературовед. Об отношении Блока с ним см. статью З. Г. Мицк «Блок и русский символизм» (наст. том, кн. 1).

Э. К. МЕТНЕРУ

Эмилию Карловичу Метнеру
в знак сердечной признательности
и глубокого уважения

Александр Блок

1911

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусaget», 1911. На авантитуле. — ГБЛ.

Надпись напечатана в каталоге «Прижизненные издания Александра Александровича Блока». М., 1980.

Эмилий Карлович Метнер (1872—1936) — музыкальный критик и руководитель издательства «Мусaget». Еще до выхода «Стихов о Прекрасной Даме» он был, по словам А. Белого, «большим почитателем» поэзии Блока («Записки мечтателей», 1922, № 6, с. 94), а став цензором в Нижнем Новгороде, способствовал прождению первого сборника Блока через цензуру. Лично с Блоком он познакомился в ноябре 1910 г. В 1911—1912 гг. руководимое Э. К. Метнером издательство «Мусaget» выпустило в свет три тома собрания стихотворений Блока и сборник «Ночные часы». Подробнее о контактах Блока с Э. К. Метнером см.: Н. А. Фрумкина, Л. С. Флейшман. А. А. Блок между «Мусagetом» и «Сирином» (Письма к Э. К. Метнеру. — «Блоковский сб.», 2, с. 385—397).

Второе издание «Стихов о Прекрасной Даме» вышло в мае 1911 г. Блок писал 8 мая 1911 г. А. Белому: «Видел ли Ты мою книгу? Пошлю Тебе ее в Луцк, я еще не получил ее (все экземпляры). По-моему, издано превосходно — скромно, книжно, без всякого надоевшего декадентства» (VIII, 337). Ровно год спустя, когда все четыре книги Блока были уже изданы Э. К. Метнером, поэт писал ему: «...за многое — спасибо, хотя и запоздалое: <...> за то, как издал «Мусaget» мои стихи» («Блоковский сб.», 2, с. 390). Возможно, дарственные надписи Э. К. Метнеру имелись и на других подаренных Блоком книгах — так, 27 декабря 1912 г. Блок послал Метнеру (и его племяннику А. Сабурову — см. ниже) свои стихи для детей «Круглый год» и «Сказки». В архиве Блока сохранился авантитул книги Метнера, выпущенной под псевдонимом Вольфинг, — «Модернизм и музыка» (М., «Мусaget», 1912) с дарственной надписью: «Александр Александровичу Блоку с чувством восхищения и любви. Э. Метнер. Май 1912 г.» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 331, л. 31).

Глубокоуважаемому и дорогому
Эмилию Карловичу Метнеру
Александр Блок

Ноябрь 1911

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусaget», 1911. На титульном листе. — ГБЛ. Надпись приведена в каталоге «Прижизненные издания Александра Александровича Блока», с. 18.

В. Д. МИЛИОТИ

Многоуважаемому
Василию Дмитриевичу Милиоти
искренне преданный

Александр Блок

СПб. IX. 07

На кн.: «Нечаянная радость». М., «Скорпион», 1907. На шмуцтитуле. — Собрание Э. И. Григोलюка (Москва).

Василий Дмитриевич Милиоти (1875—1943) — живописец и график, сотрудник символистских журналов «Весь» и «Золотое руно». Сборник «Нечаянная радость» был оформлен виньетки работы Милиоти. В письме к М. Ф. Ликиардопуло, секретарю издательства «Скорпион», выпустившего этот сборник, от 1 октября 1906 г. Блок одобритительно отозвался об этих виньетках (ИМЛИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 39, л. 1—2).

С. В. Д. Милиоти связан важный факт в биографии М. И. Цветаевой: при его посредничестве дочь Цветаевой передала ее стихи Блоку 14 мая 1920 г. в Доме искусств (Москва) — см. А. Эфрон. «Страницы воспоминаний». — «Звезда», 1973, № 3, с. 176.

Н. Ф. МОНАХОВУ

Николаю Федоровичу Монахову
с искренним уважением
и приветом

от автора.

Октябрь 1919

На кн.: «Театр». М., «Мусaget», 1916. На первом свободном листе. — Собрание С. М. Тарасенкова (Краснодар).

Николай Федорович Монахов (1875—1936) — артист оперетты и драмы; один из организаторов и ведущих артистов Большого драматического театра.

Знакомство Блока с Монаховым и тесные творческие контакты относятся к 1919—1921 гг., периоду их совместной работы в БДТ. Имя Монахова неоднократно упоминается в дневниках и записных книжках поэта. Дата надписей на книгах, подаренных Монахову, уточняется пометой Блока в записной книжке от 22 октября 1919 г.: «Монахову мои книги» (ЗК, 478).

Об отношении Блока к Монахову свидетельствует Чуковский: «<...> любить Монахова научил меня покойный Александр Блок, который в последние годы жизни почувствовал в Монахове брата по искусству» (сб. «Дела и дни Большого драматического театра». Л., 1926, № 2, с. 62). Подробнее об этом он рассказал в своих воспоминаниях о Блоке: «Мы чтили его <Блока> по третьей заповеди», — сказал знаменитый артист Н. Ф. Монахов. Блок чувствовал, что эта любовь непритворна, предпочитал среду актеров литературной среде. Особенно любил он Монахова. «Это великий художник, — сказал он мне во время поездки в Москву (в устах Блока то была величайшая похвала, какую может воздать человек человеку). — Монахов — железная воля. Монахов — это — вот» (и он показал крепко сжатый кулак)» (К. Чуковский. Современники. М., 1967, с. 291).

22 января 1921 г. в юбилейном приветствии Монахову в связи с его двадцатипятилетним «служением театру» Блок сказал: «Работающие рядом с вами понимают и, поверьте, умеют ценить, что вы, будучи большим артистом, кроме того — и мастер; то есть знаете приемы работы от простых ремесленных до самых сложных и владеете этими приемами; вы по своей воле оковали самого себя железной дисциплиной; вы не снимаете того тяжелого панциря, под которым бьется ваше артистическое сердце; вы умеете носить этот тяжкий панцирь так, что посторонним он кажется легким, и только близко к вам стоящие могут видеть, как он тяжел» (VI, 421; см. также — ЗК, 400).

Столь высокая оценка Монахова, «артиста и мастера» и «неподдельная любовь» к его «дару» особенно примечательна потому, что именно в это время Блок, не умеющий говорить неправды, отметил в дневнике «отвратительное поведение» Монахова в конфликте, происшедшем в театре (см. его записи от 13 декабря 1920 г. и 10 января 1921 г. — VII, 384—387, 396).

Сам Монахов в воспоминаниях, написанных в 1930-е годы, писал о встречах с поэтом: «Мне пришла в голову мысль организовать у себя «питательную» коммуны. В эту коммуну вошли Г. В. Музалевский, Н. А. Рыболовлев и Г. М. Мичурин. Все мы соединили наши пайки, а моя жена Ольга Петровна была главным кулинаром в коммуне. (...) «Питательная коммуна» существовала больше года. Как-то мы пригласили к обеду и Блока. Блоку понравилась, очевидно, обстановка нашей коммуны, и он время от времени стал приходить к нам, главным образом, после спектакля. Мне казалось, что и тогда Блок уже мертвец, у него появлялась какая-то протрация, которую я называл «мерихлюндией». Я всячески старался эту мерихлюндию развеять. Мои «коммунары», жившие далеко от меня, после ужина отправлялись домой, а Блок, живший значительно ближе, на Пряжке, оставался. Оставшись с ним вдвоем, я, по его просьбе, демонстрировал ему многие номера из оперетт и много рассказывал о своей опереточной жизни. Порой мне удавалось добиться того, что Блок по-детски смеялся и веселился. Так мы с ним проводили время до трех-четырех часов утра» (Н. Ф. Монахов. Повесть о жизни. Л.— М., 1961, с. 175).

Глубокоуважаемому
Николаю Федоровичу Монахову
от искреннего почитателя
его таланта.

Ал. Блок

Октябрь 1919

На кн.: «Стихотворения. Книга третья». М., «Мусагет», 1916. На первом свободном листе.— Собрание С. М. Тарасенкова (Краснодар).

П. О. МОРОЗОВУ

Глубокоуважаемому
Петру Осиповичу Морозову
на память.

Александр Блок

Январь 1919 г.

На кн.: «Театр». М., «Мусагет», 1916. На первом свободном листе.— ГМИЛ.

Петр Осипович Морозов (1854—1920) — историк театра, литературовед, пушкинист. Работал вместе с Блоком в Театральном отделе Наркомпроса. Блок дал высокую оценку труду П. О. Морозова «История драматической литературы и театра» (1903) в письме к автору от 12 февраля 1919 г.: «(...) имею большую потребность сказать Вам, как меня не только учит, но и радует эта книга (...) своей сжатостью, простотой, ясностью и языком. То, что мне слышится в Ваших речах о любом предмете, я нахожу и на каждой странице этой книги и для себя называю это «пушкинским» в Вас» (VIII, 519). В письме к М. Ф. Андреевой от 27 апреля 1919 г. Блок также высоко отозвался о Морозове: «(Морозова) считаю я большим мастером языка, в противоположность большинству профессоров, он действительно проникнут Пушкиным, над которым всю жизнь работал» (VIII, 522).

Петру Осиповичу Морозову
от его читателя и почитателя —
с глубоким уважением.

Александр Блок

1 марта 1919 г.

На кн.: «Двенадцать». 2-е изд. П., «Алконост», 1918. Экземпляр № 69. На первом свободном листе.— ГЛМ.

Поэма «Двенадцать» и следующая книга — «Катилина» — были подарены П. О. Морозову на «вечере Алконоста», девятымесечном «юбилее» издательства: см. об этом в записи Блока от 1 марта 1919 г. (ЗК, 451), в комментариях к надписям на книгах, подаренных в этот же вечер Р. В. Иванову-Разумнику, Н. Э. Радлову, а также в воспоминаниях С. М. Алянского «Встречи с Александром Блоком». М., 1972, с. 92—98.

Глубокоуважаемому
Петру Осиповичу Морозову
с извинением за
«сурмление бровей красной краской».

А в т о р

Вечер «Алконоста»
1 марта 1919 года

На кн.: «Катилина». П., «Алконост», 1919. На шмуцтитуле.— ГЛМ. Надпись напечатана в газ. «Лит. Россия», 1974, № 47, 22 ноября, с. 24.

Петру Осиповичу
Морозову

отъ его читателя и подписавшаго
съ глубокимъ уваженіемъ

Июль
1919.

Александръ Блокъ.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

ДВѢНАДЦАТЬ

рисунки
Ю. АННЕНКОВА

«АЛКОНОСТЬ»
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1918

БЛОК. ДВЕНАДЦАТЬ. ПБ., «АЛКОНОСТ», 1918

Титульный лист и дарственная надпись Блока П. О. Морозову
Литературный музей, Москва

Блок имеет в виду фразу из текста «Катилины»: «<...> аристократическая сволочь, сурьмившая брови красной краской <...>» (с. 44); «сурьмой» («сурмой») называлась в России черная краска для бровей, поэтому фраза Блока неточна, на что ему и указал Морозов. В морозовском экземпляре книги эта фраза подчеркнута карандашом и помечена на полях знаком вопроса.

Н. К. МУРАВЬЕВУ

Глубокоуважаемому
Николаю Константиновичу
Муравьеву
на память
Александр Блок

Ноябрь. 1917. Петербург

На кн.: «Стихотворения. Книга третья». М., «Мусагет», 1916. На первом свободном листе.— Собрание Э. И. Григолюка (Москва).

Николай Константинович *Муравьев* (1870—1936) — юрист, председатель Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.

Глубокоуважаемому
Николаю Константиновичу
Муравьеву
от преданного ему автора.

Петербург 1917

На кн.: «Стихи о России». П., изд. журн. «Отечество», 1915. На первом свободном листе.— ГБЛ. Надпись приведена в каталоге «Прижизненные издания Александр-ра Александровича Блока», с. 19.

Н. А. НОЛЛЕ-КОГАН

Н. А. Н.

Александр Блок

28 XI 1914.

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусагет», 1911. На титульном листе.— ЦГАЛИ.

Надежда Александровна *Нолле-Коган* (1888—1966). См. письма Блока к ней и ее воспоминания в кн. 2 наст. тома.

Об обстоятельствах, при которых Блок дарил Нолле-Коган книги и фотографии, см. в другой редакции ее мемуаров в сб. «Александр Блок в воспоминаниях современников», М., 1980, т. 2, с. 361—378; а также в специальной записке, сделанной ею в 1950-е гг., поясняющей некоторые надписи поэта (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 96а).

О книге «Ночные часы» Нолле-Коган пишет: «28 ноября 1914 года мы встретились в первый раз <...> Когда я уходила, Блок положил мне в муфту сборник своих стихов «Ночные часы» (сб. «Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 2, с. 362, 364).

Надежде Александровне

Нолле

Александр Б л о к

Август 1918

На кн.: «Соловьиный сад». П., «Алконост», 1918. На авантитуле.— ЦГАЛИ.

26 августа 1918 г. Блок отметил в записной книжке визит к нему Нолле-Коган (ЗК, 423). Вероятно, в этот вечер он и подарил ей свой первый сборник, вышедший в «Алконосте».

Надежде Александровне Коган, хотя надеюсь, что карточка не похожа, а костюм — позорный (милитаризм!).

Ал. Б л о к. X 1918

На фотографии: Блок, 1916. На паспарту.— ЦГАЛИ. Фотография воспроизведена в кн.: «Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог», т. 1, М., 1975, с. 490.

Блок послал Нолле-Коган вместе с короткой запиской свою старую фотографию, запечатлевшую его в военной форме (см. наст. том, кн. 2, с. 327, 328), вероятно, 17 октября 1918 г. Дата отправления, а следовательно и инскрипта, условно определяется по его записи, помеченной этим днем: «Письма (заказные) к <...> Нолле» (ЗК, 431).

Надежде Александровне с просьбой не сердиться — от усталого автора.

Александр Б л о к

Январь 1919

На кн.: «Двенадцать». Изд. 2-ое. П., «Алконост», 1918. Именной экземпляр. На первом свободном листе.— ЦГАЛИ.

16 мая 1918 г. Блок отметил в записной книжке: «Письмо от m(ada)me Коган (просит «Двенадцать» и предлагает продовольствие)» (ЗК, 407). Эта просьба была высказана еще до выхода первого отдельного издания «Двенадцати», вышедшего 5 июня 1918 г. Послал ли Блок первое издание поэмы — неизвестно, между тем, экземпляр второго, иллюстрированного издания был специально заказан для Н. А. Нолле-Коган и на нем типографская помета: «экземпляр Надежды Александровны Нолле». Блок послал ей книгу, видимо, 20 января 1919 г., в этот день он отметил: «Заказные Нолле» (ЗК, 446). Сохранился только лист с инскриптом Блока. О своем тяжелом душевном состоянии в это время поэт пишет в письмах к ней от 3 и 18 января 1919 г. (см. наст. том, кн. 2).

Нолле-Коган вспоминала: «Надпись сделана на именном экземпляре (поэмы) «Двенадцать», изд(ание) «Алконост». Блок утверждал, что никогда больше ничего не напишет, ибо «смертельно устал». Мысль о том, что он «кончился», неустанно преследовала его в это время. Об этом говорят почти все надписи» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 96а, л. 1 об.).

Надежде Александровне Нолле еще одна старая и печальная книга.

Ал. Б л о к

Май 1919

На кн.: «Стихотворения. Книга первая», П., «Земля», 1918. На авантитуле.— ЦГАЛИ.

Эту книгу Блок подарил, видимо, 26 мая 1919 г.: в записной книжке он отметил в этот день визит к нему Нолле-Коган (ЗК, 461).

Собственность

Надежды Александровны Нолле. Нарисовано Е. С. Кругликовой 6 (19) ноября 1918 года в «Привале Комедьянтов», в присутствии Мейерхольда, Шапорина и других лиц, в пять минут, после чтения Луначарским переводов из Конрада Фердинанда Мейера.— По-моему, непохоже, а, если похоже, то очень печально.

Александр Б л о к

На обороте силуэтного портрета Блока работы Е. С. Кругликовой (1918).— Частное собрание (Москва).

С этим эпизодом связана запись Блока, сделанная 19 ноября: «<...> Мы с Любой пошли в «Привал комедиантов» слушать Луначарского. Друзья и знакомые. Радловы. Горький и Тихонов. Маяковский. Кругликова рисовала меня. Лурье. Казанский мужичок. Программа. Еда. Люба читает «Двенадцать». Профессор Святловский, восхищенный Любой. Кузьмин-Караваев. Лачинов. Альтман, Бенуа, Добужинский. Молчаливая встреча с Пястом. Ночные часы у Проинных с Луначарским и Мейерхольдом <...>» (ЗК, 436). В газетном отчете о лекции Луначарского («Жизнь искусства», 1918, № 19, 21 ноября), кроме названных Блоком лиц, упоминаются актер Ю. М. Юрьев и художник Б. Д. Григорьев.

Дата дарения уточняется по другой записи Блока, помеченной 29 мая 1919 г.: «Все утро была Н. А. Нолле, принесла портрет мой — Кругликовой, купленный ею, чтобы я подписал <...>» (ЗК, 461).

Надежде Александровне Полле
последняя книжка
в таком роде.

А л . Б л о к

IX 1919

Страницы 5—6 вырваны, чтобы
не позорить автора. А в т о р

На кн.: «Ямбы». П., «Алконост», 1919.
На авантитуле — ЦГАЛИ.

Во многих экземплярах этого сборника, подаренных Блоком, вырваны страницы 5—6 с эпиграфом из «Сатир» Ювенала («Fecit indignatio versum» — «Негодование рождает стих»), который автор ошибочно приписал Горацию. В следующем издании («Стихотворения», кн. 3, 1924) Блок исправил ошибку. Об этом подарочном экземпляре «Ямбов» поэт упоминал в письме к Полле-Коган от 7 сентября 1919 г. (см. наст. том, кн. 2, с. 340).

Дорогой Надежде Александровне
Полле,
книга моей «второй молодости»

А л . Б л о к

IX 1919

На кн.: «Песня Судьбы». П., «Алконост», 1919. На первом свободном листе.—
ЦГАЛИ.

В связи с этой книгой Полле-Коган приводит слова поэта: «„Вторую молодость“ переживал я, когда писал ее», — сказал мне Блок и прислал письмо, которое в 1921 г. просил вернуть ему» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 96а, л. 2). В ответном датированном письме (сентябрь?) Полле-Коган благодарит поэта за присылку сборника «Ямбы» и «Песни Судьбы» (ЦГАЛИ, ф. 237; оп. 2, ед. хр. 228, л. 1).

Мира восторг беспредельный
Сердцу певучему дан!
В путь роковой и бесцельный
Шумный зовет океан!
Сдайся мечте невозможной —
Сбудется, что суждено!
Сердцу закон непреложный —
Радость-Страданье одно.

Александр Блок

9 мая 1920. Москва

Разве Вам приятно, чтобы на этой
книжке было написано, что она
принадлежит Надежде
Александровне Полле?

На кн.: «Театр». П., «Земля», 1918. На
обороте форзаца и на авантитуле.—
ЦГАЛИ.

Полле-Коган пишет в мемуарах о том, что на первом выступлении поэта в Москве в Политехническом музее 9 мая ему подарили одну из его же книг: «Кто-то подарил том Блока «Театр» в издании «Земля». Книга обтянута лиловым шелком, по которому вышиты шелковые же ирисы, внутри очень своеобразные рисунки тушью. Я не умею и мне трудно передать, в чем очарование этих рисунков, но они тесно сплетены с текстом. Это находил и Блок. Книга хранится в моем архиве. Уезжая, он подарил ее мне, сделав следующую надпись «<...>» («Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 2, с. 370).

Это свидетельство Полле-Коган дополнила в пояснительной записке: «„Театр“ — эту книгу Блоку передал в день его выступления какой-то человек <в> мае 1920 г. от имени незнакомой художницы. Блок подарил ее мне, не сделав надписи, и, когда увидел, что я огорчена, написал сначала строки «Мира восторг беспредельный...», а затем, улыбнувшись, добавил «Разве Вам приятно...» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 96а, л. 2—2об.). Цитата в надписи Блока — две строфы из песни Гаэтана, «Роза и Крест», действие IV, сцена III.

На шмуцтитуле этой книги exlibris-штемпель «Кэт. Хомзе». По-видимому, выполненные карандашом и черной тушью рисунки, заставки и вишетки были сделаны начинающей художницей Екатериной Альбертовной Хомзе (1897—1955), окончившей Строгановское училище и впоследствии работавшей как книжный график и карикатурист.

Надежде Александровне
на память о московской
неделе в мае 1920 года
и о высказанных в течение
этой недели предположениях об
отдаче души и неотдаче души
различным новым знакомым и о
наблюдениях, произведенных с прин-
ципиальным беспристрастием над
тем, что беспристрастного
отношения к себе не допускает,—
и о многом прочем.

А. Б.

15.V.20

На белом листе большого формата, сложенном вдвое (вероятно, был приложен в виде надписи к подарку).— ЦГАЛИ.

С этой надписью поэта, по-видимому, связано свидетельство Полле-Коган: «Запись положена была вечером на мой стол после очень глубоко взволновавшего нас разговора. На записи лежали две розы: красная — белая» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 96а, л. 4 об.).

Надежде Александровне Нолле
еще одна вещь, из которой
должно было выйти много,
а вышло так мало.

Май 1920 г. Москва

На отд. оттиске: «Возмездие» («Русская мысль», 1917, № 1).— ЦГАЛИ.

Нолле-Коган вспоминает, что Блок подарил ей оттиск с надписью на память об одной из прогулок по Москве, когда он читал отрывки из поэмы «Возмездие» («Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 2, с. 369).

Есть слова — объяснить
не могу я,
Отчего у них власть надо мной,
Их услышав, опять
оживу я,
Но от них не воскреснет
другой.

Александр Блок

Май 1920 Москва

На кн.: М. Ю. Лермонтов. Сочинения. Изд. 7-е, вновь испр(авленное) под ред. П. А. Ефремова. СПб., т. 1—2. Изд. Глазунова. 1889 (?). Первый свободный лист.— ЦГАЛИ. Книги утрачены, сохранился только лист с надписью.

На этом же листе помета, сделанная рукой Нолле-Коган: «Надпись на книге Лермонтова, подаренная мне А. А. в память вечера у Храма Христа в мае» (ЦГАЛИ, ф. 237, оп. 2, ед. хр. 271, л. 3). Об этом она писала и в своих воспоминаниях: «Мы то говорим, то молчим. На этой скамье, в те далекие вечера он читал мне Лермонтова «Терек», Баратынского «В дни безграничных увлечений», отрывки из своей поэмы «Возмездие» и много, много стихов. На память об одной из таких прогулок он подарил мне Лермонтова в двух томах с такой надписью (...» («Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 2, с. 368—369). В пояснительной записке она дополнительно сообщала: «Оба тома пропали во время войны, лист с автографом я вырвала сама, опасаясь гибели книг» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 96 а, л. 1).

Приведенное Блоком четверостишие — цитата из стихотворения Лермонтова «К Д.» («Будь со мною, как прежде бывала...», 1831). Подарок Блока — двухтомник Лермонтова и надпись-цитата из его стихотворения — не случайны для поэта. Как известно, он на протяжении всего своего творческого пути постоянно обращался к поэзии Лермонтова, а именно весной 1920 г., незадолго до приезда в Москву, закончил (запись от 1 апреля 1920 г. — ЗК, 490) и сдал в издательство З. И. Гржебина подготовленный и отредактированный им том избранных стихотворений Лермонтова (вышел после смерти поэта — в 1921 г.). Кроме того, литературовед

И. Н. Розанов вспоминает, что в мае 1920 г. он несколько раз беседовал с Блоком о Лермонтове и просил его написать статью о нем для одного из планировавшихся московских изданий (см. И. Н. Розанов. Об Александре Блоке. — «Огонек», 1940, № 35; «Встречи» — «Лит. Россия», 1970, № 47, 20 ноября, а также его ст. «Блок — редактор поэтов» — сб. «О Блоке», М., 1929, с. 21—61).

Следует заметить, что Блок в примечаниях к стихотворению «Будь со мною, как прежде бывала...» пишет: «К поэтической мысли о речах, ничтожных по внешнему смыслу и могущественных по внутреннему, Лермонтов обращался не раз: через 10 лет в стихотворении «Есть речи...» 1840 года он дал ей бессмертие» (М. Ю. Лермонтов. Избранные сочинения в одном томе. 1814—1841. Редакция, вступительная статья и примечания А. Блока. Изд. З. И. Гржебина. Б.—П., 1921, с. 492). Эта тема Лермонтова была чрезвычайно близка самому Блоку; стихотворение Лермонтова «Есть речи, значение...», по свидетельству И. Н. Розанова, Блок вспоминал и в беседе с ним в мае 1920 г., отметив, что это «одно из характернейших лермонтовских стихотворений» не вошло в его книгу 1840 года («Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 2, с. 384).

Дорогой Надежде Александровне
на память о мае
1920 года в Москве.

Ал. Блок

На фотографии: Блок. 1919. На лицевой стороне.— ЦГАЛИ.

Эту фотографию с надписью Блок прислал в письмо от 9 июня 1920 г. (см. наст. том, кн. 2, с. 341).

Надежде Александровне Нолле
на память о петербургском
августе, не таком, как
московский май. Май был
лучше. Но надо, чтобы было еще
лучше, чем май и август.

Ал. Блок

1920

На кн.: «За гранью прошлых дней». П., изд. З. И. Гржебина, 1920. На тигульвом листе.— ЦГАЛИ.

Надежде Александровне Нолле
эта самая печальная и, может
быть, последняя «моя» книга.

Октябрь 1920

Александр Блок

На кн.: «Седое утро». П., «Алконост», 1920. На авантитуле.— ЦГАЛИ.

Об этой книге и надписи см. в воспоминаниях Нолле-Коган в наст. томе, кн. 2, с. 359—360.

Надежда Александровна Полле
от Александровича.

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал,
И дух суровый византийства
От русской церкви отлетал,
Мне голос был...

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не возмутился скорбный дух...

А. Александрович.

9 мая 1921. Москва.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ БЛОКА
Н. А. ПОЛЛЕ-КОГАН СО СТИХОТВОРЕНИЕМ
А. АХМАТОВОЙ «КОГДА В ТОСКЕ САМОУБИЙСТВА...» НА КНИГЕ А. АХМАТОВОЙ
«ПОДОРОЖНИК», Пг., 1921

Центральный архив литературы и искусства,
Москва

См. также в мемуарах Полле-Коган
«Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 2, с. 375).

Дорогой Надежде
Александровне Полле
от преданного ей
Александра Блока.

На фотографии: «А. Блок. 1920». На лицевой стороне.— ЦГАЛИ.

Эта фотография была вложена в недатированное (1920?) краткое письмо Блока к Полле-Коган: «Это последняя и случайная карточка, больше у меня нет ничего» («Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог», вып. 1. Письма Александра Блока. М., 1975, с. 334). Надпись сделана красными чернилами.

Надежде Александровне Полле
от Александра Блока.

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал,
И дух суровый византийства
От русской церкви отлетал,—
Мне голос был...

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не возмутился скорбный дух...

А. Ахматова

9 мая 1921. Москва

На кн.: А. Ахматова «Подорожник». П., «Petropolis», 1921. Экземпляр № 22. На первом свободном листе.— ЦГАЛИ.

Об этом сборнике Полле-Коган вспоминала: «„Подорожник“ Ахматовой: «Когда в тоске самоубийства» любимое стихотворение Ал. Блока. Цветы — незабудки, вложенные в книгу, подарил мне Блок» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 96а, л. 3).

С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГУ

Глубокоуважаемому
Сергею Федоровичу
Ольденбургу от преданного
ему составителя.

Апрель 1918.С.П.б.

На кн.: «Стихотворения Аполлона Григорьева». М., изд. К. Ф. Некрасова, 1916. На шмуцтитуле.— ГБЛ. Надпись приведена в каталоге «Прижизненные издания Александра Александровича Блока». М., 1980.

Сергей Федорович *Ольденбург* (1863—1934) — востоковед, специалист по буддизму и культурам Индии; действительный член и непреходящий секретарь Академии наук.

В молодости (в 1880-е годы) был знаком с теткой Блока — М. А. Бекетовой, вместе с нею принадлежал к кружку А. М. Калмыковой, занимавшегося подготовкой книг для народного чтения (М. А. Бекетова. Мои редакторы и издатели (1932).— ГЛМ, ф. 8, оп. 2, ед. хр. 4, л. 6).

Его знакомство с Блоком относится к 1917 г., когда они оба работали в Чрезвычайной следственной комиссии. Позже их связывала общая работа во «Всемирной литературе».

В письме к матери от 12 июля 1917 г. Блок писал: «Я довольно много говорю с Ольденбургом, который очень милый и простой человек, хотя и совсем другого склада» (VIII, 505). 20 мая 1917 г. Блок записал: «Разговор с Ольденбургом (все диаметрально противоположно: он «позитивист»)» (ЗК, 333).

Поэма «Двенадцать» произвела на Ольденбурга сильнейшее впечатление. В письме, полученном Блоком 12 марта 1918 г., Ольденбург писал: «(<...> По праву читающего, сотворца пишущему, я ее [поэму] понял по-своему и, по-видимому, как мне говорят, не так, как Вы. Мне было бы очень жаль, если бы мое понимание, вернее чувство и переживание, было бы

другое, чем у автора, но это не остановило бы меня. Только ничтожное может быть понято единообразно, а где даже только две грани, уже, по крайней мере, два понимания. А то, что создали Вы, так удивительно, так дивно прекрасно, что мой глаз не может перечислить этих граней, которые блещут, сверкают, так их много. Чувством чувствую, что *Вы писали* не то, что написано, но, кажется мне, прочесть Вы сможете то, что написано в том, что писали Вы» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 354, л. 1—1 об.).

11 апреля 1918 г. Ольденбург послал Блоку свой краткий и написанный в патетическом тоне этюд о «Двенадцати» под заглавием «Мертвые» (Блок назвал его «стихотворением в прозе» — ЗК, 399); согласно трактовке Ольденбурга, содержание поэмы составляет уход Христа из «мертвого» мира в неведомый и еще не созданный «живой». В письме Блоку, приложенном к этюду, Ольденбург формулирует такое понимание поэмы в следующих словах: «<...> Мне кажется, что она <поэма> скажет будущим поколениям о <нрабр.> внутренней смерти того, что многим казалось живым и в чем жизни не было и нет» (там же, л. 6).

В 1918—1920 гг. Блок часто встречался с Ольденбургом во «Всемирной литературе» и других литературно-научных организациях Петрограда. В бумагах Блока сохранилось стихотворение Ольденбурга «Друг, посмотри, как в равнине небесной...» со следующей пометой Блока: «С. Ф. Ольденбург передал мне 20 января 1920 г. Трогательно, что он занят этим среди всех своих дел» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 354, с. 8).

Дата дарения книги уточняется записью Блока от 3 апреля 1918 г.: «...передать мои книги С. Ф. Ольденбургу» (ЗК, 398). См. также запись от 7 сентября 1920 г.: «Книжки Ольденбургу» (ЗК, 500).

На смерть Блока Ольденбург откликнулся статьей «Не может сердце жить покоем», опубликованной в издававшемся Академией наук журнале «Начала». Эта статья завершается следующими словами: «Когда-то о сердце одного великого поэта было сказано: «сердце сердце» — *cordium* (речь идет о надписи на могиле Шелли. — *Ред.*); невольно вспоминаются эти слова, когда думаешь о Блоке. Да, это было великое русское сердце, и перестало оно биться, потому что и ему нужен был покой, а для него в жизни не было покоя» («Начала», 1921, № 1, с. 14).

Н. А. ПАВЛОВИЧ

Надежде Александровне Павлович на память о начале нашего знакомства

Ал. Блок

Июль 1920

На фотографии: Блок, 1919. На лицевой стороне.— Находилась у Н. А. Павлович.

Надежда Александровна Павлович (1895—1980) — поэтесса, автор «Воспоминаний об Александре Блоке». — «Блоковский сб.», 1, с. 446—506.

Яблони сада вырваны,
Дети у женщины взяты.
Песню не взять, не вырвать,
Сладостна боль ее.

На кн.: «За гранью прошлых дней». П., изд. З. И. Гржебина, 1920. Местонахождение неизвестно. Впервые текст был опубликован в альм. «Феникс», 1, 1922, с. 154. Этот текст и все остальные приведены в «Воспоминаниях об Александре Блоке» Н. А. Павлович («Блоковский сб.», 1, с. 464—485).

Надежде Александровне Павлович —
в дни новых надежд.

Александр Блок

Август 1920. Петроград

На кн.: «Стихотворения. Книга третья» М., «Мусагет», 1916. На первом свободном листе.— ИРЛИ, ф. 578.

Надежде Павлович —
печальная книга.

Александр Блок

X. 1920

На кн.: «Седое утро». П., «Алконост», 1920. На авантитуле.— ИРЛИ, ф. 578.

Надежде Павлович,
и эту книгу, на которой
все последние годы я
избегал делать надписи.

Александр Блок

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусагет», 1916.— Местонахождение неизвестно. Текст надписи напечатан в воспоминаниях Н. А. Павлович о Блоке («Блоковский сб.», 1, с. 485).

Надежде Павлович
запоздалый подарок на новоселье

Александр Блок

Январь 1921.

На кн.: «Двенадцать». Изд. 2-е. П., «Алконост», 1918. На первом свободном листе.— ИРЛИ, ф. 578. Экземпляр № 82.

Историю этой надписи Н. А. Павлович рассказала в «Воспоминаниях об Александре Блоке» (здесь же впервые приведена надпись): «4 января 1921 г. я справляла свое второе в Петрограде новоселье. <...>

Александр Александрович принес мне «Двенадцать» <...> Дарственная надпись А. А. Блока написана на листе, следующем за обложкой <...> На правом нижнем углу надписи: «Нине Бруни. Дарю эту книгу — значит очень Нину люблю. Надежда Павлович». Книга в плохом состоянии, без обложки. Подарила ее Нине Константиновне Бруни в 1923 г., и по недосмотру ее схватили дети Бруни и сорвали обложку. Нина вернула ее мне. Книга находится в моем фонде в Пушкинском Доме» («Блоковский сб.», 1, с. 492).

С. В. ПАНЧЕНКО

Многоуважаемому, милому, дорогому Семену Викторовичу Панченке в знак любви от Александра Блока. 1904, XI. 3. С-П-б.

На кн.: «Стихи о Прекрасной Даме». М., «Гриф», 1905 [1904]. На титульном листе. — ГЛМ.

Семен Викторович Панченко (1867—1937) — композитор, музыкальный критик, близкий знакомый семьи Бекетовых. Современные исследователи приводят следующие сведения о нем: «Известный композитор, теоретик, дирижер, педагог, просветитель, один из первых в России пропагандистов Малера и Брукнера, реформатор национальной культовой музыки — Семен Викторович Панченко <...> принадлежал к кругу лиц, оказавших особенно сильное влияние на Блока» (С. Волков, Р. Редько. А. Блок и некоторые музыкально-эстетические проблемы его времени. — В кн. «Блок и музыка». Л. — М., 1972, с. 94, см. также с. 87, 96).

Панченко положил на музыку два стихотворения Блока — «Колыбельную песню» («Спят луга, спят леса...») и «Я был весь в пестрых лоскутках...» (там же, с. 256).

Сохранились 44 письма Панченко к Блоку, но все ответные письма поэта — утрачены, и это одна из наиболее крупных потерь в блоковской эпистолярной. Об отношениях Блока и Панченко, об их переписке, а также примечательную цитату из блоковского письма, которую приводит Панченко в одном из своих писем к поэту (от 1 января 1903 г.), см. в статье Д. Е. Максимова «Блок и революция 1905 года» (сб. «Революция 1905 года и русская литература». М. — Л., 1956, с. 250—252). См. также фрагмент письма Панченко к Блоку от 18 апреля (1 мая) 1903 г. — ЛН, 1973, т. 89, с. 120.

Яркие, хотя и диаметрально противоположные характеристики Панченко дают А. Белый и М. А. Бекетова, но оба отмечают несомненное его воздействие на мировосприятие молодого Блока. Впоследствии поэт отошел от Панченко — об этом свидетельствует и изменившаяся тональность его дарственных посвящений на кни-

гах, и признание Блока в письме к матери от 17 января 1911 г.: «С Панченкой было тяжело, я чувствую к нему симпатию по воспоминанию, но он — очень чужой» («Письма к родным», II, с. 112). О семантике слова «чужой» см. в воспоминаниях К. С. Лабутина: «<...> слово «чужой» в устах Блока принимало особый характер. В одном этом слове — чувствовалось — было заключено многое. «Чужой» значило: отрезанный раз навсегда, находящийся за какою-то гранью, которую не переступить. Это же слово, употребленное так специфически, я слышал и от Александры Андреевны. Думаю, что оно из числа таких, как «страна» Андрея Белого» («Звезда», 1931, № 10, с. 122).

В своих «Воспоминаниях об А. А. Блоке» Белый высказывает мимолетное, но исполненное неприязни впечатление от встречи с Панченко: «Александра Андреевна порой останавливалась на людях, которыми интересовался А. А.; много слышал я в этих беседах о некоем Панченко — музыканте, который всегда импонировал Блоку; А. А. порой влекся к нему; этот Панченко, по словам Александры Андреевны, был умницей, замечательным человеком, но темным насковью. От А. А. я не раз в это время сам слышал: — «А знаешь ли, — Панченко думает...» — «Панченко так говорит...» Когда же пытался я больше расспрашивать, то лицо у А. А. становилось серьезным; и он озабоченно, с уважением в голосе, смешанным с удивлением говорил: «А знаешь, он — темный...». Более ничего я не мог из А. А. тут извлечь. И потом повторилось мне: — «Панченко — думает...» — «Панченко!» <...> Я раз его встретил у Блоков; то был уж седой человек, худощавый, не очень высокого роста с французской, седою бородакою, с прямым носом и с бледным лицом; его быстрые, острые взгляды перебегали; окидывал ими он зорко; и — останавливались с недружелюбием, со скрытой усмешкой на мне; он старался быть светским; сидел за столом и показывал нам пассиан; тогда не повралились откровенно друг другу; уже Александра Андреевна рассказала мне: Панченко не любил всех друзей А. А. Блока; особенно не любил он Л. Д. Этот Панченко мне показался фальшивым; сквозь напускной легкомысленный скепсис французского остроумия он пытался пустить пыль в глаза, озадачить особенным пониманием жизни. Я раз только встретился с ним, он меня оттолкнул» («Эпопея», М. — Берлин, 1922, № 2, с. 216—217). «Отталкивание» и свою неприязнь к Панченко Белый неожиданным образом реализовал в романе «Петербург», наделив одного из самых «темных» персонажей романа — провокатора Липпанченко — сходной фамилией и придав ему некоторые черты композитора.

После появления мемуаров А. Белого, как бы защищая Панченко, М. А. Бекетова посвящает ему несколько страниц в своих воспоминаниях, рассказывая о его влиянии на поэта и его мать: «Было еще один

человек, идеи которого увлекали Александру Андреевну, хотя его влияние было далеко не так сильно, как влияние А. Белого. Это был упомянутый в моей биографии композитор и мыслитель С. В. Панченко, человек уже зрелого возраста, который познакомился с семьей Ал. Ан., когда Саше было лет 20 или немногим больше. Так же как мистики конца 19-го и начала 20-го века, он чувствовал наступление новой эры и близких переворотов. Его идеи о будущем человечества, о «новом царстве», были гораздо конкретнее и выражались в виде законченных формулировок. «В моем царстве все будет позволено, в моем царстве не будет семьи», — говорил он. То, из чего он исходил, было чуждо Ал. Ан., но некоторые частности его учения она принимала. Он считал, что христианство отжило свой век, почитая Христа как одного из величайших учителей жизни, он отрицал его божественность в христианском смысле, но обожествлял в нем человека. Бога он признавал только как животоворящее начало, отрицающий религиозный культ и молитву. Все это, разумеется, было чуждо Ал. Ан., но его идеи о вреде семейного начала, о свободе путей и т. д. ей были близки. Одна из его излюбленных формул: «Не живите семьями» — была тогда очень в ходу в нашем обиходе. К женщинам он относился беспощадно, считая их органическими врагами своих детей. Отцов он тоже не хвалил, но матерям доставалось особенно сильно. И в этом Ал. Ан. видела много правды, хотя в конце-концов его отношение стало ее оскорблять. Идеи его в общем не казались ей новыми и не удовлетворяли ее по существу, так что несмотря на весь ум и своеобразность этого бескорыстного искателя новых путей, мало-помалу произошло охлаждение и расхождение. Во многих пунктах Ал. Ан., да и все мы расходились с Панченко, одним из главных было его отрицательное отношение к России. Но было время, когда Панченко имел несомненное влияние на Ал. Ан. и на Сашу. Во всяком случае, с ним считались и к мнениям его прислушивались. Очень закупало всех его отношение к Саше, которого он нежно любил, восхищаясь и наружностью его, и детской чистотой, и умом, и талантом, хотя жестоко критиковал форму его стихов, — в значительной мере из педагогики, чтобы не захваливать «дету». «Детами» называл он юношей, между которыми было у него много друзей. Раза два встречался он у Ал. Ан. с А. Белым, и сразу оба они друг друга, что называется, не влюбились. Разумеется, А. Белый был глубоко чужд Панченко, но одной из главных причин неприязни к нему была попросту ревность, так как с появлением Бор. Ник., тогда еще столь юного, взоры главных действующих лиц обратились к нему, и звезда Панченко понемногу померкла. Надо сказать правду, что Панченко бывал часто неприятен, резок, неуважителен к чужим мнениям, но все же это был крупный и широкий человек, и потому жаль, что он не сумел

удержать своего места около Ал. Блока и его матери. Я уделила ему так много места потому, что он почти неизвестен, а упоминание о нем в «Эпопее» А. Белого страдает односторонностью» («Александр Блок и его мать», с. 139—141).

В биографии поэта М. А. Бекетова дает обобщающую характеристику Панченко: «Его своеобразный и насмешливый ум и меткие афоризмы всех нас увлекали. Лучшие чувства пробуждаются при его имени, когда вспоминаешь, как он любил Блока. (...) Это был венастый искатель, человек с большой волею, бессеребренник-скиталец» («Александр Блок», с. 99—100).

Интересные сведения о Панченко, относящиеся к 90-м годам прошлого века, сообщает А. М. Добролюбов в октябре 1938 г. в письме к И. М. Брюсовой (РО ГБЛ, ф. 386, к. 148, ед. хр. 40, л. 5; см. об этом: «Блоковский сб.», 3, с. 130).

Вопрос о воздействии Панченко на эстетико-философские концепции молодого Блока до сих пор является открытым и не исследованным. В этом плане показательным признанием самого поэта в письме Ф. Сологубу от 7 декабря 1907 г.: «Вы знаете ли, что последнее стихотворение (второй вариант: «Синевя небес над кровлей») <стихотворение П. Верлена «Le ciel est par-dessus le toit» в переводе Ф. Сологуба» попало мне очень давно и было для меня одним из первых острых откровений новой поэзии. Оно связано для меня с музыкой композитора С. В. Панченко, моего давнего и хорошего знакомого. С тех пор всю эту стихотворение в памяти, ибо оно неразлучно со мною с тех дней, «как постигал я первую любовь» (цитата из стихотворения А. Фета «Когда мои мечты...») (VIII, 219). Поэтому трудно согласиться с утверждением В. Н. Орлова, приписывающего Панченко исключительно зловещую роль дьявола-искусителя в жизни молодого Блока и в эволюции его мировоззренческой системы (В. Орлов. Гамаюн. Л., 1978, с. 269).

Невнятное и неверное толкование в исследовательской литературе имеет и блоковский эпитет «панченковское», который обозначает, по определению Н. Н. Медведева, «некоторую долю скрытности, застенчивости, мешающую добраться до души» («Дневник Александра Блока. 1917—1921». Л., 1928, с. 253). Это определение перекочевало в различные работы о Блоке («Звезда», 1931, № 10, с. 127; сб. «Блок и музыка», с. 94), а также в примечания к Собранию сочинений (VII, 499; ЗК, 576). Между тем сам Блок лишь дважды использует этот эпитет, но связывает его только с одним человеком — бывшим министром внутренних дел, ставленником Распутина, А. Д. Протопоповым. По делу Чрезвычайной следственной комиссии Блок часто присутствовал на допросах Протопопова, «изучал» (редактировал) его записки (VII, 264) и собирался написать о нем очерк. 10 июня 1917 г. Блок записал в дневник: «В Протопопове, оказывается, есть панченковское» (VII, 260). В тот же день в за-

писной книжке он повторяет: «Протопопов. <...> Есть панченкинское» (ЗК, 358). И на следующий день, 11 июня, Блок, как бы не решаясь еще признаться в этом сравнении, сообщает в письме к матери: «Протопопов дал мне свои записки. Когда-нибудь я тебе скажу, кого мне страшно напоминает этот талантливый и ничтожный человек» (VIII, 504).

В очерке «Последние дни царского режима», дневнике, записных книжках, в заготовках для отдельного очерка о Протопопове Блок сделал много различных наблюдений-характеристик этого «рокового человека» (VI, 200). 25 июля 1917 г. Блок отметил в дневнике: «Протопопов (даже) — личность страшно интересная с точки зрения психологической, исторической и т. д., но вовсе не интересная политически» (VII, 288). Что же общее или сходное находил Блок в этих столь социально далеких друг от друга личностях — Протопопове и Панченко? Приведем ряд наблюдений Блока из нарисованного им «психологического» портрета Протопопова, которые, по-видимому, и послужили основой для сопоставления его с Панченко: «он даже не пытался забронироваться и скрыть свою личность» (VI, 446); «мечтатель и общественный деятель» (VI, 199); «желавший, чтобы люди имели счастье» (VI, 198); «с присущим ему легкомыслием и «манией величия» задался планами спасения России» (VI, 198); «сам говорит, что хочет очиститься. Гладко говорит, без концов и начал» (ЗК, 367); «кокетничает глазами»; «двуличный Янус»; «красноречив, язвитель, ироничен» (ЗК, 367, 368, 367); «обуреваемый разными предложениями, по обыкновению, ни на чем реальном не основанными» (VI, 237); «истерический клубок своих личных чувств и мыслей» (VI, 200); «у него была особая звезда, погасшая лишь тогда, когда все было кончено» — (VI, 195). (Ср., например, с самоуничтожительными заявлениями Панченко в письме к Блоку от 11 декабря 1902 г. — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 358, л. 29 — и на собственной фотографии, надписанной поэту: «Милому и чистому от нечистого, но любящего. 19/4 февраля 1904» — там же, л. 9).

Эти разнообразные черты характера Протопопова откровенно напоминают некоторые «линии» портрета Панченко, нарисованного А. Белым и М. А. Бекетовой, но меньше всего говорят о «скрытности и затаенности», как это указано в примечаниях к Собранию сочинений.

Таким образом, слово-эпитет «панченковское», по-видимому, не носит в толковании Блока обобщенного характера, а соотносится только с конкретными чертами вполне определенной личности. См. о Панченко в наст. книге в «Дневнике М. А. Бекетовой».

Сохранившиеся 44 письма С. В. Панченко к Блоку, охватывающие период с 1900 по 1912 год (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 358, лл. 1—80), подготовлены к публикации З. Г. Минци и А. В. Лавровым.

Семену Викторовичу Панченко
с нежной любовью.

Александр Б л о к

Январь 1907. С-П-Б.

На кн.: «Нечаянная радость». М., «Скорпион», 1907. На шмуцтителе. — ГЛМ.

15 февраля 1907 г. Панченко сообщает Блоку в письме: «Книга «Нечаянная радость» там получена. Очень, очень тронут, благодарю, обнимаю и целую» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 358, л. 66).

Семену Викторовичу Панченко
на добрую память о
прекрасных временах.

Александр Б л о к

Май 1911

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусагет», 1911. На авантагителе. — Собрание А. Г. Островского (Ленинград).

Милому Семену Викторовичу
Панченко
моя концертная программа 27 ноября
Ноябрь 1911

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусагет», 1911. На титульном листе. — Собрание Л. А. Глезера (Москва).

В письме от 3 декабря 1911 г. Панченко благодарит Блока: «Благодарю Вас очень за Ваши прекрасные книги мне. Они прекрасные» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 358, л. 77). Какие еще книги были отправлены Блоком, установить не удалось. Смысл надписи на книге «Ночные часы» проясняется из следующего: после настоячивых приглашений Панченко Блок дал согласие на участие в назначенном на 27 ноября 1911 г. концерте в пользу недостаточных учеников гимназии и реального училища Г. К. Штемберга, но в последний момент отказался, о чем и уведомил Панченко письмом и надписью на книге.

П. П. ПЕРЦОВУ

Многоуважаемому
Петру Петровичу Перцову
любящий и преданный

Алекс. Б л о к

На кн.: «Стихи о Прекрасной Даме». М., «Гриф», 1905 [1904]. — На тит. листе. Собрание С. Н. Дурылина (Болшево, Моск. обл.).

Петр Петрович Перцов (1868—1947) — критик, издатель и создатель журн. «Новый путь», автор книги «Ранний Блок» (М., 1922). См. в наст. томе публикацию писем Перцова к Блоку (кн. 1). Дата дарения уточняется по письму Перцова от 3 ноября 1904 г., в котором он благодарит за книгу.

П. М. ПИЛЬСКОМУ

Петру Моисеевичу Пильскому —
с сердечным приветом

А. Б.

VIII 1918

На кн.: «Соловьиный сад». П., «Альको-
нопись», 1918. На авантаитуле.— Собрание
Б. Н. Варавы (Красноярск).

Петр Моисеевич *Пильский* (1876—
1941) — литературный критик, журна-
лист. Об истории этого автографа и о вза-
имотношениях П. М. Пильского с Бло-
ком см. Б. Варавы «Рукою Блока» («Крас-
ноярский комсомолец», 1980, № 12,
26 января). В 1922 г. Пильский написал
воспоминания о Блоке. В них, в частности,
он говорит: «Я знал Блока с 1906 года.
Первый раз мы встретились на литератур-
ном вечере в частном доме, и в первый же
раз тогда я услышал, как он читал свою
«Незнакомку», мерно скандируя стихи
своим надтреснутым, ровным, несильным
голосом. Он был *обворожителен*. Нельзя
подобрать другого слова: в нем было что-то
притягательное. Потом уж я понял, что
притягивала его надорванность и звало
к себе его тайное страдание. Неиз-
менно чувствовался в Блоке *гость* — что-
то временное, недолговечное — «*нежилец*».
Всегда и везде он был неразговорчив.
Очень трудно вспомнить его слова, и сов-
сем нельзя представить Блока с простран-
ной речью на устах. Таким он был в жи-
зни, таким же и в своих стихах. Брюсов пора-
жал. У Брюсова учились, над ним задумы-
вались, его штудировали. Бальмонтом
восхищались. Бальмонт пленял. Но Блока
именно *любили* нежной и тихой любовью,
и оттого его имя не шумело, слава не рас-
плескивалась, его завоевания никогда не
были головокружительными, зато он не
изведал ни критических, ни читательских
измен. Постоянный и сдержанный, он
держал в постоянстве и свою толпу»
(П. П и л ь с к и й. Александр Блок.—
«Сегодня», Рига, 1922, № 173, 6 августа).
В статье «О реалистах» Блок назвал Пиль-
ского «молодым и талантливым критиком»
(V, 120). В сентябре 1908 г. Пильский пред-
ложил Блоку сотрудничать в газете «Эпо-
ха» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 55).
Блок отвечал из Шахматова 23 сентября
1908 г.: «Я прочитал объявление «Эпохи»
и очень рад сотрудничать в ней. Посылаю
Вам пока только четыре стихотворения,
а для таких небольших статей, о каких
Вы пишете, имею много тем и надеюсь
доставить Вам статью скорее всего, когда
вернусь в город, в первых числах октября.
Сейчас не посылаю потому, что не умею
скоро обдумать, а между тем, должен статьи
и «Злотому руну», и Кружку одиноких, и,
вероятно, «Образованию» (ЦГАЛИ, ф. 55,
оп. 1, ед. хр. 112). Однако, газета «Эпоха»
на втором номере (22 сентября 1908 г.) за-
крылась. Стихи, посланные Блоком, част-
ичко были переданы Пильским в прием-
ницу «Эпохи», газету «Межа», и по-види-

мому, без ведома Блока, — против одного
из этих стихотворений в рукописи поэт
сделал помету: «Напечатано в какой-то
газете, не известной мне. Вырезку нашел
в бумагах отца» (II, 446). В дальнейшем
деловые контакты с Пильским возникли
у Блока в конце 1917 г., когда Блок отве-
чал на анкету газеты «Новый вечерний
час» об отмене права литературного насле-
дования (ЗК, 381; VI, 7). В 1918 г. Блок
получил предложение от Пильского высту-
пить с лекцией в Первой всероссийской
школе журнализма (ЗК, 385, 398, 403), —
он выбрал темой лекции Катилину (лек-
ция состоялась 19 мая 1918 г.). В 1918 г.
Пильский устроил и другие публичные
выступления Блока и Л. Д. Блок (ЗК, 403,
405, 410, 420). Возможно, что книга с над-
писью Блока была передана через Л. Д.
Блок 18 августа 1918 г., когда она читала
«Двенадцать» на вечере в Летнем саду,
организованном Пильским (ЗК, 421).
См. также рец. П. Пильского на поэму
«Двенадцать» («Сегодня», Рига, 1921, № 260).

П. П. ПОТЕМКИНУ

Петру Петровичу Потемкину.

Александр Блок

IV.12.07.СПб.

На кн.: «Снежная маска». СПб., «Оры»,
1907. На шмуцтитуле.— ГЛМ.

Петр Петрович *Потемкин* (1886—1926) —
поэт, драматург, один из главных авторов
журнала «Сатирикон». В поле зрения
Блока Потемкин впервые попал в пору ор-
ганизации «Кружка молодых» (см. письмо
Гордецкого к Блоку от 6—7 февраля
1906 г. в наст. томе, кн. 2). К личности По-
темкина Блок относился тогда насторо-
женно (В. П я с т. Встречи. М., 1929, с.
80—81). В 1906—1907 гг. Блок и Потемкин
часто встречались на домашних поэтиче-
ских вечерах (см., например, в наст. изда-
нии записи в дневнике Кузьмича от 18 но-
ября 1906 г., 11 февраля, 18 марта и 2 ап-
реля 1907 г.). В. А. Зоргенфрей вспоминал
о первом из этих вечеров, что Блок «на
вечере у Пяста слушал, сочувственно
улыбаясь, пародии Потемкина на себя, на
А. Белого, на Вячеслава Иванова» («За-
писки мечтателей», 1922, № 6, с. 132).
Одну из пародий Потемкина на Блока,
опубликованную в «Сатириконе», Пяст
справедливо назвал «более бранчливой,
чем остроумной» (В. П я с т. Встречи, с.
137). От пародий на Блока Потемкин пе-
решел к усвоению стилистики некоторых
блоковских стихотворений (особенно «Не-
знакомки»). По поводу первой книги Потем-
кина «Смешная любовь» (СПб., 1908) как
критика того времени, так и позднейшие
исследователи отмечали, что «полуподра-
жания Блоку, полупародии на него встре-
чаются во многих стихотворениях первой
книги» (Н. Х а р д ж и е в, В. Т р е н и н.
Поэтическая культура Маяковского. М.,

БЛОК. ДВЕНАДЦАТЬ. Пб., «АЛКОНОСТЬ», 1918

Титульный лист и авантитул с дарственными надписями Блока, Ю. П. Анненкова и С. М. Алянского Н. Э. Радлову: «Николаю Эрнестовичу Радлову, автору заглавных букв — с искренним приветом — Александр Блок, 1 марта 1919.»; «Николаю Эрнестовичу Радлову на память о нашей дружбе и в благодарности за огромную помощь — автору, Юрий Анненков. 19 I/III 19 г. Петербург»; «Дорогому Николаю Эрнестовичу Радлову на память с надеждой дальнейшего сотрудничества с «Алконостью». 1/III 1919 г. С. Алянский»

Собрание Л. Н. Радловой, Москва

пушено. Вечер, посвященный девятидесятилетнему юбилею «Алконоста», описан в воспоминаниях С. М. Алянского (С. Алянский. Встречи с Александром Блоком. М., 1969, с. 92—98). Алянский называет среди присутствовавших также Андрея Белого и О. А. Глебову-Судейкину.

А. М. РЕМИЗОВУ

Многоуважаемому
Алексею Михайловичу Ремизову
Александр Блок

1905 март. С-П-Б.

На кн.: «Стихи о Прекрасной Даме». М., «Гриф», 1905 (1904). На титульном листе.— Собрание С. Л. Маркова (Ленинград).

Алексей Михайлович Ремизов (1877—1957) — Об отношениях Блока с Ремизовым см. во вступ. статье к публикации переписки Блока с ним (наст. том, кн. 2).

Милому Алексею Михайловичу
Ремизову
от любви моей.

Александр Блок

3 марта 1908 СПб.

На кн.: «Лирические драмы». СПб., «Шиповник», 1908. На обороте шмуцтитула.— ИРЛИ.

Алексею Михайловичу
Ремизову

от любящего Александра Блока.

7 ноября 1911 года

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусагет», 1911. На титульном листе.— Собрание Э. И. Григолоука (Москва).

В. А. РОЖДЕСТВЕНСКОМУ

И. Н. РОЗАНОВУ

Всеволоду Рождественскому
на память.Многоуважаемому
Ивану Никаноровичу Розанову
на память.

А л . Б л о к

А л . Б л о к

8. XI. 1920

17 мая 1920 г. Москва

На кн.: «Седое утро». П., «Алконост», 1920. На авантитуле.— Собрание В. А. Рождественского (Ленинград).

Всеволод Александрович *Рождественский* (1895—1977) — поэт, в раннюю пору — один из участников университетского поэтического кружка (Мариса Рейснер, В. Злобин, Дм. Майзельс, Н. Оцуц, В. Тривус, Г. Маслов, Е. Тагер и др.). Этот кружок выпустил в 1918 г. альманах «Арион», где были и стихи Рождественского; Блок отозвался об этом альманахе весьма сдержанно.

В 1920 г. после образования петроградского Союза поэтов, Рождественский занял в нем (вместе с Н. А. Павлович) должность секретаря. Тяготая в своем творчестве к «Цеху поэтов», он, однако, принял сторону Блока в его конфликте с Гумилевым. См. в дневнике Блока: «<...> выперли Павлович, Шкапскую, Оцуца, Сюннерберга и Рождественского и просили меня остаться» (VII, 371, запись от 22 октября 1920 г.). О событиях в Союзе поэтов, приведших к уходу из президиума Союза сторонников Блока, см. воспоминания самого Вс. Рождественского (Всеволод Рождественский и. Как это начиналось.— «День поэзии». Л., 1966, с. 87—90), а также воспоминания Н. Павлович («Блоковский сб.», 1, с. 476—477).

Рождественский в разное время опубликовал целый ряд мемуарных очерков о Блоке; эти очерки были суммированы в главе «Александр Блок» книги мемуаров Рождественского «Страницы жизни» (М., 1962; 2-е изд.— М., 1974). В этих воспоминаниях приводится такой устный отзыв Блока о книжке стихов Рождественского «Лето» (Пг., 1921): «Такие стихи приятно слушать вот так, у вечерней лампы. Они чем-то напомнили мне Шахматово, юность, деревенские дни. Благодарю вас» (Вс. Рождественский и. Страницы жизни. М., 1974, с. 210). Воспоминания Рождественского не могут, однако, рассматриваться как вполне надежный источник: память подчас подводит мемуариста. Так он приводит по памяти авторскую надпись Н. Гумилеву на III томе Собрания стихотворений Блока (см. выше в настоящей публикации) в форме, полностью искажающей ее смысл (Вс. Рождественский и. Страницы жизни, с. 202), и к тому же «переносит» эту надпись на сборник «Седое утро», подаренный Гумилеву с совершенно иной надписью (см. также наст. публикацию).

Рождественскому, помимо сборника «Седое утро», надпись на котором публикуется здесь, была подарена еще одна книга; см. запись Блока от 28 сентября 1920 г.: «„За гранью прошлых дней“ — Зоргенфрею и Рождественскому» (ЗК, 503).

На кн.: «Соловьиный сад». П., «Алконост», 1918. На авантитуле.— Музей А. С. Пушкина (Москва). Библиотека И. Н. Розанова. Текст надписи воспроизведен в «Лит. России», 1970, № 47, 20 ноября, с. 7.

Иван Никанорович *Розанов* (1874—1959) — литературовед, историк русской литературы.

Е. О. РОМАНОВСКОМУ

Глубокоуважаемому и милому
Евгению Осиповичу
Романовскому —

Александр Б л о к

4 января 1905. СПб.

На кн.: «Стихи о Прекрасной Даме». М., «Гриф», 1905 (1904). На титульном листе.— Местонахождение неизвестно. Надпись приведена в ст.: П. Ж у к о в. По книжным лавкам.— «Литературный еженедельник», 1923, № 38.

Евгений Осипович *Романовский* (1853—1918) — минералог, друг А. А. и М. А. Бекетовых. 25 марта 1912 г. Блок отменил в дневнике: «Обедал у мамы,— милый Е. О. Романовский, которого я не видал девять лет» (VII, 137).

А. Н. Бенуа в своих воспоминаниях писал о Романовском: «Вместе с тетей Катей жил и ее единственный сын, мой племянник (бывший лет на двадцать старше своего дяди), Евгений Осипович. Этот «Женя Романовский» был человеком унылым и печальным <...> Несмотря на свою унылость, Женя был неприменным участником наших семейных сборищ, не внося, впрочем, в них ни малейшей доли веселья или приятности. Я не очень жаловал его <...> Однако позже наши отношения приняли более дружественный оттенок, произошло это в период моей разгравшейся страсти к книгам, когда Женя, к большому моему удивлению, стал выказывать интерес к моим новым приобретениям. Интерес этот, впрочем, был чисто внешний. Он покрутит в руках книжку, вскрыет ее, прочтет заглавие и оглавление, объявит, что ему данное сочинение уже известно (по заглавию или оглавлению) и затем отложит, чтобы приняться за другую. И у него самого была порядочная библиотека, но состояла она почти исключительно из книг по естественным наукам. Сам Женя состоял кем-то при Академии наук, даже издавал какие-то брошюры, быть может, и очень ученые, но то по геологии, не то по минералогии, но,

признаюсь, я их не читал, хотя он мне их и подносил» (А. Б е н у а. Мои воспоминания. т. 1, М., 1980, с. 126).

А. В. РУМАНОВУ

Аркадию Руманову

Александр Б л о к

На кн.: «Снежная маска». М., 1907. На шмуцтитуле.— Собрание М. С. Лесмана (Ленинград). Текст и фотография надписи — в кн.: «Коллекция служит людям». Л., 1973, между с. 32—33.

Аркадий Вениаминович Руманов (1878—1960) — выпускник юридического факультета Петербургского университета, с 1903 г. сотрудник различных газет, с 1907 г. — постоянный корреспондент московской газеты «Русское слово», а с 1911 г. возглавляет петербургское отделение этой газеты, становясь доверенным лицом издателя И. Д. Сытина. После ухода в конце 1911 г. Розанова из «Русского слова» Мережковские и Руманов планировали использовать в качестве публициста газеты Блока (ср.: VII, 105). По словам Пяста, «в Блоке предвидел Н. <Руманов> публицистическую силу еще более крупного калибра. «Катковское наследие», — буркал впоследствии сблизившийся со мной журналист, — „вы понимаете?“» (В. П я с т. Воспоминания, с. 48). Блока интересовала и сама газета, весьма в ту пору влиятельная, далекая от нововременской и от кадетской позиций, и личность Руманова. В последнем Блока привлекли, видимо, те же деловые качества, что и семь лет спустя в С. М. Алянском, — то что он обозначал как «американизм». Но при этом их общение не было исключительно деловым. Так, 16 июня Руманов писал Блоку по поводу статьи «От Ибсена к Стриндбергу»: «Ваше об Ибсене внимательно прочел. Как, должно быть, мучительно дается Вам такое писание» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 59, л. 4 об.). В ответном письме на следующий день Блок писал: «Все на свете трудно и страшно, дорогой Аркадий Вениаминович, — это так уж, ни к селу, ни к городу, «вольная мысль»» (ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, ед. хр. 73, л. 8 об.—9). Сотрудничество Блока как публициста в «Русском слове» не состоялось.

Впоследствии, в эмиграции, Руманов написал краткую мемуарную заметку о Блоке: «В. ешнe Блок был, как все. Он избегал подтверждать внешнее представлeние о поэте. Поражала в нем красота: он был очень красив, что-то от античного бога. Поражала также честность мысли; он говорил медленно, подыскивая слова, которые точно определили бы его мысль. Поэтому часто во время речи заикался (совсем как П. Б. Струве), и для слушателя это кoснозлчнe было всегда мучительным. «Тайна» в нем ощущалась. Всегда казалось, что он весь впереди, что о главном он еще ничего не сказал... Блок (задум-

Александр Блок
1913.

СКАЗКИ

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ :

БЛОК. СКАЗКИ. М., ИЗД. И. Д. СЫТИНА, 1912
Титульный лист с дарственной надписью Блока
А. А. Сабуровой
Собрание С. В. Сабуровой

чиво): «Я потому Россию чувствую, что во мне много немецкой крови. Только не русский чувствует Россию вполне». После очень бурной ночи, в трактире на углу Садовой и Гороховой: «Дышать тяжело, не пройдет и восьми лет как разразится гроза...». Было это в 1910 или 1911-ом году. (по-видимому, ошибка памяти, и речь идет о 1912 г.) Его слова о Мережковском и Гиппиус: «Через них надо пройти — без этого нельзя, но оставаться там не следует». Еще одно совсем личное воспоминание. После первого визита к Блоку «...» на следующее утро его слова: «Вчера у меня был человек из Гофмана» (ЦГАЛИ, ф. 1694, оп. 2, ед. хр. 4, л. 1).

Аркадию Руманову

Александр Б л о к

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга вторая. Нечаянная радость». М., «Мусaget», 1911. На авантитуле.— ГПБ.

И. А. РЯЗАНОВСКОМУ

Ивану Александровичу
Рязановскому

с глубокой признательностью
за экземпляр «Альбома
оттисков Костромских

деревянных резных досок», переданный автору этих книг Алексеем Михайловичем Ремизовым.

Александр Б л о к

Петербург, 1912. Ноябрь

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга вторая. Нечаянная радость». М., «Мусагет», 1912 [1911]. На авантайтуле. — Собрание Е. В. Лидиной (Москва).

Иван Александрович *Рязановский* (1869—1927) — литератор, археолог, историк-архивист, собиратель документов по истории России, в 1918—1919 гг. — преподаватель петроградских Курсов мастеров сценических постановок Наркомпроса, возглавляемых В. Э. Мейерхольдом.

В 1910-е годы Рязановский был хранителем Романовского музея в Костроме, в течение многих лет он был связан творческой дружбой с Ремизовым, в архиве писателя (ИРЛИ, ф. 256) сохранилось 23 письма к нему Рязановского (1912—1919) (см. «Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год». Л., 1977, с. 43). Ремизов использовал свою переписку с Рязановским в неизданной повести «Ров львиный» («Плачущая канава»), носящей отчасти автобиографический характер (там же, с. 26). Замысел известной книги Ремизова «Россия в письменах» (1922), видимо, также частично связан с Рязановским, об этом свидетельствует сам автор в дарственной надписи на экземпляре указанной книги, подаренной жене С. П. Довгелло-Ремизовой: «(...) Вот и вся история книги, связанная с Иваном Александровичем Рязановским» (Н. К. О д р я н с к а я. Алексей Ремизов. Париж, [1959], с. 153). В «Россия в письменах» сообщается, что Рязановский был членом учрежденного Ремизовым шуточного общества «Обезьянней Великой и Вольной палаты» («Обезвелволпала») и назван его «чин»: «костромских дедрей забеглый князь обезьяний, блудоборец комаровский, тележный и золотоношский, старец электрический» (А. Р е м и з о в. Россия в письменах, т. 1. М. — Берлин, 1922, с. 161).

Через много лет Ремизов вспоминал о нем: «При всех своих необозримых познаниях в истории и археологии, Рязановский, кроме обязательной юридической работы при окончании Ярославского Демидовского лицея, в жизнь не написал ни одной строчки — явление едва ли не наше только, русское! — но изустному слову которого обязаны в своем чисто «русском», что останется навсегда, и Чехонин, и Кустодиев, а через Кустодиева Замятин в его лучшем — «Русь»; знаю, что и Пришвин добрым словом вспоминает «костромского старца», и для Г. К. Лукомского имя «Рязановский» не безразлично. Значение изустного слова Рязановского в возрождении «русской прозы» можно сравнить только с «наукой» самого из всех «знающего»

громокопящего В. И. Иванова в возрождении «поэзии» у стихотворцев. (...) Остервенелый «западник», исповедник «римского права», зачарованный музыкой природной русской речи, углицким звоном, церквами Романова—Борисоглебска, годуновскими миниатюрами, впитавший в себя самую русскую музыку, (...) Рязановский (...) годами только о русском и рассказывал (повторяю, писать он не мог), расценивая слова на слух, на-глаз и носом, и восхищаясь своими русскими книгами от Киево-Печерского патерика до Новикова (...) А познакомил меня с этим необыкновенным человеком М. М. Пришвин, счастливый на встречи, как с птицей и зверем, так и с человеком. И во все наши петербургские годы (...) Рязановский был нашим всегда желанным и неизменным, верным гостем. Мне посчастливилось неделю провести на его костромской родине. (...) За неделю среди книжных сокровищ я не то что выкупался, а прямо сказать выварился в книгах. В эти забываемые дни не могло быть и речи заснуть. Сам бессонный хозяин подымал меня ни свет, ни заря, да и среди ночи, вдруг вспомнив о каком-нибудь замечательном первом издании или рукописной, мне очень полезной книге, он входил ко мне со свечей по ночному у халате (...) Уткнувшись в книгу и уже забыв обо мне, он вычитывал восхищавшие его строки или, оглядывая книгу через двойные очки, принимался рассказывать историю ее, припоминая мелочи покупки и о собственнике-предшественнике и тоже книжнике. За семь дней и семь ночей я узнал о книге (...) в ее сущности, о книге в «себе самой», и понял, что такое книжник в царстве своих книг (...) Сохраняю мою костромскую память — «рязановскую» в моем «Стратилатове» («Неуемный бубен») и в „Пятой язве“ (Алексей Р е м и з о в. Подстриженными глазами. Книга узлов и закрут памяти. Париж, 1951, с. 153—154).

Заочное знакомство Блока с Рязановским началось с того, что Ремизов подарил Блоку «Альбом оттисков Костромских деревянных резных досок» (собранный и изданный Рязановским в 1912 г.), вместе с книгами Н. Н. Селифонтова — «Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова» (ч. 1, 1901; ч. II, 1898). Эти уникальные издания (в частности, «Альбом» Рязановского, который, не поступая в продажу) Ремизов собирался подарить поэту в день его рождения — 16 ноября 1912 г., но вручил 26 ноября.

Об этом Блок свидетельствует в дневниковой записи от 26 ноября («Около 3-х приехал М. И. Терещенко, мы с ним поехали в «Сирин», где были его сестры и А. М. Ремизов, подаривший мне родословие Романовых и альбом оттисков деревянных досок — редкости из Костромы — VII, 84) и — в письме к Ремизову, помеченном этим же днем: «Не знаю, как Вас благодарить за все надписи, картинки, книги и закладки. Очень это драгоценный

для меня подарок» («Лит. современник», 1933, № 5, с. 150 — с неверной датой).

Причины, почему Ремизов, заранее подготовивший подарки, не вручил их поэту в день рождения, не известны, хотя 16 ноября Блок присутствовал на «освящении» издательства «Сирин» (см. его запись в дневнике — VII, 180), там же, очевидно, находился и Ремизов (см. ниже одну из его надписей) — в октябре — ноябре они не раз встречались, так как оба принимали деятельное участие в организационных делах издательства «Сирин».

«Альбом», изданный Рязановским, сохранился в личной библиотеке Блока (ИРЛИ), на обороте титульного листа, вероятно, рукой Ремизова помечено: «Экземпляр Александра Александровича Блока». Книги Селифонтова Блок, видимо, продал в 1918—1920 гг., сохранились два шмуц-титула (на которых рукой поэта приведены выходные данные книг) с надписями, сделанными Ремизовым: «Сия книга принадлежит Александру Александровичу Блоку. 1912 г. 16 ноября» (ч. I) и «Сия книга «родословие» принадлежит Александру Александровичу Блоку. 1912 г. 16 ноября в день рождения Блока и освящения «Сирин»» (ч. II) (см. в публикации А. П. Юловой «Переписка Блока с А. М. Ремизовым», кн. 2).

Сохранился там же шуточный рисунок Ремизова, связанный с этими подарками, с текстом: «Александру Александровичу Блоку в день его рождения 1912 года, 16 ноября от А. Ремизова, на обороте помета Блока: «Наклеено на бумагу, в которую завернуты книги из Кострома — Рязановского и Селифонтова».

Вместе с книжными подарками Ремизов передал Блоку записку с костромским адресом Рязановского, на ней сохранилась помета Блока: «(Автор альбома оттисков) послано ему собр(ание) стих(отворений) — 27.XI.1912» (там же).

Таким образом, публикуемая здесь надпись Блока была сделана 27 ноября, вероятно, кроме этой книги, поэт послал Рязановскому также третью книгу «Собрания стихотворений» и письмо с благодарностью, но они не сохранились (см. в заметке Ф. Ильина (И. Фоянкова) «У морских ворот Невы» сообщение о том, что конверт от блоковской бандероли, в которую были, видимо, вложены эти книги и письмо (фамилия адресата в заметке не указана) находится у одного из костромских коллекционеров — «Лит. газета», 1980, № 12, 19 марта).

Работой Рязановского в этой области Блок продолжал интересоваться, и через год после получения «Альбома», 21 сентября 1913 г., он послал ему письмо, публикуемое здесь впервые: «Глубокоуважаемый Иван Александрович. Слышал я от А. М. Ремизова, что Вы приступаете к изданию новых оттисков костромских деревянных досок. Если бы Вы нашли возможным прислать их мне, я был бы Вам очень благодарен. Решаюсь обратиться к Вам с такой просьбой, потому, что издание это

Вы не предназначаете для продажи, и потому, что первый выпуск у меня есть и составляет украшение моей небольшой библиотеки. Примите уверения в искреннем моем уважении и преданности Вам. Александр Блок» (ИМ, ф. № 8, оп. 1, ед. хр. 43, л. 1—2). (Изданы II, III и IV выпуски «Альбома», но в библиотеке Блока они не сохранились).

Блок и Рязановский, вероятно, лично познакомились при посредничестве Ремизова, об этом последний упоминает в своем «временнике» в 1917 г. в записи о праздновании Пасхи (2 апреля): «На второй и третий день было у нас большое собрание, как всегда. Как всегда, Федор Иванович Щеколдин и Наталья Васильевна Григорьева, Леонид Добронравов, И. А. Рязановский, А. М. Коноплянец, Разумник Васильевич. Прокофьев играл свое «Мимолетное», — так назвал он новые свои пьесы — музыку. Приходил и Александр Александрович Блок — и это в последний раз был он в моей серебряной игрушечной комнате — в обезвзволпале (в обезьяньей великой и вольной палате). Блок, для меня необычно, в защитном френче, отяжелелый, рассказывал о войне — какая это бестолочь idiotская — война! И за несколько месяцев — был он в каком-то земском отряде — навиделся, знать, и наслышался вдалеке. И была в нем такая устремленность ко всему и на все готового человека, и что бы, казалось, ни случилось, не удивить, и не потужит, что вот еще и еще придет что-то» (А. Ремизов. Всеобщее восстание. — «Эпохея». М. — Берлин, 1922, № 2, с. 80).

А. А. САБУРОВУ

Андрюше Сабурову

1 января 1913 года

⟨Александр Блок⟩

На кн.: «Круглый год. Стихотворения для детей». М., изд. т-ва И. Д. Сытина, 1913. На титульном листе. — Собрание С. В. Сабуровой (Москва).

Андрей Александрович Сабуров (1902 — 1959) — племянник Э. К. и Н. К. Метнеров, впоследствии литературовед, автор книги «„Война и мир“ Л. Н. Толстого. Проблематика и поэтика». М., 1959. Блок в письме от 5 декабря 1912 г. писал Э. К. Метнеру: «Скоро выйдут мои книжки у Сытина, я Вам сейчас же их пошлю — для «Мусагета» и для Андрюши Сабурова, который описал, как «щедрое солнце лучи посылает». Между прочим, мы с ним, вероятно, как водится, родня, потому что Сабуровы и Бекетовы находятся в родстве» («Блоковский сб.», 2, с. 392). В другом письме от 27 декабря 1912 г. поэт сообщил тому же адресату: «Посылаю свои книжки (только что их получил) Андрюше Сабурову и Мусагету» (там же, с. 393), но, судя по надписям, книги послал через несколько дней.

Андрюше Сабурову
1 января 1913 года
Александр Блок.

СТИХОТВОРЕНИЯ
ДЛЯ ДЕТЕЙ.

БЛОК. КРУГЛЫЙ ГОД. СТИХОТВОРЕНИЯ
ДЛЯ ДЕТЕЙ. М., ИЗД-ВО И. Д. СЫТИНА, 1912

Титульный лист с дарственной надписью Блока
А. А. Сабурову

Собрание С. В. Сабуровой, Москва

Андрюше Сабурову.

1 января 1913 г.

⟨Александр Блок⟩

На кн.: «Сказки. Стихи для детей». М.,
изд. т-ва И. Д. Сытина, 1913. На титуль-
ном листе.— Собрание С. В. Сабуровой
(Москва).

Н. Д. САНЖАРЬ

Многоуважаемой

Надежде Дмитриевне Санжар*.

От автора

7 декабря. 1908. СПБ.

На кн.: «Земля в снегу». М., изд. журн.
«Золотое руно», 1908. На первом свобод-
ном листе.— Г.Б.Л. Текст надписи воспро-
изведен в каталоге «Прижизненные изда-
ния Александра Александровича Блока»,
М., 1980.

Надежда Дмитриевна Санжарь (1875 —
1932) — беллетристка, автор повести «За-
писки Анны» (П., 1910). Надпись была
сделана, вероятно, в день знакомства
Блока с Санжарь (этим, надо думать, и

объясняется его ошибка в написании фа-
м依ии адресата). О своем первом впечат-
лении поэт сообщал матери в письме от
14 декабря 1908 г.: «7 декабря был я
у Жени (Иванова) на рождении его.
Тогда же связался опять с Либерсон (ос-
новательница кружка одиноких) и госп-
ожой Санжарь (казачка, сегодня буду слу-
шать ее пьесу; она — типа людей случай-
но несамобувшихся, вроде Свенцицкого
или Брюсова)» (VIII, 268).

В повести «Записки Анны», навеянной
автобиографическими мотивами и нося-
щей антисанитарский характер, выражен
«протест против власти плоти над духом»,
как отмечала критика (см. предисловие
к повести). Используя формулу из этого же
предисловия, Блок в статье «Литератур-
ный разговор» пишет: «Это, собственно,
не литература, а «человеческие докумен-
ты». (...) Вот и среди последних «новинок»
есть две очень острые книги таких «рус-
ских вопленников»: «Записки Анны» На-
дежды Санжарь и «Говор зорь» Пимена
Карпова. Есть ли в действительности
такие имена, или это целая часть большого
человечества, требующая врача, которого
мы еще не в силах ей предложить, —
водила слабыми перьями своих пред-
ставителей? Во всяком случае, в этих кни-
гах есть не одни чернила, но и кровь;
кровь, будто запекшаяся между отдель-
ными страницами; и не словами фельето-
на надо отвечать на эти кровавые и мучи-
тельные слова. Книги в лучшей своей ча-
сти косноязычные, но ведь и настоящие
мученики чаще косноязычны, чем красно-
речивы» (V, 439; ср. об этом же в его ре-
цензии на «Пламень» П. Карпова — V, 486).

Подробно описанный в воспоминаниях
В. Беклемишевой эпизод связан именно
с Санжарь, домогавшейся близости со
знаменитостями: «В эти годы в литера-
турных кругах Петербурга можно было
встретить молодую писательницу N (...)»
Почти одновременно она наисала (...)»
и Леониду Андрееву, и Вячеславу Ива-
нову, и Александру Блоку. Разно бы-
ло отношение всех трех (...)» К письму
Блок отнесся необыкновенно просто» («Кни-
ги. Архивы. Автографы». М., 1973, с. 53).
В связи с этим см. также нерасшифрован-
ную телеграмму А. А. и Л. Д. Елоков и
Сомова к Вяч. Иванову от 29 апреля
1907 г.— «Блоковский сб.», 2, 373.

Известно одно письмо Блока к Санжарь
(VIII, 432—433) и десять ее писем к поэту
(ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 393, лл. 1 —
15). По-видимому, к ней также обращено
неизданное письмо Блока от 21 октября
1912 г., отнесенное в группу писем к неус-
тановленным лицам, — см. в кн.: «Алек-
сандр Блок. Переписка. Аннотированный
каталог», вып. 1. «Письма Александра Бло-
ка». М., 1975, с. 411. В этом письме поэт,
не называя имени корреспондента, благо-
дарит за полученное письмо и, ссылаясь
на занятость, отказывается от встречи.
Скорее всего, адресатом была Санжарь:
18 октября 1912 г. она отправила письмо к
Блоку с просьбой о встрече (ЦГАЛИ, там

* Так в подлиннике.

же, л. 8), 20 октября поэт упомянул в дневнике: «Утром — телефон от Санжарь» (VII, 167), а 21 октября отметил: «Ответы на письма» (там же).

Для писем Санжарь характерны экзальтация, неуравновешенность, таинственные намеки, самовлюбленность; в одном из них она выпендренно именуется себя «художником живой жизни».

В 1911 г. Санжарь — частый собеседник Блока. «Ходит Санжарь», — сообщает он матери 23 марта 1911 г. («Письма к родным», II, с. 138). Через некоторое время эти визиты вызывают у Блока раздражение. «Изнуренный приставаьем Санжарь», — отмечает он в дневнике 17 октября 1911 г. (VII, 70).

В зиму 1911—1912 гг. интерес Блока к Санжарь связан с его работой над предисловием к так и не изданному дневнику О. К. Соколовой; это предисловие впоследствии было напечатано в виде отдельной статьи «Дневник женщины, которую никто не любил» («Жизнь», 1918, 26, 29, 31 мая — VI, 26—37). В конце статьи он заключает: «Есть много таких людей в России, кроме составительницы этих записок: испепелили себя в погоне за каким-то огнем, который надеялись поймать голыми руками» (VI, 36). Блок также отметил сходство Соколовой с Санжарь в дневниковой записке от 29 декабря 1911 г.: «Это — южанка, с неукротимыми страстями, с чудесной наивностью и высокими нравственными задатками в детстве, терзаемая и, может быть, растерзанная уже трудной жизнью <...> Женщина до мозга костей, в области чувства — богатство, широкий диапазон, <...> в судьбе и стремлениях есть общее с Санжарь, но *лучше* — мягче, без самовлюбленности и самоуверенности, с более узкими, личными планами» (VII, 113).

Вероятно, в конце 1912 — начале 1913 г. Санжарь вышла замуж за миллионера Ханенко, владельца одной из лучших художественных коллекций Киева, и в письме от 17 февраля 1913 г. просила Блока помочь ей употребить «страшную, чудовищную силу денег» на что-то «действительно разумное, прекрасное, такое, чего люди не делают» (VII, 493). Получив это послание, поэт отметил: «Примечательное письмо от госпожи Санжарь. Все-таки это хорошо, что мне так пишут» (VII, 221).

В течение шестилетнего знакомства, отмеченного несколькими письмами, Санжарь постоянно обращается к Блоку за литературными советами — приглашает на чтение своей пьесы, посылает для отзыва книгу «Записки Анны» и свой доклад на литературном диспуте в Киеве, просит редактировать ее сказки и поговорить об ее книге «Тетровский». Особенно интенсивной их переписка была в декабре — январе 1913—1914 гг. 5 января 1914 г. поэт отвечает на просьбу выслушать часть новой работы Санжарь «о сущности человеческой жизни»: «Что же мне ответить Вам? Мы такие разные <...> Я уверен, что ничего не скажу Вам полезного: ведь мы действуем в совершенно разных областях:

моя сила — в форме, Ваша — в бесформенности. Я думаю, и Вы и я думаем друг о друге довольно странно: смесь досады с уважением. <...> Ужасно Вы странный человек, Надежда Дмитриевна, никак Вас не поймешь» (VIII, 432—433).

13 января 1914 г. помечена последняя запись Блока о писательнице: «У Н. Д. Санжарь-Ханенко. Ее «Тетровский». Тридцать девять лет. Приют (Киев, Ханенко). Какие-то намеки на дело. Впечатление хорошее. Головокружение — почему? Предложение денег» (ЗК, 201 — в опубликованном тексте опечатка: «Петровский»).

Ж. А. СВИРИДЕНКО

Жильберте Александровне
Свириденко.

Александр Блок

Январь 1919

Schöne Wiege meiner Leiden,
Schönes Grabmal meiner Ruh!..*

На кн.: «Стихотворения. Книга третья». М., «Мусaget», 1916. На первом чистом листе. — Собрание С. Л. Маркова (Ленинград).

Софья Александровна Свиридова (ок. 1880—после 1928), псевдоним Жильберта Свириденко, поэтесса, переводчица. В 1919—1921 гг. Блок редактировал некоторые ее переводы из Г. Гейне. Подробнее о ней см. в наст. томе, кн. 4.

Прочитываемое в надписи двустишие — начало стихотворения Г. Гейне «Junge Leiden» (N 5), входящего в сб. «Buch der Lieder».

Л. Д. СЕМЕНОВУ

Милому Леониду Дмитриевичу
Семенову

на память и в знак любви.

Александр Блок.

2.XI.1904.С-П-Б.

На кн.: «Стихи о Прекрасной Даме». М., «Гриф», 1905. На титульном листе. — Центральная городская библиотека (Пермь). Надпись напечатана в газ. «Вечерняя Пермь», 1976, 9 октября.

Леонид Дмитриевич Семенов-Тянь-Шанский (1880—1918) — поэт, университетский товарищ Блока. Первый период их знакомства, приходящийся на 1903—1905 гг., отмечен общностью взглядов и литературных вкусов; показателем этой общности служит и рецензия Блока на первый и единственный сборник Семенова «Собрание

* Колыбель моей печали,
Склеп моих спокойных снов...
(Г. Гейне. Пер. В. Коломийцова).

стихотворений» (СПб., изд. «Содружества», 1905).

В этой рецензии Блок формулирует общее для младших символистов накануне революции 1905 г. умонастроение: «Движение души или волнение выражает ожидание чего-то выходящегося, приближающегося, воплощающегося: как бы где-то недалеко прошло то, что для выражения своего не находит иных звуков, кроме музыкальных; и слова, сопровождающие происходящее, устремляют свой поток к музыке, заслоняют логику — музыкой» (V, 589—590). Общность душевного настроения сказалась и в стихотворных посланиях, которыми обменялись два поэта: стихотворении Семенова «А. А. Блоку» («Не спи, но спящих не буди...»), датированном 15 декабря 1903 г. (см. наст. кн., «Блок в поэзии его современников»), и в посвященном Л. Семенову стихотворении Блока «Жду я смерти близ денницы...» (январь 1904 г.; II, 35).

В последующие годы Семенов ушел от поэтического творчества — сначала в революционную борьбу (он был социал-демократом, занимался пропагандистской работой, подвергался арестам и заключению), а затем — в толстовство, опрощение, попытки «слиться с народом». В последние годы жизни он «осел на землю», крестьянствовал и, примирившись с официальным православием, собирался принять священнический сан. Тогда же он вернулся к литературной работе и написал автобиографические записки, опубликованные частично лишь в 1977 г. («Труды по русской и славянской филологии», XXVIII, Тарту, 1977, с. 109—146). В 1918 г. Семенов был убит бандитами у себя дома, на хуторе в Рязанской губернии.

После 1905 г. Блок редко встречался с Семеновым, но не терял к нему интереса. Один из рассказов Семенова упоминается (со сдержанной, впрочем, оценкой) в статье Блока «О реалистах» (V, 114). Духовный путь Семенова становится для Блока все более значимым как опыт радикального решения основного «проклятого вопроса» русской интеллигенции — вопроса о взаимоотношениях с народом. Однако для себя Блок не видел возможности избрать этот путь. «Знаю все, что надо делать: отдать деньги, покаяться, раздарить смочки, даже книги. Но не могу, не хочу», — записал он в дневнике 6 декабря 1911 г. (VII, 101).

Подробнее об отношении Блока к Леониду Семенову см. в статье З. Г. Минц «Л. Д. Семенов-Тянь-Шанский и его „Записки“» («Труды по русской и славянской филологии», XXVIII, с. 102—105). Леониду Семенову посвящена глава в воспоминаниях В. А. Пяста (Вл. П я с т а. Встречи. М., 1929, с. 35—43). Ср. также рассуждение о русской «гипертрофии совести» в связи с судьбой Леонида Семенова в воспоминаниях Г. И. Чулкова (Георгий Ч у л к о в. Годы странствий. М., 1930, с. 175—179).

Милому Леониду Дмитриевичу
Семенову

Александр Б л о к

III.1907.С-П-Б.

На кн.: «Нечаянная радость». М., «Скорпион», 1907. На шмуцтитуле.— Собрание М. С. Лесмана (Ленинград).

В. Н. СОЛОВЬЕВУ

Дорогому Владимиру Николаевичу
Соловьеву
от автора.

26 III 1913.СПБ.

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусaget», 1911. На авантитуле.— ГЛМ.

Владимир Николаевич Соловьев (1888 — 1941) — режиссер, драматург, теоретик театра, видный советский театральный педагог, в 1910-х годах — ближайший соратник в ряде театральных начинаний В. Э. Мейерхольда. Он теоретически и практически разрабатывал проблемы театральной импровизации (см. его статью «О театральном традиционализме» — «Аполлон», 1914, № 4), ввел метод коллективного, «спенического» изучения «*commedia dell'arte*» путем выработки условно-театральных мизансцен и оживления их словами, рожденными в момент напряженного действия (Владимир С о л о в ь е в. К истории спенической техники «*commedia dell'arte*». — «Любовь к трем апельсинам», 1914, № 1, с. 13—14), писал сценарии по образцу итальянской комедии масок, иногда под псевдонимом Вольмар Люсциус. В постановке «Балаганчика» в студии Мейерхольда в 1914 г. исполнил роль Автора. «В этой роли он был самим собой. Его личная нервическая возбудимость как нельзя лучше отвечала облику автора, а естественное волнение воспринималось юмористически» (А. Г р и п и ч. Учитель сцены. — «Встречи с Мейерхольдом. Сборник воспоминаний». М., 1967, с. 167). Еще в 1911 г. он искал сближения с Блоком. Так, М. Л. Лозинский, по-видимому, идя навстречу его пожеланиям, писал Блоку 19 марта 1911 г.: «...мой приятель В. Н. Соловьев, на пари со мной, написал миниатюрную книгу «начал», небольших отрывков не существующих, якобы погибших произведений, снабдив ее мистификаторским предисловием. Каждое «начало» — их девять — должно быть художественно законченным в своей незавершенности так, чтобы к нему нельзя было написать продолжения.] Решить вопрос, выполнены ли условия пари, должно решить жюри из трех лиц. В состав его входят пока некий филолог да я. Председательское кресло вакантно. Если Вам не скучно потерять вечер и пожертвовать полчаса исследованию таинственной рукописи, Вы, может быть, посетите мое ново-

селье <...>» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 313, л. 3—4; «некий филолог» — по-видимому, К. А. Вогак, создавший весной 1911 г. вместе с М. Л. Лозинским шутиливое литературное сообщество «Трангопс», а впоследствии ставший сотрудником В. Н. Соловьева по студии Мейерхольда и журналу «Любовь к трем апельсинам»). На это приглашение Блок не откликнулся, и следующей попыткой знакомства со стороны Соловьева была передача письма актера и режиссера Ю. Л. Ракина (см. недатированное письмо Ю. Л. Ракина Блоку — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 378, л. 5; в каталоге переписки Блока это письмо отнесено к октябрю — декабрю 1911 г. — «Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог». Вып. 2. М., 1979, с. 38). Более близкое знакомство произошло, по-видимому, в Териоках летом 1912 г., где Соловьев принимал участие в деятельности театральной труппы, в которую входила Л. Д. Блок. 15 октября 1912 г. В. Н. Соловьев подарил Блоку номер журнала «Новая студия» (1912, № 6), в котором была напечатана его арлекинада «Черт в зеленом, или услуга за услугу», с надписью: «Глубокоуважаемому Александру Александровичу Блоку. Автор. Окт. 1912» (VII, 165; ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 487). Той же осенью Блок рекомендовал Соловьева как возможного сотрудника театрального отдела газеты «Русская молва» (VII, 182; письма Блока к Л. Я. Гуревич от 27 и 28 ноября 1912 г. — ИРЛИ, 19184. СХХХV Б. 3).

Надпись на «Стихах о Прекрасной Даме» сделана, по-видимому, в ожидании визита Соловьева, который состоялся 27 марта 1913 г.: «Вечером у меня Вл. Н. Соловьев. Почти шесть часов сряду — болтовня врпирпрыжку, с перескоками. Много хорошего» (VII, 234). В 1913—1916 гг. Блок многократно встречался с Соловьевым (ЗК, 216, 225, 227, 228, 236, 297, 305), иногда сопровождая эти встречи жалобами на излишнюю разговорчивость собеседника (ЗК, 242, 395). К личности Соловьева Блок, хотя и с оговорками, относился сочувственно (VIII, 441; ЗК, 314; ЛН, т. 89, с. 332), но его теоретической и практической деятельности в сфере «театрального традиционализма» решительно не одобрял (ЛН, т. 89, с. 344). Сохранилась также надпись на первом листе «Воспоминаний о Сапунове» В. Н. Соловьева, напечатанных в журнале «Аполлон» (1916, № 1): «Глубокоуважаемому Александру Александровичу Блоку от автора. Май 1916 г.» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 487, № 2).

Дорогому Владимиру Николаевичу
Соловьеву
на память о нашем общем лете 1918.

Ал. Блок

На кн.: «Двенадцать. Скифы». СПб., «Революционный социализм», 1918. На

титальном листе. — Собрание М. С. Лесмана (Ленинград).

В 1918 г. Блок и В. Н. Соловьев были сослуживцами по Бюро репертуарной секции ТЕО Наркомпроса. Дата в инскрипте уточняется записью Блока от 29 июня 1918 г.: «Бюро (Соловьеву — «Двенадцать») (ЗК, 414). В октябре 1918 г. В. Н. Соловьев подарил Блоку напечатанный в «Аполлоне» (1917, № 2—3) свой «театральный фельетон» «Barbaros» с надписью: «Дорогому Александру Александровичу Блоку на память о совместной работе в «Бюро». Вл. Соловьев. Октябрь 1918 г.» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 487).

Фотография титула с дарственной надписью воспроизведена в изд.: «Памятники культуры. Новые открытия». Ежегодник, 1979. Л., 1980, с. 428.

Дорогому Владимиру Николаевичу
Соловьеву
с сердечным приветом.

А. Б.

VII.1918

На кн.: «Соловьиный сад». П., «Альковность», 1918. На авантитуле. — Собрание Э. И. Григолюка (Москва).

Книга была подарена, по-видимому, 30 июля 1918 г. — в этот день в записной книжке Блока отмечено: «В бюро. <...> Всем — «Соловьиный сад» (ЗК, 418).

Дорогому Владимиру Николаевичу
Соловьеву
на память о «Миньоне» и «Привале»
13 декабря 1918 г.

Александр Блок

На кн.: «Двенадцать». 2-е изд. П., Алковность, 1918. Именной экземпляр С. М. Алянского. На вложенном листе. — Собрание С. Л. Маркова (Ленинград). На том же листе — дарственная надпись С. М. Алянского, сделанная в тот же вечер: «Дорогому Владимиру Николаевичу Соловьеву на память о совместном холтурянии С. Алянск<ий> 13.XII, 18 г.».

13 декабря 1918 г. Блок был в Михайловском театре на опере «Миньон» («Миньона») Ш. -Л. -А. Тома (преьера которой состоялась 27 ноября 1918 г.) и в литературно-художественном кафе «Привал комедиантов», где Л. Д. Блок в тот вечер читала «Двенадцать» (ЗК, 440). Как явствует из надписи, и в театре, и на вечере был и В. Н. Соловьев. Надпись С. М. Алянского намекает на совместную службу в ТЕО Наркомпроса, а написание последнего слова в этой надписи объясняется тем, что слово «халтура» к тому времени еще не окончательно проникло в литературный язык и орфография его не устоялась.

С. М. СОЛОВЬЕВУ

Милому, дорогому
Сергею Михайловичу Соловьеву
в знак памяти

и о прошедшем, настоящей любви
и близости и будущей нескazanной
встречи.

Александр Блок

1904. СПб. X 29

На кн.: «Стихи о Прекрасной Даме». М., «Гриф», 1905 [1904]. На титульном листе.— Собрание Н. С. Соловьевой (Москва).

Сергей Михайлович Соловьев (1885 — 1942) — поэт, литературный критик и переводчик, близкий друг Александра Блока. См. публикацию переписки Блока с ним в наст. томе.

Сергею Соловьеву
на память о лучших днях
и в залог нашей связи.

Александр Блок

Май 1911. СПб.

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусaget», 1911. На авантитуле.— Собрание Е. Л. и Л. А. Соломоновых (Москва).

П. С. СОЛОВЬЕВОЙ (ALLEGRO)

Поликсене Сергеевне
от любящего автора.

Декабрь 1915

На кн.: «Стихи о России». П., изд. журн. «Отечество», 1915. На первом свободном листе.— ГПБ, ф. 723, ед. хр. 25. Надпись напечатана в каталоге «Рукописи А. А. Блока». Л., 1970, с. 48.

Поликсена Сергеевна Соловьева (1867 — 1924) — поэтесса (в начальный период деятельности публиковалась под псевдонимом «Аллегро») и художница; сестра Владимира Соловьева. Соиздательница (вместе с Н. И. Манасеиной) и один из основных авторов детского журнала «Тропинка» (1906—1912), в котором публиковались и стихи Блока. Близкая приятельница матери Блока. В 1905 г. Блок поместил в «Вопросах жизни» (№ 4-5) рецензию на сборник стихов Соловьевой «Иней», ею самой иллюстрированный. Общий тон рецензии — одобрительный и даже восторженный: «И вот мы встречаем новую и тихую поэзию. Она нова, потому что подошла в упор к открывшимся глубинам, и тиха, потому что только смотрит в них грустными целомудренными глазами. Совсем не уходя от живого, она притаилась, но не пролилась; она знает свою область: не вызывает из бездны темных существ, чтобы по-

мериться с ними, и равно избегает громких словословий; она вся в «благодарении» и «прощении» (V, 565—566). В заключение рецензии Блок подчеркнул родство автора книги «по духу и по крови» с Владимиром Соловьевым.

К последующим книгам Соловьевой Блок относился иначе. Так, поэму «Перекресток» он в дневниковой записи от 22 октября 1912 г. прямо назвал «плохой поэмой» (VII, 168), а позже, в записи от 6 марта 1913 г., сравнивая эту поэму с поэмой второстепенной поэтессы 1850-х годов Н. Д. Хвоцинской «Деревенский случай», отметил в обеих книгах «женское бессилие, неграмотность, невечность» (VII, 227). Впрочем, его личная симпатия к Соловьевой оставалась неизменной («Люблю Поликсену Сергеевну <...>» (VII, 191, запись в дневнике от 12 декабря 1912 г.).

В 1915 г. С. А. Венгеров заказал Блоку статью о П. Соловьевой для «Истории русской литературы XX века». Блок писал матери по этому поводу 4 июня 1915 г.: «Я, действительно, мог бы написать искренно сочувственную статью, но все-таки, как я ни люблю дух стихов П. С. и как ни люблю разных броских талантливейших, — меня смущает то, что большая часть стихов так похожа друг на друга. Пожалуй, откажусь» («Письма к родным», II, с. 268—269); см. также запись от 6 июня 1915 г.: «Телефон от Венгерова (я отказался писать о П. С. Соловьевой)» (ЗК, 265). Впрочем, в записи от 28 июня 1916 г. Блок отмечает «близь души» с П. Соловьевой (ЗК, 309).

П. С. Соловьева посвятила Блоку стихотворение «Серый волк», построенное на мотивах народной сказки об Иване-царевиче и сером волке (П. Соловьева (Allegro): Вечер. Пб., 1914, с. 53). Ср. запись в дневнике Блока от 9 января 1913 г. «Поликсена Сергеевна <...> хочет посвятить мне стихотворение в новой книжке» (VII, 205). См. также наст. т., публ. «Блок в неизданной переписке и дневниках современников».

Ф. К. СОЛОГУБУ

Федору Кузмичу Сологубу —
Автору Звезды Маир — Утешения —
Сказок —...

в знак глубокого уважения
и благодарности —

〈Александр Блок〉

27. XII. 1904. СПб.

На кн.: «Стихи о Прекрасной Даме». М., «Гриф», 1905. На титульном листе.— ИРЛИ, библиотека.

Федор Кузьмич Сологуб (наст. ф. милия — Тетерников, 1863—1927) — поэт и прозаик, один из виднейших символистов старшего поколения. В своей критической прозе Блок не раз высоко отзывался как об отдельных его сочинениях, так и о

всем творчестве (см., напр., статью 1907 г. «Творчество Федора Сологуба» — V, 160 — 163, или оценку сборника Сологуба «Пламенный круг» — V, 284—289).

Однако в личных отношениях между ними всегда присутствовала отчужденность; это подтверждается почтительным, но сдержанным тоном как большинства приводимых здесь надписей Блока, так и сохранившихся писем, которыми обменивались оба поэта. Высказывания Сологуба о Блоке (из писем к Блоку и записанных современниками разговоров с Сологубом) см. в кн.: Федор Сологуб. Стихотворения. Л., 1975, с. 622. Ср. также записанные Э. Голлербахом в 1925 г. слова Сологуба о Блоке: «...это был лучший человек нашего времени, но совершенно мертвый человек. Даже в лице его, прекрасном и строгом, особенно в очерке рта, было что-то мертвое». Далее в этой же записи приводится «излюбленная мысль» Сологуба о том, что «Блок ничего в России не понимал», что «это была немецкая душа, германский гений...» (ГБЛ, ф. 453, карт. 1, ед. хр. 14). Последние слова — очевидная аллюзия к «Скифам»: «И сумрачный германский гений». Что же до слов Сологуба о «мертвиане» Блока, то их следует рассматривать в контексте присущего самому Сологубу и отразившегося в его сочинениях «культу смерти».

О взаимоотношениях Блока и Сологуба см. также наст. кн., дубл. «Блок в изданной переписке современников».

Надпись впервые напечатана (без даты) в кн.: Федор Сологуб. Стихотворения. Л., 1975, с. 599. В тексте инскрипта упоминаются следующие произведения Сологуба: «Звезда Маир» — цикл стихотворений (1898—1901, опубл. 1904); «Утешение» — рассказ (1904, сб. «Жало смерти»); см. об этом рассказе в статье Блока «Безвременье» (1903; V, 81); «Сказки» — прозаический цикл (1905, книга вышла в свет в октябре 1904); см. об этом цикле в статье Блока «Творчество Федора Сологуба» (1907; V, 163). Ср. в письме Блока к С. М. Соловьеву от 2 декабря 1903 г.: «Сологуб и сквозь усталость увидал звезду Маир, реку Лигой, землю Ойле. Что же мы-то, желающие жизни?» (VII, 79).

Милому и дорогому
Федору Кузмичу Сологубу
с неизменной любовью,
с глубоким уважением и
преданностью
Александр Блок

Январь 1907. Спб.

На кн.: «Нечаянная радость». М., «Скорпион», 1907. На контртитule.— ГПБ. Надпись напечатана в каталоге «Рукописи А. А. Блока». Л., 1970, с. 48.

Глубокоуважаемому и дорогому
Федору Кузмичу Сологубу
любящий Александр Блок
Апрель 1907. Спб.

На кн.: «Снежная маска». Спб., «Оры», 1907. На авантагитule.— ИРЛИ, библиотека.

Глубокоуважаемому
Федору Кузмичу Сологубу
на память о моей
глубокой и неизменной любви
Александр Блок
6 марта 1908. Спб.

На кн.: «Лирические драмы». Спб., «Шиповник», 1908. На обороте пшмуцтитule.— ГПБ. Текст надписи опубликован в каталоге «Рукописи А. А. Блока», с. 48.

Милому Федору Кузмичу
Сологубу
Александр Блок
22.IV 08. Café de Paris

На фотографии: Блок (раб. Д. Здобнова), 1907. На обороте.— ИРЛИ.

Café de Paris—название кафе в Петербурге; см. письмо Блока к Чулкову от 1907 г. (без даты): «Если Вы не придете в 1/2 12-го (половина двенадцатого) в Café de Paris (буду ждать Вас там) — уйду домой» (Г. Ч у л к о в. Годы странствий. М., 1930, с. 375).

Федору Сологубу
от благодарного и любящего
читателя его
Александра Блока.
Октябрь 1908. Спб.

На кн.: «Земля в снегу». М., изд. журн. «Золотое руно», 1908. На первом свободном листе.— ИРЛИ, библиотека.

Федору Сологубу
с глубоким уважением и любовью.
Александр Блок
Май 1911. Спб.

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. «Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусажет», 1911. На авантагитule.— ИРЛИ, библиотека.

См. письмо Сологуба к Блоку от 13 мая 19.1 г.: «Сейчас получил Вашу книгу стихов. Предвкушаю ту радость, которую доставит мне чтение этой книги. Очень благодарю за память» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 409, л. 14).

Дорогому Федору Кузмичу
Сологубу
на добрую память.

А л . Б л о к

Ноябрь 1911. СПБ.

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусажет», 1911. На титульном листе.— ИРЛИ, библиотека.

См. письмо Сологуба к Блоку от ноября 1911 г.: «Из дальних странствий возвратись», я очень был обрадован тем, что нашел Вашу книгу. Большое спасибо за то, что вспомнили меня, и за Ваши очаровательные, как всегда, стихи. Отчего Вы к нам никогда не заглянете? Был бы рад повидать Вас» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 409, л. 15).

Дорогому
Федору Кузмичу Сологубу

А л е к с а н д р Б л о к

1912

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга вторая. Незаянная радость». М., «Мусажет», 1912. На авантитуле.— ИРЛИ, библиотека.

Федору Сологубу
с неизменной любовью —
— Александр Б л о к

Апрель 1912

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга третья. Снежная ночь». М., «Мусажет», 1912. На авантитуле.— ИРЛИ, библиотека.

Дорогому Федору Сологубу
от преданного ему автора.

3 октября 1915 года

На кн.: «Стихи о России». П., изд. журн. «Отечество», 1915. На первом свободном листе.— Собрание Е. А. Густа (Москва)

См. письмо Сологуба Блоку от 9 октября 1915 г.: «Я получил (...) книгу Ваших стихов. Очень благодарю. Сейчас, перед этим письмом, опять прочел все стихи Вашей книжки. Хорошо, что на свете есть стихи, — все остальное как-нибудь перемоется» (ЦГАЛИ, там же, л. 17).

В бумагах Блока сохранился титульный лист XVII тома собрания сочинений Сологуба («Очарования земли», стихи 1913 г. Пб., «Сирин», 1913) с надписью: «Милому Александру Александровичу Блоку любящий его Федор Сологуб» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 409, л. 16).

К. А. СОМОВУ

Константину Андреевичу Сомову
с нежной привязанностью,
с любовным воспоминанием
о милых сеансах.

А л е к с а н д р Б л о к

4 мая 1907

На фотографии: Блок (раб. Д. Здобнова), 1907. На обороте.— Собрание И. С. Зильберштейна (Москва).

Автограф надписи воспроизведен в кн.: «ЛН», т. 89, с. 225.

Константин Андреевич Сомов (1869—1939) — художник, автор портрета Блока (1907) и обложки к его «Лирическим драмам».

Подробнее о взаимоотношениях Блока и Сомова см. в кн.: «Константин Андреевич Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников». М., 1979 (по имен. указ.), а также в статье Ю. А. Молока «Поэт и город». — «Декоративное искусство», 1980, № 11, с. 22—29.

Милому и дорогому
Константину Андреевичу
Сомову
от любви моей.

А л е к с а н д р Б л о к

3 марта 1908. СПБ.

На кн.: «Лирические драмы». СПб., «Шиповник», 1908. На первом свободном листе.— Собрание Е. В. Лидиной (Москва).

К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

Глубоко чтимому
Константину Сергеевичу
Алексееву — Станиславскому —
от автора,
любящего нежно и почтительно.

А л е к с а н д р Б л о к

VI 1916

На кн.: «Театр». М., «Мусажет», 1916. На первом свободном листе.— Музей МХАТ (Отдел рукописей), архив К. С. Станиславского.

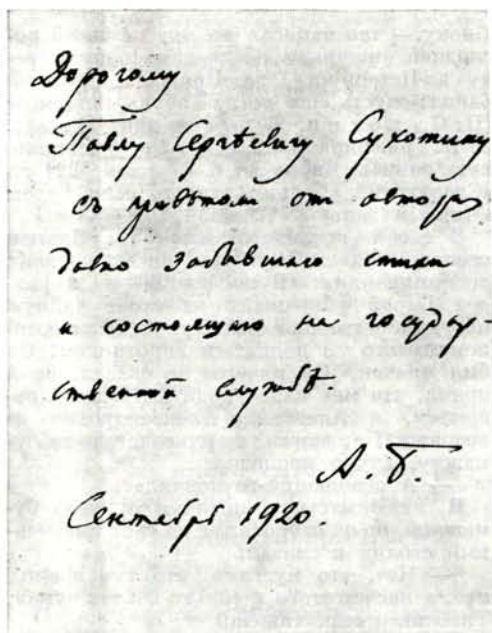
В. Я. СТЕПАНОВУ

Милому Валериану Яковлевичу
Степанову
с сердечным приветом.

А л . Б л о к

7 IX 1919

На кн.: «Песня Судьбы». П., «Алконост», 1919. На первом свободном листе.— ГЛМ.

БЛОК. ЗА ГРАНЬЮ ПРОШЛЫХ ДНЕЙ, ПБ, ИЗД. З. И. ГРЖЕБИНА, 1920

Титульный лист с дарственной надписью Блока П. С. Сухотину (на обороте)

Собрание Е. С. Шальмана, Москва

Валериян Яковлевич Степанов (1873—1943) — театральный критик, историк театра и сценографии. В 1918 г. был секретарем Театрального отдела Наркомпроса в Петрограде; к этому времени относится его знакомство с Блоком. Впоследствии работал режиссером сельских самодеятельных театров при Средневолжском союзе потребительских обществ в Самаре. В письме от 21 августа 1919 г. Степанов просил Блока указать материалы для инсценировок и прислать 20 экземпляров «Двенадцати» с предисловием Иванова-Разумника (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 412). В ответ Блок послал Степанову экземпляр «Песни Судьбы» с дарственной надписью и шесть экземпляров «Двенадцати»; это явствует из пометы Блока на письме Степанова и из сохранившейся обертки от заказной бандероли, в которой были посланы книги (дата отправки — 9 сентября 1919 г.; ЦГАЛИ, ф. 872, оп. 1, ед. хр. 104).

Вскоре после смерти Блока Степанов, переехавший к этому времени в Москву, опубликовал краткие воспоминания о Блоке. В них он, в частности, писал: «(...) Участие Блока в ТЕО широко касалось как разработки общих репертуарных вопросов, так и плана издания сборников «Репертуар», редактором коих поэт был выбран. Его очень привлекала к себе эта работа. Однажды, проводя в беседе с поэтом у него на Офицерской один из польских (1918 г.) вечеров, помню, с каким живым увлечением и интересом он высказывался о «сборниках», придавая им и теоретическое и практическое значение.

А. А. никогда не жаловался на жизненные тяготы того периода, когда все кругом так выпукло акцентировало эту тему. Но в этот памятный вечер у поэта едва заметно сказалось и сейчас же замолкло сожаление отдавать напряжение и здоровье труду домашнего обихода (...) А. А. необычайно осторожно относился к утверждаемому репертуарам и был особенно строгим противником снятия с репертуара пьес, особенно имеющих успех у зрительного зала, но не отвечающих тем или иным художественным принципам (...)» («Театральная Москва», 1921, № 4, 7—10 ноября, с. 3—4).

П. С. СУХОТИНУ

Дорогому
Павлу Сергеевичу Сухотину
с приветом от автора,
давно забывшего стихи
и состоящего на государственной
службе.

А. Б.

Сентябрь 1920.

На кн.: «За гранью прошлых дней». П., изд. З. И. Гржебина, 1920. На обороте титульного листа.—Собрание Е. С. Шальмана (Москва). Надпись напечатана в журн. «Простор», 1970, № 3, с. 98 (неточно)

Павел Сергеевич Сухотин (1884—1935) — поэт и прозаик, близкий к символистам;

принадлежал к московскому кружку литераторов (Н. Апукин, П. Муратов, Б. Гриффов, Б. Зайцев, Влад. Ходасевич и др.), группировавшихся вокруг книгоиздательства К. Ф. Некрасова. В ноябре 1909 г. Блок напечатал краткий уничтожающий отзыв о его первом сборнике «Астры» (V, 655). Неодобрителен и его отзыв о второй книге Сухотина «Поляны» (М., кн-во К. Ф. Некрасова, 1914): «Может быть, это личный мой вкус, но я просто не люблю таких стихов, они для меня, грубо говоря, «непитательны» («Блоковский сб.», 1, с. 546). Параллельно с Блоком Сухотин изучал творчество Аполлона Григорьева и выпустил в том же издательстве Некрасова, где вышло блоковское собрание стихотворений Григорьева, книгу его воспоминаний «Мои литературные и нравственные скитальчества» (М., 1915). Сухотин также приглашал Блока в 1914 г. участвовать в издававшемся К. Ф. Некрасовым журнале «София» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 418, л. 2), но с началом войны журнал этот прекратился.

Личное отношение Блока к Сухотину было теплым и дружелюбным, о чем свидетельствуют опубликованные письма Блока («Блоковский сб.», 1, с. 546—547; см. там же, с. 545, биографическую заметку Н. С. Апукина о Сухотине). В 1916 г. Сухотин опубликовал в «Русской мысли» стихотворение, посвященное Блоку, — «Я посетил твой дом на Прыжке...» (см. наст. кн., публ. «Блок в поэзии современников»), причем извинился перед Блоком в письме от 1 марта 1916 г. за то, что не показал ему этих стихов предвзвешенно (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 418, л. 6).

В письме от 26 июня 1920 г. Сухотин писал Блоку: «Вы как-то сказали про мои стихи, что они для Вас непитательны, а вот я Вашими питаюсь и уже навсегда неразрывная связь возникла меж Вами, где бы Вы ни были, и мною, сидящим в тульском медвежьем углу <...>. Что Вы? Как Вы? О Вас я знаю только по «Соловьиному саду» и «Двенадцати», по последней вещи Вы стали еще ближе, еще дороже, и я совершенно уверен, что Вы единственный в наше время проносающий светлый дар свой в будущее. Другие — хороши нынче, завтра и еще, быть может, какое-то время, но уже над ними не задумается и не вздохнет идущая за нами младость. Если бы встал из мертвых Пушкин, он обнял бы Вас за Ваш подлинный, исключительный по глубине лиризм. Вы с ним от одних светлых истоков, может быть, оттого-то я Вас так и люблю» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 418, л. 9—9 об.). В приводимой дарственной надписи — отсылка к драматическому диалогу Блока «О любви, поэзии и государственной службе» (1906).

По-видимому, при этом же свидании с Сухотиным Блок подарил ему и другую свою книгу — скорее всего, «Седое утро»; об этом свидетельствует предисловие Сухотина к его книге стихов «В черные дни»: «Называя этот сборник «В черные дни», я посвящаю его, ушедшему от нас Александру

Блоку, — так написал он мне на своей последней книжке, в последнюю нашу встречу в Петербурге, на Прыжке, и еще добавил: «Пусть еще когда-нибудь свидимся» (П. С у х о т и н. В черные дни. М., изд. З. И. Гржебина, 1922, с. 3). Ср. дневниковую запись Блока от 6 февраля 1921 г.: «Следующий сборник стихов, если будет: «Черный день» (VII, 403).

О своей последней встрече с Блоком осенью 1920 г. Сухотин писал в своих воспоминаниях: «В последний раз я увидел Блока убиравшим на столе чайную посуду и остывший самовар. Он был в осеннем пальто с поднятым воротником. Он был мрачен. Он ничего не сказал, но я понял, что мне надо уходить. Я стал прощаться, и Александр Александрович не возражал, а, держа в руке какую-то бумажку, глухо процедил:

— А революция-то кончилась!

Я, любопытствуя, потянул руку за бумажкой, но он отбросил ее на свой письменный столик и сказал:

— Нет, это пустяки, это тут кое-что мое, а насчет этого я только сейчас думал. Тяжело, очень тяжело!

Это были последние слова, сказанные мне Блоком» (П. С у х о т и н. Памяти А. А. Блока. — «Красная нива», 1924, № 32, с. 777).

В архиве Блока сохранилась надпись Сухотина на титульном листе книги «Тути-Намэ» (М., 1915): «Дорогому Александру Александровичу Блоку с неизменной любовью. Павел С у х о т и н» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 419, л. 3).

Сухотину принадлежат такие посвященные памяти Блока «драматические сцены» «Поминок поэту» (отд. изд. — М., 1922; в журнальной публикации «Requiem» — «Сподохи», Берлин, 1922, № 8).

К. А. СЮННЕРБЕРГУ

Константину Александровичу
Сюннербергу

с сердечным рукопожатием

автор.

Ноябрь 1911

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусагет», 1911. На титульном листе. — ИРЛИ.

Константин Александрович *Сюннерберг* (псевд. Константин Эрберг) (1871—1942) — поэт, критик, философ. См. письма Блока к нему в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год», с. 147—158, а также его воспоминания о Блоке — там же, с. 116—125.

В архиве Блока сохранилась дарственная надпись Сюннерберга, на первом листе статьи «Творческий процесс в науке и искусстве» («Русская мысль», 1920, № 3, с. 57—58): «Александру Блоку привет от автора. Май 1912» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 420, л. 4).

Константину Эрбергу
на память о «нашем пути».

Страшный декабрь 1918

А. Блок

На кн.: «Двенадцать». 2-е изд. П., «Алконост», 1918. На первом свободном листе.—
Собрание М. К. Сюннерберг (Ленинград).

Дата дарения уточняется пометой в записной книжке от 18 декабря 1918 г.: «...Двенадцать— Сюннербергу...» (ЗК, 440).

А. Я. ТАИРОВУ

Многоуважаемому
Александру Яковлевичу Таирову
голубой маске «Балаганчика»
с искренним расположением

Александр Блок

20.III. 1907. С-П-Б.

На кн.: «Стихи о Прекрасной Даме». М. «Гриф», 1905. На титульном листе, сохранились первые 16 страниц.— ЦГАЛИ, ф. 2328, оп. 1, ед. хр. 1047.

Александр Яковлевич Таиров (наст. фамилия Корнблит, 1885—1950) — актер и режиссер, организатор и художественный руководитель московского Камерного театра. В своей автобиографии 1928 г. Таиров писал: «⟨В 1906 г. из Киева⟩ я приехал в Петербург в театр Коммиссаржевской, одновременно переведясь в Петербургский университет. Это был год вступления к Коммиссаржевской Мейерхольда, год «Сестры Беатрисы», «Балаганчика» (в котором я играл Голубую маску), год ломки старого театра. Я попал в среду людей нового искусства: Блок, Кузмин, Сологуб, Вячеслав Иванов, Сергей Городецкий, Судейкин, Сапунов. Частое общение с ними, несомненно, отразилось на зарождавшихся во мне театральных взглядах и стремлениях» (А. Я. Таиров. О театре. М., 1970, с. 68). На вечер «молодой поэзии и музыки» в Петербургской консерватории 31 января 1908 г. Таиров читал «Клеопатру» Блока и «Стрибога» Гордеецкого («Биржевые ведомости», 1908, 1 февраля).

Голубая маска — персонаж «Балаганчика»; эту роль Таиров играл в спектакле театра Коммиссаржевской, поставленном Мейерхольдом. В сопроводительном письме от 20 марта 1907 г. при котором «Стихи о Прекрасной Даме» были посланы Таирову, Блок писал: «Многоуважаемый Александр Яковлевич. Извините, что я не зашел к Вам на «Жизни человека», как мы успевали, и не сделал надписи тогда. Спешу послать Вам книгу и благодарю Вас за письмо. Крепко жму Вашу руку и желаю Вам успеха в поездке. В театр здесь так я и не собрался, отчасти прозевавал, отчасти — дел ужасно много сейчас. Искренне уважающий Вас Александр Блок» (ГНБ. ф. 24, № 498).

*С многоуважаемому
Александру Яковлевичу Таирову
голубой маске
«Балаганчика»
с искренним расположением*
Александр Блок. *Александр Блок*
20. III. 1907.
С-П-Б.

Стихи

о Прекрасной Даме.

КНИЖНО-
ВЛАДЕЛЬЧЕСТВО
«ГРИФ»
МОСКВА
ГОДЪ 1905.

БЛОК. СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ, М.,
«ГРИФ», 1905

Титульный лист с дарственной надписью Блока
А. Я. Таирову

Центральный архив литературы и искусства,
Москва

В 1916 г. Таиров планировал поставить в Камерном театре «Розу и Крест» Блока, но постановка не состоялась, так как Блок передал пьесу Художественному театру (см. IV, 588).

М. И. ТЕРЕЩЕНКО

Михаилу Ивановичу Терещенке
эта пьеса, с ним глубоко
связанная и ему молчаливо
посвященная, —
от любящего его автора,
который никогда не забудет тех
печальных и милых дней.

Александр Блок

Январь 1914

На отд. оттиске: «Роза и Крест» (альм. «Сирин», I, СПб., 1913).— Собрание А. М. Луценко (Ленинград). Надпись впервые напечатана в статье И. С. Зильберштейна «Александр Блок: неизданное наследие» — «Лит. газета», 1973, № 14, 4 апреля, с. 8.
На экземпляре оттиска в конце пьесы помета Блока — «1912 год».

Михаил Иванович Терещенко (1886—1956) — промышленник, меценат, владелец издательства «Сирин». Служил чи-

новником особых поручений при дирекции императорских театров и в этом качестве заказал Блоку либретто балета на средневековый сюжет (см. IV, 583; VII, 142). Либретто написано не было, но в ходе работы над ним возник замысел «Розы и Креста». Дружба с Терещенко, особенно тесная в 1912—1914 гг., сыграла в духовной жизни Блока значительную роль. 7 ноября 1912 г. Блок записал в дневнике: «М. И. Терещенко, для которого «мир внутри него», — взрывает во мне ключи, которые подтверждают мне, что есть мировые связи, большие, чем я» (VII, 176). Из разговоров с Терещенко возникли, по-видимому, «индустриальные» мотивы в блоковском творчестве этой поры — стихотворение «Новая Америка», замысел драмы «Новая Америка», замысел драмы «Новая Америка», замысел драмы «Новая Америка» (VII, 251—253). Позднее, в 1917 г., когда Терещенко был министром Временного правительства, Блок обращался к нему за помощью по вопросу освобождения от воинской службы (ЗК, 231). Как свидетельствует А. М. Ремизов, «хотя общение с Терещенко прекратилось, Блок по разным поводам не раз вспоминал о нем» (А. Ремизов. Взвихренная Русь. Париж, 1927, с. 229).

Итог своим отношениям с Терещенко Блок подвел в дневниковой записи от 7 января 1919 г.: «...я окончательно освобождаюсь от воли М. И. Терещенко. Мы с ним в свое время загниотизировали друг друга искусством. Если бы так шло дальше, мы ушли бы в этот бездонный колодезь; Оно — Искусство — увело бы нас туда, заставило бы забраковать не только моего мужа, а и всё; и осталось бы: три штриха рисунка Микель-Анджело; строка Эсхила; и — все; в грому пусто, веревка на шею» (VII, 355).

Дата дарения уточняется записью Блока от 29 января 1914 г.: «К М. И. Терещенко около 8-ми с А. М. Ремизовым. Ему — оттиск «Розы и Креста» (ЗК, 204).

Роль, сыгранная Терещенко в работе Блока над «Розой и Крестом», отмечена в воспоминаниях некоторых современников. См., например, разговор с Блоком, передаваемый В. Н. Княжниним:

«— Я очень многим обязан Терещенко. Он заставил меня кончить «Розу и Крест».

— Заставил?

Улыбка (кивок головы).

— Заставил. Я ходил к нему читать каждый акт снова и снова, пока все стало хорошо.

Помолчав, наивно и скромно:

— А то бы не закончить...» (цит. по кн.: О. Немеровская, Ц. Вольпе. Судьба Блока. Л., 1930, с. 184).

См. также в воспоминаниях М. И. Бабенчикова: «С благодарностью отмечал Блок ту помощь, какую оказал ему при писании этой драмы («Розы и Креста») М. И. Терещенко:

— Он помог мне не только обдумать ее сюжет и основные положения, но и фактически способствовал ее написанию, — говорил Блок» (М. Бабенчиков.

Отважная красота. — «Звезда», 1968, № 3, с. 194).

О близком участии Терещенко в работе Блока над «Розой и Крестом» свидетельствует и следующее место в письме Терещенко к А. М. Ремизову от 14 июля 1912 г.: «У Блока было налажилось хорошо, три действия совсем готовы. Есть еще кое-какие шероховатости и неясности, но в общем, мне кажется, очень хорошо. Боюсь только, поймет ли музыкант. Свидание с Блоком за эти дни было единственным светлым пятном» (ГПБ, ф. 634, ед. хр. 211, л. 14—14 об.).

А. И. ТИНЯКОВУ

Александру Ивановичу
Тинякову
с сердечным приветом
от автора

6 июня 1915

На кн.: «Стихи о России». П., изд. ж. «Отечество», 1915. На первом свободном листе. — Собрание Т. А. и В. Ф. Алексеевых (Ленинград).

Александр Иванович Тиняков (1886—1934) — поэт, критик; первые стихи печатал под псевдонимом Одинокий, некоторые статьи публиковал за подписью Герасим Чудаков. По его воспоминаниям (Александр Тиняков. Памяти А. А. Блока. — «Последние новости», Пг., 1923, № 33, 6 августа), он познакомился с Блоком 2 октября 1912 г.; это подтверждается и дневниковой записью Блока за этот день (VII, 159). Познакомил их А. М. Ремизов (см. его рекомендательное письмо к Блоку о Тинякове — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 56, л. 53).

Впоследствии Тиняков не раз бывал у Блока; между ними происходили долгие и насыщенные беседы (см. дневниковые записи Тинякова о впечатлениях от этих бесед — А. Тиняков. Указ. соч.). Блок относился к Тинякову с симпатией, обусловленной, по-видимому, отчасти тем, что Тиняков был «интеллигентом из народа», не разделявшим поверхностного либерализма интеллигентской массы, столь антипатичного Блоку. Тиняков был для Блока человеком из того же ряда, что Н. Клюев, Пимен Карпов или А. Скалдин, к которым он проявлял большое внимание. По ряду вопросов современности взгляды Блока и Тинякова совпадали (см. начало одного из писем Блока к Тинякову от 19 апреля 1916 г.: «Мы с Вами почти одинаково думаем <...>» — ГПБ, ф. 774, № 3, л. 10), хотя Блок и не одобрял сотрудничества Тинякова в правой печати (газ. «Земщина» — см. то же письмо).

В письме от 17 января 1916 г. Блок благодарил Тинякова за присылку его статьи о забытом поэте 1820-х годов А. Подолинском и особенно подчеркнул свою радость по поводу того, что Тиняков подходит к этому поэту «не с «пазонической» стороны», то есть не применяет к нему методов фор-

мального анализа стиха (VIII, 455). 23 апреля 1916 г. Блок записал: «<...> Обедая у нас Ал. Ив. Тиняков — он стоит пятидесяти Левберг и Тумповских, которых зовут к себе З. Н. Гишпрус» (ЗК, 296; Мария Левберг и Маргарита Тумповская — молодые поэтессы из университетского кружка поэтов, которому покровительствовали тогда Мережковские).

Впрочем судя по воспоминаниям Тинякова, Блок не любил его стихов и не скрывал этого от него: «<...> даже те вещи, которые от другого принял бы с обидой, со злобой, от Александра Александровича принимались мною уважительно, и никогда не оставалось потом недоброежелательства к нему.

Вот, например, уж, кажется, чего обиднее, когда человеку, пишущему стихи, говорят, что эти стихи — не хороши. А Блок говорил мне именно это. И не то, чтобы про отдельные стихи — нет! — вообще про мое творчество.

<...> Блок, в начале знакомства, просто сказал, что мои стихи ему не нравятся, и позже (в 1915 г.) — определил дело точнее и, как бы вслух раздумывая и решая, полувопросительно сказал: «так что-то <...> вроде как в свое время у Никитина» (А. Т и н я к о в. Указ. соч.).

В декабрьском номере «Нового журнала для всех» за 1913 г. Тиняков поместил рецензию на первый альманах «Сирин», где была напечатана драма Блока «Роза и Крест». В этой рецензии Тиняков писал: «Эта драма прекрасна, как сон <...> Но нового для Блока в этой драме нет ничего. Лишь строже и увереннее стало его письмо, меньше хаоса в его видениях, и по-прежнему образ «Прекрасной Дамы» видается над его поэзией. И нельзя не порадоваться этому» («Новый журнал для всех», 1913, № 12 стлб. 143).

В 1917 г. Тиняков уехал в провинцию, в Орел, затем в Казань, где выступал в местной печати с публицистическими и литературно-критическими статьями большевистской ориентации. 20 августа 1920 г., приехав ненадолго в Петроград, Тиняков навещал Блока (ЗК, 499); тогда и была сделана Блоком привоимая здесь надпись. В свою очередь, Тиняков подарил Блоку свою книгу статей «Пролетарская революция и буржуазная культура» (Казань, 1920; под псевд. Герасим Чудаков) с надписью: «Александру Александровичу Блоку в знак глубочайшего уважения. Автор. 20 авг. 1920. Пгр.» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 487, л. 6). В этой книге есть статьи о «Двенадцати» и о «России и интеллигенции». В воспоминаниях Тиняков так резюмирует состоявшуюся в тот день между ними беседу: «<...> мы пришли к грустному выводу, что сейчас — темно и никто ничего не знает. Вспомнили об Андрее Белом. «Вот он, может быть, что-то знает о будущем», — заметил я.

«Да, он, может быть, знает», — подтвердил Александр Александрович, напирая на последнее слово» (А. Т и н я к о в. Указ. соч.).

В апреле 1921 г. Тиняков встретился с Блоком в последний раз. Он передал Блоку стихи и письмо Аделины Адалис — по ее просьбе (см. ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 19; см. также письмо Тинякова к Блоку по этому поводу от 26 апреля 1921 г. — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 428, л. 7). Тиняков вспоминал: «<...> мы сразу заговорили о современной поэзии и ее упадке. Ал. Ал. был настроен мрачно, смотрел на дело безнадежно, и когда я попытался указать как на некое все же выделяющееся явление на «Исповедь хулигана» Есенина и кое-что процитировал отсюда, Ал. Ал. встретил мои цитаты ироническим смешком» (А. Тиняков. Указ. соч.).

В эту встречу Блок подарил Тинякову сборник «За гранью прошлых дней» со своей надписью; нынешнее местонахождение книги неизвестно.

В начале 20-х годов Тиняков окончательно возвратился в Петроград, выпустил две книги стихов («Треугольник», 1922 и «Ego sum qui sum», 1924), готовил к печати ряд историко-литературных работ, в том числе, книгу «Памяти Светлого. К характеристике личности А. А. Блока» (Александр Т и н я к о в. Треугольник. Пг., 1922, четвертая стр. обложки), активно сотрудничал в качестве рецензента в еженедельной газете «Последние новости». О Тинякове см.: Корней Ч у к о в с к и й. Современники. М., 1967, с. 471—473).

Александру Ивановичу Тинякову
на память об авторе.

Ал. Б л о к

Август. 1920

На кн.: «Россия и интеллигенция». П., «Алконост», 1919. На авантитуле. — ИРЛИ (Рук. отд.), ф. р. I, оп. 3, ед. хр. 47. Книга утрачена, сохранился только лист с надписью.

Е. А. ТИЩИНСКОЙ

<Евдокии> Александровне
на добрую память.

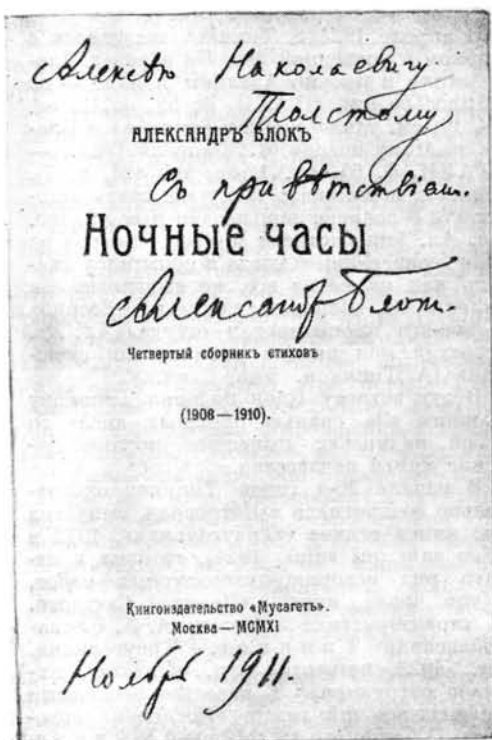
Александр Б л о к

II 1919

На кн.: «Соловьиный сад». П., «Алконост», 1918. На авантитуле. — ГМИЛ.

Евдокия Александровна *Тищинская* (в замужестве Фащевская; р. 1896) — сестра Л. А. Дельмаса, в пору знакомства с Блоком студентка Петроградской консерватории по классу роаяля.

Надпись на книге, сделанная карандашом, сохранилась не полностью — имя адресата стерт. По свидетельству Е. А. Тищинской, у которой эта книга находилась многие годы, восстановлен первоначальный текст надписи; другая надпись, также находящаяся на авантитуле (под издательской маркой), проставлена явно позже и принадлежит не Блоку.

БЛОК. НОЧНЫЕ ЧАСЫ. М., «МУСАГЕТ», 1911
Титульный лист с дарственной надписью Блока
А. Н. Толстому
Литературный музей, Москва

В неизданных воспоминаниях Е. А. Тишинская писала: «В 1919 г. я уехала на родину в г. Чернигов и с Ал. Ал. Блоком более не встречалась. В память о дружеском расположении ко мне в этом же году Ал. Ал. подарил с дарственной надписью книгу «Соловьиный сад», с которой у меня так много было связано воспоминаний о первых годах знакомства с Ал. Ал., его радушном милым отношении ко мне и памятной встрече в консерватории» (собрание И. А. Фасцевской, Ленинград).

А. Н. ТОЛСТОМУ

Алексею Николаевичу Толстому
с приветствием.

Александр Блок

Ноябрь 1911.

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусагет», 1911. На титульном листе. — ГЛМ. Надпись впервые напечатана в газ. «Труд», 1970, 20 ноября.

Алексей Николаевич Толстой (1882—1945), его перу принадлежит воспоминания о Блоке «Надший ангел» — «Последние новости», Париж, 1921, № 413, 23 августа, и статья «Памяти Блока» — «Накануне», Берлин, 1922, № 13.

Надпись была сделана, вероятно, 7 ноября 1911 г. Накануне Блок записал в дневнике: «Раздаю и рассылаю «Ночные часы» (VII, 82), а 7 ноября отметил: «Поехали к Ремизову. (...) Вдруг являются — Гржебин, вслед за ним Бенуа, Толстой и Л. Андреев и весь «Шиповник», Копельман и дамы» (V, 82). По своей тональности надпись на книге, подаренной Толстому, — одна из самых «сухих» или «холодных» среди блоковских инскриптов. Почти во всех работах, затрагивающих тему взаимоотношений Блока и Толстого, учитываются главным образом высказывания писателя о поэте и почти не уделяется внимания отношению Блока к нему. 14 февраля 1911 г., после встречи с Толстым, Блок в письме к матери передает свое и его состояние словами: «Все это было довольно тяжело внутренне, — а внешне — гладко и благополучно» («Письма к родным», II, с. 123).

В 1910—1914 гг. Толстой часто упоминается в дневнике и письмах Блока, развитие его таланта далеко не безразлично поэту, его раздумья о пути Толстого в литературе превращаются в дневнике в обобщающую запись о долге художника: «На этих днях мы с мамой (отдельно) прочли новую комедию Ал. Толстого — «Насильники». Хороший замысел, хороший язык, традиции — все испорчено (...) незрелым отношением к жизни, отсутствием художественной меры, (...) надсмешка над своим, что могло бы быть серьезно, и невероятные положения: много в Толстом и крови, и жиру, (...) и дворянства, и таланта. Но пока он будет думать, что жизнь и искусство состоят из «трюков», — будет он бесплодной смоковницей. Все можно, кроме одного, для художника; к сожалению, часто бывает так, что нарушение всего, само по себе позволительное, влечет за собой и нарушение одного — той заповеди, без исполнения которой жизнь и творчество распыляются» (VII, 221).

Начиная с 30-х годов и по настоящее время внимание исследователей привлекал образ поэта Бессонова в трилогии Толстого «Хождение по мукам» и Блок как его прототип (см., например следующие издания: А. Дымашиц. Литературные заметки. I. Воспоминания о А. Н. Толстом. — «Звезда», 1945, № 5/6, с. 137; И. Векслер. Алексей Николаевич Толстой. М., 1948, с. 146—147; Ю. Андреев. Революция и литература. Л., 1969).

Последней работой на эту тему является статья В. Баранова «Загадка одного прототипа. Бессонов — Блок» («Звезда», 1980, № 10, с. 210—215 — см. там же первые напечатанные дарственные надписи А. Толстого на книгах, подаренных Блоку — с. 211, 212). Вывод автора статьи тождествен приведенному в ней высказыванию И. Эренбурга: «Сам того не сознавая, он (Толстой) придал Бессонову некоторые черты Блока; в этом он мне признался; и я поверил, что сделал он это без злого умысла» («Воспоминания об А. Н. Толстом». М., 1973, с. 36). Изумляет

ся, Бессонов А. Толстого отнюдь не изображение Блока, а тип собирательный.

В статье «Что открывает „Золотой ключик“?» М. Петровский на примере этой сказки, до сих пор выпадавшей из кругозора исследователей темы «Блок и Толстой», приходит к совсем иным выводам. Анализируя толстовскую сказку в «контексте литературных отношений» начала века, исследователь показывает, как рассчитанной литературной мистификацией Толстой завуалировал пародийный слой «Приключений Буратино» (см. «Вопросы литературы», 1979, № 4, с. 229—251).

Возможно, то настороженное отношение Блока и Толстого друг к другу, которое точно подметил сам поэт еще в 1911—1914 гг., трансформировалось затем в творчестве Толстого: «гладко и благополучно» во внешнем, бытовом плане его воспоминаний о Блоке, но сложно и неоднозначно «внутренно» — присутствие Блока угадывается в образной системе многих его произведений.

К. Чуковский вспоминает, что в конце жизни Толстой ему признался, что, только прочитав большой том переписки А. Белого с Блоком, он «ощутил в полной мере подлинное величие Блока и научился преклоняться перед ним» (К. Чуковский и А. Н. Толстой (из воспоминаний). — «Москва», 1964, № 4, с. 153).

Л. А. ТРЕЙДЕНУ

Многоуважаемому
Леониду Александровичу Трейдену
на добрую память.

Александр Блок

Февраль 1920

На кн.: «Стихотворения. Книга третья». М., «Мусагет», 1916. На первом свободном листе. — Собрание Г. Е. Святловского (Ленинград).

Автограф надписи воспроизведен в журнале «Огонек», 1980, № 47, с. 14.

Леонид Александрович *Треиден* (1888—1954) — педагог, читал лекции по литературе в Павловском институте. Блок продавал через него после революции книги для 1-й школы Спасского района Петрограда (на Фонтанке) (см. ЗК, 488). Подробнее о Трейдене и текст письма Блока к нему см. в указанной публикации.

В. А. ФЕЙДЕР

Валерии Андреевне Фейдер
на добрую память от автора.

Ал. Блок

Х. 1920

На кн.: «Седое утро». П., «Алконост», 1920. На авантитуле. — ИРЛИ (Рукописный отдел), р. 1, оп. 3, № 123.

О В. А. Фейдер см. в наст. кн., с. 849.

Ф. Ф. ФИДЛЕРУ

Глубокоуважаемому
Федору Федоровичу
Фидлеру.

А в т о р

Ноябрь 1908. СПб.

На кн.: «Земля в снегу». М., изд. журн. «Золотое руно», 1908. На первом свободном листе. — ГЛМ.

Федор Федорович *Фидлер* (1859—1917) — переводчик русских поэтов на немецкий язык, библиограф. См. о нем и публикацию его дневниковых записей о Блоке в наст. кн.

Д. В. ФИЛОСОВУ

Дмитрию Владимировичу
Филосову —

любящий автор.

Май 1911. СПб.

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусагет», 1911. На авантитуле. — ГБЛ. Надпись приведена в каталоге «Прижизненные издания Александра Александровича Блока». М., 1980, с. 18.

Дмитрий Владимирович *Филосов* (1872—1940) — публицист и литературный критик, лично и идеологически близкий к З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковскому. Блок неоднократно полемизировал с ним в своих статьях (см., напр., V, 99—108), но ценил его как критика и в одном из вариантов автобиографии упомянул среди тех немногих (наряду с В. Брюсовым и Вяч. Ивановым), чьи высказывания в печати о его творчестве были ему небезразличны (VII, 235). Известны 11 писем Блока к Филосову за 1909—1915 гг. (ГПБ, ОР и РК, ф. 814, № 37; см. также VIII, 402—403, 430; неопубликованные письма (подготовлены к печати С. С. Гречишкиным и А. В. Лавровым) и 17 писем Филосова к Блоку (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 70).

В письме от 28 октября 1912 г. Филосов писал Блоку: «Я понимаю, что связь с Зи(наидой) Н(иколаевной) у Вас, несмотря на все, всего сильнее или ярче. Знаю, что, несмотря на отсутствие личных отношений с Дм(итрием) Серг(еевичем), в каком-то, пусть специальном, углу у Вас с ним тоже есть связь. Самая дряблая связь со мной, потому что я, по существу, «серее» и, кроме того, не писатель. Но все-таки я *утверждаю* свои отношения к вам, утверждаю, поскольку утверждаю себя» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 70, л. 17 об.). В другом письме, от 13 ноября 1913 г., Филосов говорит: «Годами мы с Вами не видимся, и говорить как будто не о чем, но я почти всегда *помню*, что Вы есть, и всегда вспоминаю с любовью» (там же, л. 19).

В письме от 4 апреля 1914 г. из Ментоны (Франция) Философов благодарил Блока от имени З. Н. Гиппиус за присылку трех экземпляров первого альманаха издательства «Сирин», которые «все пригодились» (там же, л. 22); ни один из этих экземпляров (наверняка надписанных Блоком) не найден.

Дмитрию Владимировичу
Философову —

автор.

1912

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга вторая. Нечаянная радость». М., «Мусaget», 1912. На авантитуле. — ГБЛ. Надпись приведена в каталоге «Прижизненные издания Александра Александровича Блока», с. 18.

Ал. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

Александра Николаевне — эта книжка, изданная в безвременье, неизвестно кем и неизвестно зачем, — с благодарностью за дружбу и за перенесение разных неприятностей, с изданием этой книжки связанных, и на память о разговорах о разных отечественных и «отечественных» вопросах, по телефону веденных.

Александр Блок

1915

На кн.: «Стихи о России». П., изд. журн. «Отечество», 1915. На первом свободном листе. — ИРЛИ (Рукописный отдел), ф. 189, № 197.

Александра Николаевна *Чеботаревская* (1869—1925) — переводчица и критик, близкая к символистам; активная участница «сред» Вяч. Иванова, с которым она была связана многолетними и сложными отношениями. В записи от 28 июня 1916 г. Блок назвал Ал. Чеботаревскую в числе тех, с кем у него существует «близ души» (ЗК, 549). Тексты приводимых здесь надписей и два кратких письма Блока к ней опубликованы Д. Е. Максимовым в 1964 г.: «Блоковский сб.», 1, с. 549—551; см. там же его вступительную заметку об Ал. Чеботаревской (с. 549).

Книжка «Стихи о России» была выпущена издательством «Отечество», принадлежавшим З. И. Гржебину и выпускавшим одноименный журнал. Журнал этот возник на волне ура-патриотических эмоций первых месяцев первой мировой войны; в нем принимал участие целый ряд крупных писателей: Л. Андреев, А. Ахматова, В. Брюсов, М. Горький, Ф. Сологуб и др. Ал. Н.

Чеботаревская работала в аппарат издательства «Отечество» и, очевидно, уговорила Блока с ним сотрудничать, хотя отношение поэта к этому предприятю было с самого начала скорее скептическим; видимо, это и имел в виду Блок под «разговорами о разных отечественных и «отечественных» вопросах». Ср. также неприятное упоминание о журнале «Отечество» в дневниковой записи 1921 г. (VII, 413). «Неприятности», о которых упоминается в надписи Блока, были, возможно, связаны с прохождением «Стихов о России» через военную цензуру. Книга Блока существенно отличалась по тону от других книг патриотического содержания, вышедших в эту пору, и едва ли могла пройти военную цензуру без затруднений.

Многоуважаемой и дорогой
Александра Николаевне
Чеботаревской

от сердечно преданного
редактора.

1 декабря 1915

На кн.: Г. Фл о б е р. Полное собрание сочинений, т. 8. Переписка. Ч. 1. Пер. А. Кублицкой-Пиоттух. Под ред. [и с предисл.] А. Блока. СПб., «Шиповник», 1915. — Собрание М. С. Лесмана (Ленинград).

Александра Николаевне
Чеботаревской.

Александр Блок

VI. 1916. СПб.

На кн.: «Стихотворения. Книга первая». М., «Мусaget», 1916. На первом свободном листе. — ИРЛИ (Рукописный отдел), ф. 189, № 196.

Ал. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

Анастасии Николаевне
Чеботаревской — с искренним
уважением и преданностью.

Александр Блок

На фотографии: А. Блок (раб. Д. Здобнова), 1907. На лицевой стороне. — ГЛМ.

Анастасия Николаевна *Чеботаревская* (1876—1921) — писательница, общественная деятельница; жена Ф. Сологуба, сестра Ал. Н. Чеботаревской (см. выше). Письма Блока к ней (и выдержки из ее писем к нему) см.: «Уч. зап. ЛГПИ им. М. Н. Покровского», 1940, т. 4, вып. 2, с. 273—282; см. также: VIII, 271—272, 272—273, 381, 439, 451. А. Н. Чеботаревская была организаторницей многочисленных литературных вечеров и других литературно-общественных начинаний; ее контакты с Блоком были, в основном, связаны

с участием (или, чаще, неучастием) Блока в этих начинаниях.

В архиве Блока сохранились титульные листы двух книг, вышедших под редакцией А. Н. Чеботаревской, с ее дарственными надписями Блоку: 1) «Прекрасному певцу России Александру Блоку — Анастасия Чеботаревская. 1915. Октябрь» (на кн.: «Россия в родных песнях». Составила Ан. Чеботаревская. Пг., 1915); 2) «Прекрасному поэту Александру Блок(у) благодарная Анастасия Чеботаревская. 1915 г. Октябрь» (на кн.: «Война в русской поэзии». Выбрала Ан. Чеботаревская. Предисловие Ф. Сологуба. Пг., 1915) — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 447, л. 29—30.

Анастасии Николаевне
Чеботаревской

искренно уважающий и преданный

Александр Блок

8.V.07.СПБ.

На кн.: «Снежная маска». СПб., «Оры», 1907. На авантитуле. — ИРЛИ, библиотека.

К. И. ЧУКОВСКОМУ
Корнею Чуковскому

Александр Блок

Май 1919. Петербург

На кн.: «Двенадцать». 2-ое изд., П., «Алконост», 1918. Экземпляр № 62. На первом свободном листе. — Собрание К. И. Чуковского (Переделкино). Текст надписи воспроизведен в кн. «Чукоккала», М., 1979, с. 31; первая публикация — в кн. «Памятники культуры. Новые открытия». Ежегодник. 1974. Л., 1975, с. 192.

Корней Иванович Чуковский (1882—1969) — писатель, литературный критик, литературовед, автор «Книги об Александре Блоке» (П., 1922) и «Александр Блок как человек и поэт» (П., 1924). См. также новую редакцию воспоминаний Чуковского о Блоке в его кн. «Современники» (М., 1967); его комментарии к записям Блока в альбоме «Чукоккала» (М., 1979); письма Блока к Чуковскому и отрывки из «Дневника» Чуковского в наст. томе, кн. 2.

Книга была подарена, вероятно, вместе с «Катилиной» 16 мая 1919 г., см. запись Блока, помеченную этим днем: «Книги мои Чуковскому» (ЗК, 460). Под надписью Блока на «Двенадцати» художник книги приписал: «Корнею Чуковскому Юрий Анненков. 19²¹/_√19 г. Петербург».

В архиве Блока сохранился лист книги «Неизданные произведения Н. А. Некрасова. С объяснительными статьями и примечаниями К. И. Чуковского» (СПб., 1918) с его надписью: «Ал. Блоку от верноподданного К. Ч. Лето 1919». (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 455).

Корнею Чуковскому

Александр Блок

Май 1919. Петербург

На кн.: «Катилина». П., «Алконост», 1919. На авантитуле. — Собрание К. И. Чуковского (Переделкино). Текст надписи опубликован в книге: «Памятники культуры. Новые открытия». Ежегодник 1974. Л., 1975, с. 192.

Дорогому

Корнею Ивановичу Чуковскому
с приветом от автора.

Сентябрь 1920

На кн.: «За гранью прошлых дней». П., изд. З. И. Гржебина, 1920. На титульном листе. — Собрание К. И. Чуковского (Переделкино). Текст надписи опубликован в книге: «Памятники культуры. Новые открытия».

Дорогому Корнею Ивановичу
Чуковскому

с приветом — на память

Ал. Блок

3.XI.1920

На кн.: «Седое утро». П., «Алконост», 1920. На авантитуле. — Собрание А. М. Луценко (Ленинград).

Г. И. ЧУЛКОВУ

Георгию Чулкову

с любовью.

Александр Блок

V.07

На фотографии: А. Блок (раб. Д. Здобнова), 1907. На паспарту. — ГЛМ. Воспроизведена в книге: Г. Чулков. Годы странствий. М., 1930, между с. 120—121; перепечатана в ЛН, 89, с. 207.

Георгий Иванович Чулков (1879—1939) — поэт, критик, беллетрист, литературовед. Не все дарственные надписи Блока к нему разысканы. Например, 11 апреля 1907 г. Блок послал Чулкову и его жене Н. Г. Чулковой два экземпляра «Снежной маски» с надписями. В комментариях к соответствующему сопроводительному письму Блока Чулков сообщает: «Эти книги, в числе других, погибли на второй год революции: библиотека Г. И. Чулкова, оставленная им в Царском Селе (ныне Детском Селе) в квартире одного профессора, была разграблена» («Письма Александра Блока». Л., 1925, с. 164. Речь идет о квартире А. С. Яценко).

Личные и литературные взаимоотношения Блока и Чулкова отмечены особой сложностью, их знакомство прошло через различные стадии расхождения и тесного

Георгию Чулкову
от любви моей.

Александр Блок

2 марта 1908.
СПБ.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

ЛИРИЧЕСКИЯ ДРАМЫ.

БАЛАГАНЧИКЪ.
КОРОЛЬ НА ПЛОЩАДИ.
НЕЗНАКОМКА.

„МУЗЫКА КЪ БАЛАГАНЧИКУ“
■ М. А. КУЗМИНА.

ОБЛОЖКА РАБОТЫ К. А. СОМОВА.

Изд. „ШИПОВНИКЪ“ СПБ.
1908.

БЛОК, ЛИРИЧЕСКИЕ ДРАМЫ, СПБ., „ШИПОВНИКЪ“, 1908

Титульный лист и дарственная надпись Блока Г. И. Чулкову

Библиотека им. В. И. Ленина, Москва

сближения (познакомились они в 1904 г., виделись в последний раз в мае 1921 г. в Москве). В позднейших воспоминаниях Чулков писал: «Мои отношения с Блоком всегда были неровны. То мы виделись с ним очень часто (однажды случилось, что мы не расставались с ним трое суток, блуждая и ночуя в окрестностях Петербурга), то нам не хотелось смотреть друг на друга, трудно было вымолвить слово и прислушаться к тому, что говорит собеседник. На то были причины. Иногда наши разногласия достигали какого-то предела и уходили даже внешне себе выражение. Эти отталкивания случались именно около тех тем, которые казались каждому из нас самыми заветными. Таких «взрывов» в наших отношениях было три. Первый — это письмо Блока о Соловьеве (VIII, 126—129); второй — отречение Блока от «мистического анархизма» (VIII, 197—207); третий — спор наш об интеллигенции и народе (V, 744.) (...) Но, несмотря на все наши размолвки, я любил Блока. Я понимал до конца весь тот волшебный мир, в котором жила и пела его душа. А поэт ценил во мне то, что со мною можно было говорить не по-интеллигентски, что я с полуслова понимаю его символический язык» («Письма Александра Блока». Л., 1925, с. 112, 115).

Надпись на фотографии относится к периоду именно частых встреч Блока с

Чулковым (см., напр.: ЛН, 89, с. 196, 199). В июне—июле 1907 г. был создан цикл «Вольные мысли», посвященный Г. И. Чулкову.

Георгию Чулкову
от любви моей.

Александр Блок

2 марта 1908. СПБ.

На кн.: «Лирические драмы». СПБ., «Шиповник», 1908. На обороте авантитула.— ГБЛ. Текст надписи воспроизведен в каталоге «Прижизненные издания Александра Александровича Блока», с. 16.

О причастности Чулкова к замыслу «Балаганчика» и его отношении к театру Блока см. наст. кн. публ. «Блок в неизданных воспоминаниях и дневниках современников».

Милому Георгию Ивановичу
Чулкову

от переводчика.

СПБ. 24.XII.08

На кн.: Ф. Грильпарцер. Праматерь. СПБ., «Пантеон», 1908. На аван-

тителе. — ГБЛ. Надпись воспроизведена в каталоге «Прижизненные издания Александра Александровича Блока», с. 17.

Георгию Ивановичу Чулкову
с любовью,
с просьбой узнать и эту,
лучшую часть моей души.

Александр Блок

Май 1911.СПБ.

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме». М., «Мусагет», 1911. На авантитуле. — ГБЛ. Надпись воспроизведена в каталоге «Прижизненные издания Александра Александровича Блока», с. 18. Впервые текст надписи (не полностью) приведен в кн.: Г. Чулков. Наши спутники. М., 1922, с. 85; а также см.: «Письма Александра Блока». Л., 1925, с. 94.

Еще 6 января 1911 г. Чулков писал Блоку из Москвы: «Милый Александр Александрович! Пришлите мне, бога ради, Вашу новую книгу...» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 455, л. 32). 16 января 1911 г. у Блока состоялся разговор с Чулковым, к которому он давно готовился: «Вчера прибежал Чулков, сидел весь день; это не было трудно, как я думал. Я ему сказал, как я отношусь к его литературе и его поруханию над жизнью, он принимал это, не обижаясь» («Письма Блока к родным», II, с. 112); 14 февраля Блок писал матери о Чулкове: «... я почувствовал вдруг, что он бесконечно несчастен и болен, и мне стало остро жаль его» (VIII, 329). В начале марта Блок «покутил два дня с Чулковым и Судейкиным» («Письма к родным», II, с. 133). Книгу, написанную в мае 1911 г., Блок не сразу передал Чулкову — последний находился в это время в Париже, а вернувшись в Россию, написал Блоку 23 сентября 1911 г. из Москвы открытку, в которой просил подарить ему эту книгу (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 455, л. 36). По поводу этой надписи Г. Чулков писал впоследствии: «Сам Блок верил, что в эту эпоху, т. е. до 1905 года, ему был ведом особый — светлый мир, исполненный благой красоты и благоухания» («Письма Александра Блока». Л., 1925, с. 94).

Георгию Чулкову
с приветствием.

Ал. Блок

Ноябрь 1911

На кн.: «Ночные часы». М., «Мусагет», 1911. На титульном листе. — ГБЛ. Текст надписи воспроизведен в каталоге «Прижизненные издания Александра Александровича Блока», с. 18. Экземпляр книги с авторской правой опечаток.

Осенью 1911 г. неприязненное отношение Блока к Чулкову постепенно нарастает, судя по записям в его дневнике (VII, 72, 82, 103). 26 декабря 1911 г. он записывает: «Дай господи, чтобы (...) этот Георгий Чулков окончательно отвалился от меня — со всеми своими достоинствами, не только с недостатками» (VII, 1909).

В архиве Блока сохранился лист из книги Г. Чулкова «Сочинения», т. 3 (СПб, 1911) с его дарственной надписью: «Милому Александру Александровичу Блоку с чувством дружеским и нежным Георгий Чулков. 1911»; и на 4 томе «Сочинений»: «Дорогому Александру Александровичу Блоку в знак любви давней, верной и нежной Георгий Чулков 1911» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 455, л. 37, 38).

Милому Георгию Ивановичу
Чулкову
на память о пережитом вместе.

Александр Блок

Апрель 1912

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга третья. Снежная ночь». М., «Мусагет», 1912. На авантитуле. — ГБЛ. Надпись приведена в каталоге «Прижизненные издания Александра Александровича Блока», с. 18.

Экземпляры «Снежной ночи» были получены Блоком 9 апреля 1912 г. (VII, 139). 15 апреля 1912 г. Чулков писал Блоку из Москвы: «Дорогой Александр Александрович! Большое спасибо за книги, за надписи, за память обо мне...» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 455, л. 40). По поводу надписи на «Снежной ночи» Г. Чулков писал в воспоминаниях: «В старинных учебниках истории всегда можно было найти главу «Распушенность нравов накануне революции». В этой исторической обстановке Александр Блок писал своей «Балаганчик», «Незнакомку» и позднее «Снежную маску». В апреле 1912 г. на третьей книге своих стихов, переизданной «Мусагетом», Блок сделал мне надпись: «Милому Георгию Ивановичу Чулкову на память о пережитом вместе». Так это и было: самое страшное и опасное, что в те дни соблазняло души, воистину нам пришлось пережить вместе с ним» («Письма Александра Блока». Л., 1925, с. 117).

В архиве Блока сохранились две дарственные надписи Чулкова 1912 г., одна на 5 томе Сочинений Чулкова (сохранился форзац книги): «Дорогому Александру Александровичу Блоку с чувством дружеским и нежным. Георгий Чулков СПб., 1912» и на шмуцтитуле, вырванном из книги Чулкова «Мертвецы»: «Александру Блоку с неизменною любовью. Георгий Чулков. 1912» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 455, л. 41, 42).

Георгию Ивановичу Чулкову —

Александр Б л о к

1912

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга вторая. Нечаянная радость». М., «Мусагет», 1912. На авантитуле.— ГБЛ. Надпись приведена в каталоге «Прижизненные издания Александра Александровича Блока», с. 18.

Милому

Георгию Ивановичу Чулкову

А. Б.

28 V. 1915

На кн.: «Стихи о России». П., изд. журн. «Отечество», 1915. На первом свободном листе.— ГБЛ. Текст надписи воспроизведен в каталоге «Прижизненные издания Александра Александровича Блока», с. 19.

В начале 1915 г. Чулков жил в Царском селе. 17 марта он писал оттуда Блоку: «Время вовсе не умалило давней моей любви к Вам...» и приглашал Блока навестить его в Царском (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 455, л. 46). Блок сразу решил на этот визит, но некоторое время он откладывался (см. письма Блока Пясту от 6 и 26 апреля 1915 г.— см. в наст. кн. публ. «Блок в неизданной переписке и дневниках современников». 28 мая 1915 г. Блок вместе с Пястом и Княжниним поехал к Чулкову в Царское Село (ЗК, 264). В письме к матери Блок сообщал об этом дне, проведенном в Царском: «Все это было довольно приятно» («Письма к родным», II, с. 267).

Дорогому Георгию Ивановичу
Чулкову —

с приветом от с о с т а в и т е л я .

Декабрь 1915

На кн.: «Стихотворения Аполлона Григорьева». М., изд. К. Ф. Некрасова, 1916. На шмуцтителе.— ГБЛ.

Милому Георгию Ивановичу
Чулкову.

А. Б.

VII.1916

На кн.: «Стихотворения. Книга первая». М., «Мусагет», 1916. На первом свободном листе.— Собрание Э. И. Григолюка (Москва).

Надписи на «Театре» и первой книге «Стихотворений» сделаны, по-видимому, 8 июля 1916 г.— в записной книжке в этот день отмечено: «Вечером — Чулков» (ЗК, 313). Визит, как можно понять из письма к матери от 8 июля 1916 г., был недолгим («Письма Блока к родным», II, с. 302). Отношения с Чулковым в этот период оставались внешне дружественными

(в упомянутом письме к матери сообщается, что Блок с Чулковым сговорились смотреть вместе выступление Л. Д. Блок), но, вероятно, без особенной душевной близости — в составленном Блоком за десять дней до этого визита списке «действительных друзей», «добрых приятелей» и тех лиц, которых Блок обозначил как «близь души», Чулков не значится (ЗК, 309).

В архиве Блока сохранилась надпись Г. Чулкова на его книге «Судьба России» (Пг., 1916), на форзаце, вырванном из книги: «Дорогому Александру Александровичу Блоку с неизменною любовью. Георгий Чулков. 1916» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 455, л. 49).

Милому Георгию Ивановичу

Чулкову

от автора.

А. Б.

VII.1916

На кн.: «Театр». М., «Мусагет», 1916. На первом свободном листе.— Собрание Э. И. Григолюка (Москва).

Ю. А. ШАПОРИНУ

Юрию Александровичу Шапорину
с приветом

Ал. Б л о к

VIII.1919

На кн.: «Стихотворения. Книга третья». М., «Мусагет», 1916. На первом свободном листе.— ЦГАЛИ, ф. 2642. Факсимиле опубликовано в кн.: С. Л е в и т. Ю. А. Шапорин. М., 1964, с. 93.

Юрий Александрович Шапорин (1887—1966) — советский композитор. 8 июня 1918 г. Блок записал: «Начинающий композитор Шапорин, — хочет писать кантату на „Куликово поле“» (ЗК, 411). Этот разговор был продолжен 17 сентября того же года (ЗК, 427). В 1919 г. Шапорин стал сотрудничать в Большом драматическом театре, в частности, он писал музыку к спектаклю «Разбойники» Ф. Шиллера, для которого Блок наново перевел песни Карла и Амалии (ЗК, 470). По воспоминаниям Шапорина, его беседы с Блоком в этот период (осень 1919 г.) не выходили за рамки деловых (С. Л е в и т. Указ. соч., с. 90). Однако в ноябре 1919 г. Блок специально донес два стихотворения для кантаты Ю. А. Шапорина на темы цикла «На поле Куликовом» (III, 373—374).

В альбоме С. М. Алянского сохранилась неопубликованная запись Блока: «Татарский хор для кантаты «Куликово Поле», которую все еще не может сочинить Ю. А. Шапорин. А сам заказывал и размер давал». Под нею приводится текст «Хора татар», который отличается от опубликованного (III, 373) незначительными различиями, под ним проставлена дата его создания и подпись: «14.XI.1919. Алек-

сандр Блок», а ниже приписано поэтом: «А сегодня 10.III.1921. Бумага от Голике, а писать невозможно. Прошу довести альбом до Шапорина, чтобы пристыдить его».

Шапорин закончил симфонию-кантату только в 1939 г., она вызвала многочисленные отклики в музыкально-критической прессе того времени. Сохранилась дарственная надпись на книге Ю. Юрьева «Записки» (1939), содержащая восторженный отзыв актера: «Дорогому Юрию Шапорину. Душевно люблю тебя. Твой поклонник Ю. Юрьев. 1939. 30 марта 1939 в день замечательнейшего впечатления от исключительного создания «На поле Куликовом», которое будет причислено к гениальным орусам русской музыки. Юр. Юрьев» (ГМИЛ).

С. Я. ШТРАЙХУ

Соломону Яковлевичу Штрайху
от искренно уважающего его
автора.

VIII 1919

На кн.: «Катилина». П., «Алконост», 1919. На авантитуле.— ГБЛ. Надпись приведена в каталоге «Прижизненные издания Александра Александровича Блока», с. 23.

Соломон Яковлевич Штрайх (1879—1957) — историк и писатель, автор ряда «романизированных биографий»: «Роман Медокса», «Сестры Корвин-Круковские», «Повесть о жизни и любви чудесного доктора» (о Н. И. Пирогове) и других, вышедших в 20—30-е годы. В 1919—1921 гг. служил выпускающим в петроградской газете «Жизнь искусства», где напечатан ряд статей Блока. Известна записка Блока от января 1921 г. к администратору Большого драматического театра Т. И. Березному с просьбой предоставить С. Я. Штрайху два билета на спектакль «Синяя птица» (ИМЛИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 54, л. 1).

С. Я. Штрайх поместил в «Жизни искусства» рецензию на номер журнала «Былое», где впервые напечатана работа Блока «Последние дни императорской власти»; эта работа охарактеризована в рецензии следующими словами: «Умело использовать такой глубоко драматический материал, как документы о конвульсиях издыхающего царизма в его многообразных проявлениях, — не всякому под силу. А. А. Блок счастливо избег одной из самых больших опасностей для историка такой богатой событиями эпохи — он сумел сжать свой очерк и выбрал почти одно только типичное для характеристики отжившего строя, отверг все анекдотическое, все пестро-шумящее, все бульварно-манящее. Во вступительных же страницах к очерку он дал яркую характеристику самого Николая II за последние годы его царствования и всех великих ничтожеств, окружавших царя в это время. Следовало бы издать

эту статью А. А. Блока отдельной книжкой как прекрасный очерк событий, вызвавших крушение императорской власти, написанный к тому же очень просто и общедоступно» («Жизнь искусства», 1920, № 57, 5 октября, подп. С. Я.).

П. Е. ЩЕГОЛЕВУ

Многоуважаемому
Павлу Елисеевичу Щеголеву

Александр Блок.

На кн.: «Снежная маска». Спб., «Оры», 1907. На шмуцтитуле.— Собрание М. С. Лесмана (Ленинград). Надпись воспроизведена в каталоге «Выставка автографов». Казань, 1957.

Павел Елисеевич Щеголев (1877—1931) — историк русского освободительного движения, пушкинист. В 1905—1906 гг. редактировал литературное приложение к газете «Наша жизнь», где напечатал ряд стихотворений Блока (см. письма Блока к нему по этому поводу — ИМЛИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 51, л. 1—4). В 1914—1915 гг. заведовал литературным отделом в газете «День», где также печатал Блока. В 1917 г. вместе с ним работал в Чрезвычайной следственной комиссии. Об оценке Щеголевым «Двенадцати» см. выше в наст. публ. (прим. к надписям Иванову-Разумнику). Щеголев редактировал историко-революционный журнал «Былое», где впервые напечатана работа Блока «Последние дни императорской власти» (1919, кн. 15). Он был также, наряду с Блоком, членом Вольной философской ассоциации (Вольфилы). Из письма секретаря Вольфилы Д. М. Пинеса к Щеголеву явствует, что на посвященном памяти Блока заседании Вольфилы 28 августа 1921 г. тот должен был делать доклад о последних годах жизни Блока (ИМЛИ, ф. 28, оп. 3, ед. хр. 352, л. 1; письмо от 26 августа 1921 г.). Однако на этом заседании Щеголев не выступил; о последних годах жизни Блока на нем говорили только А. З. Штейнберг и Иванов-Разумник (см.: «Памяти Александра Блока» <LXXXIII> открытое заседание Вольной Философской Ассоциации 28 августа 1921> Пб, 1922).

По свидетельству тетки Блока М. А. Бекетовой, («<...> когда скончался Блок, в среде его близких и друзей, составивших комитет по увековечению его памяти, возникла мысль о том, что нужно написать хоть краткую биографию Блока. Эту работу поручили Щеголеву, который согласился за нее взяться. Он пригласил к себе на дом мать Блока Ал(ександру) Анд(еевну) для отобранья сведений о покойном, и она была у него, но немного погодя Щеголев отказался писать биографию» (М. А. Бекетова. Мои редакторы и издатели (1932). — ГЛМ, ф. 8, оп. 2, ед. хр. 4, с. 23).

НЕУСТАНОВЛЕННЫЕ АДРЕСАТЫ

Н. Н. Д-СКОЙ

Голубые ходят ночи,
Голубой струится дым,
Дышит морé голубым. —
Голубые светят очи!

15 апреля 1912

На кв.: «Земля в снегу». М., изд. журн. «Золотое руно», 1908. — Местонахождение неизвестно.

Эта и последующая стихотворные надписи, адресованные некоей Н. Н. Д-ской (III, 366), были впервые опубликованы В. Русловым в книге «А. Блок. Незданные стихи. История одного письма» (Тифлис, 1927, с. 33). Книга и репродукция портрета Блока с его дарственными надписями в 1920-е годы хранились, как указывает публикатор, у рижского коллекционера Л. Л. Ш.

Фамилию адресата установить не удалось.

Люблю я страсти легкий пламень
Средь наших мелочных забот, —
Он — как в кольце бесценный камень,
Как древа жизни дивный плод...

Май 1912

На репродукции с портрета Блока работы К. А. Сомова (журн. «Золотое руно», 1908, № 1). — Местонахождение неизвестно. См. комментарий к предыдущей надписи.

Чуткому другу Лилит
от автора.

Петербург. 1913

На кн.: «Собрание стихотворений. Книга вторая. Нечаянная радость». М., «Мусагет», 1911. На авантитуле. — ГМИЛ. Книга утеряна, сохранился только авантитул и титульный лист.

Адресат этой надписи неизвестен, но не исключено, что книга была подарена Блоком поэту и переводчику В. А. Зоргенфрею (см. о нем выше в настоящей публикации) — автору цикла стихов о Лилит, который мог быть известен Блоку по рукописи (впоследствии вошел в сборник Зоргенфрея «Страстная суббота», П., 1922, с. 33—35).

ДОПОЛНЕНИЕ

В. А. ЗОРГЕНФРЕЮ

Вильгельму Александровичу
Зоргенфрею
с нежным приветом
от автора.

12 VI 1915.

На кн.: «Стихи о России». П., изд. журн. «Отечество», 1915. На первом свободном листе. — ГМИЛ.

УКАЗАТЕЛЬ АДРЕСАТОВ БЛОКА

ПО СБОРНИКАМ И ОТДЕЛЬНЫМ ИЗДАНИЯМ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«Стихи о Прекрасной Даме». М., «Гриф», 1905 (29 окт. 1904)

1904 — А. Л. Блок	4. XII. 1904 — А. А. Кублицкая-Пиоттух
29. X. 1904 — В. Я. Брюсов	27. XII. 1904 — Ф. К. Сологуб
29. X. 1904 — Е. П. Иванов	4. I. 1905 — Е. О. Романовский
29. X. 1904 — С. М. Соловьев	III. 1905 — А. М. Ремизов
2. XI. 1904 — А. А. Кондратьев	5. X. 1905 — О. И. Дымов
2. XI. 1904 — П. П. Перцов	22. IV. 1906 — И. фон Гюнттер
2. XI. 1904 — Л. Д. Семенов	20. III. 1907 — А. Я. Таиров
3. XI. 1904 — С. В. Панченко	IX. 1907 — А. Ф. Мейснер
16. XI. 1904 — С. И. Колпакова	1913 — А. А. Ахматова

«Нечаянная радость». М., «Скорпион», 1907 (дек. 1906)

16. I. 1907 — Л. Д. Блок	I. 1907 — С. В. Панченко
16. I. 1907 — А. А. Кублицкая-Пиоттух	I. 1907 — Ф. К. Сологуб
17. I. 1907 — Вяч. И. Иванов и
Л. Д. Зиновьева-Аннибал	9. II. 1907 — В. П. Веригина
I. 1907 — В. Я. Брюсов	III. 1907 — Л. Д. Семенов
I. 1907 — Е. П. Иванов	IX. 1907 — В. Д. Милиоти
I. 1907 — А. А. Кондратьев	1907 — О. Л. Книппер-Чехова
	1907 — В. Ф. Коммиссаржевская
	1907 — М. А. Кузмин

«Снежная маска». СПб., «Оры», 1907 (8 апр.)

10. IV. 1907 — Л. Д. Блок	IV. 1907 — Ф. К. Сологуб
10. IV. 1907 — М. А. Бекетова	8. V. 1907 — Ан. Н. Чеботаревская
11. IV. 1907 — Е. П. Иванов	VI. 1907 — С. М. Городецкий
12. IV. 1907 — П. П. Потемкин	1907 — И. Н. Бороздин
24. IV. 1907 — М. А. Волошин	7. VIII. 1908 — А. А. Городецкая
24. IV. 1907 — В. Э. Мейерхольд	23. IV. 1914 — В. П. Веригина
IV. 1907 — В. Я. Брюсов	18. III. 1915 — Н. Н. Купрянов
IV. 1907 — А. А. Курсинский	— А. В. Руманов
	— П. Е. Щеголев

«Лирические драмы». СПб., «Шиповник», 1908 (февр.)

28. II. 1908 — Л. Д. Блок	4. III. 1908 — А. Е. Лозинская
29. II. 1908 — В. Я. Брюсов	6. III. 1908 — Вяч. И. Иванов
2. III. 1908 — Е. П. Иванов	6. III. 1908 — Ф. К. Сологуб
2. III. 1908 — Г. И. Чулков	12. IV. 1908 — В. А. Зоргенфрей
3. III. 1908 — А. М. Ремизов	4. V. 1908 — И. фон Гюнттер
3. III. 1908 — К. А. Сомов	2. VI. 1908 — Н. А. Клюев

«Земля в снегу». М., изд. журн. «Золотое руно», 1908 (июль)

IX. 1908 — В. Я. Брюсов	XI. 1908 — Б. К. Зайцев
IX. 1908 — И. фон Гюнттер	XI. 1908 — А. П. Иванов
IX. 1908 — Е. П. Иванов	XI. 1908 — Вяч. И. Иванов
X. 1908 — Ф. К. Сологуб	XI. 1908 — В. Ф. Коммиссаржевская
3. XI. 1908 — Н. Н. Волохова	XI. 1908 — Ф. Ф. Фидлер

7.XII.1908 — Н. Д. Санжарь
 XI.1908 — Л. Н. Андреев

21.XII.1909 — В. В. Есипов
 15.IV.1912 — Н. Н. Д-ская

Ф. Грильпарцер. «Праматырь» (пер. с нем. и предисл. Блока). СПб., «Пантеон», 1908 (ноябрь)

3.XII.1908 — А. А. Кублицкая-Пиоттух
 24.XII.1908 — Г. И. Чулков

25.XII.1908 — С. М. Городецкий
 I.1909 — Ф. Ф. Коммиссаржевский

«Собрание стихотворений», кн. I. М., «Мусагет», 1911 (2 мая)

2.V.1911 — Л. Д. Блок
 2.V.1911 — А. А. Кублицкая-Пиоттух
 3.V.1911 — М. А. Бекетова
 3.V.1911 — С. И. Колпакова
 10.V.1911 — Е. П. Иванов
 V.1911 — Е. П. Безобразова
 V.1911 — А. Белый
 V.1911 — В. Я. Брюсов
 V.1911 — С. А. Венгероv
 V.1911 — Ю. Н. Верховский
 V.1911 — З. Н. Гиппиус
 V.1911 — И. фон Гюнтер
 V.1911 — А. П. Иванов
 V.1911 — Вяч. И. Иванов
 V.1911 — В. Н. Княжнин
 V.1911 — Д. В. Кузьмин-Караваев
 V.1911 — С. В. Панченко

V.1911 — В. А. Пяст
 V.1911 — С. М. Соловьев
 V.1911 — Ф. К. Сологуб
 V.1911 — Д. В. Философов
 V.1911 — Г. И. Чулков
 1911 — К. Д. Бальмонт
 1911 — Д. С. Мережковский
 1911 — Э. К. Метнер
 IV.1912 — Вас. В. Гиппиус (3 кн.)
 14.XI.1912 — Н. П. Ге (3 кн.)
 I.1913 — М. Ф. Гнесин
 I.1913 — Б. П. Гущин
 26.III.1913 — В. Н. Соловьев
 26.III.1914 — Л. А. Дельмас (3 кн.)
 III.1914 — Б. М. Кустодиев (3 кн.)
 1918 — К. С. Лабутин

«Ночные часы». М., «Мусагет», 1911 (29 окт.)

29.X.1911 — Л. Д. Блок
 X.1911 — М. П. Иванова
 4.XI.1911 — А. В. Гиппиус
 6.XI.1911 — И. фон Гюнтер
 7.XI.1911 — А. М. Ремизов
 8.XI.1911 — Е. П. Иванов
 XI.1911 — М. А. Бекетова
 XI.1911 — А. Белый
 XI.1911 — В. Я. Брюсов
 XI.1911 — С. М. Городецкий
 XI.1911 — О. И. Дымов
 XI.1911 — А. П. Иванов
 XI.1911 — Вяч. Иванов
 XI.1911 — А. М. Кожебаткин

XI.1911 — Д. В. Кузьмин-Караваев
 XI.1911 — Э. К. Метнер
 [27].XI.1911 — С. В. Панченко
 XI.1911 — Ф. К. Сологуб
 XI.1911 — К. А. Соколов
 XI.1911 — А. Н. Толстой
 XI.1911 — Г. И. Чулков
 25.I.1912 — С. А. Кублицкая-Пиоттух
 III.1912 — В. П. Веригина
 1913 — А. А. Ахматова
 1914 — Л. А. Дельмас
 III.1914 — Б. М. Кустодиев
 IX.1914 — И. А. Белоусов
 28.XI.1914 — Н. А. Нолле

«Собрание стихотворений», кн. 2. М., «Мусагет», 1912 (18 дек. 1911)

18.XII.1911 — Л. Д. Блок
 18.XII.1911 — А. А. Кублицкая-Пиоттух
 5.I.1912 — А. П. Иванов
 I.1912 — М. А. Бекетова
 I.1912 — Ю. Н. Верховский
 I.1912 — Е. П. Иванов
 IV.1912 — И. фон Гюнтер
 IV.1912 — Вас. В. Гиппиус (см. кн. 1)
 IV.1912 — С. А. Венгероv
 1912 — Е. В. Аничков
 1912 — Е. П. Безобразова
 1912 — В. Я. Брюсов
 1912 — З. Н. Гиппиус

1912 — Д. В. Кузьмин-Караваев
 1912 — Ф. К. Сологуб
 1912 — Д. В. Философов
 1912 — Г. И. Чулков
 14.XI.1912 — Н. П. Ге (см. кн. 1)
 27.XI.1912 — И. А. Рязановский
 1913 — А. А. Ахматова
 1913 — В. А. Зоргенфрей (?)
 26.III.1914 — Л. А. Дельмас (см. кн. 1)
 III.1914 — Б. М. Кустодиев (см. кн. 1)
 — И. Д. Менделеев
 — А. В. Руманов

«Собрание стихотворений», кн. 3. М., «Мусaget», 1912 (24 марта)

24.III.1912 — М. А. Бекетова	IV.1912 — В. Э. Мейерхольд
24.III.1912 — Л. Д. Блок	IV.1912 — Ф. Сологуб
24.III.1912 — А. А. Кублицкая-Пиоттух	IV.1912 — Г. И. Чулков
III.1912 — В. Я. Брюсов	IV.1912 — Вас. В. Гиппиус (см. кн. 1)
IV.1912 — С. А. Венгеров	14.XI.1912 — Н. П. Ге (см. кн. 1)
IV.1912 — И. фон Гюнттер	XI.1913 — Р. В. Иванов-Разумник
IV.1912 — А. П. Иванов	16.XII.1913 — А. А. Ахматова
IV.1912 — Вяч. И. Иванов	26.III.1914 — Л. А. Дельмас (см. кн. 1)
IV.1912 — Е. П. Иванов	III.1914 — Б. М. Кустодиев (см. кн. 1)
IV.1912 — С. П. Каблуков	9.III.1915 — С. А. Есенин (3-я кн.)

«Сказки». Стихи для детей. М., изд. И. Д. Сытина, 1913 (24 дек. 1912). «Круглый год». Стихотворения для детей. М., изд. И. Д. Сытина, 1913 (24 дек. 1912)

24.XII.1912 — Л. Д. Блок («Круглый год»)	1.I.1913 — А. А. Сабуров («Круглый год»)
24.XII.1912 — Л. Д. Блок («Сказки»)	1.I.1913 — А. А. Сабуров («Сказки»)
	— Л. П. Иванов («Сказки»)

Оттиск «Роза и Крест» — альм. «Сирин», 1, 1913 (авг.)

I.1914 — А. А. Кублицкая-Пиоттух	I.1914 — М. И. Терещенко
I.1914 — Ю. Н. Верховский	V.1915 — Л. А. Дельмас
I.1919 — А. Г. Ларош	

Оттиск цикла стихотворений «О чем поет ветер» («Русская мысль», 1915, № 2)

6.IV.1915 — В. Пяст

«Стихи о России». П., изд. журн. «Отечество», 1915 (27 мая)

27.V.1915 — Л. Д. Блок	7.XII.1915 — Р. В. Иванов-Разумник
27.V.1915 — А. А. Кублицкая-Пиоттух	XII.1915 — Ю. Н. Верховский
28.V.1915 — В. Н. Квяжнин	XII.1915 — П. С. Соловьевой
28.V.1915 — Г. И. Чулков	21.XII.1915 — Н. Н. Купреянов
V.1915 — Л. А. Дельмас	1915 — Ал. Н. Чеботаревская
V.1915 — Н. П. Киселев	II.1916 — Н. С. Апукин
12.VI.1915 — В. А. Зоргенфрей	(Пасха) 1916 — С. А. Кублицкая-Пиоттух
3.X.1915 — Ф. Сологуб	1917 — Н. К. Муравьев
X.1915 — Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттух	III.1920 — С. К. Лабутин
XI.1915 — З. Н. Гиппиус	

Г. Флюбер «Переписка», т. 8, ч. 1 (под ред. и с предисл. Блока). СПб., «Шиповник», 1915 (24 окт.)

X.1915 — Н. В. Дризен
1.XII.1915 — Ал. Н. Чеботаревская

«Стихотворения Аполлона Григорьева» (собр. и примеч. снабдил Блок). М., изд. К. Ф. Некрасова, 1916 (7 дек. 1915)

15.XII.1915 — Л. Д. Блок	XII.1915 — Б. П. Гущин
15.XII.1915 — Л. А. Дельмас	XII.1915 — Г. И. Чулков
25.XII.1915 — В. Н. Квяжнин	I.1916 — М. А. Бихтер
XII.1915 — З. Н. Гиппиус	IV.1918 — С. Ф. Ольденбург
	VIII.1919 — А. М. Горький

«Театр». М., «Мусaget», 1916 (26 апр.)

V.1916 — Л. С. Ильашенко	IV.1917 — Л. Я. Гуревич
10.VI.1916 — А. А. Кублицкая-Пиоттух	3.IX.1917 — М. В. Бабенчиков
11.VI.1916 — Л. А. Дельмас	20.I.1918 — К. С. Лабутин
VI.1916 — Р. В. Иванов-Разумник	I.1919 — П. О. Морозов
VI.1916 — К. С. Станиславский	VII.1919 — А. И. Гришин

VII.1916 — Г. И. Чулков
 XI.1916 — Л. И. Катонин
 1916 — О. В. Гзовская

1916 — В. И. Качалов
 VII.1919 — А. Н. Лаврентьев
 X.1919 — Н. Ф. Монахов

«Стихотворения», кн. 1. М., «Мусaget», 1916 (апр.)

VI.1916 — О. В. Гзовская	VI.1916 — Ал. Н. Чеботаревская
VI.1916 — Е. П. Иванов	VII.1916 — Г. И. Чулков
VI.1916 — Р. В. Иванов-Разумник	20.I.1918 — К. С. Лабутин
VI.1916 — В. И. Качалов	VIII.1920 — Н. А. Павлович

«Стихотворения», кн. 2. М. «Мусaget», 1916 (июнь)

20.I.1918 — К. С. Лабутин	1919 — С. М. Алянский (2-я кн.?)
VIII.1919 — С. Ю. Копельман	Р. В. Иванов-Разумник

«Стихотворения», кн. 3. М., «Мусaget», 1916 (июль)

IV.1917 — Л. Я. Гуревич	VIII.1919 — А. М. Горький
IV.1917 — Р. В. Иванов-Разумник	VIII.1919 — Ю. А. Шапорин
X.1917 — А. И. Егоров	X.1919 — Н. Ф. Монахов
XI.1917 — Н. К. Муравьев	1919 — Н. И. Комаровская
20.I.1918 — К. С. Лабутин	II.1920 — Л. А. Трейден
I.1919 — Ж. А. Свириденко	III.1920 — Т. И. Березной
III.1919 — Н. С. Гумилев	VIII.1920 — Н. А. Павлович
VI.1919 — В. Е. Аренс	

Оттиск пролога и I главы поэмы «Возмездие» («Русская мысль», 1917, № 1).

V.1920 — Н. А. Нолле

«Двенадцать. Скифы». СПб., «Революционный социализм», 1918 (3 июня)

1.VI.1918 — З. Н. Гишницус
 1918 — Р. В. Иванов-Разумник
 [29.VI].1918 — В. Н. Соловьев

«Соловьиный сад». Пб., «Алконост», 1918 (6 июля)

VII.1918 — С. М. Алянский	VIII.1918 — З. С. Давыдов
VII.1918 — Вяч. И. Иванов	VIII.1918 — Р. В. Иванов-Разумник
VII.1918 — В. Э. Мейерхольд	VIII.1918 — Н. А. Нолле
VII.1918 — В. Н. Соловьев	VIII.1918 — П. М. Пильский
19.VII.1918 — В. Н. Кляжнин	II.1919 — Е. А. Тишинская
8.VIII.1918 — Л. А. Дельмас	17.V.1920 — И. Н. Розанов
VIII.1918 — З. А. Венгерова	

«Театр». СПб., «Земля», 1918 (12 авг.)

VIII.1918 — Р. В. Иванов-Разумник	V.1919 — З. И. Гржебин
V.1919 — С. М. Алянский	9.V.1920 — Н. А. Нолле

«Стихотворения», кн. 1. Пб., «Земля», 1918 (18 сент.)

IV.1919 — Р. В. Иванов-Разумник	V.1919 — Н. А. Нолле
V.1919 — Н. С. Гумилев	1919 — С. М. Алянский

«Двенадцать». Изд. 2-е. Пб., «Алконост», 1918 (27 ноября)

13.XII.1918 — В. Н. Соловьев	I.1919 — им. Н. А. Нолле
18.XII.1918 — ? К. А. Сюннерберг	1.III.1919 — им. Р. В. Иванов-Разумник
XII.1918 — № 65 А. М. Бродский	1.III.1919 — № 69 П. О. Морозов
XII.1918 — № 56 Н. С. Гумилев	1.III.1919 — № 68 Н. Э. Радлов
I.1919 — № 63 Л. А. Дельмас	V.1919 — № 62 К. И. Чуковский
I.1919 — № 33 Е. Ф. Книпович	20.VII.1920 — № 50 С. М. Городецкий
	1921 — № 82 Н. А. Павлович

«Двенадцать». Изд. 3-е. Пб., «Алконост», 1918 (декабрь ? 1918)

I.1919 — Н. О. Лернер

V.1919 — Е. П. Иванов

«Катилина», Пб., «Алконост», 1919 (февр.)

II.1919 — Л. А. Дельмас

II.1919 — Е. Ф. Книпович

II.1919 — В. Э. Мейерхольд

1.III.1919 — П. О. Морозов

IV.1919 — Р. В. Иванов-Разумник

V.1919 — З. Н. Гишпиус

V.1919 — Е. П. Иванов

V.1919 — Н. О. Лернер

V.1919 — К. И. Чуковский

VIII.1919 — А. Г. Горнфельд

VIII.1919 — С. Я. Штрайх

«Стихотворения», кн. 2, Пб., «Земля», 1919 (17 апр.)

V.1919 — В. В. Максимов

«Песня Судьбы». Пб., «Алконост», 1919 (10 июня)

7.VII.1919 — Е. Ф. Книпович

20.VII.1919 — Л. А. Дельмас

25.VII.1919 — С. М. Алянский

VIII.1919 — А. Г. Горнфельд

VIII.1919 — Н. О. Лернер

VIII.1919 — Н. С. Гумилев

7.IX.1919 — В. Я. Степанов

IX.1919 — Н. А. Нолле

X.1919 — Р. В. Иванов Разумник

«Россия и интеллигенция». Пб., «Алконост», 1919 (10 июля)

1918(?) — Р. В. Иванов-Разумник

VII.1919 — С. М. Алянский

VII.1919 — Л. А. Дельмас

VII.1919 — Е. Ф. Книпович

VIII.1919 — А. М. Горький

VIII.1920 — А. И. Тивяков

«Ямбы». Пб., «Алконост», 1919 (авг.)

7.VIII.1919 — Л. А. Дельмас

7.VIII.1919 — Е. Ф. Книпович

VIII.1919 — Н. С. Гумилев

IX.1919 — Н. А. Нолле

«За гранью прошлых дней». Пб., изд. 3. И. Гржебина, 1920 (24 авг.)

24.VIII.1920 — Л. Д. Блок

VIII.1920 — Е. Ф. Книпович

VIII.1920 — Н. А. Павлович

31.VIII.1920 — С. М. Алянский

IX.1920 — Н. С. Гумилев

IX.1920 — П. С. Сухотин

IX.1920 — К. И. Чуковский

XII.1920 — Ю. Н. Верховский

1920 — Н. А. Нолле

«Седое утро». Пб., «Алконост», 1920 (23 окт.)

23.X.1920 — С. М. Алянский

23.X.1920 — М. И. Бенкендорф

23.X.1920 — Л. А. Дельмас

X.1920 — М. А. Бекетова

X.1920 — Н. А. Клюев

X.1920 — Е. Ф. Книпович

X.1920 — Н. А. Нолле

X.1920 — Н. А. Павлович

X.1920 — В. А. Фейдер

3.XI.1920 — Н. С. Гумилев

3.XI.1920 — К. И. Чуковский

8.XI.1920 — В. А. Рождественский

24.XI.1920 — Р. В. Иванов-Разумник

22.XII.1920 — Ю. Н. Верховскому

XII.1920 — Н. О. Лернер

28.IV.1921 — Т. И. Бережной

П Р И Л О Ж Е Н И Е

СПИСОК НЕВЫЯВЛЕННЫХ ДАРСТВЕННЫХ НАДПИСЕЙ БЛОКА *

Блок, как известно, относился к своему архиву с высокой степенью ответственности, что и определило его полноту и сохранность, в частности, сохранность писем, адресованных поэту. На этих письмах рукой поэта проставлены фамилии корреспондентов, даты получения и ответа, а нередко и пометы с сообщением о посланных книгах или фотографиях. Благодаря образцовой упорядоченности блоковской корреспонденции нами составлен приводимый ниже список адресатов, получивших книги или фотографии с дарственными надписями Блока, которые до сих пор не удается выявить. Общее количество их по самым приблизительным подсчетам может определяться цифрой значительной — свыше 1000 инскриптов. Даже постоянному кругу лиц, надписи которым сохранились и публикуются, книг было подарено, как выясняется, несравненно больше, чем удалось найти.

Список необнаруженных книг и фотографий с надписями Блока составлялся: по письмам корреспондентов поэта, содержащим благодарность за уже полученную книгу, или просьбу о ее присылке (как правило, Блок всегда откликался на такие просьбы); по письмам самого Блока, его дневникам и записным книжкам, где упоминаются дарения; по имеющимся сведениям об инскриптах Блока в мемуарах, статьях, письмах и дневниках современников. При составлении списка мы пользовались изданием «Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог». Вып. 1, 2. М., 1975—1979, однако в аннотациях к письмам не всегда фиксировались просьбы о книгах и благодарности за них. Составленный перечень не претендует на исчерпывающую полноту, так как основан только на документальных материалах и достоверных свидетельствах, его можно было бы значительно расширить за счет косвенных данных, предположений или догадок.

В некоторых случаях, когда известно, что книга (или фотография) с автографом сохранилась, а текст надписи по тем или иным причинам получить не удалось, то сведения о них также включены в публикуемый список.

Источники сведений о дарственных надписях указываются следующим образом: письмо с благодарностью, например — «ответ от 18 апреля 1907»; письмо с просьбой о книге или фотографии, например — «просьба от 19 февраля 1913». Ссылки на другие источники даны полностью.

Аленевой К. А. «Седое утро» — сообщено адресатом.

Андрееву Л. Н. Книги — VI, 135.

Аничкову Е. В. Оттиск «Роза и Крест», 13 марта 1914 — ЗК, 216.

Анненскому И. Ф. «Снежная маска», ответ от 18 апреля 1907.

Бабенчикову М. В. «Стихотворения Аполлона Григорьева». — Воспоминания М. В. Бабенчикова (ЦГАЛИ. ф. 2094, оп. 1, ед. хр. 4, л. 79).

Бекетовой М. А. «Стихи о России» — письмо Блока от 29 мая 1915.

Белому А. «Стихи о Прекрасной Даме», ответ от 14 ноября 1904; «Нечаянная радость», ответ от 5 марта 1907; «Лирические драмы», ответ от 5 марта 1908; «Земля в снегу», ответ от 19 января 1911; Е. Спекторский. «Александр Львович Блок, государствовед и философ», ответ от 18 января 1912; «Собрание стихотворений», кн. 2, ответ от 18 января 1912; Четырехтомник: «Стихотворения» и «Театр», письмо от 27 апреля 1917; «Двенадцать. Скифы», ответ от 10 августа 1918; «Соловьиный сад», ответ от 10 августа 1918; «Катилина», ответ от 12 марта 1919 — «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 112, 187, 227, 247, 283, 333, 336, 340.

Блоку А. Л. «Земля в снегу» — письмо Блока от 24 мая 1908.

Блок Л. Д., драмы В. Гюго, 29 декабря 1911 — VII.113.

Брихничеву И. П. Книга, ответ от 2 января 1912.

Бухаровой З. Д. «Двенадцать», 11 февраля 1919 — ЗК, 449.

Быкову П. В. Книга, 14 марта 1919 — ЗК, 452.

Вавулиной Е. Н. Фотография, просьба от 19 февраля 1913.

Вальтеру Р. Р. «Стихи о Прекрасной Даме», ответ от 1 марта 1907.

Василевскому Л. М. Книга, ответ от 10 января 1910.

* Сюда входят и надписи, нам не доступные, находящиеся в частном хранении.

- Васильеву-Черникову Ф. Г. Книга, просьба от 25 марта 1912.
- Венгерову С. А. «Земля в снегу», ответ от 23 ноября 1908; Ф. Грильпарцер. «Праматырь», оттиск «Солнце над Россией» — ж. «Золотое руно», 1908, № 7-9, ответ от 6 декабря 1908; «Стихи о России», 26 июня 1916 — ЗК, 264.
- Венгеровой З. А. «Двенадцать. Скифы», ответ от 25 июня 1918 — ЗК, 414.
- Веригиной В. П. «Балаганчик» (альм. «Факелы»), весна 1906; фотография, ответ от 4 мая 1907; «Снежная маска», ответ от 4 мая 1907.
- Верховскому Ю. Н. «Ночные часы», ответ от 10 ноября и 11 декабря 1911; «Собрание стихотворений» (?), ответ от 10 июня 1912.
- Волковвысскому Н. М. «Ямбы», «За гранью прошлых дней», 15 октября 1920 — ЗК, 505.
- Волоховой Н. Н. Книги, фотографии. — «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 104, 1961, с. 346.
- Вольскому Б. Фотография, ответ от 26 ноября 1908.
- Вольф-Израэль Е. М. Книга, 19 января 1921 — VII, 398.
- Гайдарову В. Г., «Двенадцать». — Г а й д а р о в В. В театре и в кино. Л.—М., 1966, с. 73
- Ганзен А. В. «Катилина», 26 декабря 1919 — ЗК, 484.
- Ге Н. П. Книга (?), письмо б. д. — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 210, л. 4.
- Гиацнтовой С. В. Три книги — Г р о м о в В. Софья Гиацнтова. М., 1976, с. 12.
- Гиппиусу А. В. «Собрание стихотворений», кн. 1, ответ от 6 июня 1911; книги, просьба от 3 мая 1919.
- Гиппиусу Вас. В. «Собрание стихотворений», кн. 2 и 3, ответ от 19 апреля 1912 — ИРЛИ.
- Гиппиус З. Н. «Ночные часы», собрание М. С. Лесмана (Ленинград); альм. «Сирин», 1, СПб., 1913 — письмо Д. В. Философова от 4 апреля 1914.
- Гиппиус Т. Н. Книги, ответ от 10 мая 1912.
- Голлербаху Э. Ф. «Ямбы», письмо Блока от 7 октября 1920 — «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 119, 1962, с. 396.
- Голубеву А. А. Книги — по свидетельству внучки, Н. В. Казимировой.
- Городецкому С. М. «Стихи о Прекрасной Даме» — «Печать и революция», 1922, № 1; «Собрание стихотворений», кн. 1, от 14 мая 1911; «Собрание стихотворений» кн. 3. — 11 апреля 1912 — «Письма к родным», II, с. 195.
- Гофману М. Л. «Незнакомка» (журн. «Весы»), просьба от 18 мая 1907.
- Гришину А. И. «Песня Судьбы» — собрание М. С. Лесмана (Л-д).
- Греку В. В. Книги, ответ от 6 апреля 1905.
- Гроберу Л. М. Книга, ответ от 2 июня 1915.
- Грушко Н. В. «Седое утро», 11 января 1921 — VII, 396.
- Гумилеву Н. С. «Песня Судьбы» (было подарено два экземпляра, так как один из них оказался испорченным), 26 мая или 29 августа 1919 — ЗК, 472, 473; «Россия и интеллигенция», 26 августа 1919 — ЗК, 472.
- Гюнтеру И. Книги и фотографии; из них: фотография, просьба от 5 сентября 1905; альманах «Факелы», 1906, вып. 1; «Снежная маска», ответ от 21 апреля 1907.
- Дельмас Л. А. «Собрание стихотворений», кн. I—III. 1911—1912, 26 марта 1914 — ЗК, 412.
- Дерману А. Б. «Катилина» — сообщено Е. С. Шальманом.
- Добужинскому М. В. Книги — ЗК, 461.
- Долгову Н. Н. Книги — ЗК, 422.
- Долинову А. И. Оттиск «Роза и Крест», 14 июня 1918 — ЗК, 412.
- Жуковскому Д. Е. «Собрание стихотворений», (кн. 1—3), 1911—1912; «Ночные часы», просьба от 13 ноября 1913.
- Зайцевой В. А. Книги, ответ от 7 октября 1913.
- Зарудному С. М. Книга, ответ от 18 апреля 1912.
- Зверевой З. В. Книги, ответ от 14 октября 1913.
- Зноско-Боровскому Е. А. «Ночные часы», конец 1911. См. «Записки наблюдателя». Прага, 1924, кн. 1, с. 126.

Зоргефрею В. А. «Нечаянная радость», ответ от 16 февраля 1907; «Снежная маска», ответ от 3 мая 1907; фотография, ответ от 26 апреля 1908; «Стихотворения», кн. III, просьба от 9 апреля 1917; «Двенадцать» — «Записки мечтателей», 1922, № 6, с. 143; «За гранью прошлых дней», 28 сентября 1920, ЗК, 503 — собрание М. С. Лесмана (Л-д).

Иванову Г. В. Книга, 5 марта 1911; книги — «Сегодня», Рига, 1929, № 277, 6 октября.

Иванову Е. П. «Стихотворения», кн. 3, ответ от 22 января 1916.

Ивановым Е. П. и А. Ф. «Театр». 1916 — собрание М. С. Лесмана (Л-д).

Идельсону Н. И. «Стихи о России» — собрание М. С. Лесмана (Л-д).

Измалковой В. П. «За гранью прошлых дней», 11 января 1921—VII, 396.

Имвайшвили А. И. Книги, 15 июля 1918 — ЗК, 416; «Двенадцать», 11 февраля 1919 — ЗК, 449.

Каплун С. Г. Книги, 26 апреля 1920 — ЗК, 491.

Карелиной С. Г. «Ночные часы» (?), ответ от 18 декабря 1911.

Карпову П. И. Книга (?), упоминание от 15 июня 1912 г. в письме к С. П. Каблукову (ГПБ, ф. 124, ед. хр. 165, л. 5 об).

Касьянову С. Д. Книга, фотография, просьба от 29 декабря 1907.

Клюеву Н. А. Книга, ответ от 3 июля 1908; «Земля в снегу», ответ от 30 сентября 1908; книги, ответ от 12 марта 1909; книга, ответ от 14 марта 1910; «Ночные часы», ответ от 30 ноября 1911; «Собрание стихотворений», кн. 1, 2, 3, апрель — май 1912.

Книппер-Чеховой О. Л. — Ф. Г р и л ь п а р ц е р. «Праматерь», 5 мая 1916 — ЗК, 298.

Княжичу В. Н. «Собрание стихотворений», кн. 1. 14—15 мая 1911 — ЗК, 305.

Кожебаткину А. М. «Собрание стихотворений», кн. 1, письмо Блока от 11 мая 1911.

Кондратьеву А. А. «Снежная маска», ответ от апреля 1907 (см. в наст. книге публ. «Блок в неизданной переписке и дневниках современников»); «Лирические драмы», ответ от 6 марта 1908; «Ночные часы», ответ от 15 ноября 1911; «Собрание стихотворений», кн. 2—3, ответ от 18 апреля 1912.

Кондратьеву А. В. «Земля в снегу», ответ от 7 октября 1908; книги, просьба от 9 декабря 1908.

Кондратьевой В. П. «Земля в снегу», просьба, сентябрь—декабрь 1908.

Корехину В. И. «Земля в снегу», ответ от 23 декабря 1908.

Костецкому Е. Н. Книга, просьба от 24 декабря 1915.

Кролю Г. А. Книга, просьба от 28 мая 1921.

Крючкову Д. А. «Стихотворения Аполлона Григорьева», ответ от 22 декабря 1915.

Кублицкой-Пиотух А. А. З. Н. Гиппиус «Собрание стихов», кн. 2, 1910 — письмо Блока от 21 апреля 1910.

Кублицкой-Пиотух С. А. «Наш путь», 1918, № 1, ответ от 16 июля 1918.

Кузмину М. А. «Снежная маска», запись от 12 апреля 1907 в дневнике М. Кузмина: «Земля в снегу», ответ от 14 ноября 1908: отгиск «Письмо о поэзии» («Золотое руно», 1908, № 10), ответ от 14 ноября 1908: «Ночные часы», 1911 — см. в наст. книге публ. «Блок в неизданной переписке и дневниках современников».

Куликову С. Н. «Снежная маска», ответ от 30 сентября 1909.

Кустодиеву Б. М. Книги, 8 марта 1914 — ЗК, 215; альб. «Сирин», № 3, две детских книги, 23 марта 1914 — ЗК, 218; «Снежная маска», 29 марта 1914 — ЗК, 221.

Кустодиевой Ю. Е. Книги — «Борис Михайлович Кустодиев». Л., 1967, с. 301.

Лаврентьеву А. Н. «Песня Судьбы» — см. комментариев к надписи А. Н. Лаврентьеву.

Лансере Е. Е. Книга, ответ от 13 ноября 1908.

Левинсону А. Я. «Седое утро», 7 декабря 1920 — ЗК, 509.

Лужскому В. В. «Театр», ответ от 8 июня 1916.

Лундбергу Е. Г. Книги, 8 марта 1914 — ЗК, 215.

Манасеиной Н. И. Книга. б. д.

Меерзон Ц. С. (Ц. Морской). Книги, 9 апреля — ЗК, 399.

Мейерхольду В. Э. «Собрание стихотворений», кн. 1, ответ от 16 мая 1911 (у Мейерхольда описка в дате); «Ночные часы», ответ от 20 ноября 1911; «Балаганчик», ответ от 12 февраля 1914; «Роза и Крест», ответ от 15 января 1914.

- Мережковскому Д. С. Альм. «Сирин», 1. СПб., 1913, ответ от 4 апреля 1914 в письме Д. В. Философова.
- Мичурину Г. М. «Театр» — Г. М и ч у р и н. «Горячие дни актерской жизни». Л., 1972, с. 87.
- Моисееву Л. А. «Снежная маска», просьба от 30 апреля 1907 — собрание Е. А. Воронцова (Ялта).
- Мунт Е. М. Книги — по свидетельству внучки, Н. В. Казимировой.
- Налепинскому Т. «Лирические драмы», ответ от 2 апреля 1908.
- Недоброе Н. В. «Ночные часы», ответ от 22 ноября 1911.
- Немировичу-Данченко В. И. «Двенадцать», 11 февраля 1919 — ЗК, 414.
- Нолле-Коган Н. А. Фотография — просьба, март—апрель 1914; А. А х м а т о в а. «Белая стая», ответ от 5 июля 1918; «Катилина», ответ от 30 марта 1919 — см. в наст. томе, кн. 2, публ. «Переписка Блока с Н. А. Нолле-Коган».
- Ольденбургу С. Ф. «Двенадцать», ответ от 22 марта 1919; книги, 7 сентября 1920 — ЗК, 500.
- Оцупу Н. А. «За гранью прошлых дней», 21 сентября 1920 — ЗК, 502.
- Панченко С. В. Книги, ответ от 27 апреля 1912.
- Перцову П. П. «Нечаянная радость» и «Снежная маска», ответ от 17 октября 1907; «Земля в снегу», ответ от 21 ноября 1908.
- Петрову М. П. «Двенадцать», 19 сентября 1919 — ЗК, 475.
- Петровской Н. И. Фотография, ответ от 21 октября 1907.
- Пиотровскому А. И. Книга, 27 января 1921 — VII, 401.
- Пояркову Н. Е. «Снежная маска», ответ от 2 апреля 1907; фотография от 11 мая 1907; «Лирические драмы», ответ после 29 февраля 1908.
- Пясту В. А. «Стихотворения Аполлона Григорьева» — собрание М. С. Лесмана (Л-д).
- Раkitину Ю. Л. Книги, просьба от 19 октября 1906.
- Редко А. М. (?) Книга — собрание Л. Арагона (Париж). Сообщено Н. И. Харджиевым.
- Ремизову А. М. Фотография, просьба от 3 октября 1908; «Земля в снегу», письмо Блока от 31 октября 1908 — VIII.257; «Собрание стихотворений», кн. 2, 3, письмо Блока от 3 марта 1912.
- Рео Луи «Ночные часы», ответ от ноября-декабря 1911.
- Рождественскому В. А. «За гранью прошлых дней», 28 сентября 1920 — ЗК, 503.
- Розенфельду Л. Б. Книги, упоминание от 7 марта 1915 в письме Блока А. Н. Чеботаревской.
- Ройзману М. Д. Репродукция портрета Блока раб. К. А. Сомова — М. Р о й з м а н. Все, что я помню о Есенине. М., 1973, с. 209.
- Ростиславову А. А. Книга, ответ от 18 мая 1911.
- Рудомазинной Е. Н. Фотография, просьба от 15 июня 1920.
- Руманову А. В. Детские книги, январь 1913 — VII, 203.
- Русову Н. Н. Книги, ответ от 25 сентября 1907.
- Сабашникову М. В. Фотография, ответ от 6 января 1919.
- Садовой А. Я. Книга, 5 мая 1920 — ЗК, 492.
- Садовскому Б. А. «Собрание стихотворений», кн. 1, ответ от 2 июня, 1911; «Ночные часы», ответ от 9 ноября 1911; фотография, ответ от 27 января 1914.
- Самойло В. И. «Нечаянная радость», просьба, сентябрь 1909.
- Свиридовой С. А. Книга, ответ от конца апреля 1921.
- Северянину И. «Ночные часы», 1911, или 1912 — «Эхо», Ковно, 1921, № 202.
- Сегаль Л. М. «Театр», ответ от 4 июня 1916; фотография, просьба от 12 мая 1920 г.
- Сергееву-Ценскому. Книга хранится в Музее С. Н. Сергеева-Ценского (г. Алушта).
- Сизову М. И. «Собрание стихотворений», кн. 1, ответ от 12 июня 1911.
- Скалдину А. Д. Книга, ответ от 11 июля 1911.
- Скворцовой Н. Н. «Ночные часы», 8 ноября 1911 — VII, 84.
- Соловьевой Е. Г. «Собрание стихотворений», кн. 3, ответ от 5 мая 1912.
- Соловьевой П. С. (Allegro) «Собрание стихотворений», кн. 3, 1916 (?). Собрание М. С. Лесмана (Л-д).

- Сологубу Ф. К. «Ночные часы». ноябрь 1911.
- Сомову К. А. «Земля в снегу», ответ от 12 ноября 1908; книга, ответ б. д.
- Станиславскому К. С. «Двенадцать», ответ от 11 февраля 1919 — ЗК, 449.
- Степанову В. Я. «Соловьиный сад», от 30 июля 1918 — ЗК, 418; «Песня Судьбы» и «Двенадцать», ответ от 21 августа 1919.
- Сумарокову А. Д. Книга, просьба от 16 мая 1918.
- Сутугиной В. А. «За гранью прошлых дней» — собрание М. С. Лесмана (Л-д).
- Сухотину П. С. «Ямбы», просьба от 26 июля 1920. «За гранью прошлых дней».
- Сюнвербергу К. А. «Собрание стихотворений», кн. 2, 3, ответ от 3 июля 1912; «Соловьиный сад», 30 июля 1918, ЗК, 418 — собрание М. С. Лесмана (Л-д).
- Терещенко М. И. «Стихотворения Аполлона Григорьева», от 18 мая 1917 — ЗК, 333.
- Тинякову А. И. «Седое утро», просьба от 26 апреля 1921; «За гранью прошлых дней», воспоминания Тинякова — «Последние новости», П., 1923, № 33, 6 августа.
- Толмачеву А. А. «Театр», 4 июня 1916 — «Письма к родным», II, с. 290.
- Тырковой А. В. Книги, 29 января 1914 — ЗК, 204.
- Фидлеру Ф. Ф. Две книги и фотография, ответ от 15 марта 1908; «Стихи о Прекрасной Даме», «Нечаянная радость»; Ф. Грильпарцер. «Праматерь», просьба от 15 марта 1908; «Собрание стихотворений», кн. 1, 2, 3, 1912.— См. наст. кн., публ. «Иа «Дневника» Фидлера».
- Фидровской В. Ф. Книги, просьба от 5 марта 1907 — «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 187.
- Философову Д. В. Альб. «Сирия», СПб, 1913, ответ от 4 апреля 1914.
- Чеховичу Г. В. Фотография, просьба б. д.
- Чуковскому К. И. «Стихи о Прекрасной Даме», просьба от 4 октября 1907; «Ночные часы», 2 февраля 1914 — ЗК, 205.
- Чулковой Н. Г. «Снежная маска», 11 апреля 1907 — «Письма А. Блока», с. 138.
- Шевелеву И. С. Фотография, просьба от 29 апреля 1912.
- Ширяевцу А. В. «Стихи о России», просьба от 1 июня 1915.
- Штейну С. В. Фотография, ответ от 5 ноября 1908.
- Щеголеву П. Е. Книги, ответ от 8 октября 1920 — ЗК, 504; «Собрание стихотворений», кн. 1 и «За гранью прошлых дней» — собрание М. С. Лесмана (Л-д).
- Щеголевой В. А. Книга, ответ от 15 декабря 1911.
- Юркину П. Книга, просьба от 15 марта 1916.
- Юрьеву Ю. М. «Театр», 22 мая 1919 — ЗК, 504.
- Ясинскому И. И. «Ночные часы» и фотография, ответ от 7 ноября 1911.
- Членам бюро ТЕО Наркомпроса. «Соловьиный сад», 30 июля 1918 — ЗК, 418.
- Средневолжскому союзу потребительских обществ, «Двенадцать», 6 экземпляров, просьба В. Я. Степанова от 21 августа 1919.